ЗАБЫТЫЕ АРМИИ
ЗАБЫТЫЕ КОМАНДАРМЫ

ОСТАНОВИТЬ ГУДЕРИАНА

50-я армия в сражениях за Тулу и Калугу

1941—1942

Командующий
50-й армией
генерал-лейтенант
(1940)
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ
БОЛДИН

Сергей Михеенков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Армия, разбитая, разметанная по брянским лесам и калужским полям мощными ударами танковых дивизий Гудериана, в считаные дни буквально воскресла из небытия и остановила танковый клин, который, казалось, уже невозможно было остановить в его движении на Москву. Южное крыло «Тайфуна» было обрублено под Тулой и Калугой. 50-я армия Брянского, а затем Западного фронта потеряла своего командующего – героя Испании генерала Петрова. Но ее возглавил другой генерал. Железной рукой он восстановил дисциплину, и вскоре враг понял, что зимовать под Тулой и на Оке ему не придется. Затем потрясающе мощный бросок на Калугу, который одновременно рассек фронт немецких войск и вернул воюющей стране старинный русский город на Оке. Забытые страницы нашей военной истории, неизвестные документы, возвращенные судьбы…

Новая книга известного писателя и историка, лауреата литературной премии «Сталинград» Сергея Михеенкова. Читатель уже знаком с его предыдущими книгами нашей серии: «Серпухов. Последний рубеж» (2011), «Трагедия 33-й армии» (2012), «Кровавый плацдарм» (2012), «Дорога смерти» (2013).

- Сергей Михеенков
- Предисловие автора
- Глава 1 Разгром на Десне и Рессете
-
- Глава 2 Тайна гибели командарма Петрова
-
-
- Глава 3 «Тайфун» остановлен под Тулой
-
- Глава 4 Тула: сдать город или защищать?
-
- Глава 5 Бой, который решил судьбу Тулы
-
- Глава 6 Гудериан меняет тактику
- Глава 7 Декабрь – месяц жаркий
- Глава 8 За линией фронта: Калуга, Лихвин, Козельские леса
-
-
- Глава 9 Калужский поход генерала Попова
-

-
- Глава 10 В прорыв! На Юхнов!
-
- Глава 11 Битва за Варшавское шоссе
-
-
- Глава 12 Зайцева гора
-
- Приложения
- № 1
- № 2
- № 3
- № 4
- № 5
- № 6
-
- № 7
- № 8
- № 9
- № 10
- № 11
- Список принятых сокращений
- Библиография
-

Сергей Михеенков
Остановить Гудериана. 50-я армия в боях за Тулу и Калугу. 1941 – 1942

Автор благодарит за всемерную помощь в сборе материалов и подготовке этой книги к изданию своих земляков:

Николая Дмитриевича БУТРИНА (г. Калуга);

Владимира Викторовича ФИЛИППОВА (г. Таруса);

Геннадия Олеговича БЕРЕЗОВСКОГО (г. Таруса);

Евгения Павловича МИНЕНКОВА (г. Калуга);

Николая Викторовича САФОНОВА (г. Подольск);

Николая Ивановича ЯШКИНА (с. Жерелево Калужской области).

Предисловие автора

Странная история: о генерале Гудериане мы знаем достаточно много – что он стремительным маневром осенью 1941 года решил судьбу Киева, а потом ринулся на Москву, что на его пути встала Тула и ее он преодолеть не смог, за что был отстранен от командования 2-й танковой армией, от должности и так далее…

А вот кто его остановил под Тулой (не сам же он остановился и не в грязи завяз под Ясной Поляной и Косой Горой), это каким-то непостижимым образом вылетает из нашего сознания.

2-ю танковую армию генерал-полковника Гейнца Гудериана (три моторизованных и два армейских корпуса) остановила под Тулой 50-я армия, которой в тот период последовательно командовали генерал-майор А.Н. Ермаков и генерал-лейтенант И.В. Болдин, а также тульские ополченцы, которые решили умереть на окраинах своего города, но не отдать его врагу.

Был у 50-й и еще один командарм – генерал-майор М.П. Петров. Он погиб в октябре. Погиб вместе со своей армией, попавшей в окружение под Брянском. Но – удивительное дело! – армия возродилась буквально за несколько дней. Дивизии вышли из окружения разбитыми вдребезги. Из отделения вышел только один, из взвода – трое, из роты – едва отделение… И они, цепляясь за промежуточные позиции на Рессете, Неручи, Оке и Зуше, пополняясь маршевыми ротами, подходившими из тыловых районов и за счет окруженцев, от боя к бою, от стычки к стычке, истощали силы врага, изматывали его.

На Тулу Гудериан бросил своего верного и удачливого полковника Эбербаха, подчинив ему ударную группировку. Она буквально влетела в пригород Тулы по Одоевскому шоссе и тут же была расстреляна зенитными расчетами из 732-го зенитно-артиллерийского полка.

50-я армия, уже с другим командующим, героем летних боев генералом И.В. Болдиным, отбросила дивизии и корпуса 2-й танковой армии от Оки, а затем стремительным рейдом, в тот период беспримерным по дерзости, захватила Калугу и ринулась далее на запад к Юхнову и Мосальску.

Вот, оказывается, кто бил «быстроходного Гейнца», а затем его преемника генерала Шмидта.

В этой книге я попытался рассказать об основных сражениях и боях противоборствующих армий. О героях этих сражений. О тех полковниках, лейтенантах и бойцах, которые на равных противостояли германским офицерам и солдатам, к тому времени

покорившим пол-Европы. Противостояли и побеждали.

Глава 1 Разгром на Десне и Рессете

«Прорыв на восток организовать так, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником…»

Танки «Тайфуна» под Калугой и Тулой. Значение Калуги и Тулы для обороны Москвы. Оборона 50-й армии на Десне. Удар Гудериана. Отход от Десны. Падение Кирова, Людинова, Жиздры. 217-я стрелковая и судьба полковника Грачева. Отважный курд Саманд Сиабандов. Подвиг людиновских подпольщиков. Алексей Шумавцов. Отец Викторин Зарецкий. Пропажа генерала Ерёменко. Ставка возлагает командование войсками Брянского фронта на генерала Петрова. Северный и южный котлы под Брянском. Из дневника фон Бока: «Главные силы русских, скорее всего, уже вырвались из окружения». Выход армии к Хвастовичам.

На девятый день после прорыва оборонительных линий Красной армии на Десне восточнее Рославля немецкие танки стояли уже у Калуги и производили частичную перегруппировку, готовясь к атаке на город.

Осень 1941 года выдалась на редкость теплой и погожей. Командующий войсками группы армий «Центр» фельдмаршал Фёдор фон Бок торопил свои дивизии вперед. До наступления холодов нужно было успеть завершить окружение русской столицы, сомкнуть северный и южный потоки наступающих группировок восточнее Москвы и придушить в этом гигантском котле остатки Красной армии. Котлы под Брянском, Рославлем и Вязьмой принесли колоссальные победы. Но фон Бок прекрасно понимал, что эти победы имеют характер промежуточных результатов. Цель – Москва – по-прежнему оставалась недостигнутой. График наступления срывался. Заминка под Вязьмой, Рославлем и Брянском, связанная с ликвидацией котлов и подсчетом трофеев, могла стоить слишком дорого. Но тогда, в начале октября, все казалось поправимым.

Немецкие танкисты, стоя на башнях своих приземистых T-IV, разглядывали в бинокли восточный горизонт. Колонна остановилась неподалеку от железнодорожной станции Товарково. Впереди слышалась стрельба. Кажется, происходило что-то серьезное. Тяжелые снаряды иногда пролетали над головами танкистов и рвались в тылу. Это была неприцельная стрельба. Или с авангардом, ушедшим вперед, уже покончено, и иваны переносят огонь в глубину, нащупывая их колонну, или там идет бесперспективный бой.

Из головы колонны передали команду рассредоточиться, и спустя несколько минут на дороге легли первые снаряды. Значит,

произошло первое.

Так встретили немцев на подступах к Калуге.

Калуга и окрестности составляли левое крыло Можайской линии обороны. Калужский участок к моменту прорыва немцев под Рославлем оказался самым малопригодным к ведению боевых действий. Достроить его попросту не успели. Калужан эшелонами гоняли под Ельню и к Рославлю копать противотанковые рвы, но о строительстве подобного в окрестностях города, похоже, власти и не помышляли. Все были уверены, что враг сюда не пройдет, будет остановлен на Десне и Днепре в сотнях километрах от Оки.

Достаточного количества войск в Калуге тоже не оказалось. 5-я гвардейская дивизия полковника Миронова и части 194-й стрелковой дивизии, случайно оказавшиеся в районе Калуги на пути от Вязьмы в район Брянска, приняли бой на ключевом рубеже возле деревни Плетенёвки и затем несколько суток сдерживали движение двух немецких армейских корпусов [1] . Обе дивизии к тому времени будут подчинены полевому управлению 49-й армии генерала Захаркина. И это спасет положение.

Калуга была взята штурмом в ночь с 13 на 14 октября 1941 года. В город вошли дивизии 13-го армейского корпуса.

В эту ночь левее Калуги на юго-западе 50-я армия генерала Петрова вела переправу через реку Рессету. Уже несколько суток она дралась с перевернутыми флангами, пытаясь вырваться из окружения.

Судьба ближайших дней и месяцев сложится так, что эти две армии, 50-я и 49-я, будут стоять бок о бок от Высокиничей до Тулы и сдерживать натиск правого крыла и центра немецких войск, рвущихся к Москве. Вперед, в ходе декабрьского наступления, они пойдут тоже рядом, часто помогая одна другой. Фланговые дивизии, прикрывающие стык, будут передаваться то 49-й, то 50-й армии в зависимости от обстоятельств и оперативных задач.

А тогда, в октябре, после катастрофы под Вязьмой, Рославлем и Брянском, никакого фронта и локтевого взаимодействия еще не было. Войска с колоссальными потерями в живой силе и вооружении выходили из окружения. Фронты были разорваны, управление армиями потеряно, да и сами армии фактически прекратили свое существование. Их создавали заново, на новых рубежах из остатков растрепанных дивизий и частей.

50-я армия генерала Петрова входила в состав Брянского фронта и занимала рубеж обороны на правом фланге, примыкающем к левофланговой 43-й армии Резервного фронта. Позиции ее проходили по линии Фроловка, Рековичи, Столбы,

Красная Слобода, Слобода Попсуева по восточному берегу реки Десны к северу от Брянска в сторону Рославля. Протяженность фронта – 46 километров. Состав армии: 217, 258, 260, 269, 278, 280, 290, 299-я стрелковые, 55-я кавалерийская дивизия, артполки и инженерные части.

Как известно, «Тайфун» на участке Брянского фронта ударил раньше основного срока – 30 сентября. Командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан спешил воспользоваться хорошей погодой, ведь впереди его ждало бездорожье. Удар он наносил на юг, в сторону Киева. Не задействованные в основной операции, которая начиналась только через двое суток, силы воздушного флота группы армий «Центр» работали на него.

Первый удар танкового клина Гудериана приняла на себя 13-я армия генерала Городнянского. Немцы атаковали в районе Шостки и Ямполя и сразу же глубоко вклинились в порядки 13-й. На главном направлении глубина вклинения составила 30 километров – это уже было похоже на прорыв на всю глубину обороны. Начался марш Гудериана на юг. Он будет удачным для немцев. Но, как говорят некоторые историки, именно отвлечение в район Киева мощнейшей танковой группировки вскоре станет одной из причин неудачи под Москвой.

50-я армия стояла на Десне, прикрывая Киров, Жиздру, Мценск, и ждала своей участи. Противник на участке ее обороны пока молчал.

2 октября, когда стало ясно, что Брянский фронт прорван, Сталин позвонил командующему войсками фронта генерал-полковнику Ерёменко.

– Необходимо уничтожить противника, перешедшего в наступление, – сказал Верховный, выслушав доклад Ерёменко.

– Есть. Будет уничтожен, – заверил Сталина комфронта.

Но катастрофа была уже предрешена.

События развивались так. Днем раньше, 1 октября, моторизованные и пехотные дивизии 4-й полевой армии и 4-й танковой группы нанесли сильнейший удар из районов Рославля и Глухова в стык Резервного и Брянского фронтов. Стык прикрывали 43-я армия Резервного и 50-я армия Брянского фронта. Противник сконцентрировал здесь основные ударные силы, добившись многократного превосходства в живой силе, танках, орудиях и самолетах.

Немцы прорвали фронт в районе Варшавского шоссе и устремились вперед. Одновременно часть сил была повернула вдоль железной дороги Рославль – Киров. Здесь наступающие колонны врага встретила 217-я стрелковая дивизия 50-й армии. Завязались тяжелые бои, в ходе которых сразу стало очевидным,

что противостоять кратно превосходящему противнику невозможно. Одна из кровопролитных схваток дивизии с наступающими частями противника произошла под селом Бутчином (ныне Куйбышевского района Калужской области) при попытке прикрыть город Людиново.

Дивизией командовал полковник М.А. Грачёв. Он отдал приказ на отход, прикрываясь усиленными арьергардами. Дивизия с боями отходила на восток. Казалось, все для нее повторялось. В августе 1941 года дивизия попала в окружение в составе 28-й армии генерала В.Я. Качалова. Трагедия произошла недалеко отсюда, северо-западнее, в районе Рославля. Во время выхода из окружения командарм погиб. Вскоре вышел приказ № 270, подписанный Сталиным. В приказе Верховного генерал Качалов был объявлен предателем и заочно осужден. Только в 1953 году, когда стали известны все обстоятельства героической гибели командарма, Верховный суд СССР отменил приказ № 270.

Дивизию выводили опытные и храбрые командиры. К примеру, 766-м стрелковым полком командовал Герой Советского Союза подполковник И.Я. Кравченко. Звание Героя он получил еще в 1940 году во время боев в «зимней войне» на линии Маннергейма.

Забегая немного вперед, скажу, что 217-я с незначительными потерями выйдет из окружения и будет успешно драться под Тулой. Выведет ее начальник политотдела Сиабандов. Но полковник Грачёв во время боев в районе Волхова попадет в немецкий плен. В 1945 году он будет освобожден из плена, но тут же, уже от своих, получит «десятку» без права переписки «за сотрудничество» с немцами в период пребывания в плену. Что это было за сотрудничество, неизвестно. В 1956 году бывшего полковника реабилитируют. После лагерей Михаил Алексеевич проживет недолго, умрет в 1963 году.

А 217-я стрелковая дивизия пройдет долгой и славной дорогой боев и побед. Получит звание Унечской Краснознаменной орденов Ленина и Суворова. Войну завершит в Восточной Пруссии. Командовать ее полками и батальонами будут уже другие офицеры.

Подполковник Саманд Алиевич Сиабандов пройдет с дивизией до победы. Отважный курд тогда, в октябре 41-го, за вывод дивизии из окружения будет награжден солдатской медалью «За отвагу». Впоследствии к его наградам прибавятся два ордена Красного Знамени, три ордена Отечественной войны, два из них 1-й степени. В 1944 году при форсировании реки Нарев возглавит ударную группу дивизии, вновь отличится и будет представлен к званию Героя Советского Союза. После войны будет

жить в Ереване, напишет несколько книг и составит курдско-армянский словарь.

4 октября генерал Петров доложил в штаб фронта: 217-я стрелковая дивизия к исходу дня отходит в район Олыпаницы, Волынский переезд, высота 96,7 – южнее Людинова в 20 километрах.

Здесь, в районе Людинова, к ней присоединились остатки 290-й стрелковой дивизии и 643-й корпусной артполк. Полки и батальоны заняли оборону. Вскоре появился противник и тут же атаковал. Но и первая, и вторая, и последующие попытки немцев прорвать оборону дивизий были пресечены. Отлично работали артиллеристы. Двое суток сдерживали наши бойцы противника на этом участке. Но вскоре стала очевидной опасность обхода с флангов. И снова начался марш на восток. Людиново пришлось оставить.

Рабочий городок Людиново (ныне центр одноименного района Калужской области) в историю Великой Отечественной войны вошел подвигом своих подпольщиков и партизан. Здесь действовала группа комсомольцев под руководством Алексея Шумавцова. Вместе с ними работал местный священник отец Викторин (Зарецкий). Алексею Шумавцову к моменту прихода в Людиново немцев только-только исполнилось 16 лет. Несмотря на юный возраст, он смог так организовать и вести работу подпольной группы, что ни немецкие власти во главе с комендантом города майором Бенкендорфом, ни местная полиция долгое время не могли понять, почему взрываются важнейшие объекты, каким образом и через кого из города уходит в лес информация о расположении немецких частей, их численности, вооружении. Партизаны переправляли ценные сведения дальше. Итогом этой работы были налеты советской авиации на склады боеприпасов в прифронтовой полосе, на хранилища горючего в ближайшем тылу немецкой группировки, которая держала фронт в районе Людинова. Причем бомбовые удары были настолько точными и сокрушительными, что немцы вскоре поняли природу их происхождения. Кроме того, группа Орла (агентурная кличка Алексея Шумавцова) провела серию диверсий: взорвала мост, уничтожила электростанцию, склад горючего, подорвала и вывела из строя десятки грузовых машин, принадлежавших германской армии. Когда Красная армия в ходе Московской наступательной операции приблизилась к Людинову, а это произошло в январе 1942 года, Орёл получил задание разведать систему обороны фашистов северо-западнее города. Данные были собраны в самые короткие сроки и переданы в лес.

Подпольщики были арестованы в октябре 42-го. Их выдал

полиции мастер локомобильного завода. Начались допросы, пытки. 10 ноября 1942 года Алексей Шумавцов и его товарищи были казнены на окраине города. В середине 50-х годов в Москве на одном из железнодорожных вокзалов был арестован бывший старший следователь полиции города Людинова и командир полицейской роты, сотрудник Русской тайной полиции, действовавшей на оккупированной территории в пользу германской армии, Дмитрий Иванов. Следователям КГБ именно от бывшего полицейского стало известно и об Алексее Шумавцове и его товарищах, и о том, как твердо они держались на допросах, не выдав никого, и о той работе, которая были проведена группой Орла за год оккупации Людинова. В 1957 году Алексею Шумавцову и его товарищам было присвоено звание Героя Советского Союза. Священник Свято-Лазаревского храма города Людинова отец Викторин (агентурная кличка Ясный) в 2007 году Указом Президента РФ по ходатайству прихожан и краеведов Калужской области награжден медалью «За отвагу». После провала группы комсомольцев-подпольщиков и казни Орла Ясный остался вне подозрения немцев и полиции и смог работать в одиночку до конца оккупации города Людинова, обеспечивая бывшего начальника Людиновского райотдела НКВД, а в тот период командира партизанского отряда Василия Золотухина самыми свежими разведданными.

Но вернемся в 50-ю армию, в начало октября 41-го, в полные трагедии дни и ночи прорыва немецких дивизий на восток и крушения фронтов, прикрывавших Москву.

6 октября генерал Петров доложил начальнику Генштаба о том, что противник в 15.30 захватил Брянск, что немецкие танки вошли в город с востока, что в Людинове тоже танки противника и что после короткой паузы танковая колонна вышла в направлении Жиздры, что связи со штабом фронта нет, и запросил «указаний, что делать, удерживать ли занимаемый рубеж».

Дело в том, что в эти дни штаб 50-й армии потерял связь со штабом фронта. Вернее и исторически точнее: штаб Брянского фронта, расположенный в районе Свень,

6 октября приблизительно в 14.30 атакованный немецкими танками, под огнем танковых пулеметов вынужден был эвакуироваться в район Белёва. Как комментирует этот эпизод военный историк Лев Лопуховский, «управление войсками фронта было полностью парализовано, что самым серьезным образом осложнило их положение. С этого момента о судьбе командующего фронтом несколько дней ничего не было известно» [2] .

Теперь о пропаже комфронта известно все: генерал-полковник Ерёменко в эти дни командовал войсками одной из дивизий 3-й армии, лично отражая атаки противника, который тем временем целенаправленно осуществлял охват армий Брянского фронта и формировал котел. В личной храбрости генералу Ерёменко отказать нельзя, но вот командование войсками фронта он в эти дни явно упустил. И противник этим воспользовался. Правда, в штабе группы армий «Центр» несколько недооценили упорство армий, противостоящих 2-й полевой армии и танковым частям Гудериана. В ответ на обеспокоенность командующего 2-й танковой армией угрозой его левому флангу из штаба фон Бока ему ответили: «Окружение противника перед левым флангом 2-й армии не имеет столь решающее значение, как продвижение 2-й танковой армии на северо-восток. Если намеченный удар танковой армии и правым флангом 4-й армии будет успешным, то противник перед фронтом 2-й армии не избежит уничтожения…» [3]

Танки Гудериана в те дни летели на юг, как на крыльях, в сутки покрывая расстояние 50–60 километров.

На запрос генерала Петрова, обратившегося в Генштаб напрямую, маршал Шапошников отдал распоряжение принять все меры к розыску комфронта. И далее: «При отсутствии Ерёменко Вам вступить во временное командование фронтом. Срочно выделить резерв для удара на восток в направлении на Орёл. Под хорошим прикрытием организуйте отвод армий фронта на рубеж Орла, Курска. Не допускайте окружения и паники. Директива передается» [4] .

Генерала Ерёменко в те дни разыскивали всеми возможными средствами. Но поскольку так и не нашли, 7 октября Ставка приняла решение: возложить временно командование войсками фронта на командарма-50 генерал-майора М.П. Петрова, «подтвердив всем трем армиям фронта их задачу пробиваться на восток за линию ст. Ворошилово, Поныри, Льгов». «Прорыв на восток организовать так, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником, а матчасть артиллерии и пулеметов должна быть сохранена. Срочно донесите, какую имеете связь с 3-й и 13-й армиями. Донесите коротко наметку плана действий» [5] .

Основные положения директивы были следующими:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам:

а) энергично решить основную задачу фронта – разбив орловскую группировку противника, выйти на фронт Мценск (иск.), ст. Ворошилово, Поныри, Фатеж, Льгов, прикрывая направление на Тамбов и Воронеж;

б) Принять все меры к сохранению всех стрелковых и кавалерийских дивизий и материальной части, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником» [6] .

Поздно уже было догонять «подлеца Гудериана» и расходовать на эти нереальные марши и невозможные сражения силы и средства, которых у армий уже не оставалось.

Однако дальнейшие события показали, что те дивизии, которые потратили остаток своих сил на прорыв из окружения и выход на новые тыловые позиции, смогли сохранить не только свои наименования и знамена, но и основу, костяк командного состава, бойцов, а некоторые вытащили из болот и пойм Десны и Рессеты материальную часть – артиллерию, транспорт, тылы.

Генерал Петров начал вывод войск фронта из окружения.

Генерал же Ерёменко впоследствии, когда командарм-50 будет считаться пропавшим без вести, напишет: «Итак, 7 октября рано утром я отдал предварительные распоряжения, переговорив лично с командующими 13-й и 3-й армиями, а в 14.00 этого же дня отдал общий приказ о повороте фронта на 180 градусов». Все же не хватило наглости написать, что переговорил, мол, лично и с командующим 50-й армией…

Генерал Ерёменко, как выяснилось потом, тем временем находился в штабе 3-й армии генерала Крейзера [7] . И оттуда командовал фронтом. Правда, за эти дни ни одного приказа и распоряжения от командующего Брянским фронтом штаб 50-й армии не получил.

50-я армия попала в самую жестокую мясорубку. 3-я, 13-я и группа генерала Ермакова, несмотря на то что еще 30 сентября угодили под таран танкового клина Гудериана, растрепанные и постоянно отступающие от рубежа к рубежу, все же держались вместе и из окружения выходили по кратчайшему маршруту, выбирая те направления, где было легче прорваться. 50-я, упорно стоя на своих рубежах, была окружена, дралась в полной изоляции, а потом вынуждена была прорываться на восток, чтобы не сгинуть под пулями и гусеницами немецких танков и в лагерях военнопленных. Прорывалась она по маршруту, указанному из Москвы, из Генштаба. Ох уж этот Генштаб! [8]

Гудериан повернул свою 18-ю танковую дивизию на северо-запад, к Хвастовичам и Кцыни, и 9 октября соединился с пехотными частями 2-й полевой армии генерала Вейхса. Брянский фронт оказался расчлененным на южный и северный котлы. В южном (район Трубчевска, Навли и Сузёмок) сидели армии генералов Крейзера и Городнянского. В северном (Брянск, Дятьково) немцы начали сдавливать 50-ю. Группа генерала Ермакова действовала в отрыве от основных сил фронта, в районе

Рыльск– Льгов.

А теперь давайте посмотрим, как реагировали в штабе группы армий «Центр» на попытки окруженных вырваться из запечатанных котлов.

Из дневника фельдмаршала фон Бока. Запись сделана 9 октября 1941 года.

«Издан специальный бюллетень, где говорится о втором котле под Брянском. Я позвонил Гальдеру и сказал, что намеренно никогда не упоминал об этом котле, так как его восточный фронт весьма шаток, и Гудериану с его слабыми, сравнительно, силами вряд ли удастся его надежно запечатать. Как только я повесил трубку, пришел рапорт о том, что там имели место две попытки прорыва, к счастью вовремя пресеченные. Гудериан подтягивает в этом направлении свои силы, чтобы ликвидировать возможность крупного прорыва. Атакой с западного направления захвачен Трубчевск.

В ночь с 9 на 10 октября в 3.00 пришел прямой приказ фюрера в кратчайшие сроки направить в распоряжение Гудериана 19-ю танковую дивизию и пехотный полк «Великая Германия», чтобы не позволить окруженному на юге от Брянска противнику совершить прорыв в восточном направлении! Я доложил, что 19-я танковая дивизия в настоящее время находится на юго-западе от Юхнова и что ее отвод с занимаемых позиций поставит под угрозу снабжение 4-й армии и частей люфтваффе, каковое осуществляется по дороге, контролируемой 19-й танковой дивизией. Более того, в соответствии с информацией, полученной от 2-й армии, Брянскую дорогу нельзя использовать по назначению ранее 10 октября по причине многочисленных повреждений. По исправным секциям дороги движутся колонны машин с горючим для 2-й танковой армии (2-я ТГ). Доставка горючего прежним окружным путем с юга не может осуществляться по причине ужасного состояния грунтовых дорог. В этой связи я затребовал разъяснения, каковое действие считать приоритетным – доставку горючего или передислокацию полка «Великая Германия». Из полученного ответа я себе уяснил, что Гудериан без 19-й дивизии может и обойтись и что доставка горючего конечно же имеет первый приоритет; однако передислокация полка «Великая Германия» в расположение 2-й танковой армии должна быть осуществлена по Брянской дороге в максимально сжатые сроки, как только состояние дороги это позволит.

Желая побыстрей прояснить обстановку под Брянском, я приказал танковой армии Гудериана разделаться с противником, окруженным на юге от города. С войсками, окруженными на

севере от Брянска, предстоит иметь дело 2-й армии. При этом танковая армия должна следить за тем, чтобы противник из северного сектора окружения не прорвался в восточном направлении».

В конце дня фон Бок записал: «Гудериану предложено иметь в виду, что после выхода к Туле его танковую группу могут повернуть более резко, нежели планировалось ранее, на восток в общем направлении на Рязань» [9] .

Итак, ликвидацию северного котла, где пехотные дивизии Вейхса и танки Гудериана продолжали сжимать 50-ю армию, в немецких штабах считали делом ближайших дней.

Но уже на следующий день, 10 октября 1941 года, фон Бок записывает: «Попытки прорыва, предпринятые противником на юге от Брянска, успешно пресечены; так что вся вчерашняя суета и озабоченность по этому поводу оказались безосновательными. На севере Брянска, напротив, главные силы русских, скорее всего, уже вырвались из окружения. Тем не менее там еще много чего осталось, особенно в смысле вооружения и военного имущества» [10] .

За минувшие сутки дивизии армии генерала Петрова, прикрываясь сильными арьергардами, по раскисшим дорогам, а иногда и по бездорожью совершили пятидесятикилометровый марш и вышли к Хвастовичам.

– Наше дело какое… – рассуждал пожилой боец Отяпов, расправляя перед ярким пламенем костра сырые портянки. – Наше дело солдатское. Приказали бежать – мы и бежим. Бежать – не позор. Это я вам говорю точно. Потому как можно и вернуться. – И Отяпов хитровато и весело улыбнулся, шевельнул свою портянку, от которой сразу пошел густой мужицкий дух; смешиваясь с дымом махорки, он завязался в такой ядреный жгут, которым можно было повалить любую вражью силу.

А их полк третьи сутки на марше. И марш-то какой-то несуразный. Командиры злые, неразговорчивые. Видать, думал себе боец Отяпов, все это оттого, что на прежних позициях много добра покидали, а теперь за такую бесхозяйственность и форменное вредительство придется отвечать перед родиной и народом. Но народ-то, перед которым надо было держать ответ, и сам бежал, горбясь под мокрым снегом в промокших шинелях и ватниках. Хорошо хоть винтовки не побросал. А родина все не кончалась и не кончалась. Правда, дороги становились все хуже и хуже.

– Ты, Отяпов, своим штандартом тут перед нами не маши, – сказал сержант-связист, прибившийся к их взводу по дороге.

– А что такое? Аппетит испорчу? Так все одно с утра ничего

не ели и, видать, до утра ничего такого не предвидится.

– Вот выйдем к Рессете, там, в Хвастовичах, наши дивизионные тылы. Там нас ждут кухни и отдых. Так что, ребята, не падайте духом. – Ротный стоял чуть поодаль, под разлапистой елью, и тоже нервно курил, заглушая голод и тоску.

Обсушиться они и на этот раз не успели. Пронеслось по лесу, от костра к костру вдоль остановившейся на час-другой дороги:

– Тушить костры! Приготовиться к маршу!

И снова двинулись по осенней слякоти, изнашивая остатки обуви, которая первая страдала во время таких изнурительных переходов. Вот, думал боец Отяпов, с беспокойством посматривая на свои ботинки, и спать вам не надобно, и есть не просите, а силу изнашиваете прежде моей. Еще месяц назад он получил со склада совсем новенькие ботинки. Крепкие, как борона, пахнущие дегтем. И сносу им, казалось, не будет. И что он в них повоевал? Какие такие сроки? Неделю и два дня. До этого, так сказать, нес службу при дивизионной прачечной. Там, с бабами, было повеселее. А тут вон и шутки никто не понимает…

В левом ботинке стало холодить, а вскоре захлюпало. Что ж ты, боец, с досадой поглядывал на него Отяпов, так скоро из строя запросился? Да, вот попробуй, хоть какой ты будь командир, но прикажи ему, ботинку, воду не пропускать! Хрен он тебя послушается. А ты, сутки не кормленный, с десятью патронами в подсумке, изволь исполняй то, что тебе прикажут. Хорошо, что придумал Отяпов себе вот какое облегчение жизни: выменял за табак у сержанта-связиста новенькую пару фланелевых портянок, подвернул их, сверху обмотки, и – как в сапогах! Но где-то сбоку, видать, раскис и начал расходиться шов. Надо бы просушить ботинок, почистить его и подбить свежими деревянными гвоздями. Но где о таком думать в этой кутерьме?

Спать на ходу для Отяпова – дело тоже привычное. Лишь бы на чей-нибудь штык не напороться. А то споткнется кто из впереди идущих, выставит свою винтовку со штыком, а ты – на его. Хорошо, народ почти побросал свои штыки. Ни к чему они теперь им, бегущим. Только за березки ими цепляться…

А дрема так и охватывает, так и ласкает тело. Нет сил отгонять ее. Так и прилег бы сейчас под любым кустом, не посмотрел бы ни на сырь, ни на что. Только бы выспаться всласть, а там будь что будет…

И посреди этих своих сугубо личных мыслей встрепенулся Отяпов, открыл глаза и увидел идущего рядом старшего лейтенанта Безлесова. Тот, похоже, тоже на него глянул. «Как бы не догадался, о чем я только что возмечтал», – беспокойно подумал Отяпов. Вспомнил вечернее происшествие…

ЧП случилось, когда только-только начало смеркаться и дивизия, закончив дневку, побатальонно начала выдвигаться на лесную дорогу. Из роты пропали двое. Отяпов их знал. Тамбовские. Вроде бы хорошие, надежные ребята. На Десне лежал с ними в одном окопе, когда немец налетел самолетами и начал обрабатывать тяжелыми бомбами передний край обороны полка. Ничего, медвежатиной от них после налета не пахло. Потом отбивали танковую атаку. Один танк прошел через их окопы, и артиллеристы подожгли его уже в тылу, возле блиндажей санчасти. Но и тут тамбовские не сплоховали. Стреляли, как все, отсекали пехоту.

И вот – ушли с поста. Смена пришла, а их и след простыл.

Роту послали на поиски. Прочесали ближайший перелесок, нашли. Сперва винтовки. Они их побросали в куст. Подсумки, гранаты. А потом и самих.

Расстреливали перед дорогой, чтобы видел весь полк. Зачитали приказ. Вырыли ямку. А полковая колонна все шла и шла мимо, и все смотрели на тамбовских, как они стояли над ямкой под березой белые как мел и ждали каждый своей пули.

Когда комендантские вскинули винтовки, Отяпов закрыл глаза. Смотреть на то, как умирали тамбовские, он не пожелал. Отяпову почему-то их было все же жалко. Хоть и присяге они изменили, и товарищей своих бросили, в том числе и его, Отяпова, но все же в душе стонала какая-то жалость и сомнение, что можно было бы не расстреливать тамбовских. Постращать, попозорить, но жизнь оставить. Потому Отяпов и зажмурился, когда захлопали возле березы затворы. А некоторые смотрели. И потом обсуждали, как падали расстрелянные в яму и как их комендантские закапывали…

Левый ботинок разваливался. А тамбовских расстреляли в сапогах, и сапоги на них были добротные, первого срока. Думать о сапогах расстрелянных, а уж тем более сожалеть о них конечно же стыдно. Но вот сейчас через шаг-другой отвалится подметка – и что тогда ему, бойцу Отяпову, делать посреди дороги? Как воевать дальше? Нет, угрюмо думал он, кое-как преодолевая сон и усталость, командование все же поступило расточительно. И не только с расстрелом, но и с сапогами расстрелянных. Пускай бы старшйны забрали в свой обменный фонд, а там бы, глядишь, и таким, как Отяпов, что-нибудь из этого обменного фонда перепало.

За этими мыслями, которые истерзали бойца Отяпова, и застал его свистящий шорох снаряда. Снаряд пролетел мимо и разорвался где-то в глубине леса правее колонны. Но то, что он откуда-то прилетел, и прилетел сюда, к большаку, по которому

шли батальонные колонны, тянулись обозы тылов и артиллерийские запряжки, было плохим знаком.

Снег к утру усилился. Залеплял лицо и сек, царапал, будто колючей проволокой, по каске. Но снег так не беспокоил. Что снег, через два дня Покров. Снегу уже и пора. Обеспокоил Отяпова снаряд.

Прилетел, сокол ясный, пес клыкастый… Значит, немцы их колонну обнаружили. Дают пристрелочные. Сейчас должен второй прилететь. «Если не прилетит, – загадал Отяпов, – значит, напрасно я тревожусь, шальной залетел».

Второй снаряд лег уже поближе к дороге, видно было, как блеснуло за деревьями и чуть погодя посыпались по кустам осколки. А третий на куски разнес санитарный фургон. Машина стояла на пригорке перед лощиной, и из нее перегружали на повозки раненых.

– Господи, Исусе Христе. – И Отяпов украдкой перекрестился.

Бойцы кинулись было спасать уцелевших, им замахали руками выбежавшие навстречу санитары:

– Не надо! Не надо! Никого там уже нет.

Начали помогать санитарному обозу перетащиться через лощину. Дорогу совсем растолкли. Вперед ушли танки и бронетранспортеры. Тракторы протащили тяжелые орудия. И теперь телеги проваливались в колеи, заполненные густой жижей, по ступицы. Кони лезли из гужей.

– Впрягайся, пехота, без нас и тут беда, – приказал ротный и сам принялся толкать повозку.

Раненые были прикрыты шинелями и соломой, и только бледные лица их колыхались в темноте. Иногда слышался стон или какая-нибудь просьба.

– Да какой тебе закурить, – терпеливо увещевал старшина какого-то бедолагу. – Вот переправимся на тот берег, там покурим. А тут… Тут германец не разрешает.

Снаряды теперь падали справа и слева, впереди и позади.

– Шире шаг, мать-перемать! – кричал какой-то незнакомый капитан в распахнутой шинели с обгорелыми полами.

Высокий и худой, как обгорелое дерево, он стоял на взгорке и размахивал черным трофейным автоматом без магазина. Все перепуталось, думал Отяпов, торопя идущего впереди сержанта-связиста:

– Давай, Курносов, шибче двигайся. А то немец прихватит серед дороги.

– На дороге – не беда. Лес рядом. А вот ежели на переправе…

Радом тянулся санитарный обоз.

– Дядя Нил, подсоби! – услышал он знакомый голос.

Присмотрелся: господи Исусе, так это ж Лидка! Лидка Брусиленкова, его свояченицы племянница из соседних Боровичей. До войны фельдшером работала в районной больнице. И тоже в шинельке и в пилотке.

Лидка нахлестывала серого исхудалого коня, до плеч забрызганного дорожной грязью. В повозке лежал раненый. Его трепало так, что голова его билась о крайнюю доску. Отяпову даже показалось, что Лидка везет мертвого. Мертвых складывали у дороги, мертвых дальше не везли. А на их место тут же притаскивали только что упавшего и наспех перевязанного, в кровавых бинтах.

– Ты ж откелева, дочка, в наш ад свалилась? – посочувствовал ей Отяпов, подтолкнул к повозке сержанта Курносова и сам налег на полок.

Еще двое бойцов из их роты ухватились за тяжи. Конь, почувствовав помощь, полез по грязи, как черт, и через минуту-другую они уже бежали, то ли подталкивая полок, то ли держась за него.

Отяпову показалось, что от раненого потянуло сивушным духом. Он присмотрелся к лежавшему под солдатским одеялом и вдруг узнал в нем комбата. Толкнул Лидку.

– Мне велено переправить товарища капитана Титкова на тот берег Рессеты, – сказала Лидка и отвернулась.

– Куда его ранило? – тихо, чтобы тот не услышал, спросил Отяпов, уже догадываясь, что ответит Лидка.

Но она ничего не ответила.

– Скидай его в канаву, сук-кина сына! – И Отяпов потянулся, чтобы перехватить вожжи.

Но Лидка огрела его кнутом, так и обожгла мокрой и тугой, как проволока, супонью по руке. Потом начала нахлестывать коня, и тот понес повозку обочиной, обгоняя вереницы понуро бредущих бойцов.

Вот жизнь, думал Отяпов, твою капитана-мать… А ведь – капитан, действительно капитан. Он разглядел шпалу на петлице шинели. Большой человек, батальоном командует…

На Лидку Отяпов не злился. Может, влюбилась, дуреха, в своего командира. До войны на женихов ей не везло. Двадцать пять лет, а никто замуж так и не позвал. А на войне женихов много. Лидка прибыла, видать, с последним пополнением. Надо ж, в одном батальоне, а ни разу не встретились.

Пока выталкивал из грязи повозку с пьяным комбатом, левый ботинок совсем рот разинул, и вода в него пошла вместе с дорожным грунтом – полной рекой… Твою-ка-питана, про себя выругался Отяпов, но о комбате уже не думал. Думал о Лидке.

Что злиться на Лидку? Если к тому же ей приказ отдан, то как военному человеку можно поступить иначе?

А вот он бы поступил иначе. И Отяпов вспомнил, как в 36-м искупал в пруду пьяного председателя колхоза. Тоже горячка была, дожди пошли, а сено все в лугах, растрясено, мокнет, гниет. Председатель в правлении со счетоводкой и уполномоченным из района гулянку затеял. Ну и вытащили они их, всех троих, на пруд и искупали в ряске… Чуть не посадили. Хотели припаять неуважение к власти или что-то такое, по вредительской части. Но обошлось. Председатель райисполкома вмешался. Хороший мужик. Сейчас тоже где-то воюет. Может, полком командует, может, по политической части кем при большом штабе.

Чем ближе к переправе, тем сильнее огонь. Мины хряскали уже в самой гуще народа. Лидка с пьяным комбатом унеслась куда-то вперед. Ее глубоко надвинутую на голову пилотку Отяпов потерял из виду. Хорошо, Курносов выручил, дал ему кусок провода, и Отяпов тем проводом хорошенько скрутил ботинок. Теперь даже вода меньше поступала внутрь и можно было не беспокоиться, что подошва отвалится и потеряется в грязи. Спасали, конечно, портянки. Да провод Курносова. Вот спасибо сержанту, не зря что связист.

Впереди открылась широкая пойма. Мост. Дымящиеся воронки вокруг. И через всю пойму, сбиваясь у моста в тугой жгут, шел, колыхался сплошной серый поток. Этот поток гудел угрюмыми и злыми голосами, гремел оружием и снаряжением, матерился, стонал и кашлял. В нем чувствовалось нечеловеческое напряжение, страх и надежда, что самое опасное вот-вот будет пройдено, останется позади. Страх передавался и лошадям, и они шарахались по сторонам, сбивали с ног людей, сами падали на колени, ломая оглобли. Но их тут же скручивали ремнями, и кони снова шли вперед, в том же потоке.

– Давай, Курносов, не отставай, братец, – торопил Отяпов сержанта.

Поток, в котором они оказались, вылился из леса в пойму. На какое-то время людям стало просторней и легче бежать к мосту. Туда устремились все, и пешие и конные. Совсем рядом ударил снаряд. Отяпова обдало болотиной и горячим тухлым воздухом сгоревшей взрывчатки. Охнул бежавший впереди боец и ухватился за воздух. На мгновение Отяпов встретился с ним взглядом. Лицо знакомое, вроде из соседнего взвода, второй номер пулеметного расчета. Так и есть, на боку сумка с запасными дисками для РИД [11] . Надо бы помочь пулеметчику, мелькнуло в голове, но тут же эту мысль, словно осколком, перерубило другой: «Не справлюсь, не донесу, уж больно парень

велик для моих плеч, эх, всех не вынесешь…»

– Держи, не потеряй! – И Отяпов сунул сержанту свою винтовку.

Пулеметчик действительно оказался тяжелым. Глубже стали протопать гони в болотине. Хорошо, что саперы загатили колею и вязанки хвороста держали ногу, пружинили, не давали провалиться в пучину.

У самого моста началась давка. Отяпова с его ношей на плече сжали со всех сторон и понесли по настилу вперед, так что он едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть и не быть задавленным в этом злом и неистовом человеческом месиве, где каждый спасал свою жизнь. Курносов хрипел рядом. «Только бы не бросил мою винтовку, – беспокоился Отяпов. – Только бы снаряд не попал в настил…»

И в это время, когда они были уже на середине моста, серия снарядов накрыла пойму на той стороне, откуда они только что ушли, серый поток и край настила. Вверх полетели куски одежды и человеческих тел, бревна, обломки повозок и всего того, что двигалось в ту минуту через реку.

Глава 2 Тайна гибели командарма Петрова

«Он жесток очень и очень храбр…»

Что произошло под Хвастовичами. Гудериан считал дело с 50-й армией решенным. Ловушка на Рессете. Атака дивизии генерала Фоканова. Яростный полк полковника Краснопивцева. Встреча генералов Фоканова и Петрова в Гутовском заводе. Переправа объявлена армейской. Лихое болото. Бояновичи, Нехочи, Пеневичи… Напрасно Гудериан не прочитал «Войну и мир» Льва Толстого. История непокладистого майора Кравченко. Свидетельства выживших на переправе. Бой, о котором промолчали свидетели и молчат историки. Что же произошло со штабом армии? Несколько версий гибели генерала Петрова: версия сына Александра Михайловича Петрова, версия маршала Ерёменко и версия, которая складывается из ранее неизвестных документов и свидетельств. Куда исчезли награды командарма? Записные книжки Василия Гроссмана. Как выходили дивизии. На новых рубежах под Белёвом. Сейф, найденный в Рессете.

Гейнц Гудериан в книге «Воспоминаниях солдата» так рассказывал о событиях этих дней: «Снегопад продолжался также и 12 октября. Мы все еще оставались сидеть в небольшом населенном пункте Дмитровске (Дмитровск-Орловский), улицы которого представляли собой сплошное месиво грязи, и ожидали новых указаний главного командования сухопутных войск относительно предстоящей перегруппировки. Наши войска замкнули кольцо окружения вокруг большого котла южнее Брянска и вокруг небольшого котла севернее этого города, но продвигаться вперед войска не могли из-за плохого состояния дорог, 48-й танковый корпус, который в самом начале наступления так быстро продвинулся через Сумы и вышел на хорошее шоссе, также продвигался теперь с большим трудом в направлении на Фатеж. У Мценска продолжались бои со свежими силами противника. Пехотным дивизиям 35-го корпуса было указано на необходимость очистить от противника леса в районе Трубчевского котла. Не только мы, но и вся группа армий «Юг», за исключением 1-й танковой армии, застряла в грязи, 6-й армии удалось занять Богодухов северо-западнее Харькова. Севернее нас 13-й армейский корпус овладел Калугой, 3-я танковая группа заняла Старицу и наступала на Калинин. Главное командование сухопутных войск дало указание об окружении Москвы, однако до нас эти указания не дошли. 13 октября русские продолжали свои

попытки прорваться между Навлей и Борщево.

Для усиления 47-го танкового корпуса пришлось направить некоторые части 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии 24-го танкового корпуса. Несмотря на эту помощь и ввиду потери подвижности наших частей, группе русских численностью до 5000 человек удалось прорваться и достичь района Дмитровска (Дмитровск-Орловский), где она вновь была задержана» [12] .

Гудериан пишет об окруженных частях 50-й армии как некоем неприятном препятствии, которое в конце концов помешало моторизованным корпусам его 2-й танковой армии выполнить главную задачу – взятие Москвы.

И это было именно так: марш на Москву, который в начале октября 1941 года казался сокрушительным, начал замедляться из-за неожиданно яростного сопротивления попавших в окружение частей Красной армии, которые никак не хотели сдаваться. Потом пошли дожди и выпал снег. Потом окруженные, пусть в малой силе, но все же вышли из больших и малых котлов, заняли новые позиции, провели перегруппировку, пополнились людьми и вооружением и встретили огнем движение «Тайфуна» в непосредственной близости от Москвы. А потом подошли сибирские и дальневосточные дивизии и контратаковали только что вылезших из грязи, но тут же приморожденных уроженцев Рейна, Баварии и Силезии, не привыкших ни к таким температурным перепадам, ни к такому фанатичному упорству противника.

Так складывалась наша победа под Москвой. Одна армия постепенно, от боя к бою, от стычки к стычке, таяла, растягивала свои коммуникации и слабела, а другая, казалось бы, теряла сотни тысяч убитыми и пленными, танки и орудия целыми дивизиями, бригадами и артполками и дивизионами, но, «нечувствительная к потерям», вновь восстанавливала свои силы на новых позициях и с прежним и даже более мощным упорством бросалась в бой.

Итак, Гудериан повернул к Рессете 3-ю танковую дивизию и полк «Великая Германия». Здесь уже стояли, маневрируя на путях отхода 50-й армии, 112-я пехотная и 3-я танковая дивизии. На перехват выходящей из окружения 50-й армии немцы бросили самые лучшие свои части. Элитный полк «Великая Германия» и 3-ю танковую дивизию. Совсем недавно 3-й танковой командовал знаменитый Вальтер Модель, который в те дни севернее вел к Москве 41-й танковый корпус и который совсем скоро возглавит войска 9-й полевой армии. Он передал свою непобедимую дивизию генералу танковых войск Брайту. Для Брайта дело на Рессете против 50-й армии Брянского фронта было подарком

судьбы, возможностью отличиться. 3-я танковая дивизия участвовала во всех боях на пути Великого рейха к мировому господству: в Чешском походе, в Польской и Французской кампаниях, в Белостокско-Минском и Смоленском сражениях. Везде отличалась храбростью и выучкой своих солдат, слаженностью экипажей.

Путь для выхода на Карачев, на юго-восток, указанный маршалом Шапошниковым для выхода 50-й армии, оказался дорогой страданий и огромных потерь. Чего стоила только переправа через реку Рессету.

11 октября утром после артподготовки и залпа «катюш», которые выпустили остатки своего боезапаса, 154-я стрелковая дивизия генерала Я.С. Фоканова [13] пошла на прорыв в направлении населенных пунктов Бояновичи и Нехочи (ныне Калужской области). Оставив Брянск, она шла в авангарде отступающих частей армии. Вначале казалось, что наметился некоторый успех. Двинулись обозы. Но на реке Катогоще ударную группировку, на которую была возложена задача прорыва, контратаковали танки и пехота противника. Ударная группировка понесла большие потери и начала откатываться на исходные. Тем временем действительный успех наметился на другом направлении, южнее деревни Пеневичи, где упорно атаковали батальоны 473-го стрелкового полка и наконец заняли деревню Чистяково и Гутовский лесозавод. Генерал Фоканов тут же перебросил на подмогу полку саперный батальон и артдивизион с приказом закрепиться на занятом рубеже и приступить к наведению переправы через речку Рессету.

473-м стрелковым полком командовал храбрый полковник, опытный солдат, дравшийся с германцами еще в Первую мировую, М.П. Краснопивцев. Неудивительно, что успеха достиг именно его полк. О полковнике Краснопивцеве мы еще расскажем в тульских и калужских главах этой книги. Удивительный человек, настоящий воин. Таких земля рождает редко и словно только для того, чтобы они в трудный для Родины час собирали вокруг себя таких же верных и стойких и шли в самый кромешный бой, в огненный ад – либо умереть, либо преодолеть его.

Итак, успех полка полковника Краснопивцева был развит. Части дивизии закрепились с целью наведения переправы.

Рессета – речка невеликая. Тихая, омутистая. Пойма широкая и болотистая. Для переправы войск крайне неудобная.

Ветхий мост, который возвели здесь до войны рабочие лесозавода, не выдержал веса ЗиС-5 с реактивными установками. Первая же машина, выехавшая на настил, провалилась. Пришлось

строить новый. Мост возводили под непрерывным огнем артиллерии и минометов противника. И вот наконец переправа началась.

13 октября немцы предприняли атаку – на переправу двинулось до батальона пехоты. Однако атака была отбита. Дивизия продолжила переход на восточный берег.

Дальнейшие события сложились таким образом, что судьба 154-й дивизии стала судьбой всей армии.

Во второй половине дня к переправе выехал кортеж штабных машин. Их тут же обступили бойцы. Из машины вышел командарм Петров. К нему направился генерал Фоканов и доложил обстановку. Доклад командира дивизии слушали также член Военного совета бригадный комиссар Н.А. Шляпин и начальник оперативного отдела штаба армии подполковник Ф.Е. Почема.

Командарм выслушал доклад генерала Фоканова и сказал, что переправа 154-й стрелковой дивизии через Рессету с этого часа становится армейской. Командовать переправой он тут же назначил начальника оперативного отделения 154-й стрелковой дивизии майора Б.Г. Вайнтрауба, которому был отдан приказ: приступить к переправе соединений только после того, как будет организовано надежное прикрытие с запада – со стороны Фроловки, с севера – от Хвастовичей и с юга – от Карачева.

В поисках выхода из окружения, ломая котел там и тут, 50-я армия втягивалась в новый мешок, приготовленный немецким командованием. Горловина мешка должна быть стянута надежным, смертельным жгутом именно здесь, на Рессете. Маневр наших частей, оставивших позиции севернее Брянска и сам Брянск, был ограничен до предела. Старая истина – больше всего войска уязвимы на марше.

Остаток дня 13 октября и ночь на 14-е число переправа шла относительно спокойно. Отряды прикрытия окопались севернее, западнее и южнее Лихого болота.

Не зря этому гиблому месту на Рессете люди дали такое имя.

Но пока все шло так, как предписывал приказ командующего.

Усиленные боевые охранения стерегли дороги и тропы, отгоняли небольшие разведгруппы противника, пытавшиеся проникнуть в район переправы. По мосту сплошным потоком двигались войска, обозы, артиллерия, транспорт.

Подошла и начала организованно и быстро переправляться на восточный берег 258-я дивизия комбрига К.П. Трубникова [14] . За ней полки и батальоны других дивизий.

Но немецкая разведка не дремала.

На рассвете 14 октября, заблаговременно подведя

артиллерию и минометы, противник начал пристрелку. Первые снаряды и мины легли в лесу и в болоте, не причинив колоннам вреда. Однако с каждой минутой артиллерийско-минометный огонь становился все точнее и губительнее. Благо погода была нелетной – дождь, переходящий в снежные заряды, густой туман – авиация сидела на аэродромах. Во второй половине дня небо прояснилось. И тут начался ад. Одновременно боевые охранения были атакованы сразу с двух направлений – со стороны Хвастовичей и со стороны Карачева. Немцы обложили переправу и начали сдавливать ее, стараясь захлестнуть петлю на мешке именно здесь и теперь, когда основная масса войск 50-й армии втянулась в район переправы.

Для командиров дивизий и штаба армии стало очевидным, что отход на юго-восток на Карачев невозможен. Там сильные заставы. Гудериан бросил за запечатывание кочующего котла еще одну свою танковую дивизию. Знать бы ему, лучшему танковому генералу, который имел лихие прозвища – «быстроходный Гейнц» и «Гейнц-ураган», что очень скоро, не закончится и октябрь, именно 50-я советская армия, которую он не пустил к Карачеву и Орлу, отжав к Белёву и Туле, быстро восстановившись и пополнившись людьми и вооружением, с новым командующим, встретит его на Оке и остановит на тульском рубеже. Что Тулу он так и не возьмет. Что морозы его танковую армию застанут совсем недалеко от этой переправы и от русских сел и деревень с однозвучными названиями Нехочи, Бояновичи, Пеневичи. Что гибель и пленение большей части окруженной армии и даже смерть ее командующего для судьбы войны и даже московского сражения, да и для его личной судьбы, как солдата своего фюрера, ровным счетом ничего не значили. А ведь судьба пошлет сидеть в Ясной Поляне, руководить атаками на Тулу оттуда. Мог бы и более внимательно почитать «Войну и мир» бывшего хозяина здешнего дома и усадьбы. Не почитал. Пренебрег. Немцы, да и вообще европейцы, всегда себя считали умнее нас, русских. Все лучшие книги они к тому времени уже прочитали, худшие – сожгли.

Боже, как это похоже на новейшую историю!..

На переправу возле Лихого болота налетели пикировщики. Одна из бомб весом около тонны угодила точно в цель: настил и автобусы, которые служили опорами для бревенчатого наката, разметало. Погибли и были ранены сотни людей и лошадей. Переправа прервалась.

И снова с юга от Карачева и с севера вдоль дороги на Хвастовичи возобновила наступление немецкая пехота при поддержке танков и бронетранспортеров. Казалось, судьба не

успевших переправиться решена. Но отряды заграждения выстояли. Обе стороны в том бою понесли огромные потери. Немцы лезли напролом, вводя в бой новые и новые подразделения и танки. Наши бойцы стояли твердо. Истребители танков вели огонь из противотанковых орудий. Стрелки отсекали пехоту. А за спиной саперные части кинулись в болото и принялись ремонтировать настил. И вскоре переправа вновь ожила. Серый поток снова двинулся на восточный берег.

Бывший боец 260-й стрелковой дивизии Д.И. Филько так вспоминал ту злосчастную переправу через Рессету: «Не только 260-я стрелковая дивизия здесь была, но и другие части с других дивизий. В основном гужтранспорт, вместе с людьми. Все повозки были нагружены до предела военным имуществом и военной техникой. Автомашин было мало. Было несколько крытых фургонов, как мы их называли тогда, с ранеными. Много было гражданских подвод со своим имуществом, хозяйством, даже были коровы прицеплены к задкам. Много детей. Очень много эвакуировалось из Брянска. Вот теперь представьте себе, что могло быть во время бомбежки там…»

А вот что вспоминает бывший командир 559-го саперного батальона 299-й дивизии М.Д. Максимцов: «Нужно отдать должное командиру дивизии полковнику Серегину Ивану Федоровичу, питерскому рабочему, коммунисту, участнику Гражданской войны. Собрав командный состав в лесу в районе Хвастовичей, полковник Серегин сообщил решение на прорыв вражеского кольца частями дивизии. Дал указание, как подготовиться к прорыву. Издал приказ: за дезертирство, за паникерство, как и за измену Родине, – расстрел. Это был суровый приказ. Но именно эта суровость, собранная в кулак воля помогли нам с боем форсировать Рессету, прорваться из окружения и снова встать в строй. Саперному батальону приказано было переправить через реку дивизионную артиллерию, батальон связи и штаб дивизии. И вот бойцы саперного батальона, рота за ротой движутся к реке по топкому лугу. И хотя наши артиллеристы, едва мы вышли к берегу, поддержали нас огнем, противоположный берег встретил нас дождем свинца. Должно быть, не осталось ни одного метра поймы болотистой Рессеты, который не был бы полит кровью наших воинов. И все же в ночь с 13 на 14 октября 1941 года, форсировав реку, мы сумели закрепиться на противоположном берегу и двинуть вперед тяжелые машины батальона связи, радиостанции узла связи, переправить машины штаба дивизии и не остаться без артиллерии. Все пушки 843-го артполка шли за ними… 19 октября наша 299-я дивизия заняла оборону по восточному берегу

реки Оки, южнее Белёва, на рубеже Фурсово – Городище. Из окружения вышли все части дивизии, вывели технику, сохранили боеспособность и волю к борьбе. И снова мы дрались, теперь уже на тульской земле».

Для справки. Из 299-й дивизии к Белёву вышли: по одним данным, 825 человек с 26 пулеметами, двумя минометами и четырьмя гаубицами; по другим – около 400 человек без тяжелого вооружения. Одновременно, параллельным потоком, командир 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии майор И.Я. Кравченко [15] вывел к Белёву свой полк в полном составе, при этом вывез всю полковую артиллерию «с превышением лимита в 4 ствола» – подобрал четыре брошенных сорокапятки. Всего майор Кравченко вывел около 5 тысяч человек, среди которых больше половины было присоединившихся в пути и брошенных своими командирами бойцов разных подразделений, и 500 единиц обоза.

Какую награду за свой несомненный подвиг получил майор Кравченко? А «награду» он получил. Подвиг не остался незамеченным.

23 октября, когда 299-я стрелковая дивизия уже стояла в обороне под Тулой, командир дивизии полковник Серёгин, придравшись по мелочам, отстранил майора Кравченко от командования полком и отправил «на расправу» в Тулу. Но в Туле, в штабе 50-й армии, не мыслили категориями зависти и мести за чужой успех и назначили Кравченко начальником Южного боевого участка. «В должности оставить, из 299-й дивизии перевести. Поручить формирование сводного полка. Командарм *Ермаков».* Генерал Ермаков, который в те дни командовал 50-й армией, знал непростой характер майора Кравченко, но он знал и его храбрость, умение организовать бой в самых сложных обстоятельствах. Так сложилась история обороны Тулы, что самый мощный натиск на город был отбит именно на фронте Южного боевого участка и под командованием майора Кравченко. Иван Яковлевич Кравченко снова отличился. Вскоре его назначили заместителем комиссара 154-й стрелковой дивизии. Однако старый и верный недруг полковник Серёгин, как настоящий большевик, продолжал писать во все инстанции новые доносы на своего бывшего комполка. В итоге Кравченко понижают в должности до командира Тульского рабочего полка. И полк под командованием майора Кравченко снова отличается. Об этом рассказ впереди. Вскоре после декабрьского контрудара под Москвой Сталин лично запросил дело непокладистого майора, изучил все обстоятельства и назначил Кравченко командиром 324-й стрелковой дивизии 10-й армии.

События и обстоятельства в первую шеренгу выталкивали

таких, как Краснопивцев, Кравченко. Это были настоящие русские люди, русские офицеры в самом корневом смысле. Ими трудно было управлять, потому что управлять ими умела только стихия войны. Риск, хождение по самому краю были для них обыденным делом. Такие умели брать на себя все и потом за все отвечать. Не паиньки, не ребята-комсомольцы, не тупые исполнители, неспособные к самостоятельному мышлению, а твердые, закаленные ветрами не одного похода и не первой войны солдаты, рыцари чести, умевшие отдавать любые приказы и отвечать за них. Война была главной и всепоглощающей работой этих людей. Как правило, век их на фронте был недолгим. Кравченко погиб в марте 42-го на реке Жиздре. Краснопивцев – почти в те же дни чуть севернее, под Мосальском на Варшавском шоссе, в Долине смерти.

Но вернемся на Лихое болото, на переправу через Рессету.

Из воспоминаний начальника особого отдела 290-й стрелковой дивизии Н.Р. Акабы: «Особенно жестоким, кровопролитным и скоротечным был бой у р. Рессеты. Мы сами залезли в заранее подготовленный немцами мешок. Вдруг со всех сторон нас охватил шквал огня, изрыгаемый пулеметами, автоматами и минометами. Ловушка была подготовлена с немецкой расчетливостью. Наши скоро опомнились, прошли растерянность и паника, закипел бой. Здесь я видел впервые в жизни настоящую неукротимую человеческую ярость, и она победила. Среди атакующих запомнилась молодая женщина – капитан мед службы Гергель, которая с наганом в руке шла впереди на прорыв, стыдя паникующих мужчин. Геройски вели себя у переправы оперативные работники третьего отдела Белых, Попков, Екимов, Нестеров, Заболотный, Моряков, бойцы особого взвода во главе с командиром Темировым. Бой у переправы обошелся нам очень дорого, потеряли много хороших людей».

Из воспоминаний бывшего партгруппорга разведроты 290-й стрелковой дивизии З.В. Зубковой: «К полудню 13 октября на голом Лихом болоте скопилось столько людей, повозок, автомашин, пушек, тягачей, что пройти можно было, только пробираясь под животами коней, под дышлами бричек или щелями между машинами. Болотная земля прогибалась под ногами, как парусина, под колесами она лопалась с глухим выдохом. Пушки, подводы ложились брюхом на прихваченную морозцем ржавую, затоптанную жесткую траву, и вытащить их было нельзя, и тащить было некуда. Переправы не было. Каждые пять минут в реку, туда, где еще виднелись остатки бревенчатого моста, пачками ложились снаряды… К полудню 13 октября не было полков, батарей, батальонов. Под вечер потекли с бугров к

Рессете раненые. Ими были переполнены медпункты. Раненые и больные лежали на машинах, на повозках, на тропинках у реки… Под вечер фашисты ударили из пушек по всему Лихому болоту… Ночь пришла страшная. На кашель, на лязг, на скрип отвечал из заречных кустов пулемет. 14 октября показалось солнце… На Лихое болото прилетели самолеты врага, они высыпали бомбы на остатки переправы и ушли, просматривая Рессету вниз по течению».

Гудериан в своих воспоминаниях записал: «17 октября капитулировала группировка противника, находившаяся в окружении севернее Брянска. Совместно со 2-й армией нами было захвачено свыше 50 ООО пленных и до 400 орудий; были уничтожены основные силы 50-й русской армии».

Гудериан, мягко говоря, позволил себе приврать. Впрочем, жанр мемуаров, даже если это называется дневником, подобные отступления от правды допускает. Во-первых, к 17 октября севернее Брянска наших войск, во всяком случае того количества, которое бывший фельдмаршал вермахта заявил в своих мемуарах, уже не было. Котел откочевал на восток и уже находился не севернее, а восточнее Брянска. Во-вторых, капитуляции 50-й армии, как таковой, не было.

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля…

«Быстроходный Гейнц», как всякий удачливый завоеватель, тоже, должно быть, ждал чего-то подобного от поверженного противника на своем участке фронта. 50-я армия была разбита, этого невозможно отрицать. Но она не была уничтожена и не капитулировала, если прилагать к этому понятию буквальный смысл. Гудериан – человек военный, и он называл вещи своими именами. В данном случае он поступил в большей степени как политик или даже публицист, но не как историк. Тогда же кто бил его под Тулой и в самой Туле, на городских окраинах? Ведь били его те же самые дивизии, которые он «пленил» под Брянском! Бои на линии реки Рессеты стали самыми кровопролитными для 50-й армии. Именно здесь, в один из дней переправы, армия фактически лишилась командования, а значит, единого управления. В бою получил тяжелое ранение командующий генерал М.П. Петров и начальник политотдела А.Г. Журавлев, погибли член Военного совета Н.А. Шляпин и многие работники штаба.

Достоверных сведений о подробностях боя, ставшего подлинной трагедией для армии, до сих пор нет. Удивительным

образом о нем промолчали свидетели и действующие лица, которые впоследствии писали мемуары и потоком издавали их в Воениздате, а теперь молчат военные историки и краеведы. Говорят, что, пока был жив маршал А.И. Ерёменко, в печать о брянском периоде 50-й армии ничего не проходило. Так и было. Хотя, возможно, это просто совпадение.

Позволю себе небольшое отступление, впрочем не отходя от нашей темы.

В 1978 году судьба занесла меня на Рессету, в те самые места, где в октябре 41-го пробивались из окружения дивизии, полки, отдельные отряды и одиночки из северного котла Брянского фронта. Стояло лето. Прекрасная погода. Август. Теплые ночи и знойные дни. Шли вниз по течению Рессеты от деревни под названием Севастополь до села Чернышена. Где-то возле Фомина Верха встретили рыбака. Тот ночевал в стогу в пойме. Вставал на зорьке и таскал щук. А днем отсыпался и грелся на песке. Наш лагерь стоял на одной стороне Рессеты, а рыбак жил в стогу на другом. И вот он, видя, что мы путешествуем по реке, в которой изобилие всякой рыбы, но рыбалкой не занимаемся и не имеем от реки никакого приварка, предложил нам одну из своих удочек. Я пошел по мелководью, чтобы забрать предложенную снасть. В песке на дне реки лежали камни, поросшие тиной. Вначале я хотел пройти по ним, но что-то меня удержало. Когда я вышел на другой берег, сказал рыбаку, что камни на дне какие-то странные, все одинаковые. «А это не камни, – ответил он. – Это черепа. Солдаты. Вот вчера нашел в овраге…» И он вытащил из сена винтовку. Приклад и цевье уже подгнили и потрескались, но все еще держались, прихваченные кольцами креплений и накладками. Затвор ходил, хотя и не до конца.

После этой встречи мы стали обращать внимание на местность, по которой шли. Окопы, ходы сообщения, воронки. Кругом валялось железо войны: каски, противогазы, гильзы, куски колючей проволоки, осколки мин и снарядов, иногда целые снаряды и гранаты. Тогда этого добра в нашей местности было навалом. Если останавливались в лесу, прежде чем развести костер, протыкали землю куском проволоки.

Вернувшись из путешествия по Рессете, я не раз пытался найти в справочниках, энциклопедиях или среди мемуаров хоть что-нибудь, что могло просветлить в голове тот туман, который не давал покоя долгие годы. Не нашел ничего. Лишь в последние годы начали появляться публикации, понемногу проясняющие смутные события тех дней – переход 50-й армии через Рессету, бои в окружении и полуокружении, когда даже командиры не знали точно, куда же надо пробиваться, на юго-восток или все же

севернее, где заслоны противника не столь плотны и сильны…

Лет десять спустя после того путешествия я рассказал о находке поисковикам, указал тот приметный поворот реки на карте. Они подняли останки погибших. Определили, что это были красноармейцы. Их похоронили в братской могиле неподалеку. Вот и все. Местным властям дай бог осилить ремонт могил и памятников. Понимания того, что историю надо изучать, хранить и передавать детям, нет.

О генерале Петрове всерьез начали говорить в конце 80-х. В основном в среде поисковиков, краеведов-энтузиастов. Не обошлось и без курьезов. Сразу несколько человек клялись мне, что нашли останки генерала Петрова и «решают вопрос» о том, где и как хоронить, и что знают доподлинно обстоятельства его гибели и скоро все это опубликуют…

Биографическая справка о генерале М.П. Петрове везде коротка и примерно одинакова.

Родился в деревне Залустежье ныне Лужского района Ленинградской области в крестьянской семье. Русский. Член партии большевиков с 1920 года. Окончил 4 класса сельской школы. Работал учеником слесаря на Путиловском заводе, шофером в Петрограде. Весной 1917 года вступил во 2-й Петроградский красногвардейский отряд, в должности командира отделения участвовал в штурме Зимнего дворца. С 1918 года в Красной армии. Участник Гражданской войны. В 1923 году окончил Тамбовскую военную пехотную школу, в 1925-м – Закавказскую политическую школу, в 1932-м – бронетанковые курсы. Командовал танковым батальоном. Участник гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Командир 2-го танкового батальона, майор, в группе комбрига Д.Г. Павлова. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июня 1937 года. Участник похода советских войск на Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году, командовал 15-м танковым корпусом. В 1940 году – инспектор автобронетанковых войск Западного военного округа, генерал-майор. В 1941 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности командующего 17-м механизированным корпусом в составе 27-й танковой, 36-й танковой и 209-й моторизованной дивизий. Корпус входил в состав Западного фронта и располагался в районе Барановичей. 27 июня корпус был атакован силами 47-го моторизованного корпуса вермахта из 2-й танковой группы и прекратил свое существование. В августе 1941 года М.П. Петров был назначен командующим 50-й армией.

7 октября 1941 года назначен командующим Брянским фронтом. При выходе из окружения был тяжело ранен и умер 10 октября 1941 года, похоронен у деревни Голынка (Карачевский район Брянской области).

Из официальной справки, опубликованной во всех изданиях, как видим, неясно, как погиб генерал Петров, при каких обстоятельствах получил тяжелое ранение, которое вскоре привело к смерти, кто хоронил его тело. Справка вызывала больше вопросов, чем давала какие-либо ответы.

Между тем семья погибшего, вдова Мария Федоровна Петрова и сын Александр Михайлович Петров, пыталась выяснить, что произошло и почему тело мужа и отца оказалось похороненным на оккупированной территории.

В публикациях конца прошлого века удалось найти информацию о том, что «спустя много лет сын генерала инженер-майор Александр Михайлович Петров ездил в те места, где погиб его отец, и сумел собрать некоторые драгоценные подробности о последних днях его жизни.

«В боях на реке Рессете Михаил Петрович был тяжело ранен в верхнюю часть обеих ног. Он не только не мог двигаться, но от потери крови почти все время находился без сознания. Штабу армии предстоял длительный путь с боями. Транспортировка тяжелораненого в таких условиях была невозможна. Пришлось оставить генерала Петрова в одной из глухих деревень под надзором врача и медсестры. Полагали, что в последующем, если даже территория не будет в ближайшее время освобождена, Петров по выздоровлении с помощью партизан вернется на Большую землю. Группа красноармейцев во главе с врачом и медсестрой доставили раненого в небольшое лесное село Голынка (Карачевский район Брянской области). Гитлеровцы обошли это глухое селение стороной. Раненого поместили в доме колхозников Новокрещеновых. Красноармейцы после этого вернулись к своим, а врач и медсестра остались. У Петрова началась гангрена. Он приказал медицинской сестре уйти, видимо для установления связи с партизанами, так как она была уроженкой этих мест. Примерно через неделю – дней десять в Голынку нагрянули гитлеровцы-автоматчики. Врач скрылся в лесу. Раненого же перенести не успели, и он остался у Новокрещеновых. Фашисты пожаловали и в этот дом. Хозяйка укрыла генерала старым тулупом и на вопрос врагов ответила, что это лежит ее хворый мужик, ходивший в лес и подорвавшийся на мине. Никто в деревне не видел генерала, и гитлеровцы ушли, по своему обыкновению начисто ограбив крестьян.

После этого случая врач вскоре привел группу

пробиравшихся на восток красноармейцев. Они сделали удобные носилки из жердей и перенесли генерала на заброшенный лесопункт в 7 километрах от деревни. Здесь жил лесник и несколько человек, скрывавшихся советских людей. Гитлеровцы сюда еще не добрались. Здесь Петров был помещен в отдельной комнате, относительная безопасность позволила улучшить уход. Но гангрена усиливалась. Было решено отвезти его в Карачев, где среди врачей районной больницы были верные люди, с тем чтобы сделать операцию. Начали подготовку к этой сложной перевозке. Сам Петров, однако, не одобрил этого решения. Состояние его резко ухудшалось. Пробыв около 10 дней на лесопункте, Михаил Петрович скончался. Ночью он был похоронен. Это была середина ноября 1941 года.

На похоронах присутствовало несколько десятков крестьян и рабочих из Карачева и соседних поселков. Врач в своей краткой речи на могиле сказал, что хороним Героя Советского Союза командующего Петрова (какими войсками командовал умерший, врач не сказал).

В 1956 году эту могилу показали сыну командарма. Останки Героя были перенесены в Брянск. Тысячи жителей района провожали гроб с прахом М.П. Петрова. Он похоронен сейчас в Брянске на городском кладбище. В дни годовщины освобождения города здесь проводятся митинги» [16] .

Эту историю слово в слово переписывает в своих мемуарах маршал Ерёменко. Предполагаю, что в большей степени именно со слов маршала, а не со слов сына командарма эта история и загуляла из публикации в публикацию. Для Ерёменко такая версия была удобной во всех смыслах. Но выдумки долго не живут. Легенды должны быть красивыми, тогда они принимаются народом и становятся частью местного или общенародного эпоса. Обрастают *новыми подробностями* , и людям уже не надо никакой правды.

Эта же легенда имеет ряд существенных изъянов. И, пока был жив маршал, она тяжелым и неподъемным камнем лежала на истории гибели командарма. Теперь этот камень понемногу изнашивается, рассыпается. Правда начинает просачиваться и выступать на поверхность.

В 1956 году, спустя пятнадцать лет после гибели мужа, Мария Федоровна Петрова сделала письменный запрос по линии военного ведомства, в котором служил Михаил Петрович Петров, и получила вот какой ответ:

«Гр-ке Петровой Марии Федоровне.

Уважаемая Мария Федоровна!

Мы уже сообщали Брянскому облвоенкому, что уточнить место

похорон Героя Советского Союза генерал-майора Петрова Михаила Петровича, к сожалению, не представляется возможным. Он погиб при особых обстоятельствах, на территории, занятой противником, поэтому установить, где именно похоронен, не удалось. По имеющимся неофициальным данным, генерал-майор Петров М.П., будучи раненым, попал в плен и, уже находясь в плену, умер 20.10.41 г. в лагере военнопленных в г. Карачеве Брянской области, в то время оккупированном немецко-фашистскими захватчиками.

Полковник *Голованов* 18.9.56 г.».

Это письмо вдове погибшего генерала не только дает ответы на часть наших вопросов, но еще и красноречивый документ того отношения, которое, можно сказать, царило в официальных кругах и в высоких инстанциях по отношению к родственникам погибших. Какое там – отыскать солдата или лейтенанта? Да еще если он погиб или пропал без вести в окружении или при выходе из окружения. А ведь сколько их до сих пор лежит в Диком болоте и в других болотах, в лесах и оврагах в районе Рессеты, села Красного, Теребени, Клена, Уколицы, Кирейкова на пути к Белёву. Брошенным оказался генерал. Как теперь об этом вспоминать? Так уж лучше забыть…

Из письма видно, что Брянский военкомат уже делал запрос. На местах, как правило, всегда к таким историям относятся добрее, сердечнее. Это в центре все пропускается через сито целесообразности, политики, идеологии. Что ж, тогда, в 56-м, еще был жив и активно служил Родине маршал Ерёменко, готовился писать мемуары. К чему ему был лишний шум вокруг погибшего генерала? Тем более что этот генерал какое-то время, когда штатный командующий попросту пропал, исчез из эфира генштабовских радиостанций, исполнял обязанности командующего войсками фронта, был дублером.

Конечно, здесь автора этой книги можно обвинить в некой надуманности. Но невольно ведь задумаешься, когда сопоставляешь факты, вчитываешься в документы и выявляешь некоторые факты, о которых лучше было бы не знать.

История гибели командарма Петрова еще ждет своего кропотливого и бесстрастного исследователя.

До сих пор, к примеру, неизвестна судьба наград командарма. А он их носил постоянно. Генерал Петров имел: медаль «Золотая Звезда» № 21 Героя Советского Союза (21 июня 1937 года); орден Ленина (21 июня 1937 года); орден Красной Звезды и медаль «XX лет РККА».

Писатель Василий Гроссман в качестве военного корреспондента «Красной звезды» однажды побывал в 50-й армии.

Он встречался с генералом Петровым. Как известно, Василий Семенович вел подробные записи. Вот фрагмент из его фронтовых «Записных книжек»:

«…В избе Петров и Шляпин. Петров – маленький, носатый, лысеющий, в засаленном генеральском кителе, с Золотой Звездой, «испанской». Петров долго объясняет повару, как печь бисквитный пирог, как и почему всходит тесто, как печь пшеничный, а как ржаной хлеб. Он жесток очень и очень храбр. Рассказывает, как выходил из окружения, не сняв мундира, при орденах и Золотой Звезде, не желая надеть гражданскую одежду. Шел один, при полном параде, с дубиной в руке, чтобы отбиваться от деревенских собак. Он мне сказал: «Я всегда мечтал в Африку попасть, чтоб прорубаться через тропический лес, один, с топором и с винтовкой». Он очень любит кошек, особенно котят, подолгу играет с ними.

Адъютанты: у Шляпина – высокий, красивый Кленовкин; у Петрова маленький, подросток, с чудовищно широкими плечами и грудью. Этот подросток может плечом развалить избу. Он увешан всевозможными пистолетами, револьверами, автоматом, гранатами, в карманах у него краденные с генеральского стола конфеты и сотни патронов для защиты генеральской жизни. Петров поглядел, как адъютант его быстро ест с помощью пальцев, а не вилки, сердито крикнул: «Если не научишься культуре, выгоню на передовую, вилкой, а не пальцами есть надо!» Адъютанты генерала и комиссара делят белье, разбирают его после стирки и норовят прихватить лишнюю пару подштанников. Переходим через ручей. Генерал перескочил, комиссар вошел в ручей и помыл сапоги. Я оглянулся: генеральский адъютант перепрыгнул ручей, комиссарский зашел в воду и помыл сапоги. Вечер при свечах. Петров говорит отрывисто. На просьбу командира дивизии отложить атаку из-за убыли людей говорит: «Передайте ему, я тогда отложу, когда он один останется». Затем сели играть в домино: Петров, Шляпин, девочка – толстощекая и хорошенькая Валя – и я. Командующий армией ставит камни с грохотом, прихлопывая ладонью. Играем в «обыкновенного», потом в «морского», потом снова в «обыкновенного». Время от времени игра прерывается: в избу входит майор-оперативщик и приносит боевые донесения. Утро. Завтрак. Петров выпивает стаканчик белого, есть ему не хочется. Он, усмехаясь, говорит: «Разрешено наркомом». Собираемся вперед. Сперва в дивизию, потом в полк. Машину оставили, идем пешком по мокрому, глинистому полю. Ноги вязнут. Петров кричит испанские слова, странно они звучат здесь, под этим осенним небом, на этой промокшей земле. Полк ведет бой, не

может взять деревню. Пулеметы, автоматы, свист пуль. Жестокий разговор командарма с командиром полка. «Если через час не возьмете деревни, сдадите полк и пойдете на штурм рядовым». – «Слушаюсь, товарищ командарм», а у самого трясутся руки. Ни одного идущего в рост человека, все ползут, лезут на карачках, перебегают из ямы в яму, согнувшись в три погибели. Все перепачканы, в грязи, вымокшие. Шляпин шагает, как на прогулке, кричит: «Ниже, еще ниже пригибайтесь, трусы, трусы!»

Беглые наброски Василия Гроссмана существенно дополняют портрет командарма Петрова. По всей вероятности, это был человек войны, своего рода романтик, затянутый в армейский мундир. Чего только стоит мечта об Африке. Ведь мечтал не просто прорубаться сквозь джунгли, а – с винтовкой в руке… Эти романтики храбро дрались в Испании, а после Великой Отечественной – в Корее, на Кубе, во Вьетнаме – и в Африке.

Из записей Василия Гроссмана также понятно, что своих наград генерал Петров не снимал никогда. Не надо забывать, что существовал и в буквальном смысле «со страшной силой» действовал приказ Верховного № 270: «Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образцы смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя…»

Гроссман дает и еще один важный штрих: палка, которой генерал отбивался от *местных* собак. Местные, как видно и из других свидетельств, плохо относились к солдатам и командирам Красной армии (см. в «Приложениях» дневник майора НКВД Ивана Шабалина).

Генерал Петров уже побывал в окружении под Барановичами. Его 17-й мехкорпус на шестой день войны попал под мощнейший удар 2-й танковой группы Гудериана и был разбит. Он хорошо знал, как себя вести и как держать войска, чтобы не начался хаос, который сметет все – и армию, и судьбу каждого.

В июне генерал Петров имел корпус, который еще только-только формировался. 30 тысяч личного состава, 63 танка (в основном легких), 10 тысяч винтовок. Когда командарм-4 генерал Коробков приказал выводить на линию обороны 27-ю танковую дивизию, не имевшую танков, Петров отдал распоряжение командиру дивизии полковнику Ахманову вывести на позиции только вооруженные подразделения. Ахманов занял оборону с 3 тысячами бойцов, вооруженных винтовками. Остальные 6 тысяч, безоружных, сосредоточил в лесу в 18 километрах восточнее, в

тыловом районе.

На участке фронта 17-го мехкорпуса наступал 47-й моторизованный корпус генерала танковых войск Лемельзена – две танковые и одна моторизованная дивизии. В 17-й танковой дивизии насчитывалось 202 танка, в 18-й – 218 танков. Кроме того, 29-я моторизованная дивизия имела танковый батальон – около 70 танков.

Лемельзен буквально разметал оборону наших войск у Барановичей.

Генерал Петров из того, первого окружения выйдет. Выйдет и полковник Ахманов. Ахманов пройдет всю войну. Победу встретит генерал-лейтенантом, командиром 23-го танкового корпуса, Героем Советского Союза. В ноябре 1949 года генерал Ахманов застрелится.

Генерал Лемельзен и его 47-й танковый корпус, словно судьбой, роком назначенные для исполнения своей миссии, преследовали генерала Петрова и его войска до Брянска.

Под Брянском и на Рессете 50-ю армию снова кромсали танки Лемельзена.

За летние бои генерал танковых войск Иоахим Лемельзен получил от фюрера Рыцарский крест. Через полтора года за успешные действия в ходе операции «Цитадель» он будет удостоен дубовых листьев к Рыцарскому кресту. На этом его война на Русском фронте завершится. До крушения Третьего рейха он будет воевать на Западе. В 1945 году, 6 мая, он сдастся со своим штабом (14-я армия) британским войскам. Через три года выйдет на свободу. В сущности, счастливая судьба. Не погибнет в брянских болотах, не застрелится. Хотя и не станет победителем. Видимо, столь ничтожный срок заключения суд вынес ему, учитывая его приказы, в которых запрещались необоснованные расстрелы пленных. Лемельзена также раздражало массовое мародерство его солдат на оккупированной территории, отстрел в деревнях кур. Он издал несколько приказов, запрещавших солдатам вольничать в деревнях и в курятниках. Так что в суде генерал, видимо, смог предъявить и «куриные» приказы, что тоже повлияло на смягчение наказания. Так что этот немецкий офицер, на фоне своих коллег и соотечественников, оказался великим гуманистом. И на фоне его успешной военной карьеры и всякого другого благородства русский генерал Петров кажется этаким большевистским монстром: «Он жесток очень и очень храбр…»

Но жестокой оказалась и судьба для многих генералов Красной армии 41-го и 42-го годов. Так что их жестокость оправдывала жестокое время. Эти люди не щадили и себя.

Погибший под Рославлем командующий 28-й армией генерал Качалов, ко всему прочему объявленный еще и трусом и предателем; застрелившийся под Вязьмой командующий 33-й армией генерал Ефремов; погибший в бою в те же октябрьские дни, что и Петров, командарм-24 генерал Ракутин; сгоревший в командирском КВ командующий 5-й танковой армией генерал Лизюков; в воздушном бою сбитый и сгоревший в самолете генерал авиации Полбин; расстрелянные и замученные в плену генералы Тхор, Пресняков, Карбышев. Погибшие в окружении генералы Алавердов, Кирпонос, Панфилов, Доватор, братья Егоровы, Черняховский, Ватутин… Пропавшие без вести Буданов, Евдокимов, Котельников, Честохвалов, Смирнов, Ларионов… Красная армия потеряла 162 генерала.

Такие, как Петров, волевые и честолюбивые, превыше всего ставившие служение Красной армии и любовь к военному делу, довольно быстро продвигались по карьерной лестнице. Командиры дивизий и корпусов и армий в 41-м, они заканчивали войну маршалами, командующими войсками фронтов, кавалерами полководческих орденов.

Документы, найденные в Подольском архиве, на судьбу генерала Петрова света не проливают. И все же их необходимо привести. Хотя бы для того, чтобы понять атмосферу, царившую и в штабах, и на дорогах в районе Белёва и реки Оки.

Переговоры 24 октября 1941 года.

Переговоры ведут офицеры связи штаба Брянского фронта и Генерального штаба капитан Цехмистренко и старший лейтенант Чудаков.

«– Если имеешь время, я дам материал о ходе выхода из окружения 50 армии.

– Давайте, это важно нам.

– Даю. 24.10.41 к нам в штаб прибыл майор БОРИСОВ из штаба ВВС 50 армии, который двигался совместно с наземными войсками. Он доложил: 13.10 армия сосредоточилась у переправы через реку РЕССЕТА в районе Гутовского лесозавода (20–25 км северо-восточнее БРЯНСКА), причем армия собралась в одно место. Все перемешалось: люди, артиллерия, машины и повозки. В таком состоянии армия находилась до утра 14.10.1941. С рассвета 14.10.41 154 сд отбросила немцев и форсировала реку. За дивизией некоторое время спустя двинулся штаб армии, но на восточном берегу он был обстрелян минометным и пулеметным огнем. Майор БОРИСОВ, подполковник ПОЧЕМА, генерал-майор ПЕТРОВ, полковник БОГДАНОВ и член Военного Совета, фамилию не помнит, южнее переправы организовали батальон пехоты и решили нанести удар в тыл немцам, которые к этому

времени оттеснили прикрывающие части к самой переправе. У переправы творилось что-то невероятное. Артиллерия вела огонь тут же, с колес, часто поражая своих. Раненых и убитых никто не подбирал. В процессе обходного маневра нашего организованного батальона последний распался на две части. Первая часть совместно с БОРИСОВЫМ вышла в БЕЛЁВ. Генерал-майор ПЕТРОВ остался со второй частью батальона, судьба которого неизвестна. Части армии имели задачу и двигались на БЕЛЁВ. Маршрут движения БОРИСОВА: ТЕРЕБЕНЬ, ТРОСНА, ВЫТЕБЕТ, РАДОМНА, СЕРЕДИЧИ, БЕЛЁВ. После переправы на всем отрезке пути он немцев не встречал. По опросу местных жителей, последние сообщали, что немцы заходили в деревню, брали продукты и двигались на восток и северо-восток. По докладу БОРИСОВА, немцев было не больше батальона с 5 минометами. Материальная часть гвардейского дивизиона уничтожена самими артиллеристами. Все. Ясно ли?

– Все ясно» [17] .

Переговоры 19–20 октября 1941 года.

Переговоры ведут офицеры связи Маслюков и Залетов.

«– Передаю для ЗАЛЕТОВА. АРГУНОВА дождаться и лично с ним поговорить не смог, снова связь портится. Передаю то, что АРГУНОВЫМ было установлено в 16.00 часов у их телеграфистов. Записка генерал-майору ЗАХАРОВУ и члену Военного Совета МАЗЕПОВУ.

Здравствуйте. Докладываю обстановку:

Первое: на сегодня все хозяйства, за исключением 276 (сд), вышли на меня, приводятся в порядок, организуем отпор врагу.

Второе: лично ПЕТРОВ еще не появился. Имею сведения о нем, что 12.10.41 он перешел РЕССЕТА у завода юго-восточнее ХВОСТОВИЧИ. Вышедшие командиры видели его и 15.10.41 северо-восточнее этого завода.

Третье: вчера прибыл с частью штаба подполковник ПОЧЕМА, очень немного их осталось.

Четвертое: сегодня полностью выбрался ИВАНОВ. Я прошу вашей телеграммы через генерала КУРКИНА в отношении ИВАНОВА. Думаю, что наиболее целесообразно его отправить, но для этого нужно дать телеграмму.

Пятое: в основном свою задачу я выполнил. Все собрано, налаживается прямая связь всех хозяйств непосредственно со Штармом. Включаю свою опергруппу в аппарат ПОЧЕМА. Жду ваших указаний.

Шестое: очень прошу, пришлите обещанное: ящик папирос, бочонок масла. Для войск нужно белье, портянки, обувь, шапки, телогрейки.

Седьмое: противник 18–19 числа перешел к активным действиям из района КОЗЕЛЬСК и из района УЛЬЯНОВО. Начались бои на подступах к БЕЛЁВУ. Пока на подступах к БЕЛЁВУ северо-запада и запада. Пока успешно отражаем.

20.10.41 АРГУНОВ. Передал капитан МАСЛЮКОВ 19.22 20.10.41.

Вот все, что я получил от АРГУНОВА. Но думаю, что в личном разговоре с АРГУНОВЫМ уточню более подробно положение частей на фронте. *МАСЛЮКОВ* » [18] .

Для того чтобы понять динамику событий и то, насколько неточен был немецкий источник (Гудериан), привожу серию боевых донесений штабов разного уровня за октябрь 1941 года.

Штаб Брянского фронта. Боевое донесение № 011.

«16.10.41.16.00

1. Группа полковника Аргунова продолжает занимать прежнее положение.

173 сд занимает рубеж Слободка, Дебри, Уколицы.

Штадив – Сорокино.

Запасный полк продолжает оборонительные работы непосредственно западней Белёв.

2. Группа полковника Иванова (бывшая группа Рейтер) от р. Витебеть с рубежа Витебеть, Сиземка подходит Белёв.

3. Группа полковника Грачева ведет бой за Волхов, который переходит из рук в руки.

4. У Иванова и Грачева до 400 машин без горючего, которое подается распоряжением полковника Аргунова.

Штаб группы Аргунова – Белёв.

Группа с 16.10 перешла в подчинение командарма 26.

5. Части 50 армии подходят к участкам, занимаемым частями группы Аргунова.

На 16.10 вышли:

а) 217 сд – 300 человек;

б) 279 сд – 400 человек без обозов;

в) 299 сд – около 1500 человек с обозами;

г) 154 сд – около 1200 человек с обозами и частично с боевой техникой;

д) 260 сд – около 200 человек мелкими группами и одиночками.

Место нахождения штарма 50 уточнить не удалось.

6. Правее в районе Козельск ведет бой с частями пр-ка 31 кд.

Зам. начштаба фронта полковник *Сандалов» [19]* .

Что произошло со штабом 50-й армии? Где генерал Петров? Где член Военного совета Шляпин? Почему не выходят на связь? Это волновало все штабы. Это, спустя десятилетия, продолжает

волновать и нас.

Удивительное дело, до сих пор ни брянские историки и краеведы, где произошла трагедия, ни калужские, где развертывались самые жуткие фрагменты драмы 50-й армии, ни тульские, куда стремились полуразбитые, потерявшие основную часть личного состава и почти всю боевую технику и тяжелое вооружение дивизии, не озаботились сколько-нибудь подробным, с описанием каждого дня каждой дивизии, исследованием октябрьской катастрофы 50-й армии и трагедии ее командующего. Ни в Брянске, ни в Калуге, ни в Туле за последние десятилетия не появилось ни одной серьезной публикации на эту тему. Разве не было так называемого социального заказа? Нет интереса к своей истории? Не хочется заниматься историей поражений? Но ведь из них, из поражений, собиралась будущая победа под Тулой и Калугой! И мы это попытаемся проследить в ближайших главах.

Да, действительно, заниматься военно-патриотическим воспитанием – это не гвардейские ленточки раздавать…

Из оперативной сводки штаба Брянского фронта 20 октября 1941 года:

«…К 20.00.

Первое. Армии фронта продолжали бои в районах Шеламовка, у выс. 235.2, Мал. Борзенки, Фатеж и, обороняясь на занимаемых рубежах на правом фланге, продолжали отход по рубежам на левом крыле фронта.

Штадив с 13.30 в окружении в районе Мал. Борзенки.

41 кд атаковала в пешем строю во фланг пр-ка, наступающего от Шеламово на выс. 235.2. Результатов атаки не поступило.

Данных о 194, 290, 260, 278 сд и 108 тд нет.

По донесению начштарма 50, матчасть 1 и 3 дивизионов первого гмп подорвана в районе Гутовского Завода. До 8 установок 2 дивизиона без снарядов 8.10 и 9.10 проследовало через Белёв на восток. Личный состав 1 и 3 дивизионов через Белёв проследовал в Москва» [20] .

Из сводок следует, что дивизии, заняв новые рубежи, уже дерутся. Перед ними противник в прежней силе, а они держатся.

Что ж, такова жизнь, а вернее, война: командарм погиб, а армия продолжает драться.

Так что судьбу генерала Петрова оставим историкам и писателям.

У генерала есть хотя бы могила. У тысяч нет ни могил, ни даже имен.

В 1992 году на 41-м километре реки Рессеты – о, магия чисел! – поисковиками был найден железный ящик – дивизионный сейф с

документами. Из-за повышенной влажности документы не поддавались прочтению. В научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз слипшиеся листы все же разделили и определили: документы, находящиеся в железном ящике, датированы 1941 годом и имеют хозяйственное значение. Это были различные ведомости, авансовые отчеты, расходные ордера, квитанции об оплате, денежные аттестаты и прочее. Эксперты установили, что принадлежат они 290-й стрелковой дивизии 50-й армии. Тремя годами раньше там же, на Рессете, поисковики нашли сейф с партийными документами 1026-го стрелкового полка 260-й дивизии. Стали известны многие фамилии бойцов и командиров 50-й армии, которые не были учтены ни в каких документах и не проходили ни по каким спискам. Так бойцы брянских поисковых отрядов возвращают в историю имена ее героев.

Отяпов встал на колени, соскоблил грязь с лица. Глаза видели, но плохо. Оранжевая пелена мешала разглядеть все, что происходило вокруг. Рядом карабкался сержант Курносов. Похоже, он был жив. Пулеметчик лежал рядом и смотрел на Отяпова с надеждой. По щекам его текли слезы. Совсем молоденький, лет, может, восемнадцати, разглядел его Отяпов.

– Не брошу я тебя, не брошу, сынок. Как-нибудь поволоку.

Он встал и начал поднимать пулеметчика. Тот, как мог, помогал ему, карабкался на спину, хватался за скользкую мокрую шинель. Отяпов уже знал, что не бросит его ни при каких обстоятельствах.

Лес был рядом. Туда сломя голову бежали те, кому удалось перебраться на этот берег.

Левее послышалась стрельба. Отяпов прислушался и сразу все понял: вот те на, называется, ушли, вырвались…

По краю болота бежали немцы. Они старались держать цепь, время от времени останавливались, некоторые припадали на колено и стреляли из винтовок. Клочки пламени взблескивали по всей цепи.

Вот тебе и вышли из окружения…

Пули вжикали над головой, рвали землю под ногами. Никто из бегущих к лесу на огонь немцев не отвечал. Эх, некому подать команду, лихорадочно соображал Отяпов. Да и винтовки у него нет. Только горсть патронов в подсумке.

– Стой! – закричал Отяпов, уже не понимая, что делает. – Ложись! Приготовить оружие!

Несколько бойцов упали рядом. Захлопали затворы.

– Огонь!

Раздался нестройный залп, потом другой.

– Эх, мать вашу германскую разэтак!.. – матерился Отяпов.

Он и сам стрелял из винтовки, неизвестно как оказавшейся в его руках. Рядом лежал сержант-связист и тоже вел огонь по краю болота, где залегла немецкая цепь.

И тут из леса стали выскакивать серые шинели с винтовками наперевес.

– Наши!

Возле болота началась рукопашная. Но Отяпову и его товарищам было не до нее.

Откуда-то взялась повозка с Лидкой. Лидка напуганная, в глубоко надвинутой пилотке. Лицо перепачкано грязью и кровью. В повозке лежал, болтался на ухабах пьяный комбат.

– Постой, Лидушка! Сил моих боле нет! – И Отяпов сгрузил в повозку, прямо на комбата, свою ношу. – Вези, доченька. С Богом.

И они навалились на грядки, чтобы поскорее вытолкнуть повозку из поймы на горку, в лес.

В лесу комбат пришел в себя и начал выбираться из повозки. Его мутило.

– Эх ты, шваль подколесная, – вслух думал о нем Отяпов. – Сколько нынче хорошего народу побило, а тебе хоть бы что… Вон сколько харчей перепортил. А тут маковой росинки во рту не было уже сутки.

Отяпов отвернулся, чтобы не смотреть на позор своего командира. Это он сейчас такой, подумал он, а завтра протрезвеет, осмелеет и опять ими командовать станет, орлом поглядывать да покрикивать.

Из поймы в сторону болота, куда отошли немцы, бежали бойцы. Тащили пулеметы. Ездовые гнали повозки, нагруженные минометными трубами и ящиками с боеприпасами. Командовал отрядом худощавый капитан, тот самый, который торопил их на рассвете перед переправой. На плече он держал черный трофейный автомат. Теперь в нем торчал длинный рожок. Капитан подошел к ним, заглянул в повозку.

– Капитан Титков? Что с ним? Пьян?

И Лидка, и Отяпов, и бойцы, оказавшиеся рядом, молчали. Словно позор капитана Титкова, будто из отхожего ведра, обгадил и их.

– А ну-ка, ребята, ставь его к сосне! – И капитан опустил автомат и оттянул затвор. – Ставь, ставь! Согласно приказу номер двести семьдесят… Как приказывал товарищ Сталин? – И капитан пронзил Отяпова холодным блеском остановившихся глаз. – Товарищ Сталин приказывал: если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. А потому товарищ Сталин очень правильно

приказал: трусов и дезертиров…

Но не успел он договорить, как несколько мин с металлическим хряском обрушилось на дорогу и полянку, где накапливались выходящие из поймы бойцы и повозки.

Отяпов и бойцы попадали кто где стоял. А когда подняли голову, ни капитана, ни его подчиненных ни возле повозки, нигде поблизости не увидели. Только голос его, хрипловатый, с тугой металлической окалиной, рокотал где-то внизу, в стороне переправы.

Все в лес, подальше от этой проклятой реки, подумал Отяпов, а этот назад пошел и людей своих повел. Вот кому сам черт не брат. Вот это капитан. С таким и умереть не страшно.

Они затащили на повозку своего комбата. Лидка потерла клочком соломы, выдернутой из подстилки, его заблеванную шинель.

– Вези, Лидка, – махнул рукой Отяпов. – Что ж делать. За него ведь, и такого, с тебя спросят. Да парня не брось. Спасибо за перевязку. Даст Бог, выживет. Вези скорей.

Возле дороги строили вышедших. Командовал лейтенант в кожаной куртке и рыжей портупее.

Отяпов с сержантом тоже стали в строй. Хорошо, Курносов вынес его винтовку. Сейчас бы лейтенант этот, с рыжей портупеей, тоже наганом стучал бы ему в лоб:

– Где винтовку бросил, сучье отродье! Бегом марш! И чтоб через десять минут доложил о полной боевой готовности!

Лейтенант ходил перед строем, как ворон, готовый клюнуть. Револьвер он держал в руке.

– Наша задача – не дать противнику захватить переправу! Оттеснить в болото… Сейчас подвезут боеприпасы. По банке консервов на брата и по три сухаря. Патронов можно брать до двух боекомплектов.

– Ну вот, Отяпов, эти хоть покормят, – толкнул его сержант Курносов.

Отяпов с облегчением вздохнул. Интересно, какие консервы, мясные или рыбные. Любые хороши. Лучше бы, конечно, мясные…

Лейтенант скомандовал «Вольно». У кого имелась махорка, сразу закурили. Ждали обещанные консервы и сухари. Продукты действительно вскоре привезли на широкой армейской повозке. Лейтенант принялся делить пайки. А старшина, управлявший повозкой, открыл ящики с патронами и, улыбаясь щербатым ртом, сказал:

– Ну, налетай, кому пряного посола не хватило.

«Пряного посола» хватило всем. Скумбрия в масле —

тоже вещь хорошая. У сержанта Курносова откуда-то взялся немецкий штык-нож. Он тут же ловко крутанул им крышки консервных банок. Облизал плоское лезвие, сунул штык-нож за голенище.

Отяпов ловил пальцем скользкие рыбные кусочки, с тоской наблюдая, как быстро пустеет банка. Вскоре в серебристой посудинке остался только запах. Но и пустую ее выбросить было жалко. И только когда сержант Курносов поднес каску, наполненную блестящими патронами, он бросил банку в кусты и расстегнул крайний подсумок. Патроны были уже в обоймах.

Рассовав боекомплект по подсумкам и карманам, Отяпов осмелел и подошел к старшине.

– Тебе чего, папаша? – спросил старшина.

– Да вот… – И Отяпов указал на свой негожий ботинок, скрученный телефонным проводом. – Обуви сменной на вашем складе, случаем, не имеется?

– Имеется, – живо согласился старшина и указал за сосны, где были сложены в ряд убитые во время минометного обстрела. – Любого размера и фасона. Можно даже подобрать трофейные – с железными подковками.

Эх, в рыло бы тебе, складская душа, подумал Отяпов, глядя на съеденные то ли махоркой, то ли чифирем редкие зубы старшины.

Вскоре начали строиться. И тут прибежал боец, которого лейтенант прогнал за винтовкой. Ему тоже выдали паек и патроны.

– Ну что, Гусёк, нашел свою судьбу? – окликнул бойца лейтенант.

Он так и держал наган в руке.

– Нашел, товарищ лейтенант. Там, возле моста, уронил… Обстрел начался, ну я и…

– Молодец! Даже если винтовка не твоя.

Интересно, Гусёк – это фамилия или прозвище? Отяпов разглядывал бойца. Невысокий ростом, длинная, не по росту, шинель. Такие урезают на ладонь – на фитили для коптилок.

Пошли. Гусёк все время держался возле Отяпова и сержанта. Тот помог ему откупорить банку с рыбными консервами. Гусёк буквально проглотил ее содержимое. Масло текло по щекам, по дрожащим губам, и тот облизывал их и улыбался счастливой улыбкой.

– Расстрелял бы, – кивнул Гусёк на лейтенанта, который шел впереди с наганом в руке. – Если бы винтовку не нашел, как пить дать расстрелял. Ротный не шутит. Он у нас такой…

Где теперь его рота? Где старший лейтенант Безлесов?

Почему он с чужим ротным идет куда-то? А куда идет? Видать, в бой. Немцы рядом. Их только отогнали к болоту.

Переправа снова заработала. Это было ясно по тому, как серый поток снова выплеснулся из поймы и несколькими дорогами стал втягиваться в лес на восточном берегу Рессеты.

А куда вел их этот самоуверенный лейтенант в кожаной куртке? Надо было уходить в лес с Лидкой и комбатом. Сейчас бы, может, уже возле кухни стояли, кашу бы из котелков дергали. Отяпов с неприязнью вспомнил о комбате. И почему таким сволочам все время везет? Вот и капитан его не расстрелял. И на мосту под снаряды не попал. И немцев вовремя от переправы отбили. И сейчас, видимо, благополучно едет в тыл на мягком сене под присмотром этой дуры Лидки.

Впереди слышалась стрельба. Тарахтел «Максим», делая небольшие паузы. Очереди длинные, такие делает неопытный пулеметчик. Или противника не видит, лупит наобум лазаря.

Из-за деревьев им навстречу выбежал еще один лейтенант.

– Вот, кого смог набрать… Шестьдесят два человека при двух пулеметах. – Лейтенант в кожаной куртке махнул наганом, и Отяпову показалось, что он посмотрел на него. – Все с оружием. Даже Гусёк. Третью винтовку за сутки бросает. Пристрелить – патрона жалко. – И лейтенант засмеялся.

Гуська трясло. Он водил по прицелу грязной протиркой, продувал намушник и украдкой поглядывал на лейтенантов.

– Сидят, не рыпаются? – спросил тот, которого Гусёк называл ротным.

– Пока сидят. Но, думаю, скоро полезут. – Второй лейтенант был помоложе. И одет попроще, в стеганую телогрейку и буденовку. В руке ППШ.

– Без поддержки минометов или артиллерии не полезут. Ждут усиления.

– Сколько их там, неизвестно. Думаю, не меньше роты. Пленного взяли. Ребята из второго взвода поймали возле болота. Показал, что из полка «Великая Германия», что полк только что переброшен с северного участка фронта, с Варшавского шоссе.

– Хорошо, что погода нелетная.

– Да. Туман. Хоть что-то… Всерьез за нас взялись.

Немного погодя лейтенанты разошлись. Лейтенант в кожаной куртке ушел на левый фланг. Другой, сбив на затылок буденовку, оглянулся на бойцов:

– Приготовиться к атаке. Штыки!..

Какие там штыки… Штыки давно уже побросали, лишний груз. Но Гусёк свой не бросил, прилаживал к стволу. Руки у него дрожали, и штык никак не защелкивался. В конце концов он его

бросил на землю и отшвырнул ногой в сторону.

– Дай-ка сюда. – И Отяпов ловко, одним движением насадил штык на ствол Гуськовой винтовки. – На, воюй.

– Пошли, – негромко и не по уставу сказал лейтенант, встал и в полный рост пошел вперед.

Отяпов немного повременил, словно дожидаясь, когда немецкий пулемет срежет храброго лейтенанта. Но тот вошел в просвет между деревьями, оглянулся, сбросил с плеча ППШ. И Отяпова будто сорванная с пазов пружина выбросила из-за сосны и понесла вперед, к болоту.

Такого командира бросать нельзя, к такому надо держаться поближе. Это Отяпов хорошо усвоил по предыдущим боям.

Болото заплыло туманом. Виднелись лишь сухие шесты ольх, будто воткнутые в снег.

Немцы почему-то молчали.

Лейтенант вначале шел, а потом, поняв, что бойцы поднялись, побежал вперед. Он бежал так быстро, как мальчишка, которого невозможно догнать. Куда ж ты, лихой, навстречу своей смерти так спешишь, хотелось сказать Отяпову, едва поспевавшему за ним.

И тут произошло то, о чем потом вспоминали выжившие и помнили всю войну, потому что такое, даже на передовой, случается крайне редко.

В тумане начали проступать какие-то столбики. Послышался смутный шум, похожий на движение многих людей.

Вот они, понял вдруг Отяпов и, испугавшись, что бежавшие рядом Курносов и Гусёк могут не выдержать и попытаются залечь или как-нибудь по-другому уклониться от неминуемой встречи, крикнул первое, что пришло в голову:

– Держи строй, ребята!

Немцы шли ровной цепью с одинаковыми интервалами. Ни выстрела, ни крика команд. Они уже все решили, как разделаться с их отрядом и двумя храбрыми лейтенантами.

Вначале зарычали на левом фланге. Там, в тумане, видать, схватились те, кого вел лейтенант в кожаной куртке. А уже через мгновение вихрем захватило и остальных.

Глава 3 «Тайфун» остановлен под Тулой

«2-я танковая армия продолжала наступление на Тулу…»

Слияние армий: 50-я и 26-я. У армии новый командующий – генерал Ермаков. Состояние армии перед сражением за Тулу. Белёвский боевой участок полковника Аргунова. Судьба 194-й стрелковой дивизии полковника Сиязова. Воспоминания артиллериста. Воспоминания солдат и офицеров дивизий, вышедших из окружения. Гудериан гонит свои танки к Туле. Грезы Гитлера.

23 октября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о слиянии 26-й и 50-й армий:

«В целях удобства управления Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

1. С 12.00 23.10.41 года 26 армию слить с 50 армией, после чего 26 армию расформировать.

2. Командующим 50 армией назначить генерал-майора Ермакова.

Военному совету фронта немедленно отправить тов. Ермакова к месту новой службы.

Впредь до прибытия тов. Ермакова командование 50 армией возложить на генерал-майора Куркина.

Начальником штаба 50 армии назначается полковник Аргунов.

3. Штаб 26 армии, управления и спецвойска армии использовать на усиление штаба 50 армии.

Оставшийся за штатом личный состав 26 армии направить в распоряжение начальника Главного управления кадров КА.

4. Командующему 26 армией генерал-майору Куркину и начальнику штаба 26 армии генерал-лейтенанту Соколову по сдаче должностей прибыть в распоряжение Ставки.

5. 50 армию включить в состав Брянского фронта.

6. Штаб 50 армии развернуть в Тула.

7. Разграничительную линию с Западным фронтом установить – Сухиничи, Перемышль, Титовка, Лаптево, Коровино, Рыбное – все для 50 армии включительно.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования Зам. начальника Генштаба Красной Армии
Василевский» [21] .

А вот документ, который характеризует состояние армии в первые дни после выхода из окружения:

«ДОНЕСЕНИЕ
заместителя начальника Оперативного отдела
штаба 50-й армии
начальнику штаба Брянского фронта
о состоянии и положении частей армии
(23 октября 1941 г.)

Начальнику штаба Брянского фронта

Доношу состояние и положение частей 50 армии к утру 23.10.41 г.

1. Штаб армии в составе подполковника Почема, нач. артиллерии полковника Леселидзе, оперотдел 2 чел., штаб артиллерии 3 чел., разведотдел 4 чел., а всего 50 командиров находится Астафьево и 23.10 сосредоточивается Арсеньево. Сведений о нахождении командующего и чл. Военного совета с 18.10 нет. До этого он с подразделениями

1 гвардейского полка следовал из Льгово на Знаменское.

2. В подчинении штаба армии находятся:

а) 260 сд во главе с к-ром дивизии полковником Хохловым. Состав: кнс – 84, мкс – 79, рядовых – 241, всего 404 чел., винтовок 280, артиллерии и пулеметов нет.

Штадив – Ниж. Савинки.

б) 278 сд во главе с начполитотдела бат. комиссаром Зиновьевым – в Астафьево 252 чел., в Арсеньево 105 чел. Сведений о командире дивизии полковнике Мелешко нет, где штадив – неизвестно.

в) 151 пап; кнс – 25, мкс – 39, рядов. – 41, всего 105 чел. Одно 108-мм орудие с трактором выведено в р-н Белёв, положение остальных орудий (из боя выведено 10) неизвестно. На походе колонну бомбило 27 бомбардировщиков пр-ка. К-р полка майор Боголепов убит. Полк сосредоточивается Манаенки.

г) 5 осб: кнс – 28, мкс – 25, рядового – 100, всего

153 челов. Сосредоточен Манаенки. Сведений о местонахождении к-ра б-на нет.

д) 96 полк связи – всего людей 220 чел., одна машина АСК, кабеля 14 км, тел. аппаратов 10. Сосредоточен в Манаенки. К-р полка капитан Преображенский ранен, находится в полку. Все радиостанции разбиты в бою у Гутовского лесозавода.

е) 86 озад – 48 чел. сосредоточены Манаенки. Матчасть утеряна.

ж) 73 полк НКВД в составе 200 человек сосредоточен в Манаенки. Командует военком полка бат. комиссар Трубников.

з) 9 запасный полк в составе 150 человек сосредоточен в Манаенки.

и) 761 ап ПТО в составе 30 чел. сосредоточен в Манаенки.

Сведений о матчасти и командовании нет.

к) 643 ran в составе 40 чел. сосредоточен в Манаенки. Командования нет. Сведений о матчасти нет.

3. В подчинении белёвского боевого участка находятся:

а) 299 сд в составе: кнс – 220, мкс – 190, ряд. – 900, всего 1320 чел.; лошадей – 490, ст. пулем. – 12, ДП – 9, ППШ – 28, винтовок – 870, минометов – 13; пушек: 45-мм – 4, 76-мм – 6, 122-мм – 4, 76-мм ПА – 4. 20.10 дивизия вела бой в р-не Волхов и отошла в р-н Поляны, Мал. Голубочек. Связи со штабом дивизии нет.

б) 290 сд: кнс – 232, мкс – 205, рядового – 1088, всего 1524 чел., лошадей – 77, винт. – 1005, ДП – 5, ст. пул. – 1, повозок разных – 36. Штадив – Верх. Савинки. К-р дивизии полковник Рякин получил приказ полковника Аргунова начать погрузку 23.10 на ст. Манаенки для отправки в Тула.

в) 217 сд занимает оборону в р-не Одоево, ее три батареи, б-н связи и другие подразделения задержаны командованием 173 сд в р-не Белёв. Состав дивизии до 1600 чел. Сведений о численном составе не поступило. К-р дивизии полковник Грачёв в Одоево.

г) 154 сд в составе двух сп с артиллерией (неофиц. данные – 3 пушки) в составе 1400 чел. обороняется южнее Белёв. Сведений о боевом составе нет. К-р дивизии следовал со штабом армии, отдельно от дивизии. Его местонахождение неизвестно.

д) До 1000 чел. разных частей армии находятся в 45 запасном полку. Принимаются меры к направлению их в свои части.

Части приводятся в порядок. Отдельные группы бойцов продолжают прибывать в части. Началась боевая подготовка и сколачивание подразделений.

Совершенно нет сведений о 279 сд. По непроверенным сведениям, 1005 сп находится севернее Белёв. Ядра, вокруг которого можно бы было собирать отдельных бойцов, нет.

Штаб на 12.00 23.10 находится Астафьево, я прибыл в Арсеньево. Остальные командиры штаба должны прибыть сюда же сегодня.

За отсутствием обозов и баз питания армия довольствуется на местных средствах, в основном за счет колхозов.

Зам. нач. оперотдела штарма 50 майор ***Гаран» [22]*** **.**

Несколько слов об остатках 26-й армии, которые в эти дни были переданы 50-й армии.

26-я армия второго формирования создавалась на базе 1-го гвардейского стрелкового корпуса и имела в своем составе: 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 41-ю кавалерийскую дивизию, 5-й воздушно-десантный корпус.

Армия не завершила свое формирование, когда бросили в бой

под Мценском, буквально под гусеницы танков Гудериана. История 17-го танкового корпуса повторилась в точности до мелочей. Командовал армией генерал-лейтенант А.В. Куркин, начальник штаба генерал-лейтенант Г.Г. Соколов.

25 октября 1941 года полевое управление 26-й армии было расформировано, а войска переданы в 50-ю армию. Правда, 5-й воздушно-десантный корпус полковника С.С. Гурьева еще 19 октября передал свои позиции 6-й гвардейской стрелковой дивизии и был в срочном порядке переброшен в район юго-западнее Подольска и занял оборону, оседлав Варшавское шоссе. Прибывший из-под Ленинграда генерал Г. К. Жуков твердой рукой забивал бреши в Западном фронте, стягивал к Волоколамску, Наро-Фоминску, Подольску, Серпухову и Алексину все, что только можно, и тут же бросал в бой. Судьба Москвы в те дни могла решиться на любом участке обороны наших войск. Прорыв обороны роты или батальона мог повлечь за собой ввод танков и мотопехоты, а там, как снежная лавина, любой локальный прорыв готов был перерасти в основную операцию всей группы армий «Центр».

13 октября, когда на Рессете возле Дикого болота началась переправа войск 50-й армии, в тылу на рубеже Белёв – Мценск – Льгов решением Ставки был создан Белёвский боевой участок. Возглавил его начальник оперативного управления штаба Брянского фронта полковник Аргунов. Вскоре он будет назначен начальником штаба 50-й армии.

А пока армия собиралась в районе Белёва, Мценска, Льгова.

Белёвский боевой участок – это более 100 километров фронта, занятого тонкой цепочкой зачастую разрозненных подразделений из числа вышедших из окружения дивизий. Сюда же направлялось все, что в тот период оказалось рядом или неподалеку.

Так в эти дни на участок обороны группы Аргунова прибыли подразделения 194-й сд.

Теперь иногда пишут: для усиления обороны правого крыла Брянского фронта по указанию Ставки Верховного Главнокомандования на этот участок была переброшена 194-я стрелковая… И вроде всё так. Только, если вглядеться поглубже, все обстояло абсолютно не так.

194-я стрелковая дивизия входила в состав 49-й армии генерала Захаркина и перед началом наступления немецких войск (операция «Тайфун») занимала оборону западнее Вязьмы во втором эшелоне по восточному берегу Днепра. Но в самый канун атаки немецких войск получила из Генштаба приказ о переброске в район Харькова.

Основные силы дивизии в составе 405-го стрелкового полка, одного батальона 470-го стрелкового полка, двух дивизионов 299-го артполка, противотанкового и зенитного дивизионов во главе с командиром дивизии полковником М.А. Сиязовым 4 октября разгрузились на станциях Брянск и Белые Берега. Здесь их застал «Тайфун». Дальше двигаться было нельзя. Так что вынужденная остановка и выгрузка на полпути и стали причиной того, что полковник Сиязов с частью своих войск оказался здесь, под Тулой.

Следовавшие за ними эшелоны – 470-й стрелковый полк, батальон связи и тылы 405-го стрелкового полка – разгрузились на разъезде Хотень, так как передовые части противника «ворвались к тому времени в Сухиничи». Командование этой группой взял на себя командир 470-го стрелкового полка подполковник Д.П. Подшивайлов.

616-й стрелковый полк, дивизион 299-го артполка и тыловые подразделения дивизии разгрузились в районе Калуги и в составе войск 49-й армии заняли оборону по реке Угре.

Таким образом 194-я стрелковая дивизия оказалась разделенной на три части. И вступила в бой почти одновременно на трех участках фронта. К чести дивизии, все три группы дрались храбро, не сгинули безвестно, как это часто бывало в 41-м.

Полковник Сиязов, которого немецкие танки застали на перегоне между Брянском и Белыми Берегами, с четырьмя батальонами пехоты и некоторым количеством артиллерии, по приказу штаба Брянского фронта, вступил в бой на участке фронта протяженностью 15 километров на подступах к Карачеву.

Лемельзен бросил против четырех батальонов Сиязова четыре моторизованных полка. Двое суток бойцы и артиллеристы полковника Сиязова отбивали атаки противника, не позволяя ему вклиниться в свои боевые порядки. 6 октября произошла катастрофа: противник обошел оборону боевого участка правее, где зияла не прикрытая войсками брешь, и двинулся на Брянск. Батальоны оказались в окружении.

Полковник Сиязов понял, что никто о них, в сущности чужих на этом фронте, заботиться не будет. Продовольствие закончилось, боеприпасы тоже на исходе. Раненых эвакуировать некуда – тылы отрезаны. Оставалось надеяться только на себя.

Сиязов отвел батальоны и артиллерию в лес. На восток ушли разведгруппы, чтобы определить колонные пути для выхода из окружения. Разведка вскоре донесла: дивизия отрезана, но пока не обнаружена, основное движение противника происходит по шоссе Карачев – Хвастовичи и Карачев – Орёл.

Сиязов повел части в северо-восточном направлении – на Белёв. С боем прорвался через шоссе Карачев – Хвастовичи и вышел к переправе в районе Гутовского лесозавода.

Вот судьба: все пути в те дни сошлись на той переправе возле Дикого болота.

Вперед пошла группа прорыва: 405-й стрелковый полк и дивизионная артиллерия; фланги обеспечивали две усиленные группы боевого охранения, в которые были включены саперные подразделения и расчеты полковых орудий; тылы прикрывала особая группа, предназначавшаяся для обеспечения отрыва главных сил после прорыва.

Лесными проселками под покровом ночи группа прорыва бесшумно подошла к переправе.

Переправа возле Дикого болота была занята подразделениями из полка «Великая Германия». Мост предстояло отбить.

Разведчики тихо подобрались к окопам, где стоял пулемет, и бесшумно сняли часовых. И тут же полковник Сиязов дал сигнал к началу атаки.

Одновременно с атакой группы прорыва саперы из боковых охранений взорвали мосты на большаке и заминировали дороги. Заняли позиции артиллеристы и пулеметчики, чтобы встретить огнем возможные контратаки с севера и с юга.

Сиязов наращивал напор у переправы. Гренадеры «Великой Германии» очень быстро пришли в себя и несколькими мощнейшими контратаками пытались погасить напор прорывающихся и овладеть инициативой боя. На главном направлении удара противники сблизились вплотную. Вначале вспыхнул гранатный бой, а через несколько минут началась рукопашная.

Шедшие на прорыв хорошо понимали, что именно здесь, на переправе, решается их судьба: либо выход к своим, на новые позиции, либо плен или гибель в болоте. Поэтому их напор – штыком и прикладом – невозможно было остановить. Немцы отошли.

В прорыв вошли остальные части, обозы, артиллерия, а за ними и фланговые группы.

Арьергард тем временем вел бой, сдерживая противника.

Во время боя на прорыв дивизия полковника Сиязова уничтожила до роты пехоты противника, артиллеристы сожгли две танкетки, девять автомашин и семь мотоциклов. В ближайшей деревне разведчики обнаружили колонну военнопленных красноармейцев, брошенных охраной. Все они были освобождены и тут же встали в строй.

Марш дивизии продолжался с 10 по 18 октября. При подходе к Белёву к колонне присоединилась группа подполковника Подшивайлова. В пути в колонны вливались мелкие группы и одиночные бойцы, выходящие из окружения самостоятельно.

18 октября голова колонны вошла в Белёв. Полковник Сиязов доложил начальнику Белёвского боевого участка полковнику Аргунову о выходе и составе дивизии, о потерях и трофеях.

Изучая эпопею октябрьских боев, приходишь к выводу о том, что войска Брянского фронта все же сумели выдержать удар «Тайфуна». Потери тоже были огромными. Но дивизии вышли. Вышли штабы и тылы. Вышла часть личного состава. Иногда каждый десятый. Остальные погибли или попали в плен. Но трагедия северных Западного и Резервного фронтов оказалась более ужасной и положение менее поправимым.

Здесь уместным будет привести фрагмент воспоминаний офицера-артиллериста 194-й стрелковой дивизии Петра Андреева.

«29 сентября, за 2–3 дня до того, как замкнулось кольцо вокруг Вяземской группировки наших войск, погрузились в Вязьме в эшелоны, и повезли нас на юг. Немцы бомбили. На обочинах дороги видели лежащие вверх колесами составы. Ночью 6 октября проехали Брянск, а на рассвете эшелон выехал из леса, остановился и попятился назад. Остановился в лесу. Мы вышли на опушку. Впереди взорванный железнодорожный мост через речку Снежеть. На противоположном берегу – город Карачев. Там на станции с железнодорожных платформ разгружаются танки, а на берегу речки стоит немецкий офицер с сигарой в зубах. До Орла мы не доехали 70 км, а Орёл был оставлен нашими войсками 3 октября, то есть уже как три дня назад.

Прошли уже десятки лет, как закончилась война. Наступило, наконец, время, когда можно свободно писать и говорить правду о войне. А меня не покидает вопрос: как же так получилось, что нашу 194-ю горно-вьючную стрелковую дивизию посадили в вагоны и отправили в уже занятый немцами Орёл? И об этом нигде ни слова не написано. Что это было – предательство или величайшая глупость?..

Успели мы тогда разгрузиться и отойти, но выставленный нами в заслон батальон немцы уничтожили.

Эшелон со штабом дивизии и частью подразделений через Брянск уже не проскочил. Повезло нам, что в нашем эшелоне оказался командир дивизии полковник Михаил Александрович Сиязов – сослуживец и начальник штаба у генерала Петрова, которого у нас забрали еще в Москве.

Ровно месяц, в летнем обмундировании – а 6 октября в том

году уже первый снег выпал – без боеприпасов и продовольствия выводил Сиязов дивизию по лесам и болотам. В деревнях население нас на порог не пускало, в то время как немцев встречали с иконами и хлебом с солью. Был случай, когда четыре человека из управления нашего дивизиона пошли в деревню, а их местные жители заманили в хату и привели немцев. Те с полицаями отправили наших в комендатуру, но по дороге, убив полицая, задержанным удалось бежать.

Сиязов крепко держал дисциплину. Никакого мародерства. Один солдат у колхозницы взял охапку сена, так дело чуть не кончилось расстрелом.

Теперь можно прочитать, как командиры некоторых попавших в окружение частей, подчиненных распускали, мол, «выходите, кто как может». Сиязов дивизию не распустил и из окружения вывел. У нас из дивизиона дезертировали только 6 человек – комиссар, начальник штаба и четыре солдата (узбеки).

Сам Сиязов всегда ехал впереди на белой лошади. Вырвались из окружения у г. Белёв Тульской области и закончили войну на Эльбе, правда уже без Сиязова. За Вислой он одно время был соседом, командовал корпусом. Дивизии после выхода из окружения присвоили номер 258-й – номер дивизии, знамя которой вынесли из окружения четыре офицера. Определили в 50-ю армию.

В конце ноября, когда мы уже стояли в обороне под Тулой, на наш дивизион вышел из окружения лейтенант. Расплакался от радости. Больше месяца пробирался из окружения, голодный и холодный. Накормили мы его и отправили в штаб полка. Через несколько минут вывели лейтенанта на крыльцо дома и на глазах у людей застрелили.

Через несколько дней после этого на нас вышел мл. лейтенант Петр Филиппович Шило. Мороз 40 градусов, а он в офицерском плаще, пилотке и в хромовых сапогах. Рассказал, как он, окончив Ленинградское училище связи, получил направление в Шепетовку. Ехал в поезде. Не доехал, попал в окружение. Вышел. Арестовали. Посадили в тюрьму, заполненную офицерами-окруженцами. Каждое утро арестованных выводят во двор. Двух-трех человек, старших по званию, расстреливают перед строем. До младшего лейтенанта очередь не дошла. Направили в 50-ю армию в Брянскую область. Не дошел. Опять окружение. И вот вышел на нас. Теперь мы были поумнее, в штаб не отправили, а спрятали мл. лейтенанта. А когда нашего начальника связи дивизиона забрали в штабную батарею, Петра Филипповича Шило поставили на довольствие и назначили начальником связи дивизиона. Как кончилась война, капитану

Шило предложили поехать воевать в Грецию, а когда он отказался, его демобилизовали. Поступил и окончил Военно-механический институт, проработал всю жизнь начальником конструкторского бюро военно-морского флота.

Выходили мы из окружения настолько истощавшие и голодные, что падали и засыпали на ходу. Думали, Родина накормит. Вместо хлеба дали бумагу – накладные, по которым мы должны были брать у населения, то есть отбирать у голодных женщин с детьми, зерно, если находили, и последнюю кормилицу – корову. Мы плакали, видя, как женщины рвали на себе волосы. Детей оставляли на голодную смерть».

Вот она, солдатская правда войны. Жутковатая, во многом неудобная. Не помещающаяся ни в одну из концепций, ни в консервативно-патриотическую, ни в либеральную.

Прочитаешь в архиве в папке в ворохе боевых донесений что-нибудь вроде: «За отсутствием обозов и баз питания армия довольствуется на местных средствах, в основном за счет колхозов» – и особого значения этим словам не придашь. А солдат вспомнил, как этот пункт приказа выполняли…

После выхода из окружения Сиязов получил новый приказ: занять позиции у Белёва и не пускать противника к городу. И снова начались атаки, которые следовали одна за другой. И все походило на то, что произошло у Карачева три недели назад.

Но вскоре штаба боевого участка пришел приказ: оставить позиции Белёва и выйти в район Одоева для прикрытия подступов к Туле со стороны Черепети.

Легко отдать приказ: оставить позиции, отойти…

К счастью, наши офицеры очень быстро учились воевать. И в этот раз полковник Сиязов сумел буквально выхватить свою дивизию из-под носа у немцев. Прикрывшись арьергардами, части 194-й дивизии вышли из-под удара и заняли оборону вначале северо-западнее Одоева, а потом по реке Упе на рубеже Новое Павшино, Поречье, станция Бредихино. Особенно тяжело во время отхода пришлось 470-му стрелковому полку, прикрывавшему отход. В первый день бой не прекращался ни на час. К вечеру, измотав противника и себя, полк оторвался от преследования и вскоре соединился с основными силами.

На Упе 194-я дивизия простояла 15 суток. Затем ее подразделения, по всей вероятности, вошли в состав 258-й стрелковой дивизии. А полковник Сиязов возглавил эту дивизию. Потому что номер 194-й был оставлен другой части некогда разделенной дивизии, которая в те дни оборонялась под Серпуховом в составе соседней 49-й армии генерала И.Г. Захаркина.

Почему-то в довольно подробном донесении заместителя начальника оперативного отдела 5-й армии 194-я даже не упомянута. Вот вам и документы военного времени. Нет документа – нет человека. Нет темы для рассуждений и прочего.

А вот судьба другой дивизии – 217-й. О ней мы будем говорить часто.

В начале октября 217-я стрелковая дивизия понесла большие потери в людях и технике и к 5 октября отошла на восточный берег реки Бытошь. Два ее полка были сведены в один и двумя группами оборонялись в районе населенных пунктов Бытошь и Сукремль. В полдень 2 октября была потеряна связь с 766-м стрелковым полком. Как выяснилось позднее, полк был отрезан противником и практически уничтожен. Погиб и комполка Н.П. Галкин. К 5 октября в 755-м полку осталось 40 штыков, в 740-м – около 800 человек.

Началось отступление. В ночь на 8 октября остатки дивизии снялись с позиций. Но противник уже перекрыл пути отхода. В ходе боев в окружении к частям 217-й дивизии присоединились воины сводного полка, сформированного в августе 1941 года в Брянске.

Бывший секретарь партийного бюро этого полка Н.А. Соболев вспоминал: «Полк формировался в казармах 5-го полка связи. Бывшего командира батальона, на базе которого формировался полк, капитана Храмовского назначили заместителем командира полка. После оставления Брянска мы отступали с боями до Тулы. Нам пришлось вести ожесточенные бои в районе Подбожье, Воткино, Рига, Кудеяр, Крапивна, Сорокино, Новый Путь, Белёв. В городе Одоев мы встретились с командиром и комиссаром (т. Анисимов, т. Карцев) 740-го стрелкового полка 217-й дивизии, и наш Брянский полк влился в состав 740-го полка и отходил к Туле в его рядах. Тов. Храмовский стал командиром 1-го батальона 740-го полка. После освобождения Ясной Поляны на подступах к г. Щёкино он погиб».

217-я стрелковая дивизия вышла из окружения наиболее боеспособной – 1428 человек с 16 орудиями, 6 минометами.

Почти всем дивизиям, выходившим организованно, с обозами, пришлось вести бой на переправах через Рессету.

Вот как выходила 260-я стрелковая дивизия.

Утром 11 октября передовой отряд сбил заслон противника и вышел к Хвастовичам. В Хвастовичах к тому времени уже были немцы. Все дороги к Рессете, мосты и броды были либо заминированы, либо контролировались гарнизонами и танками. К переправе вышли с боем. Бой длился 12 и 13 октября.

Из воспоминаний офицера 839-го артполка 260-й стрелковой

дивизии Якова Гельфандбейна: «Под сильным артиллерийским и минометным огнем, под непрерывной бомбежкой, насквозь промокшие, отощавшие от недоедания, но сильные ненавистью к врагу, наши воины чуть ли не в рукопашной схватке прорвались к реке и форсировали ее. Прорыв дался ценой больших потерь. Но впереди вновь был противник. Тогда дивизия резко меняет направление на северо-восточное, на Белёв, и после отчаянного боя 17 октября 1941 г. прорывает фронт, 20 и 21 октября переправляется через р. Оку у Белёва, а 23 октября сосредотачивается в районе Арсеньево».

Дивизия отступала по нескольким параллельным дорогам. 839-й артполк оторвался от стрелковых полков, связь с ним прервалась. Пунктом сбора частей дивизии было назначено село Нехочи. Но вскоре выяснилось, что крупный населенный пункт Подбужье на пути к Нехочам занят противником. У деревни Семёново на полдороге к Нехочам образовалась большая пробка. Ее начали бомбить немецкие самолеты. А немного погодя показалась мотопехота. И тут командир артполка отдал приказ: орудия уничтожить, лошадей расстрелять.

1028-й стрелковый полк тем временем вышел к Хвастовичам. Разведка, высланная вперед, сообщила: немцы. Решили атаковать. Обойти этот крупный населенный пункт, райцентр Орловской области (ныне Калужской области) было невозможно. К тому же от Хвастовичей шла прекрасная дорога на село Красное. В Красном был мост через Рессету, за которым открывался путь на Волхов и Карачев. 12 октября полк атаковал Хвастовичский гарнизон, смял его, но закрепиться без тяжелого вооружения и артиллерии не смог. Немцы контратаковали и рассеяли полк.

Небольшими группами, численностью до взвода, полк впоследствии собрался в Белёве. Часть пошла на укомплектование других дивизий. На сборных пунктах долго не задерживали: покормили, пополнили нужные бланки, хорошо, если помыли в бане, а то и отправляли тут же, со старыми вшами в новые окопы.

Гудериан, основной неприятель 50-й армии, в своих мемуарах написал:

«2-й танковой армии была теперь поставлена задача нанести удар на Тулу.

Успешно завершив бои в районах Брянска и Вязьмы, группа армий «Центр» добилась тем самым еще одного крупного тактического успеха. Вопрос о том, в состоянии ли она продолжать наступление, чтобы превратить этот тактический успех в оперативный, являлся наиболее важным со времени начала войны вопросом, стоявшим перед высшим командованием

германской армии».

Тон приказов и распоряжений, которые отдавал командующий 2-й танковой армией своим генералам и солдатам, был более уверенным и бодрым. Это после поражения, пережив трагедию крушения и армии, и рейха, Гудериан задним числом подпустил в «русские» главы своих мемуаров настроение некой неуверенности, при этом переводя стрелки все на того же козла отпущения – Гитлера.

«2-я танковая армия продолжала наступление на Тулу», – написал Гудериан сразу после завершения брянско-вяземской главы.

На Оке в те дни создавалась оборона. Окопы занимали те самые 10 процентов, уцелевшие после разгрома 50-й армии под Брянском, Хвастовичами и Карачевом. Казалось бы, для окончательного разгрома этих жалких остатков, не обеспеченных артиллерией и минометами, достаточно было еще одного хорошо организованного танкового нажима, и они рассеются как туман; Тула падет и откроется дорога на Москву – прекрасные шоссе и железная дорога.

Но, как говорят на Руси, скоро сказка сказывается… Тщательно разработанным планам германского командования по захвату Москвы, а также Тулы так и суждено было остаться на бумаге. Не дорубил «быстроходный Гейнц» лес, не постарался, пренебрег, а он на Руси, как известно, отрастает скоро…

26 октября 53-й армейский корпус вышел передовыми подразделениями к Оке. На следующий день танки Гудериана были уже в районе Плавска. 28 октября 43-й армейский корпус достиг Одоева. До Тулы оставалось менее 30 километров.

В этот день Гудериан получил текст пожелания, переданного фюрером: «захватить нашими подвижными батальонами» мост через Оку восточнее Серпухова. И Серпухов, и мост через Оку, о котором грезил Гитлер, находились перед фронтом левофланговой 4-й полевой армии. Впоследствии Гудериан напишет в своих мемуарах по поводу берлинских пожеланий следующее: «Подвижных батальонов» уже не было. Гитлер жил в мире иллюзий».

И далее: «29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, отстоящего в 4 км от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противопехотную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

Началось сражение за Тулу.

Перед началом штурма Тулы 2-я танковая армия была усилена 43-м корпусом генерала Хейнрици.

Но неожиданно продвижение вперед танковых, моторизованных и армейских корпусов 2-й танковой армии Гудериана застопорилось.

Фельдмаршал фон Бок с беспокойством записал в своем дневнике: «По большому счету, остановка наступления 2-й танковой армии означает приостановление наступления на всем фронте группы армий».

Туман в один миг будто рассеялся. И они увидели, что ровные столбики, вышедшие из болота, движутся на них полукольцом, охватывая с флангов. А значит, их больше, с ужасом понял Отяпов. Но теперь надо было думать уже о другом. А лучше вообще ни о чем не думать, чтобы не мешать ни себе, ни своим товарищам.

В какой-то миг Отяпов успел увидеть, как Гусёк обогнал его и, держа винтовку со штыком на вытянутых руках, чтобы она была длиннее, кинулся в расступившийся туман, но тут же упал, то ли споткнувшись, то ли сбитый с ног пулей или ударом немецкого приклада. И это его спасло от другого приклада, который немного запоздал и только чиркнул металлической накладкой по каске Гуська.

Отяпов боялся потерять винтовку. Он уже не думал ни о лейтенантах, ни о своих боевых товарищах Курносове и Гуське – винтовка стала его и командиром, и напарником. Он перехватил ее одной рукой поперек цевья, другой за шейку приклада и расчищал перед собой пространство, круша все, что выступало из тумана и преграждало ему путь к переправе, к разбитому мосту.

Рукопашная закончилась так же неожиданно, как и началась. Отяпов застал себя стоящим на коленях. Перед ним лежало тело человека, которого, должно быть, он сбил с ног минуту назад. Одето оно было в темно-зеленую шинель с погонами. Рядом лежала винтовка с примкнутым широким белым штыком, похожим на нож.

– Живой? – Кто-то знакомый наклонился к нему, заглянул в лицо, нелепо улыбнулся.

– Ну что ты головой трясешь? Как конь перед бороздой… – сказал другой.

Кому это говорили? Неужто ему, Отяпову? Он потрогал свою голову. Ничего, голова была в каске, каска цела, голова тоже.

– Пошли, пошли…

А голоса хоть и знакомые, а будто издали доносятся до него.

Вот и лейтенант. Тот, первый, злой, в кожаной куртке. Теперь у него в руке немецкий автомат. Смеется. Довольный. Видать, повезло ему, по шее не попало. А где другой, молодой, с ППШ?

Под сосной складывали убитых. Знакомых среди них никого

нет. Как нет? Вот лежит, голова разбита, затылок словно косой срезан. Вот твой лейтенант, боец Отяпов. Тот, кто тебя в бой повел. Кто первый в свалку кинулся.

Болела спина. Болело плечо. Болела левая рука.

– На вот, переобуйся. Далеко ли ты, разутый, уйдешь? – Опять этот голос. Голос хороший, сердечный. А рассмотреть лицо человека, который так заботливо разговаривал с ним, Отяпов не мог. Перед глазами плавал разноцветный туман. Как будто бабочки с диковинными крылышками порхали в жаркий июльский полдень над сырой лесной дорогой…

Он сел и начал переобуваться. Новая обувка пришлась ему впору.

– Твой трофей. Носи.

Голос он узнал. С ним разговаривал Курносов.

– А где моя винтовка? – спросил он Курносова.

– Винтовка тут, – ответил Курносов. – Гусёк несет.

– Живой? – обрадовался он, что жив этот мальчишечка, который, как ему казалось, никак не мог выжить в том аду, который они только что пережили.

– Живой! Герой, брат, наш Гусёк! Немца заколол!

– Неужто?

– Твоего перехватил. Лежать бы сейчас тебе, Нил Власыч, под сосенкой, если бы не Гусёк, – хвалил Курносов мальчишечку.

– Вот тебе и мальчишечка, – вслух подумал Отяпов. – Спасибо тебе, Гусёк.

Гусёк не ответил. Молча шел рядом. Отяпов видел его тень.

– Не слышит. Спит, – пояснил Курносов. – Пускай поспит, пока не споткнется. А спотыкаться ему не привыкать. – И он устало засмеялся.

Уже стемнело. Накрапывал дождь. Вышли из леса. С проселка свернули на пашню и пошли пашней. Потом пашня кончилась, под ногами загремела стерня. Не успели запахать, подумал Отяпов и потянул ноздрями воздух, пытаясь по запаху определить, что тут было сжато, овес или рожь. Пространство пахло сырой шинелью да ружейной смазкой. Но хлебным духом откуда-то все же веяло, и народ заметно заволновался. Хотелось есть. Отяпов по себе знал, что у голодного человека, как и у зверя, обостряется обоняние.

Зашли в деревню. Прислушались. Вроде тихо. На другом конце, за оврагом, слышались голоса.

– Немцы, что ль? – И боец, который приблудил к ним в пути, сдвинул каску набок, освободил ухо, прислушался.

Голоса затихли.

– Тебе, Тульский, теперь везде немцы будут мерещиться, –

засмеялся Курносов.

– Будут… – согласился Тульский.

На самом деле у бойца была другая фамилия, имя и отчество. Но когда он вышел на них в лесу и рассказал о себе, всем запомнилось главное, что он – тульский. А они шли к Туле.

– И что, – переспросил его Гусёк, – из самой Тулы?

– Из самой. Из Заречья. Есть у нас в городе такой район, самый старинный. Живут там исконные туляки.

– Самоварники, – поддакнул Отяпов и подумал: вот бы сейчас кипяточку, покруче чтоб, да с сухариком…

– Нет, я с улицы Штыковой. У нас на Кузнечной слободе живут в основном оружейники.

– И что, в самом деле есть такая улица – Штыковая? – удивился Гусёк.

– Есть. И Штыковая, и Курковая, и Ствольная, и Пороховая, и Дульная.

– Забавный вы, должно быть, народ – туляки, – покачал головой Отяпов, слушая новоприбывшего. – Вот дочапаем до твоей Тулы, приведем тебя к отцу и матери живым и невредимым. Так ты нас хотя бы покорми. А?

Тульский задумался. Погодя сказал задумчиво:

– Мать щи с гусятиной по воскресеньям варит. А сегодня – какой день?

– Хреновый сегодня день…

Некоторое время шли молча.

Погодя Ванников, тоже приставший по дороге, вдруг сказал почти зло:

– Это ж почему только по воскресеньям?

– День такой, – сказал Тульский.

– Хороший, должно быть, город эта ваша Тула. Самовары у вас самолучшие. Пряники – тоже знатные. Раз как-то пробовал. Понравился. Ружья вон тоже делаете.

– Какие у них пряники?! – снова возразил Ванников.

– Ты, Калуга, мне просто завидуешь. У вас в Подзавалье [23] хлеб с мякинами пекут.

– Да пошел ты!..

Ванников лиховал – Калуга была занята немцами. А у него там, в Подзавалье, семья – жена и трое малых детей.

Этот разговор у них случился в лесу. А теперь надо было думать о ночлеге и о еде. Об этом и думали. Зашли в деревню и вдруг спохватились: хорошо это или плохо? Не разведали. Может, в деревне немцы.

Гусёк вспоминал рукопашный бой. У него все еще тряслись руки и часто тянуло живот, хотя там ничего уже не было. В дороге

раз пять отставал от отряда и присаживался под кустом.

Отяпов наконец выбрал дом, куда надо было стучаться. Именно от него веяло свежевыпеченным хлебом. И он не ошибся.

– Здравствуйте, хозяюшка, – сказал он, когда за дверью заскреблись и послышался женский голос.

Женщина открыла и молча пропустила их в сенцы.

– В хату не пойдем, – приказал Отяпов. – Располагаемся тут.

Он сразу сообразил: сенцы рубленые, тепло держат. Народу много, двенадцать душ, надышат быстро. К тому же есть вторая дверь во двор, а там – огороды, сад, риги на задах. Вроде и банька в кустах возле ручья. К ней тропинка. Все это он присмотрел, когда выбирал дом.

Хозяйка сперва показалась старухой. Но потом, когда вышла с зажженной лампой и прибранная, хоть и наспех, оказалась молодкой лет тридцати.

Тульский сразу заходил вокруг нее селезнем, забасил. И глаза у молодки заблестели. Вот молодежь, подумал Отяпов, и война им нипочем!

– А может, в баньку сперва? – предложила хозяйка. – Кто у вас старший?

Все посмотрели на Отяпова.

Отяпов, правду сказать, уже уминал боками свежую пряную солому, сдержанно покашливал от ее дразнящего хлебного духа и думал только об одном – как бы поскорее залечь и ни о чем не думать. Даже есть расхотелось, так забирала усталость. Но, узнав о том, что хозяйка в этот день топила баню и что она еще не выстужена, так и подпрыгнул.

– Давайте, давайте, мужички, – торопила их хозяйка. – А я пока поесть вам соберу.

Эх, какая баня была у этой молодки! Видать, муж мастеровой попался. И плотник, и печник. И парок еще держался. Каменка стояла незалитой. Словно их ждала.

Вымылись. Словно паутину с себя сняли. И сразу вроде не так страшно жить стало. И Отяпов уже твердо знал, что доведет свой отряд до Тулы.

Хозяйка расстаралась, накрыла стол. Вареная картошка, свойский хлебушек по хорошему ломтю на каждого брата, сало, соленые огурцы и грибочки. От соленых грибов так и веяло дубовой бочкой, прямо домом родным, так что плакать хотелось…

Праздник праздником, а часового Отяпов все же выставил. Вынес ему угощение, даже от своей скибки крошку отломил, и приказал:

– Уснешь – штыком заколю. Так и знай.

Хозяйка принесла бутылку самогонки. Выпили. Смели все со стола. Подчистую. И залегли. Отяпов, засыпая, слышал, как молодка шепталась с Тульским, как, вздохнув, повела его в хату… Эх, молодежь…

Разбудил его Тульский. Он к утру заступил на пост и все разглядел. Сказал:

– Посмотри.

Только-только начало светать. Заря в октябре поздняя. Но такая же румяная, как в августе.

Отвел шторку: напротив, за ручьем, немцы из хаты выходят, вдоль дороги строятся в две шеренги. С полсотни.

Два ручных пулемета, ротный миномет. Два бронетранспортера на полугусеничном ходу, тоже с пулеметами – на турелях.

– Когда ж они пришли? – спросил Отяпов и посмотрел на свою винтовку, несколько дней не чищенную и порыжевшую в некоторых местах от его бесхозяйственности.

– Хрен их знает. Варя сказала, что вечером не было.

Варя… Вот тебе и Варя…

– Проспали, чертовы дети…

Немцы между тем построились, провели перекличку, погрузились на бронетранспортеры и поехали по дороге навстречу встающему солнцу. Там была Тула.

Отяпов поднял людей, когда их и след простыл.

«Больше в деревнях не останавливаемся», – твердо решил он для себя, когда шли уже лесом, вдоль дороги, на которой рокотал транспорт чужой армии. Транспорт двигался в том же направлении, что и они.

Глава 4 Тула: сдать город или защищать?

«Немцы в Тулу не войдут, я заперла дверь на замок, а ключи потеряла…»

Когда началась оборона Тулы. Приказ по армии. Новое командование 50-й армии. Командарм Ермаков. Конфликт с секретарем обкома. Полковник Аргунов. Решение тульских большевиков. Захвачена Калуга, Детчино, Бабынино… Беженцы. Из дневника Н.М. Яковлевой. Предсказание блаженной Дуняши: «Немцы в Тулу не войдут…» Хроника обороны Тулы. Формирование Тульского рабочего полка. Зенитки поставлены на прямую наводку. 29 октября Гудериан атаковал и был отбит с большими потерями в танках. Из сводки потерь противника… Казарма в Ясной Поляне. Как немцы едва не сожгли дом Л.Н. Толстого.

Военные историки и тульские краеведы считают, что оборона Тулы началась 24 октября 1941 года. Именно в этот день вновь сформированное «командование 50-й армии отдало первый приказ об организации обороны подступов к Туле и самого города».

Командующим, как уже было упомянуто, Ставка назначила генерал-майора А.Н. Ермакова. Членом Военного совета армии стал бригадный комиссар К.Л. Сорокин, начальником штаба полковник Н.Е. Аргунов. Это были опытные командиры. Дальнейшие события покажут, что с танковым гением Третьего рейха генералом Гудерианом и командирами его корпусов и дивизий они будут драться на равных.

Аркадий Николаевич Ермаков родился в 1899 году в Мценске Орловской губернии. В Красной армии с 1918 года. Участвовал в Гражданской войне. В межвоенный период командовал взводом, ротой, батальоном, полком, дивизией. Окончил Высшие курсы усовершенствования комсостава «Выстрел», академические курсы усовершенствования при Военной академии механизации и моторизации РККА. Командовал элитной 100-й стрелковой дивизией. С нею воевал во время советско-финляндской войны. Войну с Германией встретил под Минском командиром 2-го стрелкового корпуса. В корпус входили две дивизии: 100-я и 161-я. Корпус храбро дрался в районе Березины и Минска. Дивизии отличились и обе вскоре стали гвардейскими. В период противостояния «Тайфуну» был заместителем командующего войсками Брянского фронта. Как только обострилась ситуация, возглавил подвижную группу фронта (108-я танковая, 141-я

танковая бригада, 4-я кавалерийская дивизия). Затем командовал оперативной группой войск, куда входили две кавалерийские, три стрелковые дивизии и две танковые бригады. Именно усилиями группы генерала Ермакова была, по сути дела, спасена от разгрома 13-я армия генерала Городнянского [24] . Из окружения свою группу гене рал Ермаков вывел вполне боеспособной, хотя и порядком выбитой. Маршал Ерёменко в своих мемуарах отзывался о бывшем своем подчиненном с уважением, как об одаренном командире и человеке «большой личной храбрости».

Тульская оборона для генерала Ермакова станет роковой. Уже в октябре испортятся отношения с первым секретарем Тульского обкома и горкома партии В.Г. Жаворонковым. В ноябре случится прорыв под Сталиногорском (ныне Новомосковск). Этого не потерпит командующий Западным фронтом Т.К. Жуков, отстранит Ермакова от должности и отдаст под трибунал. Масла в огонь подольет и секретарь обкома товарищ Жаворонков. Но об этом и о дальнейшей судьбе генерала немного позже.

Штаб армии возглавил полковник Николай Емельянович Аргунов. Это был человек старой закалки, из прапорщиков русской армии.

Родился в крестьянской семье в Смоленской губернии в 1898 году. Окончил земскую школу, затем городское училище. До 1917 года успел окончить школу прапорщиков. В Красной армии с 1918 года. Учился в Смоленске на пулеметных курсах. В 1924 году окончил курсы «Выстрел» и вскоре поступил в Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1938 году окончил Военную академию Генштаба. Служил: командовал полком, дивизией. Преподавал в Военной академии Генштаба. Войну встретил в должности начальника штаба 25-го мехкорпуса. Затем руководил оперативным отделом штаба Брянского фронта. Командовал Белёвским боевым участком, где фактически собрал остатки 50-й армии, выходящие из окружения. После тульской эпопеи Николай Емельянович Аргунов получит генеральские звезды и какое-то время будет командовать дивизиями. Затем его отзовут в Москву – он возглавит разведуправление Центрального штаба партизанского движения. Войну закончит в должности начальника штаба 32-й армии. После войны продолжит службу в Приморском и Одесском военных округах. Какое-то время будет занят военно-дипломатической работой.

Когда штаб 50-й армии прибыл в Тулу, там уже полным ходом шла подготовка к обороне города. 16 октября партийный актив принимает решение по докладу первого секретаря обкома партии товарища Жаворонкова: «О текущем моменте и задачах парторганизации». В решении говорилось: «Мы, большевики

Тулы, заверяем Центральный Комитет ВКП(б), что все как один с оружием в руках будем драться до последней капли крови за нашу Родину, за наш любимый город и никогда не отдадим Тулу врагу».

И действительно, Тула дралась яростно. Туляки-ополченцы и бойцы истребительных отрядов насмерть стояли на самых опасных участках обороны. И враг городом русских оружейников овладеть так и не смог.

21 октября в Тулу пришла тревожная весть: немцы захватили Калугу и ринулись на Алексин и Тарусу. К тому времени оказались оккупированными Детчинский, Бабынинский, Перемышльский и Черепетский районы Тульской области. Горожане понимали, что со дня на день враг подступит к областному центру. В Тулу шли потоки беженцев, они приносили страшные вести.

Из дневника жительницы Тулы Нины Михайловны Яковлевой:

«1941 год

22 июня . Утро было пасмурным, но тихим. Около 12 часов дня было сообщение о выступлении Молотова В.М. – мы узнали о начале войны. По нашей улице (Первомайской) к магазину бежали женщины, несли оттуда соль, спички и мыло.

Немцы наступали. Радио не выключалось… Всеми делами города управлял первый секретарь партии Жаворонков Василий Гаврилович. Город готовился к бомбежкам. Во дворах были вырыты траншеи, которые накрывались досками (думаю, что это были готовые окопы для красноармейцев, если бы немцы ворвались в город). По ночам жителей заставляли сидеть у каждого дома, дежурить. Напротив нашего дома на ступеньках проходной сидели красноармейцы. Ждали сигнала тревоги, но вначале все было тихо. Слушали радио, а сводки становились все тревожнее. Налеты немцев участились. Была введена строгая светомаскировка.

2 октября. Немцы взяли Орел.

16 октября. Моя подруга передала мне слова Дуняши [25] : «Немцы в Тулу не войдут, я заперла дверь на замок, а ключи потеряла». (Но тогда я ничему не верила. Спустя много лет в газете «Тульская молва» я прочитала заметку о Дуняше, где описывались ее предсказания 23 октября.) Городской комитет обороны принял решение о формировании Тульского Рабочего полка (командир – Горшков А.П., комиссар – Агеев Г.Л.). В полк объединили 1500 человек. Вооружение – старые трофейные винтовки, ручные гранаты, бутылки с горючей жидкостью. Пулеметы собирались из запчастей, из учебного оружия. Обмундирование не выдавалось. В полку были люди разные по

возрасту и по профессии. Горшков – единственный кадровый офицер. Шла подготовка к уличным боям. Поперек улицы сооружались каменные или деревянные стены, к которым присыпалась земля. Насыпи имели толщину 3–3,5 метра, высоту – 2 метра. На перекрестке ул. Первомайской и Ф. Энгельса была выстроена баррикада. Начались грабежи пустующих квартир, магазинов, складов. Охрана порядка в городе была возложена на коменданта полковника Мельникова».

Газета «Коммунар» ***22 октября*** вышла со статьей «Как уничтожить вражеские танки».

23 октября капитан А.П. Горшков, назначенный городским комитетом обороны командиром Тульского рабочего полка, приступил к формированию своего подразделения. Именно полк рабочих, тульских ополченцев, в самые ближайшие дни во многом решит судьбу обороны Тулы.

24 октября , как мы уже знаем, штаб 50-й армии издал первый приказ.

25 октября город объявлен на осадном положении. В этот же день капитан Горшков доложил в штаб 50-й армии о том, что Тульский рабочий полк сформирован.

Полк первоначально состоял из пяти батальонов. От желающих защищать свой родной город с оружием в руках не было отбоя.

1-й батальон, куда вошли добровольцы из всего города, насчитывал 500 человек.

2-й батальон, сформированный из рабочих и служащих Центрального района Тулы, насчитывал 300 человек.

3-й батальон – Привокзальный район – 300 человек.

4-й батальон – Пролетарский район – 200 человек.

5-й батальон – Зареченский район – 200 человек.

Рядом с Тульским рабочим полком на южной окраине

города позиции заняли 156-й полк НКВД и батальон милиции. Здесь же, по приказу генерала Ермакова, развертывали свои огневые, окапывались, отрывали ходы сообщения, устраивали орудийные дворики батареи 732-го зенитно-артиллерийского полка. Полк был предназначен для охраны заводов и важнейших объектов города, но теперь расчетам предстояло стрелять не по самолетам, а по танкам.

29 октября Гудериан атаковал.

Вот что он впоследствии написал в своих мемуарах: «29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, отстоящего в 4 км от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы

понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

Очень сдержанно, не правда ли? А ведь такие бои случались нечасто, и генерал мог бы об этой схватке написать более подробно. Сдержался. Неприятно.

И все же немецкие танки вскоре прорвали оборону 290-й стрелковой дивизии и вышли к Ясной Поляне. Через три часа марша они появились уже возле Косой Горы. Обходной маневр, как всегда, приносил свои положительные плоды.

Особенно сильный бой вспыхнул у Рогожинского поселка. Здесь оборону держали батальоны Тульского рабочего полка. К исходу дня перед позициями туляков горели девятнадцать танков.

Утром 30 октября немцы возобновили танковую атаку. Это был самый, пожалуй, трудный день тульской обороны.

Из дневника Нины Михайловны Яковлевой:

«29 октября в нашем доме было суматошно. Меня отправили за хлебом. В это время работал один Филипповский магазин на улице Советской. Очередь тянулась по Ф. Энгельса до Каминского. Хлеба не было, магазин был закрыт. Вдруг над нами завис немецкий самолет очень низко. Мы увидели голову летчика, смотревшего на нас. Вся очередь отхлынула от стен домов и встала посреди улицы, разглядывая самолет. Какой-то военный закричал: «Что вы делаете, вас же могут убить!» Только тогда народ разбежался. Домой бежала по ул. Коммунаров к Первомайской, а мне навстречу – люди с узлами в руках. Дома застала всю семью, собиравшуюся уходить. Спешно собирали в мешки нужные вещи. Оказывается, приходили военные и выгоняли всех жителей из домов по ул. Первомайской и отправляли на ул. Свободы в подвалы домов. Казармы, находившиеся напротив дома, были пусты, ворота распахнуты настежь. Ликеро-водочный завод (около 20-й школы) раздал своим сотрудникам (сколько те могли взять) водку и спирт, оставшееся спустили по трубам в сторону поселка Михалково. С Косой Горы вернулся трамвай и больше туда не пошел. Гул канонады час от часу усиливался. Когда стемнело, стрельба смолкла. Пошел мелкий холодный дождь. В разных частях города были пожары.

30 октября утром Тула приняла бой. Все атаки были отбиты. Орудийные расчеты лейтенанта Милованова стояли на том месте, где стоит зенитная пушка у 2-го корпуса Политехнического института.

31 октября утром была сильная перестрелка на южной окраине города. У ворот дома, где мы сидели в подвале, лежала убитая лошадь. Подошедший к нашей толпе офицер сказал: «Что

смотрите? Рубите мясо, скоро есть будет нечего». Потом варили суп из мороженой картошки с кониной. Противно! Из подвала дома, где мы сидели, перебрались в костнотуберкулезный санаторий, где до осады работала врачом жена моего брата. Жили на кухне санатория. Ночью я спала на плите. Через час после нашего вселения во двор санатория въехали 2 грузовые машины с зенитками. На углу ул. Свободы размещался штаб. Каждый налет сопровождался обстрелом, а мы орали от страха падающих бомб. Красноармейцы были одеты в белые полушубки. Санаторий располагался в одном квартале от парка, где проходила передняя линия обороны».

А вот оперативная сводка штаба Брянского фронта от 29 октября 1941 года:

«ПЕРВОЕ: Войска фронта на правом крыле фронта вели бои с прорвавшимся через ПЛАВСК на ТУЛУ мотомеханизированными частями пр-ка и на всем фронте продолжали отходить по намеченным планом рубежам.

ВТОРОЕ: 50-я армия продолжала вести бои на рубеже ЗАХАРОВКА, НИКОЛАЕВКА, а на остальном фронте, не имея соприкосновения с пр-ком, продолжала отходить на восток.

194 сд продолжает оборонять рубеж: СТАР. ПАВШИНО, БРЕДИХИНО; перед ней пр-ка нет.

Штадив – АЛЕШНЯ.

217 сд с 19.00 27.10 на марше в район СЛОБОДА (30–35 км зап. ТУЛА) и во второй половине дня 28.10 прошла КРАПИВНА.

58 зсп обороняется по вост. берегу р. ПЛАВА в районе вост. КРАПИВНА.

173 сд в 12.00 28.10 вела бой с 15 танками и ротой пехоты пр-ка на рубеже ЗАХАРОВКА, НИКОЛАЕВКА. Пр-к овладел этими пунктами и прорвался к ОЗЕРКИ, где и задержан.

Уничтожено 7 танков противника.

О сводном отряде: о МСП 108 тд, МСБ 11 тбр, с 9 орудиями, оборонявшими ПЛАВСК, после 18.00 27.10 данных нет.

260 сд, отходя на восток, 26.10 прошла АРСЕНЬЕВО. Новых сведений нет.

154 сд, отходя в восточном направлении, 27.10 прошла АРСЕНЬЕВО.

299 сд, двигаясь на ПЛАВСК, прошла 27.10 ЛИТВИНОВО.

258 сд с 26.10 на марше.

6 гвард. дивизия, следуя в район ЕФРЕМОВ, к исходу

28.10 18 км зап. ЕФРЕМОВ.

299 сд обороняет район Щёкино.

Штадив – ЯСНАЯ ПОЛЯНА [26] .

31 кд на марше в район КОСАЯ ГОРА, куда ожидалась к 14.00

28.10. Сведений о прибытии не поступило.

278 сд (отд. Подразделением – 226 чел.) ЕФРЕМОВ, совместно со сводным танковым батальоном – 14 танков – обороняет ЕФРЕМОВ, фронтом на северо-запад.

В дивизии, с которыми не имеется связи, с 26–27.10 посланы офицеры связи на самолетах и на машинах» [27] .

Сводку подписал заместитель начальника штаба Брянского фронта полковник Сандалов.

Связь была налажена лишь с Ефремовским боевым участком и со штабом 50-й армии. Штаб армии в то время находился в обкоме ВКП(б). Но вскоре отношения генерала Ермакова с первым секретарем обкома и горкома партии товарищем Жаворонковым стали окончательно портиться. Штаб был переведен в северо-восточную часть города, а затем и вовсе выведен в дачный район.

Как видно из оперативной сводки, 28 октября 1941 года все под Тулой было в движении. Но войска еще не заняли свои рубежи. И войск было немного. В дивизии по-прежнему насчитывалось по 600–800 человек. На их фоне Тульский рабочий полк выглядел довольно внушительной силой. Правда, это было не регулярное соединение. Но первые же бои показали, что полк умеет драться не хуже регулярных армейских частей.

Судя по тону сводки, в штабе Брянского фронта в день атаки на город все было спокойно.

А возле Рогожинского поселка и у Косой Горы уже горели танки передовой ударной группы полковника Эбербаха. И солдаты из полка «Великая Германия» карабкались по грязи среди горящих машин, пытаясь найти укрытие под ливнем пуль со стороны позиций, занятых тульскими рабочими.

В этот день в обороне отличились также бойцы 154-й дивизии генерала Фоканова и 217-й дивизии полковника Шлегеля.

Из вечерней (на 20.00 час.) оперативной сводки штаба Брянского фронта 30 октября:

«1. Войска Брянского фронта на правом крыле вели бои на подступах к ТУЛА, на левом крыле отходили на рубеж ДМИТРОВО, РУССКИЙ БРОД, НОВ. ДЕРЕВНЯ, КРУТОЕ, СТАЛИНО, ЗЯБРЕВО, ВЫШНЕ-ДОЛГОЕ, НОВ. САВИНЫ, ЛИПОВСКОЕ, ТИМ.

2. 50 Армия с утра 30.10.41. вела бои на подступах у ТУЛА. О результатах боя и положении частей армии сведений не поступило, кроме 41 кд, установлена в районе КАМЕНКА, 30 км сев. – зап. ЕФРЕМОВ.

217 сд сосредоточилась к утру 30.10 в р-не ТУЛА.

6 гсд вышла полностью в район ЕФРЕМОВ».

И в конце сводки: «На Ефремовский боевой участок вышла группа полковника ГРАЧЕВА, действовавшая в районе ВОЛХОВ. В

ЕФРЕМОВ прибыло 900 человек, которые поступили на доукомплектование подразделений 278 сд» [28] .

Накануне авиаразведкой было установлено оживленное движение на всех шоссе и мало-мальски пригодных дорогах, ведущих в сторону Тулы. На дороге Плавск – Щёкино до тридцати танков, голова 7 километров севернее Плавска. На той же дороге автоколонна до ста единиц транспорта. На юго-западной окраине Алексина колонна до семидесяти пяти танков. На шоссе Чукино – Ефремов в направлении Теплого зафиксировано движение разведгрупп по два-три танка.

К Туле Гудериан стягивал все, что можно, что имел, что было на ходу и что можно было бросить в очередную атаку. Он понимал, что Тула – это не просто ключ от Москвы. Тула – это золотой ключ от Москвы, которым он не сегодня завтра сможет отпереть любой замок на пути к русской столице.

«Гейнц-ураган» перегруппировывал свои головные танковые и моторизованные части и снова бросал их в атаку. И с ужасом читал поступавшие с передовой донесения о том, что и эта атака отбита русскими, что на поле боя оставлено столько-то боевых машин…

Оперативная сводка, составленная к 18.00 31 октября 1941 года:

«Штарм 50.

Медвенская.

В течение дня противник неоднократно атаковал г. ТУЛА. В атаке одновременно участвовало до двух батальонов мотопехоты и 40–50 танков. Всего было введено в бой не менее мп и до ста танков. Все атаки противника отбиты, уничтожено 16 танков противника.

194 сд продолжает обороняться на рубеже: ПАВШИНО–БРЕДИХИНО, прикрывая ОБОЯНСКОЕ и МИХАЙЛОВСКОЕ направления. Перед фронтом сд противника нет.

Тульский боевой участок: Одоевское шоссе, исключительно МИХАЛКОВО.

58 сп (300 штыков, 1 50-мм миномет) обороняет МИХАЛКОВО.

156 сводный полк (820 человек, 10 пулеметов) обороняет фронт КИТАЕВКА, ПАРК (1 км южнее города), перехватывая Орловское шоссе.

154 сд (500 штыков, 4 122-мм орудия) и 260 сд (200 человек) обороняют рубеж по южной и по юго-восточной окраине ТУЛА от ПАРКА до реки УПА.

Мотострелковый батальон и 11 тбр (130 штыков) обороняет район БОЛЬШ. ВЕШКА.

258 сд (200 штыков) обороняет северную часть города на Московском шоссе.

51 местный батальон (120 человек) обороняет узел трех дорог и шоссе у совхоза «ПРИУПИНСКИЙ».

Рота 151 пап перехватывает Калужское шоссе у совхоза «ЯСНОЕ».

290 сд (600 штыков) – резерв, северная часть города.

Штаб Тульского боевого участка – Пролетарский район.

31 кд (395 человек, 40 орудия) занимает оборону:

111 кп – КРИВОЛУЧЬЕ, ГЛУХИЕ ПОЛЯНЫ.

114 и 116 кп сосредоточились МЫЗА.

30.10 в бою убит командир 31 кд полковник ПИЛЬНЕВ.

413 сд одним эшелоном выгрузилась в СТАЛИНОГОРСК и заняла оборону непосредственно у города.

32 тбр, выгрузившись не полностью, 30.10.41 принимала участие в бою. Имеет потери: КВ – 1, Т-34 – 3 танка. Ранен командир танкового полка.

За 30.10.41 уничтожен 31 танк.

9 гвардейский минометный полк в лесу – совхоз «Волынецкий». Полк 31.10 дал 2 залпа по противнику.

447 кап (9 орудий) на прежних позициях.

299 сд и 41 кд – данных не поступило» [29] .

О потерях немцев тульские хроники свидетельствуют довольно правдиво. Без преувеличений. Документы подтверждают, что авангард 2-й танковой армии Гудериана, возглавляемый командиром 5-й танковой бригады полковником Эбербахом [30] , во время первых лобовых атак на Тулу понес довольно значительные потери. Которые, как известно, Германия уже не могла легко восполнять.

«Сводка потерь противника с 30.10.41 по 2.11.41», составленная разведотделом штаба Брянского фронта, свидетельствует о следующем:

«1. 30.10.41. нашей авиацией по дороге ОПТУХА– МЦЕНСК и в р-не ГОРБАЧЁВО – ПЛАВСК уничтожено 67 автомашин, из них 20 с людьми, 18 автобусов, одна зенитная установка, 4 танка и до 580 солдат и офицеров.

На аэродроме ОПТУХА уничтожено на земле 3 самолета и в воздушном бою сбит один самолет. Выведено из строя 5 самолетов пр-ка.

2. 30.10.41 нашими частями под ТУЛОЙ уничтожено 30 танков противника.

3. 31.10.41 нашими наземными частями под ТУЛОЙ уничтожено 16 танков пр-ка.

Нашей авиацией в течение 31.10.41 в р-не ДОМНИНО

уничтожено 4 автодрезины и до 100 солдат и офицеров. В р-не ПЛАВСК, ЧЕРНЬ, ст. ГОРБАЧЁВО уничтожено 39 автомашин, 15 танков, 3 автодрезины, сбит один самолет «Ме-109» и убито до 350 солдат и офицеров.

4. 1.11.41 нашей авиацией на дороге ПЛАВСК – ТУЛА уничтожено 4 автомашины с людьми. В р-не ТУЛА, КОСАЯ ГОРА, ПЛАВСК уничтожено 40 автомашин с людьми, 15 мотоциклов с мотоциклистами, 1 танк, 2 бронемашины и, кроме того, 60 солдат и офицеров.

Нашими наземными частями под ТУЛОЙ уничтожено 6 танков, одна бронемашина, 26 автомашин, 6 самолетов пр-ка, сбитых зенитной артиллерией.

Нашей авиацией в р-не ТУЛА уничтожено 9 танков, 98 автомашин с людьми и грузом, одна зенитная точка,

3 автоцистерны и до 300 солдат и офицеров. В воздушном бою сбит один самолет «Ме-109». Нашей авиацией на ж. д. ОРЕЛ-КУРСК (между ст. ГЛАЗУНОВКА и ст. ЗОЛОТУХИНО) разбит бронепоезд пр-ка, который прикрывал восстановительные работы ж. д. пути, проводимые пленными красноармейцами; при атаке авиации немцы разбежались, воспользовавшись этим, разбежались 60 красноармейцев.

5. 2.11.41 нашей авиацией на ст. ОПТУХА разбит эшелон немцев, уничтожено несколько вагонов с боеприпасами и две ж/д цистерны с горючим. В р-не ЯСНАЯ ПОЛЯНА– ЩЁКИНО-ЧУКИНО и по дороге КОСАЯ ГОРА-ГЛАДКОЕ нашей авиацией уничтожено 5 автоцистерн, 5 танков, 12 автомашин и эшелон с боеприпасами – 25 вагонов, 4 зенитные точки и до 200 солдат и офицеров.

По дороге ЧУКИНО-ТЁПЛОЕ и в р-нах ЛАЗАРЕВО, ЖИТОВО нашей авиацией уничтожено 8 танков, 25 автомашин, 6 автоцистерн, 10 зенитных точек, 3 бронемашины, 6 ж. д. цистерн с горючим и 200–250 солдат и офицеров» [31] .

В Подольском архиве удалось обнаружить и еще одну сводку потерь противника, подписанную начальником разведотдела штаба Брянского фронта подполковником Кочетковым. Она охватывает период с 4 по 8 ноября 1941 года:

«1. Нашими наземными войсками уничтожено:

4.11.41 в районе ДЕДИЛОВО 5 танков пр-ка; в районе МАСЛОВО – 2 танка, 30 солдат пр-ка; в районе пос. РОГОЖИНСКИЙ – 3 танка пр-ка.

5.11.41 в районе ДЕДИЛОВО – 8 танков и до 400 солдат и офицеров пр-ка.

6.11.41 в районе НИЖ. КИТАЕВКА – 8 танков пр-ка;

7.11.41 в районе АЛЕКСЕЕВКА, РЖАВА – до бат. пехоты пр-ка.

8.11.41 в районе ПИРОГОВО (вост. ПЛАВСК) до 500 солдат и

офицеров.

2. Нашей авиацией бомбометанием и штурмовыми действиями уничтожено:

4.11.41 в районах: ТУЛА, КОСАЯ ГОРА, ЯСНАЯ ПОЛЯНА, ЧЕРНЬ, МЦЕНСК – 60 автомашин, 2 зенитные точки, до взвода пехоты, на земле один самолет «Ме-109», один истребитель неустановленного типа и в воздушном бою сбит один самолет «Ю-88» и три самолета «Ме-109».

5.11.41 в районах: АФОНАСЬЕВО, ПАВШИНО, ТИТОВО, КОСАЯ ГОРА, ПЛАВСК, КРАПИВНА – 16 автомашин с людьми и в воздушном бою сбит один самолет «ХШ-126». В районе ПАНИНО, ОСЛАНОВО, КРУТОЕ, ЗУБРОВКА – 20 специальных автомашин, 35 автомашин с грузом, до 100 солдат и офицеров, 1 самолет «Хе-113», 1 самолет «ХШ-126» и 1 самолет «Ме-109».

6.11.41 в районе ОРЕЛ, ст. МОХОВАЯ, ст. ЗОЛОТАРЁВО – 4 автомашины и до 20 солдат. На аэродроме ОРЁЛ – 6 самолетов неустановленного типа и 2 автомашины с летным составом.

7.11.41 в районе ЧЕРНЬ убито 16 солдат и офицеров.

8.11.41 по дороге МЦЕНСК – ЧЕРНЬ – 68 автомашин с людьми, 12 цистерн с горючим, 80 мотоциклистов, до взвода пехоты и 1 самолет неустановленного типа» [32] .

Список побед внушителен. Летчики конечно же присвистывали, составляя свои донесения. Поди проверь их работу – за десятки-то километров в немецком тылу. Хотя, как известно, проверялось и это – агентурной разведкой, партизанами, авиаразведкой.

Бомбила наша авиация и Ясную Поляну. Понять это можно. Надо было остановить Гудериана. Выжечь его танки. Шла война.

Впрочем, неизвестно, упала ли хоть одна бомба из наших самолетов на территории усадьбы Льва Николаевича Толстого.

Немцы же нанесли музею-усадьбе огромный урон. Удивительное дело, солдаты вермахта шли в Россию под флагом борьбы с большевизмом, а кинулись в конце концов истреблять русский народ, уничтожать его культуру, глумиться над святынями. Хотя конечно же можно привести много примеров, свидетельствующих о том, как тот или иной немецкий офицер помогал бедствующим русским, угощал детей шоколадом, запрещал своим мародерствующим подчиненным уводить со двора последнюю корову-кормилицу. Отдельные случаи проявления человечности и сострадания не отменяют систему, которая пришла в СССР с немецкими танками.

В усадьбе Л.Н. Толстого немцы устроили не только казарму, но и госпиталь. И хоронили умерших от ран тут же, неподалеку от могилы писателя. После освобождения кладбище перенесли в

Тулу на немецкий участок.

К счастью, тогдашний директор музея Л.Н. Толстого внучка писателя Софья Андреевна Толстая-Есенина накануне оккупации смогла добиться эвакуации экспонатов. Эвакуацией занимался хранитель яснополянских фондов С.И. Щёголев. Почти все ценное было вывезено в Томск. Правда, многое все же осталось в усадьбе.

И во время сорокасемидневной оккупации многое из оставшегося пропало и было утрачено. Немцы утащили седло, принадлежавшее Л.Н. Толстому, часы, некоторые другие предметы. Офицеры пытались развести в главном доме костер и едва не устроили пожар. Потушил его С.И. Щёголев и прибежавшие на пожар местные жители. Варварское отношение к святыне, принадлежащей всему человечеству, можно теперь комментировать на любой манер. Но, говорят, солдаты германской армии, жившие в Ясной Поляне, даже не знали, кому принадлежал здешний дом и в чей музей они вошли квартировать и ломать паркет для печей. Они подозревали, что владельцем усадьбы был какой-то влиятельный коммунист…

На шестой день, оголодавшие и измученные скитаниями по лесам и болотам, они вышли на большак, по которому двигался на восток санитарный обоз одной из дивизий 50-й армии.

Обозом командовала женщина с петлицами капитана медицинской службы.

Отяпов доложил о прибытии. Она некоторое время устало смотрела на них. Потом спросила:

– Раненые есть?

– Нет.

– Больные?

– Все здоровые, товарищ капитан. Только сильно голодные и от усталости с ног валятся.

– Потерпите немного, – сказала она. – Скоро места на повозках освободятся.

И действительно, не прошли и километра, санитары сняли троих умерших. Тут же, при дороге, закопали. Неглубоко. Разгребли снег, листву, заглубились в талый грунт на два штыка – и готовы могилы. Отяпов помогал санитарам. Не потому, что имел какую-то корысть, а просто так, по привычке что-то делать вместе со всеми.

Место на освободившейся повозке ему досталось перед самой Тулой.

Возле шоссе зенитчики окапывали свои длинноствольные орудия.

– Такие, должно быть, любой танк насквозь прошивают, – сказал раненый, сидевший впереди. – А нас бросили с одними

бутылками. Докинь до него бутылку…

– Так надо подпускать. Поближе. – Зашевелился и другой раненый, у которого была плотно забинтована голова и только для рта и носа были сделаны узкие продухи.

– Поближе, – огрызнулся сидевший впереди. – Ты вон подпустил…

– Я подпустил.

– И где твое отделение?

Забинтованная голова ничего не ответила, только вздохнула.

Вечером они, все двенадцать душ, сидели за просторным столом в доме на Кузнецкой слободе в Заречье и ели наваристые щи с гусятиной.

До того Отяпову понравились эти тульские щи, что он про себя решил: «Вот вернусь с войны, обязательно гусей заведу. Если, конечно, живой останусь…»

После еды завалились спать.

Но спали недолго. Прибежал сосед, четырнадцатилетний Гришка, который все это время не отходил от Тульского, растолкал его и сказал, что комендантский патруль собирает окруженцев по всему городу. Заходят во все дома. Сгоняют куда-то к стадиону.

– Двоих расстреляли. Я сам видел. Патруль расстреливал. Вывели и шлепнули. Видать, шпионы. Или дезертиры. – Гришка выложил свою новость и внимательно смотрел на Тульского.

Отяпов сел и начал обуваться. Сапоги у него теперь были добрые. В таких еще можно не один десяток километров отмахать. Хоть по грязи, хоть по снегу. Но видать, идти далеко теперь не придется. Зашевелились и другие.

Новость не радовала.

Начали обсуждать свое положение. А положение было не ахти каким веселым.

В город они прошли мимо постов. Вел их Тульский. И вот теперь они сидели и решали, что делать дальше. Кто-то предложил пойти в комендатуру или выйти и доложить

о прибытии первому встречному патрулю.

– Ну-ну, – хмыкнул Ванников, все видевший в черном цвете. – Далеко вас патрули не поведут. К ближайшей кирпичной стенке…

Выход неожиданно предложил Гришка:

– Вам надо идти к Рогожинскому поселку. Там наши оборону строят. Заводские. И отец мой там, и братья. Я вас проведу.

– Мы не ополченцы, – робко возразил Гусёк. – Нам надо искать свою часть.

– Где она теперь, своя часть… – наконец сказал Отяпов.

Все замолчали. Отяпов стал для этих людей не только

командиром, но и тем человеком, который может спасти, вытащить из смертной прорывы. А она теперь везде – справа и слева, спереди и сзади. Рассуждать можно всяко, но решение принимать должен самый мудрый и опытный.

– Надо идти к ополченцам. Там теперь передовая.

– Опять к черту в пасть!

– Оборвались, обносились, – зароптали бойцы.

Отяпов поднял руку. Ропот сразу стих.

– Мы тут из разных частей. Кто будет разбираться, чьи мы и с чем пришли сюда. Немец все время шел за нами следом. А значит, не сегодня завтра он будет здесь. Искать свои полки будем потом. Собирайтесь, ребятушки. Давайте почистим оружие и пойдем на позиции.

– Там, видать, тоже особый отдел есть, – сказал Ванников.

– Будем молить Бога, чтобы нам там поверили. – И Отяпов расстелил перед собой плащ-палатку, вынул из вещмешка масленку и протирку, выщелкнул из винтовки затвор, вытащил шомпол. Все это разложил перед собой на плащ-палатке.

Его примеру тут же последовали все, у кого было оружие.

Спустя несколько часов они стояли ровной шеренгой перед командиром роты тульских ополченцев. Тот выслушал доклад Отяпова, внимательно осмотрел новоприбывших, их оружие. Потом достал из полевой сумки блокнот и начал переписывать фамилии и номера частей. Переписав всех, сказал:

– Вот что, товарищи бойцы регулярной Красной армии, я должен доложить о вашем прибытии и желании воевать вместе с нами командиру полка. А пока на довольствие вас поставить не могу.

Оружие у них забрали. Сложили возле блиндажа командира роты.

– И куда ты нас привел? – покачал головой Ванников. Лицо его было бледным, руки дрожали.

Ночь они переночевали в одном из домов, куда их отвел ополченец, вооруженный французской винтовкой времен Первой мировой войны.

– Где ты ее отрыл? – Ванников кивнул на диковинное оружие, оснащенное длинным штыком, похожим на шпагу.

– Что бы ты понимал, – ответил ополченец. – Она бьет на два с половиной километра.

Проснулись в полночь. Разбудил их все тот же ополченец с винтовкой Лебеля.

– Ротный вызывает, – сказал он.

Еще не рассвело как следует, когда со стороны шоссе, которое узкой сырой полосой угадывалось левее возле леса,

прибежала разведка. Туман понемногу начал рассеиваться. Видимость становилась лучше. В окопах сразу началось оживление. Народ забегал. Ротный куда-то пропал. Потом появился с другой стороны. Увидел их и, видимо вспомнив, что и с ними надо что-то делать, сказал:

– Разбирайте винтовки. Кто у вас старший?

– Я. Красноармеец Отяпов. – И Отяпов неуклюже махнул у обреза каски опухшей от холода ладонью.

– Приказываю вам занять вон то крыло. – Он указал в туман. – Окопы там отрыты. Будете прикрывать зенитный расчет со стороны леса. А сейчас получите патроны и по буханке хлеба. Другого пайка на вас не предусмотрено. Огонь открывать по моему приказу. Дальше действовать по обстоятельствам. Ваша задача – не пропустить немецкую пехоту к орудиям.

Патронов им дали много. Сколько смогли взять, столько и нагребли в карманы и подсумки. Выдали по бутылке КС и три противотанковые гранаты. Одну Отяпов взял себе, другую поручил Тульскому, а третью Курносову.

Когда разобрали винтовки и получили патроны, повеселел и Ванников. Он посматривал на лес и полоску шоссе, черневшую на фоне заснеженного поля, и говорил самому себе:

– Сейчас мы им… Или грудь в крестах, или голова в кустах.

Потом, глядя, как ловко управляется с патронами Тульский, снаряжая обоймы, сказал:

– Смотри, Тула, гранату не потеряй.

Тульский в ответ засмеялся:

– Не потеряю, Калуга.

Они заняли пустые окопы рядом с запасными позициями зенитчиков и начали готовиться.

Зенитка стояла немного поодаль, ближе к домам. С длинным опущенным вдоль земли хоботом, она походила на хищного зверя, готового клюнуть любого, кто вылезет к ним из тумана.

Разведка принесла весть: по Орловскому шоссе движется колонна бронетехники и крытые грузовики с пехотой.

Немного погодя из леса, наполовину скрытого туманом, вылетела, будто перепуганная птица, сигнальная ракета. Она косо прочертила серое небо над черной стеной неподвижного леса и исчезла, сгорев и оставив едва заметный черный след.

– Идут.

Отяпов оглянулся на своих бойцов: Курносов, Гусёк, Тульский, Ванников, дальше двое из отдельного разведбата, прибившиеся к ним перед самой Тулой. С другой стороны замерли остальные, кого он знал и кому доверял, потому что слабые ушли по пути сюда.

– Ну что ты, Гусёк, дрожишь, как целочка перед первым разом. – Ванников нервно мял в зубах докуренную до последней степени самокрутку. – Ты уже умирал. Ты не должен бояться.

– А я и не боюсь, – ответил Гусёк. Лицо его было серым.

Отяпов посмотрел на него и отвернулся. Надо было что-то сказать людям перед боем.

– Ребята! – крикнул он. – Что бы ни было, держаться своей позиции!

Это бы его первый боевой приказ. Он вдруг почувствовал, что руки его согрелись и что спина вспотела.

В лесу послышалась стрельба. Захлопали частым заполошным боем мосинские винтовки. Потом полыхнул немецкий пулемет. Отяпов его сразу узнал. Снова зачастили винтовки. Разведка, понял Отяпов, или боевое охранение – мотоциклисты. Наскочили на охранение ополченцев.

Так оно и случилось. Через несколько минут в поле замелькали фигурки бегущих со стороны леса. Они быстро пересекли обмысок белого поля и исчезли в противотанковом рву.

– Охранение отходит.

– Неужто танками попрет?

– На телегах поедет, – хмыкнул Ванников.

В стороне шоссе зарокотало, сливаясь в единый вибрирующий гул. Казалось, проснулся лес и начал жить какой-то своей неведомой и зловещей жизнью, враждебной и городу, и им, притаившимся в своих окопах, и сейчас он стронется и поползет на них всей своей несметной силой.

Туман все еще держался понизу, и Отяпов подумал, что он им поможет. Как-никак, а танкистам, да еще в незнакомой местности, ориентироваться и вести огонь будет куда сложнее, чем нашим артиллеристам.

Отяпов оглянулся на позицию зенитчиков. Расчет уже замер у орудия, изготовившись к стрельбе прямой наводкой.

Глава 5 Бой, который решил судьбу Тулы

«Положение Гудериана завидным никак не назовешь…» (Фельдмаршал фон Бок)

Уходила ли 50-я армия из Тулы накануне решающего боя? Первый секретарь обкома Жаворонков и командующий армией генерал Ермаков. Из рассказов бывшего бойца зенитной батареи. История об утонувшем в цистерне со спиртом. 238-я стрелковая дивизия полковника Короткова. Наши офицеры не хуже немецких. Оборона южного участка г. Тулы. Снова майор Кравченко. Эбербах атаковал, и снова атаковал, и снова… Немецкие потери во время штурма Тулы с 29 октября по 1 ноября. Московские газеты сообщили о победе. Подвиг лейтенанта Волнянского и политрука Сизова. Снова – майор Кравченко. Пистолет-пулемет Коровина – основное оружие Тульского рабочего полка.

Больше полутора месяцев длилась осада Тулы. Бои то затихали на день-другой, когда немцы решались атаковать севернее или южнее, пытаясь обойти город, блокировать его, чтобы додавить в полной изоляции, то вспыхивали с прежней яростью.

Но был бой, который, возможно, решил судьбу тульского противостояния.

Это был самый первый бой. Надо вернуться к нему. Он проявил многое.

В оперативной сводке штаба Брянского фронта о бое 29–30 октября на южных окраинах Тулы говорится скупо:

«Части 50 А (258, 154, 260, 217 сд, 108 тд, полк рабочих вели бой с танками и мотопехотой пр-ка на юго-западной и южной окраине ТУЛА.

С 14.00 30.10 велись уличные бои на южной окраине ТУЛА с прорвавшимися 19-ю танками пр-ка.

В уличных боях уничтожено 5 танков.

32 тбр, выгрузившись к 14.00 30.10 в районе ст. ХОМЯКОВО, направлена в ТУЛА.

О 41 кд, 173, 290, 299, 194 сд, 58 зсп, 11 тбр – сведений не поступило» [33] .

Стоп. Давайте в этом месте остановимся и наложим смысл только что прочитанного на известные события, происходившие под Тулой, попытаемся понять то, что до сих пор в истории обороны города еще покрыто тайной.

Дело в том, что в некоторых публикациях говорится о том,

что штаб 50-й армии якобы принял решение Тулу не оборонять и отвести войска восточнее, на новый рубеж. Этой версии придерживаются исследователи и та часть тульских краеведов, которые склонны возложить лавры защитника Тулы на голову первого секретаря обкома партии Жаворонкова, считая, что командующий 50-й армией генерал Ермаков смалодушничал и приказал выходящим из окружения дивизиям идти через Тулу дальше на восток. Из рассказов бывшего сержанта 732-го зенитно-артиллерийского полка, принявшего первый удар немецких танков, Тимофея Дмитриевича Дубинина, полковника в отставке, долгие годы изучавшего историю тульской обороны: «Севернее Тулы были остановлены остатки дивизии, не хочу называть ее номера, во главе с командиром – генерал-майором, которые по своей территории, несмотря ни на какие приказы, продолжали уходить на восток. Те окруженцы, которые отходили в Тулу, представляли собой малоприятное зрелище. Я своими глазами видел, как они отступали прямо через наши боевые порядки. Представьте себе, что чувствовали наши бойцы, видя, как красноармейцы бегут от немцев. Они рванули к винному заводу и начали громить его. Из автоматов стреляли по цистернам со спиртом, подставляли к дыркам котелки. Как мне рассказывали, один боец пытался зачерпнуть спирт из цистерны сверху, упал в нее и утонул. Спирт тек по земле ручьями».

История об утонувшем в цистерне со спиртом бойце одна из самых распространенных времен войны. «Тонули» наши бойцы и в Польше, и в Восточной Пруссии, и в других странах и городах Европы. Может, кто-то по дурости и вправду утонул в вольном спирте, но, надо признать, эта бродячая по всем фронтам и многим устам легенда похожа больше на развернутую метафору. Что же касается вида вышедших из окружения, то, пожалуй, да, выскочившие из ада выглядят не блестяще… К тому же – голодные, злые…

Далее: «Руководил обороной города первый секретарь Тульского обкома партии и руководитель городского комитета обороны Василий Гаврилович Жаворонков – сам артиллерийский офицер запаса. Вместе с командиром полка он выбирал позиции на самых танкоопасных направлениях. Потом приезжал, проверял, как они оборудованы, как подготовлены расчеты. Держался он, приезжая к нам, удивительно спокойно. Вот только кобура у него была постоянно расстегнута, и на его сиденье в машине появился автомат. Причин его спокойствия и уверенности тогда никто не понимал. Солдаты поговаривали, что будто бы Сталин вызвал к себе Жаворонкова и приказал Тулу врагу не сдавать».

Тимофей Дмитриевич Дубинин пишет о том, что командование 50-й армии не разделяло уверенности первого секретаря: «Назначенный командующим 50-й армией генерал-майор Ермаков сразу же вывел штаб армии из Тулы, на северо-восток, в ближний тыл. А через месяц отступление части войск 50-й армии привело к окружению города. Как мне рассказывал Жаворонков, ему позвонил секретарь Сталиногорского райкома партии и сказал, что войска получили приказ отходить. Жаворонков начал искать Ермакова – тот где-то в частях. Попросил передать, что нужно срочно переговорить. Ермаков пригласил его вместе с членами комитета обороны в штаб армии. Там Ермаков заявил им, что у армии нет сил для защиты Тулы и надо отойти. И предложил руководству города и области уйти вместе со штабом. Жаворонков пытался с ним спорить. Но тот ничего не хотел слушать, да и уже не мог ничего изменить – войска отступали».

Последний эпизод относится к сдаче Сталиногорска. У нас еще будет возможность почитать сводки и боевые донесения об этих боях. А теперь несколько комментариев.

Конечно, эти воспоминания написаны сторонником обкомовской версии обороны Тулы. Одно только категоричное утверждение о том, что «руководил обороной города первый секретарь», чего стоит. А зачем он приезжал к защитникам города с расстегнутой кобурой? Это, простите, все равно что на танцы с расстегнутой ширинкой…

Невозможно умалить значения тульских коммунистов в обороне города осенью – зимой 41-го года, но и тотальное преувеличение их подвига и при этом умаление роли войск не служит поиску истины, а только запутывает обстоятельства, уводит в сторону, порождает ненужную интригу. Желание подправить историю у нас явление весьма распространенное. Когда существует «социальный заказ» на то, чтобы представить те или иные события в более презентабельном виде, тут же появляется и штатный исполнитель этого проекта. Вот такие «истории» финансируются щедро. А попробуй найди среди чиновников покровителя и заказчика на написание правдивой истории без прикрас… Кому она нужна, такая – без прикрас? Ведь чиновник совершенно искренне убежден в том, что неприукрашенной правдой нельзя воспитывать молодежь – это плохо повлияет на их нежные души. А что подумают недруги?

Однако для военной истории, в том числе местной (у каждого города, у каждого района есть своя история, свой эпизод времен войны), наступает эпоха возвращения правды. Правды действительных событий. И эта правда, как категория

нравственная, возвращает из небытия многие забытые имена.

Воспитывать детей и побеждать недругов можно только правдой. Делай не ложью – все выйдет по-Божью…

Никакого приказа об оставлении Тулы, подписанного штабом 50-й армии и разосланного в дивизии и бригады, как обычно бывает в подобных случаях, в архивах найти не удалось. Так что свои минувшие дни бойцы вспоминают по-разному…

Позиции у города заняли и тульские ополченцы, и регулярные войска, в том числе и вчерашние окруженцы. Конечно, последние представляли собой жалкое зрелище: из окружения, как уже было сказано, вырвались не красавцами. Но правда такова, что город защищали и они.

Штаб же армии находился там, где ему было положено находиться, – в ближнем тылу. В здании обкома немецкие пикировщики его могли накрыть одним точным попаданием и обезглавить армию. Такие случаи уже были, а потому командиры различных уровней имели указание размещать свои управления в малоприметных местах и тщательно их маскировать.

Можно предположить, что нервозность обкомовских работников, которые не спали ночей, чтобы обеспечить оборону города, вызвал факт оставления Тулы 238-й стрелковой дивизией. Эта дивизия прибыла из Казахстана в начале октября специально для обеспечения обороны города. В это время вовсю шла эвакуация промышленных предприятий и специалистов. Но многое оставалось в цехах. В какой-то момент стало очевидным, что все не вывезти. 14 октября пришло известие о том, что немцы заняли Калугу. Город тогда относился к Тульской области. У многих туляков там жила родня. Поэтому известие было воспринято как огромная трагедия. Разведка доносила, что из Калуги, тесня разрозненные части 49-й армии генерала Захаркина, противник двинулся в направлении Ферзикова и Алексина. Возникла угроза захвата Тулы с юго-запада и юга. И тогда 238-ю стрелковую дивизию ускоренным маршем перебросили в район Алексина «для его обороны и недопущения прорыва на дорогу Москва– Тула».

Согласно директиве замначальника Генштаба Красной армии генерала А.М. Василевского, командиру 238-й стрелковой дивизии полковнику Короткову было приказано:

«В связи со стремлением противника нанести удар от Калуги на Подольск, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает 238 сд к утру 18.10 выйти в район г. Алексин, занять рубеж для обороны Бундырево – Алексин– Щукино и быть готовой с него нанести удар в направлении на Петрищево во фланг противника, при его попытке к наступлению на Подольск.

С выходом на р. Ока прочно прикрыть свой левый фланг со стороны района Лихвин – Перемышль».

Дивизией командовал полковник Геннадий Петрович Коротков, прекрасный офицер с великолепным военным образованием и опытом. Дивизия будет отчаянно и храбро сражаться под Алексином и, несомненно, внесет свою достойную лепту в оборону Тулы. Она удерживала фронт на рубеже Погиблово – Карташево – Божениново – Битюги. Потери дивизии за период с 27 ноября по 2 декабря 1941 года составили: убитыми – 537 человек, ранеными – 770 человек и пропавшими без вести – 693 человека. Потери противника перед ее фронтом за этот же период: убитыми и ранеными свыше 4 тысяч человек, 2 танка, 16 минометов, 24 станковых пулемета и 42 ручных пулемета. Дивизия вскоре будет передана 49-й армии. На реке Угре под Юхновом она получит наименование 30-й гвардейской. Полковник Коротков станет генералом. Некоторое время будет руководить штабом 49-й армии. Затем возглавит 5-й гвардейский стрелковый корпус, потом 53-ю армию. Войну закончит командующим 22-й армией [34] .

Вот такие офицеры командовали нашими дивизиями под Москвой. Они были не хуже командиров вермахта. И образования, и опыта им было не занимать. А когда получили в руки инициативу и возможность самостоятельно принимать решения, силы Красной армии как будто удвоились.

После ухода полнокровной дивизии город будто осиротел и оставшимся в нем жителям и войскам, силы которых были весьма незначительны, стало действительно жутко.

29 октября в 10.00 после артподготовки противник силой до двух батальонов, при поддержке танков и штурмовой авиации, которая действовала непосредственно на поле боя, атаковал позиции 290-й стрелковой дивизии севернее Щёкина. Оборона была прорвана, и к 11.00 немецкие танки уже подходили к Ясной Поляне. После полудня немецкий авангард подошел к Косой Горе. Противник наращивал удар, и к исходу дня на фронте прорыва действовало уже около ста немецких танков. Заняты Ивановские дачи, Новобасово, станция «Подземгаз». Правды ради следует отметить, что Ясная Поляна и Косая Гора были сданы 290-й стрелковой дивизией полковника Ревякина и 31-й кавдивизией полковника Пивнева без боя.

Немецкие танкисты в прицелы башенных пушек уже разглядывали южные кварталы Тулы. Но вначале им предстояло пройти через позиции Тульского рабочего полка, остатков наших дивизий и подавить огневые 732-го зенитно-артиллерийского полка.

Назревала решающая дуэль.

20 октября Ставка отдала приказ командованию Дальневосточного фронта направить в распоряжение 50-й армии 112-ю танковую и 239-ю стрелковую дивизии, с Юго-Западного фронта срочно снимали и перебрасывали в район Тулы 2-й кавалерийский корпус генерала Белова. Эшелоны с танками и пехотой были в пути. Кавалеристы Белова тоже были в нескольких переходах от города. «Быстроходный Гейнц» снова опережал. Лавры покорителя Тулы жаждал сорвать командир 24-го моторизованного корпуса генерал-лейтенант Брейт.

Как уже было сказано, командир танковой бригады 3-й танковой дивизии полковник Эбербах вел ударную группу по шоссе Орёл – Тула и вдоль него.

На участке, к которому выскочили танки Эбербаха и грузовики с пехотой, оборону держали защитники южного боевого участка. Им командовал только что назначенный на эту должность майор Кравченко. Ему предстояло «смывать свою вину» перед полковником Серёгиным кровью. Правда, судя по поступкам, Кравченко имел твердый и прямой характер и вины своей ни перед кем не чувствовал, а просто честно воевал.

Под рукой у майора Кравченко к тому времени была 69-я бригада войск НКВД, 732-й зенитно-артиллерийский полк и Тульский рабочий полк.

Левее, на Воронежском шоссе, окопалась 260-я стрелковая дивизия полковника В.Д. Хохлова. Впрочем, дивизией отряд полковника Хохлова назвать можно было лишь условно. 200 человек без материальной части изготовились связками гранат и бутылками с КС встретить танки Эбербаха. На Одоевском шоссе оборону занял батальон тульской милиции.

Атака началась 30 октября. Бой длился до 1 ноября. Эбербах, видя, что его танки и мотопехота не могут преодолеть обороны по Орловскому и Воронежскому шоссе, пытался маневрировать, искать обходные пути и щели, но везде его встречали огнем. Вскоре силы его группы начали иссякать. Настроение и у экипажей, и у пехотинцев тоже было поганое.

То, что прошло при взятии Орла и Брянска – стремительная атака малыми силами и паника противника, – здесь не прошло. Горели танки, гибли лучшие экипажи, залегла и не могла поднять головы прошедшая Польшу, Францию, белорусские леса и смоленские поля пехота. У немцев ничего не получалось. Русские стояли как вкопанные. Точно стреляли их орудия. Упорно держалась в своих окопах пехота. Они тоже гибли, но оказались настолько нечувствительны к потерям, что порядки их так и не удалось нарушить.

Поразительно, но фон Бок в своем дневнике в записи за 29 октября 1941 года тульский участок фронта удостоил такой записью: «С установившимся легким морозцем и при некотором общем улучшении погоды 2-й танковой армии при поддержке люфтваффе удалось достичь района в пяти километрах от Тулы. Пехотные корпуса танковой армии, переправившись через Оку, также продолжают движение в северо-восточном направлении».

Тон записок спокойный, уверенный. А ведь он, командующий группой армий «Центр», судя по этому тону, еще не знал, что на южной окраине Тулы рабочие, бойцы бригады НКВД (охранявшие тульские заводы), милиционеры и немногочисленные красноармейцы из числа вчерашних окруженцев, усиленные зенитными расчетами, пожгли столько их танков, что южное крыло «Тайфуна» уже не могло с прежней мощью продвигаться к Москве, чтобы выполнить первоначальную задачу.

И только на следующий день появляется запись, в которой уже чувствуется некая тревога: «Ослабленное острие наступления Гудериана достигло южных пригородов Тулы, которую противник готовится оборонять. Остальная техника отстает и вязнет в грязи на ужасных дорогах. Кроме выхода авангарда Гудериана к Туле, других существенных изменений на фронте не отмечалось. Погода мерзкая».

Мерзкая погода… Мерзкие дороги… Мерзкие известия из-под Тулы… Мерзкие рабочие тульских заводов… Мерзкие красноармейцы из 50-й армии, недобитой Гудерианом на Рессете, за что он теперь и расплачивается…

А ведь еще накануне фельдмаршал любовался хорошей погодой, легким морозцем. Впрочем, погода, как известно, меняется в зависимости от обстановки на передовой…

Через несколько дней, когда станет ясно, что в лоб Тулу не взять, фон Бок запишет: «Положение Гудериана завидным не назовешь».

Вот уж действительно.

30 октября защитники Тулы отбили четыре атаки. В них каждый раз участвовало от двадцати до пятидесяти танков и до батальона пехоты.

А теперь представьте, если бы эти двадцать или даже пятнадцать танков с батальоном пехоты ворвались в город. За ними бы хлынули остальные силы. И – все, Тула оказалась бы у ног Гудериана. Но этого не произошло.

31 октября Эбербах сумел организовать уже только три атаки.

1 ноября сил хватило только на две.

За три дня боев, учитывая и схватки с мелкими группами противника на других участках обороны Тулы, было уничтожено

38 танков и до 500 солдат и офицеров противника. Наши потери: три подбитых танка, три орудия, четыре станковых пулемета, пять противотанковых ружей, убито 84 человека, ранено 212.

Туляки и бойцы 50-й армии одержали победу, которая решила судьбу города, армии, фронта и, возможно, Москвы. Потому что бои под Москвой перешли в ту стадию, когда все могло решиться на любом участке фронта, наступлением взвода пехоты при поддержке двух-трех танков, когда в образовавшуюся брешь тут же могли, как в воронку, увеличивающуюся с каждым мгновением, втянуться основные силы.

31 октября в район Тулы с Дальнего Востока прибыла в эшелонах и разгрузилась 413-я стрелковая дивизия генерал-майора А.Д. Терешкова. Полки тут же заняли оборону на южных подступах к городу в районе Дедилово.

В тот же день прямо из города по врагу ударили «катюши».

1 ноября там же, на южных окраинах, заняла позиции

32-я танковая бригада.

Из тыла прибывали другие части. Тульская оборона наращивала силы, эшелонировала свои боевые порядки в глубину.

Гудериан упустил свой шанс.

Ночь на 2 ноября прошла относительно спокойно. Мелкие группы автоматчиков то приближались к позициям защитников города, то снова отходили. Обе стороны вели усиленную разведку. Утром начался обстрел города из орудий. Наши батареи тут же ответили. Начались позиционные бои и мелкие схватки, которые уже не могли существенно повлиять на ход событий.

Центральные газеты в эти дни рассказывали о беспримерной обороне героической Тулы. Отмечались подразделения командиров Фоканова, Гордиенко, Зубкова.

Отличились все. Но весь ужас схватки с немецкими танками суждено было пережить зенитчикам.

Из воспоминаний политрука 732-го зенитно-артиллерийского пока Михаила Ивановича Сизова: «Было нас немного. Всего двадцать один человек: командир взвода лейтенант Григорий Матвеевич Волнянский, командиры орудий ефрейторы Федор Никитович Никитенко и Иван Герасимович Казак, наводчики красноармейцы Беспалов и Шведов, заряжающие красноармеец Александр Васильевич Волокиткин и замполитрука Василий Федосеевич Шейко, бойцы орудийной прислуги ефрейторы Сиренко и Жарков, красноармеец Евдокимов, разведчики красноармейцы Колобашкин, Арифметиков, Голуб и другие. Командиру группы Волнянскому только что исполнилось двадцать лет».

Лейтенанты вытащили основную тяжесть командирской работы на той войне. С этим, конечно, можно поспорить. Но я не стану. Лейтенанты командовали стрелковыми и огневыми взводами, иногда батареями, минометными ротами, стрелковыми ротами, иногда батальонами. Лейтенанты командовали тяжелыми танками. Основной состав истребительной и штурмовой авиации тоже был лейтенантским. Лейтенанты командовали взводами и батареями противотанковых пушек, зачастую сами вставали к панорамам прицелов, сами заряжали орудия.

Туле в то утро просто повезло. На основной позиции у Орловского шоссе оборону занимал огневой взвод лейтенанта Волнянского.

По воспоминаниям выживших в том бою, Волнянский готовился к бою основательно. Произвел необходимые топографические расчеты, «заранее обсудил с командирами орудий и наводчиками возможные варианты боя, с утра до позднего вечера отрабатывал с ними приемы стрельбы по наземным целям». Лейтенант Волнянский был классическим лейтенантом Великой Отечественной войны, каким этот героический образ донесли до нас книги Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Василя Быкова и Константина Воробьева. Этот образ, с налетом суровой романтики, в советские годы талантливо переносил на широкий экран отечественный кинематограф. К сожалению, сейчас эта культура утрачена, отстранена конъюнктурным валом нелепых фэнтези и бездарных поделок в виде картонных сериалов, где лейтенантов 41-го года пытаются изображать столичные актеры с излишним весом.

Коренному туляку Валентину Ивановичу Пудовееву в ту осень было 12 лет. Родительский дом Пудовеева стоял рядом с тем самым Орловским шоссе, откуда ждали атаки и откуда она вскоре последовала. Он наблюдал этот бой. Вот что он вспоминает:

«Когда командира зенитного заслона Г. Волнянского инструктировали в штабе обороны города Тулы, ему наверняка показали схему укрепрайона в зоне предполагаемой первой атаки немцев. Не мог он не знать расположения полей наших противотанковых и противопехотных мин. С большой долей уверенности можно предположить, знал он и о минировании правой стороны Орловского шоссе от съезда к воротам кирпичного завода имени «12 октября». Левая сторона шоссе была надежно защищена от танков глубоким оврагом, тянувшимся почти до Воронежского шоссе.

Когда в 6 часов 30 минут синяя ракета, выпущенная нашими

разведчиками из района Зеленстроя, оповестила оборону о продвижении немецких танков, Волнянский наверняка ожидал первых их подрывов на минах. Однако танки свободно шли через минное поле. Это обстоятельство не могло не повлиять на нервозность наших зенитчиков, которые дали несколько промахов, обнаружив себя вспышками выстрелов в утренней темноте. По светящимся трассерам зенитных орудий Волнянский откорректировал прицелы орудий. Первый танк был подбит в 300 метрах от расположения зенитной батареи. Но сразу же на наши позиции обрушился шквал артиллерийского, минометного и пулеметного огня. Немецкие танки двигались по булыжному шоссе и маневрировали, стараясь увернуться от зенитного огня, и потому стреляли не прицельно. Завесу огня создавали перед нами немецкие минометы и пушки, которые вели огонь с Зеленстроя, Басово, «Подземгаза», Ивановских дач.

В атаке участвовали танки типа PzKplW трех модификаций – E, F, G выпуска 1940–1941 годов. Вес этих машин достигал 21 тонны, толщина лобовой брони и передней части башни – 25–30 мм, задняя часть башни и боковая – 15–20 мм, днище – 10 мм. Максимальная скорость – 40 км/час, запас топлива на 250 километров. Танки были вооружены одной пушкой калибра 42–50 мм и тремя пулеметами калибра 7,92 мм. В боезапас входило 99 выстрелов и 2500 патронов. Вся эта бронированная армада беспрестанно стреляла, создавая невообразимый грохот. Волнянскому приходилось подавать команды не голосом, а жестами, выпрямившись во весь рост, чтобы его видели наводчики зениток.

Один вопрос постоянно мучил меня: почему не сработали мины? Читая воспоминания очевидцев о первом бое под Тулой, я ни в одном из них не встречал упоминания об этом. Наконец, после долгих размышлений, у меня появилась более-менее правдоподобная версия. 28–29 октября подразделение саперов минировало основное шоссе и правую его сторону. Но видимо, получили приказ – мины на боевой взвод не ставить, пока не последует команда сверху. Полагаю, это можно объяснить тем, что с Косой Горы ожидался подход наших отступающих частей: остатков артиллерии, живой силы…

В поддержку этой версии говорит и тот факт, что для постановки мин на боевой взвод оставили двух саперов. Но дальше события развивались трагичным и непонятным образом – саперы, получившие наконец команду ставить взрыватели, погибли: либо от взрыва чьей-то гранаты, либо подорвавшись на собственной мине. Это случилось после обеда 29 октября. Рабочие кирпичного завода и бойцы рабочего полка похоронили

саперов у плакучей ивы на правой стороне Орловского шоссе.

Возникает вопрос: почему не прислали других саперов, тем более что за ночь с 29 на 30 октября со стороны Косой Горы подошло несколько раненых бойцов да трое верховых на лошадях? Как оказалось, вся наша техника – тягачи, автомобили, артиллерия – были брошены на пути танкового прорыва немцев от Мценска к Туле… Может быть, гибель саперов чей-то злой умысел и кто-то из высокого командования подыграл немцам? К сожалению, этот эпизод так и остался непроясненным до сих пор…

Шоссе до поселка Басово просматривалось отлично. По его обочинам, слева и справа, стояли столбы трамвайной электросети и телеграфные укрепленные на четверть в высоту кусками трамвайных рельсов. Эти столбы представляли помеху для фланговых выстрелов – трудно было артиллеристам совместить промежуток между столбами и быстро двигающийся, «рыскающий» танк. Что и отразилось на третьей танковой атаке. В тот день соединение из 15–20 танков спряталось за корпусом кирпичного завода. Перестроившись, они на предельной скорости, плотным строем, выскочили из засады, повернули к зениткам, прикрывая три отставшие машины, чтобы их не заметили зенитчики. Тройка танков на предельной скорости неслась к механическому институту. Вскоре один из трех танков наскочил на мину недалеко от противотанкового рва. Зенитчики заметили танки, развернули стволы орудий на 90 градусов и подбили одну машину, с другой сорвали гусеницу. Уткнувшись в землю, танк открыл прицельный огонь по артиллеристам – с его позиций расположение наших орудий отлично просматривалось. Были легко ранены несколько наших бойцов. Метким выстрелом танк подбили… Тем временем основная группа немецких танков оказалась на расстоянии 50–70 метров от наших орудийных расчетов. Только невероятными усилиями им удалось отбросить немцев, подбив при этом три танка».

Да, дорогой читатель, у того, кто думает, вопросов много. Тому же, кто в чем-то заинтересован, все ясно…

По воспоминаниям политрука М.И. Сизова, «двигались танки группами с интервалом 500–600 метров. Стреляли наугад, так как осевший туман еще прикрывал передний край обороны».

Из журнала боевых действий 732-го зенитно-артиллерийского полка ПВО: «В 6 часов 50 минут утра 30 октября 1941 года танки противника волнами устремились к городу, пытаясь пройти огонь и ворваться в город, но все попытки фашистской гадины сломить сопротивление защитников города Тулы ни к чему не привели».

Лейтенант Волнянский погиб в том бою. Похоронен на

Всехсвятском кладбище в Туле. Посмертно награжден орденом Ленина. Родом он был из села Глинского Сумской области. Образование имел среднее. В армию призван из Киевского политехнического института. Член ВЛКСМ.

Из наградного листа, подписанного командиром полка майором Бондаренко и комиссаром полка батальонным комиссаром Морозкиным: «Погиб смертью героя при борьбе с германским фашизмом 30 октября 1941 г. в 8 час. 50 мин. Под руководством бесстрашного, преданного делу партии молодого командира взвод утром 30 октября встретил огнем колонну вражеских танков в количестве 40 машин, которая шла по Орловскому шоссе к городу Тула. Благодаря умению и мужеству, презрению к смерти и героизму лейтенанта Волнянского ни один танк в город не прошел. Двумя 85-мм орудиями прямой наводкой в упор разбито 14 танков противника. Остальные рассеяны и повернули обратно».

Героя почему-то не дали. Может, потому, что тогда, в 41-м, к награждению подходили предельно строго. Награждали, даже медалью, скупо.

Другим огневым взводом зенитной батареи (6-й) командовал политрук Сизов. Четыре зенитки в том бою уничтожили 14 танков.

Полковник Эбербах, встретив ураганный огонь на окраинах Тулы, пытался маневрировать. Он дробил танковые группы, искал свободную щель в обороне или слабое место. Но нигде не смог найти ни того ни другого. Четыре танка уничтожили зенитные расчеты лейтенанта Милованова, оборонявшиеся в районе стадиона и поселка Красный Перекоп.

По воспоминаниям генерала Болдина, который в том бою не участвовал, но в своих мемуарах его все же осветил, «полк занимал тогда оборону на высоте 225,5, что в трехстах метрах от Орловского шоссе, а также на Воронежском шоссе и в Рогожинском поселке. Рано утром в районе кирпичного завода, расположенного южнее поселка, показались около сорока вражеских танков. Вслед за ними двигались цепи автоматчиков. Стреляя на ходу, танки приближались к окопам полка двумя группами – слева и справа. Туляки подпустили противника поближе, а затем автоматчиков обстреляли ружейно-пулеметным огнем, танки же забросали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Отличился при этом командир отделения Петр Саликов, первым подбивший танк. Более четырех часов продолжался бой. Несколько раз атаковали гитлеровцы позиции полка. Но танки так и не смогли преодолеть противотанковый ров, а автоматчики не шли вперед без танков».

Командир южного боевого участка майор Кравченко о ходе боя доложил в штаб армии в более мрачных тонах: противник атаковал 30 октября 1941 года в 8.00 силами 34 средних и тяжелых танков и до батальона мотопехоты с направления Гостеевка; Тульский рабочий полк был рассеян и бежал в неизвестном направлении, после чего немецкие танки и мотопехота прорвались к городу, и танки овладели парком Осоавиахима (на южной окраине Рогожинского поселка, ныне парк имени 250-летия оружейного завода), подойдя вплотную к церкви. Ситуацию удалось выправить только с помощью трех групп истребителей танков и личного состава подошедшего 1005-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии…

В местной историографии до сих пор ведутся споры по поводу этого боя. Где правда, в донесении ли майора Кравченко или в том, что написали о южном участке потом?

Но результат ясен: немцы не прошли, Тула в эти дни и ночи выстояла.

В конце этой главы стоит упомянуть об одном малоизвестном факте, который, как мне кажется, будет любопытен читателю, интересующемуся историей Великой Отечественной войны.

Когда начальник 4-го отдела УНКВД Тульской области капитан пограничных войск Анатолий Петрович Горшков сформировал Тульский рабочий полк, тут же возникла проблема – чем людей вооружать?

Некоторые бывшие бойцы тульского ополчения рассказывали, что привезли 200 винтовок Лебеля, вручили их самым лучшим и ответственным ополченцам, к ним раздали боекомплект – по пять патронов. С таким боезапасом даже на заячью охоту не ходят. Но патронов больше не было. Не хватало патронов и для пулеметов Льюиса. Словом, вооружать людей было нечем.

И тут кто-то вспомнил, что на складах хранится опытная партия экспериментального пистолета-пулемета системы Коровина.

На фотографиях, где запечатлены бойцы Тульского рабочего полка, оружие довольно разнообразное: самозарядные винтовки СВТ, пистолет-пулемет Шпагина, винтовки системы Мосина. Коровинского автомата нет ни на одном снимке. Возможно, фотографироваться с «новым» автоматом нельзя было из соображений секретности. Хотя, можно предположить, немцы в тех боях наверняка захватили образцы этого оружия. И какой-нибудь ганс получил Железный крест за такой трофей…

Генерал Болдин в своих мемуарах не раз упоминает о том, что в цехах оружейных заводов продолжалась работа и что выпущенное оружие тут же поступало на передовую. Можно

предположить, что в основном это были именно пистолеты-пулеметы Коровина.

Коровинское изобретение весьма напоминало немецкий РМ38/40, который у нас принято называть «Шмайссером». В конце войны в войсках появится пистолет-пулемет Судаева. Так вот он – брат-близнец коровинского автомата.

Сергей Александрович Коровин создал свой пистолет-пулемет еще до войны. Но в войска поступали пистолеты-пулеметы конструкторов Шпагина и Дегтярева. Коровинский в производство не пошел.

Но в октябре 41-го налаживать срочное производство этого оружия на тульских заводах заставили чрезвычайные обстоятельства. Какое количество автоматов системы Коровина было произведено и передано войскам осенью и зимой 41-го года, неизвестно. Тульские исследователи говорят о нескольких сотнях. Сохранилось же всего несколько образцов. Однако известно, что он поставлялся в Тульский рабочий полк до весны 42-го, когда туляки уже дрались на реке Угре под Юхновом. К тому времени полк получил общевойсковой номер и был вооружен по существующим штатам: винтовками системы Мосина, автоматами ППШ, пулеметами Дегтярева и «Максимами».

Вес автомата системы Коровина – 3,52 килограмма. Калибр – 7,62. Патрон – ТТ (тот же, что для ППД и ППШ). Емкость рожка – 35 патронов. Длина ствола – 270 миллиметров. Прицельная дальность стрельбы – 200 метров. Темп стрельбы – 470 выстрелов в минуту.

Стрелять из пистолета-пулемета можно было только очередями, с открытого затвора. При невысоком темпе стрельбы расход патронов был небольшим, что немаловажно в бою.

Тульский рабочий полк был единственным подразделением, вооруженным этим редким автоматом периода Второй мировой войны.

Гул разрастался, захватывал все пространство перед ополченцами, артиллеристами и бойцами группы Отяпова, проникал через шинельное сукно и холодил тело.

Отяпов знал, что многих сейчас трясет. Его тоже начало знобить и выкручивать суставы. Самое худшее в бою – ждать начала.

Танки сошли с шоссе и развернулись для атаки. Пехота машин не покидала. Грузовики замедлили ход и растянулись по шоссе. Шли они с погашенными фарами. Иногда их скрывал косяк тумана, но потом пространство снова распахивалось, и в окопах становилось жутко: до чего ж большая сила перла на них.

Вскоре танки начали маневрировать. Они выстраивались

группами. Первая, семь стальных угловатых коробок, пошла вперед, вдоль шоссе. Три отвернули к домам, остальные шли прямо.

Ну и выдержка у этих ребят, подумал Отяпов и оглянулся на позицию зенитчиков. И в это время бахнуло, и над окопами боевого охранения пронеслась, упруго шурша, струя раскаленного воздуха. Второе орудие тоже произвело выстрел.

– Мимо.

– Артиллеристы, в гроб их душу…

– Наплачешься с такими кровавыми слезами.

Танки, не сбавляя скорости, продолжали двигаться в первоначальном направлении. Они сразу открыли огонь. Из коротких хоботов их пушек часто полыхало пламя. Но стреляли они не прицельно, и ни одного снаряда ни на позиции зенитчиков, ни в окопы пехоты не попало.

Еще один трассер резанул над полем мутную хмарь и ударил в башню переднего танка. И тотчас сильный взрыв встряхнул железную коробку, отделил башню от шасси, и столб багрового пламени встал вертикальной колонной и некоторое время стоял так, подпирая серое небо, тоже, казалось, готовое упасть и разрушиться.

В окопах одобрительно закричали.

– Готовсь! – скомандовал Отяпов.

Тем временем пехота начала выскакивать из грузовиков и рассыпаться по полю. Заработали пулеметы.

– Огонь! – закричал Отяпов и первым нажал на спуск.

Первый выстрел он сделал не целясь, и пуля полетела куда попало. Бойцы припали к винтовкам, захлопали затворами.

Из других окопов тоже вели огонь. Застучали пулеметы. Где-то правее, из-за противотанкового рва, резко били бронебойки.

Чем ближе подходили танки, сопровождаемые пехотой, тем плотнее и яростнее становился огонь из окопов. Артиллеристы начали стрелять чаще и точнее.

Горели уже три танка. Один, с сорванной гусеницей, осел на бок и зарывался в землю. По нему вели огонь бронебойщики. Танк развернул башню и начал отвечать. Черные кусты взрывов мгновенно выросли за противотанковым рвом. Но и танк задымил. Открылся боковой люк. Оттуда что-то выбросили наружу, потом еще. Похоже, выбрасывали стреляные гильзы. Танк по-прежнему вел частый огонь в сторону противотанкового рва. Потом из люка вывалился человек и скатился вниз.

До танка было метров двести. Отяпов передвинул хомутик на прицельной планке. Прицелился. Немец копошился возле танка. Похоже, он был ранен. Дым все гуще тянул из открытого бокового

люка. Но башенное орудие все еще продолжало вести огонь. Наконец оно затихло. Еще один танкист выполз из люка. Вылезал он медленно, будто не верил, что танк уже горит. Отяпов выстрелил. Немец повис вниз головой. Отяпов знал точно, что попал именно он.

Бой шел весь день. Танки отходили, перестраивались и снова атаковали. Пехота теперь передвигалась под прикрытием бронетранспортеров. С бронетранспортеров длинными очередями вели огонь пулеметы.

Двоих убитых уже оттащили в боковое ответвление и прикрыли сверху плащ-палаткой, на которой еще недавно они чистили винтовки. Трое были ранены. Какое-то время они сидели на дне окопа, но потом вернулись к своим стрелковым нишам и продолжили огонь. Санитаров нигде не было. Отяпов понял, что никто к ним не придет. Он приказал перевязывать друг друга самим. Раненых взялся перевязывать Гусёк. Получалось у него неплохо.

После полудня затихло.

Пришел посыльный от командира роты и сказал, чтобы составили донесение о потерях. Чуть погодя вернулся:

– Выделите двух человек для получение горячей каши.

Есть хотелось. Но еще сильнее хотелось спать. Отяпову казалось, что они не спали несколько ночей.

Глава 6 Гудериан меняет тактику

«Наступление на Москву провалилось…»

2-я танковая армия наступает на Каширском направлении. Ставка бросает резервную дивизию полковника Мартиросяна. Дивизия окружена. Фон Бок: «Русские стали наступать…» Гудериан: «Причиной прорыва является превосходство сил противника…» Отстранение генерала Ермакова – суд, приговор-помилование. Новый командующий – генерал Болдин.

Упорство Тулы и остановка в районе Каширы.

Да, положение Гудериана было незавидным. И тем не менее его передовые части продолжали наступать. Теперь уже в обход Тулы с юго-востока и востока в общем направлении на Дедилов, Сталиногорск, Венёв и Каширу. Гудериан и его солдаты грезили Москвой, хотя прекрасно понимали, что, возможно, зимовать придется в подмосковных полях. Новое направление обещало прорыв советского фронта на менее защищенном участке и окружение 50-й и части войск 49-й армии в районе Тулы, Алексина, Серпухова. План был грандиозным. Но и ему не суждено было сбыться.

Однако события развивались весьма драматично и все снова висело на волоске.

18 ноября 1941 года ударная группировка 2-й танковой армии в составе четырех танковых, трех моторизованных, пяти пехотных дивизий и моторизованного полка «Великая Германия» прорвала оборону 50-й армии и устремилась на Дедилово и Сталиногорск.

Чтобы закрыть брешь у Сталиногорска, Ставка бросила сюда резервную 239-ю стрелковую дивизию полковника Г.О. Мартиросяна [35] . Свежая дивизия тут же была брошена в самое пекло. Вначале она смогла потеснить противника и несколько улучшить положение 50-й армии, но вскоре сама оказалась в окружении и вышла из боев сильно потрепанной.

Понимая, что одной дивизией дела не решить, штаб Западного фронта создал Венёвский боевой участок в составе 413-й (генерал-майор А.Д. Терешков), 173-й (полковник А.В. Богданов), 129-й (полковник А.В. Гладков) стрелковых, 31-й кавалерийской дивизии (полковник Я.Н. Пивнев), а также 108-й танковой дивизии (полковник С.А. Иванов), 11-й танковой бригады (полковник Поль Арман) и 125-го отдельного танкового батальона (капитан Шалимов).

Еще 11 ноября управление Брянского фронта было расформировано. Войска переданы Юго-Западному и Западному

фронтам. 50-я армия вошла в состав Западного фронта и отныне являлась его левым крылом.

Командиром Венёвского боевого участка Г.К. Жуков назначил генерал-майора А.Д. Терешкова [36] .

Участок с переменным успехом дрался до конца дня 24 ноября. В этот день город Венёв пал. Прекратил свое существование как боевая единица и Венёвский боевой участок.
24 ноября 17-я танковая дивизия полковника Лихта, не сумев взять город в лоб, обошла его с востока и создала угрозу окружения оборонявшихся здесь подразделений 50-й армии. Наши войска покинули город, обжитые позиции на его окраинах и отошли в северном направлении.

Из дневника фон Бока:

«22.11.41. Вчера танковая армия совершила прорыв в северо-восточном направлении между Сталиногорском и Тулой, а сегодня захватила Сталиногорск».

«23.11.41. Острие наступления 2-й танковой армии достигло Венёва и начинает поворачиваться в восточном направлении. Противник отводит свои войска, противостоящие левому крылу танковой армии. Он также перешел к обороне перед правым крылом 4-й армии.

Во второй половине дня приехал Гудериан и доложил, что не может выполнить поставленную перед ним задачу, хотя боевая ценность его танковых и пехотных дивизий резко упала. Если 2-й танковой армии и в самом деле удастся достичь Оки между Рязанью и Коломной, ей придется «зависнуть» там на открытых позициях на неопределенное время… Гудериан должен продолжать наступление…»

«24.11.41. 2-я танковая армия, чье правое крыло все еще связано боями в районе Ярцева, взяла Михайлов и прорвалась к Венёву через Осетр. Русские в качестве ответной меры продолжают подтягивать войска из Москвы».

Испании. В начале Великой Отечественной войны – на Дальнем Востоке. Командир 413-й стрелковой дивизии. В начале октября 1941 г. дивизия переброшена под Тулу. Командир Венёвского боевого участка. Командир 38-го стрелкового корпуса. Звание Героя Советского Союза получил в апреле 1945 г. Участник войны с Японией. После войны командовал корпусом, был заместителем командующего войсками Горьковского военного округа. С 1953 г. в отставке. Награжден медалью «Золотая Звезда», двумя орденами Ленина, четырьмя – Красного Знамени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени.

«25.11.41. Боевая группа Эбербаха из 2-й танковой армии совершила прорыв к югу от Каширы и встретила сопротивление

танковых частей противника…»

«26.11.41. 2-я танковая армия докладывает о попытках прорыва со стороны противника, окруженного под Сталиногорском. Русские со всех сторон подтягивают войска для оказания противодействия группе Эбербаха, наступающей на Каширу».

«27.11.41. «Черный» день для 2-й танковой армии! Поначалу противник начал оказывать мягкое давление на ее правый фланг. Потом он неожиданно нанес удар большой силы с севера через Каширу против передовых частей танковой группы Эбербаха. Одновременно русские стали наступать из района Серпухова в южном направлении через Оку. Ценой оставления своих танков и тяжелого вооружения окруженные в Сталиногорске русские части вырвались из котла в северо-восточном направлении. Атака XXXXIII корпуса на левом крыле танковой армии имела лишь ограниченный успех. Вспомогательное наступление правого крыла 4-й армии через Оку было отозвано после достижения 4-й армией незначительного первоначального успеха. Вечером Гудериан, находившийся тогда на фронте, приказал своему начальнику штаба проинформировать меня, что, оказавшись перед лицом превосходящих сил противника и по причине недостатка горючего, танковая армия будет вынуждена отозвать операцию, если правое крыло 4-й армии не атакует через Оку «без промедления». Кроме того, армия просила передать ей 296-ю дивизию с тем, чтобы по крайней мере нанести противнику поражение в районе Тулы. Я сказал Либенштейну, что о наступлении 4-й армии «без промедления» через Оку не может быть и речи и что, если я пошлю 296-ю дивизию, армии придется также высвободить свои части в Епифани и на юге от нее. В противном случае для операции в районе Тулы у танковой армии просто не хватит сил. Танковая армия, таким образом, должна вступить в сражение под Тулой при одновременной посылке сил прикрытия в восточном и северном направлениях. Приказ об отправке сил прикрытия в северо-восточном направлении вплоть до Оки и на север через Каширу аннулирован».

Итак, Гудериан в очередной раз уперся в непреодолимую стену сопротивления 50-й армии, к этому времени усиленной за счет переброшенных сюда с фронта 49-й армии кавалеристов генерала П.А. Белова и подразделений 112-й танковой дивизии полковника Гетмана. В штабе группы армий «Центр», где к этому времени уже устали от постоянных требований командующего 2-й танковой армией дать очередное пополнение, шанцевый инструмент для солдат и теплую одежду, решили свернуть наступательные действия в районе Серпухова, но при этом

никаких резервов не давать Гудериану. А ведь и в районе Серпухова, и в районе Каширы генерал Жуков в эти дни действовал одними и теми же резервами: кавалеристами Белова и танками Гетмана. Бросал то на Малеево поле под Серпухов, то в район Каширы. Создавалось впечатление, что там и там действуют автономные ударные конно-механизированные группы. Очевидно, немцы этого не знали. В очередной раз их великолепная разведка проморгала маневр Жукова.

Вот что написал в своих мемуарах о событиях 26 и 27 ноября сам Гудериан: «Я находился в этот день в 53-м армейском корпусе и решил отправиться 27 ноября в штаб 47-го танкового корпуса и 29-ю мотодивизию. Утром я прибыл в Епифань, где генерал Лемельзен доложил мне, что ночью 29-я мотодивизия очутилась в критическом положении. Главные силы 239-й сибирской стрелковой дивизии, оставив свою артиллерию и автотранспорт, вырвались из окружения и ушли на восток. Растянутая линия окружения из частей 29-й мотодивизии не смогла сдержать прорвавшихся русских и понесла большие потери. Я направился в штаб дивизии и в 71-й пехотный полк, который пострадал больше всех. Сначала я считал, что причиной несчастья является плохое состояние разведки и охранения. Однако после того, как я на месте заслушал сообщения командира батальона и командиров рот, мне стало ясно, что войска верно выполняли свой долг и что причиной прорыва является превосходство сил противника».

Эти атаки ударных групп 2-й танковой армии отражал уже другой командующий 50-й армией.

22 ноября 1941 года, когда стало известно, что ударная группа полковника Эбербаха прорвалась к Сталиногорску, когда затрещал весь фронт южнее Тулы, командующий Западным фронтом отстранил от должности генерала Ермакова и назначил командующим 50-й армией генерал-лейтенанта И.В. Болдина.

19 декабря отстраненный от командования генерал Ермаков был арестован и отдан под трибунал. Приговор был суровым: лишить звания, наград и – пять лет лагерей. В январе Президиум Верховного Совета СССР пересмотрел дело Ермакова и освободил его от отбытия наказания. Ему было возвращено воинское звание и награды. Вскоре нашлась и подходящая должность: в июне 1942 года генерал Ермаков был назначен заместителем командующего 20-й армией. В сентябре 1943 года он будет командовать этой армией. В феврале 1944 года получит звание генерал-лейтенант.

В 2007 году туляки подготовили и направили президенту Российской Федерации В.В. Путину прошение о пересмотре архивного уголовного дела в отношении генерал-майора А.Н. Ермакова. 1 августа 2007 года Президиум Верховного суда

Российской Федерации рассмотрел архивное уголовное дело в отношении А.Н. Ермакова, посмертно реабилитировал генерала, а уголовное дело было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – «за отсутствием в деянии состава преступления».

Генерал Болдин в должность командующего вступил в довольно трудные дни: Гудериан непрерывно атаковал, медленно продвигаясь вперед.

27 ноября под Алексином был атакован правый фланг армии. К 3 декабря противник вышел на шоссе Серпухов– Тула и перерезал коммуникации 50-й армии. Часть войск оказалась в полуокружении, часть – в полном окружении. На следующий день по приказу командарма 340-я стрелковая дивизия полковника Мартиросяна [37] и 112-я танковая дивизия полковника Гетмана нанесла мощный деблокирующий удар во фланг 24-му моторизованному корпусу противника. Атака оказалась настолько неожиданной и сильной, что немцы остановились и начали перегруппировку.

Гудериан:

«Перед лицом угрозы моим флангам и тылу и учитывая наступление неимоверно холодной погоды, в результате которой войска потеряли подвижность, я в ночь с 5 на 6 декабря впервые со времени начала этой войны решил прекратить это изолированное наступление и отвести далеко выдвинутые вперед части на линию: верхнее течение р. Дон, р. Шат, р. Упа, где и занять оборону. За все время войны я не принимал ни одного решения с таким трудом, как это. Такого же мнения придерживались мой начальник штаба Либенштейн и старший из командиров корпусов генерал фон Гейер, однако это мало способствовало улучшению моего настроения.

В ту же ночь я по телефону доложил о своем решении фельдмаршалу фон Боку. Его первым вопросом было: «Где, собственно, находится ваш командный пункт?» Он был уверен, что я нахожусь в Орле, далеко от района происходящих событий. Однако танковые генералы не делали таких ошибок. Я находился достаточно близко от района происходящих событий и от своих войск, чтобы иметь возможность правильно оценить обстановку и возможности моих солдат.

Положение было серьезным не только в полосе действий моей 2-й танковой армии. В ту же ночь с 5 на 6 декабря вынуждены были прекратить свое наступление также 4-я танковая армия Гепнера и 3-я танковая армия Рейнгардта, вышедшая с севера к пункту, находившемуся в 35 км от Кремля, так как у них не было сил, необходимых для достижения великой цели, уже видневшейся перед ними. В районе Калинина, где действовала

наша 9-я армия, русские даже перешли в наступление.
Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными».

Переброшенные из-под Серпухова танковая дивизия и кавалерийский корпус окончательно переломили ситуацию на этом участке фронта. Тула накапливала силы для предстоящего контрнаступления.

Из дневника Нины Михайловны Яковлевой:

«1941 год

10 ноября . Утром выбили немцев из Рогожинского поселка и кирпичного завода. Ввели продовольственные карточки. Я ходила их получать. И вот тут имела дело с баррикадой, через которую никак не могла перелезть. Это было очень трудно. Я плакала от бессилия. Помочь было некому. Казармы были пусты. Все хозяйственные дела были на мне. В руках были деньги, карточки на продукты, уголь. Кое-как с рыданиями перебралась. Заработала чесотку.

25 декабря была страшная бомбежка.

31 декабря слушали по радио сообщение об освобождении Калуги. По талонам выдавали топливо: мешок угля и несколько поленьев».

Об освобождении Калуги мы расскажем в последующих главах.

О том, что он ранен, Отяпов узнал через несколько часов после того, как его ослепила вспышка разорвавшейся на бруствере мины.

Ранение оказалось легким – мелкими осколками посекло лицо и руки. Но контузия была куда серьезней. Вначале Отяпов ничего не слышал. Потом в ушах зашумело и снова, как в окопе, пошла кровь. Она текла из ушей и из носа. Он подумал, что умирает, и попросил вынести его на свежий воздух, хотя бы в коридор. Но никто его никуда не понес.

Сосед по койке сунул докуренную до половины самокрутку. Отяпов затянулся несколько раз и успокоился. Он ждал, когда придет смерть, но она что-то тянула, не приходила. Ее он не чувствовал даже вдали. Хитрит, гадюка, подумал он и прислушался. Шум в ушах менялся. Он то накатывался, то отступал. Наверное, так шумит море, подумал он, хотя на море никогда не был, не видел и не слышал его даже издали. Потом сквозь шум моря начал пробиваться какой-то стук. Через некоторое время стук превратился в грохот. Отяпов его узнал. Он напряг все силы своего ослабевшего тела, приподнялся и посмотрел на окно. Да, понял он, танки приближались к госпиталю. Даже марлевые занавески, как ему показались,

дрожали. Значит, все же прорвались. Не удержались ни зенитчики, ни его ребята, которых он собрал в лесах на Рессете и под Белёвом.

– Ну что ты все воюешь, – услышал он тихий спокойный голос человека, который совершенно не боялся гула приближающихся танков. – Все воюет и воюет. Отвоевался теперь. Полежи спокойно. И другим дай полежать в тишине и покое.

Отяпов указал на окно.

– Ну, что там такое? Синица прилетела. Долбит в окно. Видать, к ночи мороз ударит.

– Танки! – выдохнул Отяпов.

Человек засмеялся:

– Танки… Во попал ты под них, как ягненок под волка… Теперь век бластиться будут. Говорю тебе, синица в раму клюет. Летних мух выбирает.

– Танки…

Танки ни в тот день, ни в следующий, ни потом через позиции, которые удерживали они вместе с зенитчиками и тульскими ополченцами, не прошли. Когда унесли в тыл раненого и контуженого Отяпова, два танка проскочили левее, попав в мертвое пространство, где артиллеристы их достать не могли. Они остановились и начали вести огонь из своих коротких, как окурки, орудий по позициям зенитчиков.

Первую противотанковую гранату, выданную им на отделение, взял Тульский и пополз к ближнему танку. Как он до него добрался, никто толком не видел. Думали, что он убит или ранен и лежит в поле, в бурьяне, заметенном снегом. Уже собирались ползти за ним, искать. Дымом заволокло все пространство перед окопом. И ориентировались они лишь по выстрелам танковых пушек и зенитки. То немец в дыму полыхнет, то наши ответят. И те и другие, видать, мазали и продолжали свою изматывающую дуэль. Но вскоре там, где затаился танк, загрохотало, вскинулось пламя.

– Дополз! – сказал радостно кто-то из бойцов.

– Вот молодец, пряничная душа, – похвалил Тульского и Ванников.

Тульский сделал свое дело, и никому из них уже не надо было ползти туда, в смертное поле, со второй гранатой.

Немного погодя, когда второй танк, отстреливаясь, уполз назад, к лесу, Ванников и Гусёк притащили раненого Тульского. Положили на солому на дно окопа.

– Не тормошите его, – сказал сержант Курносов. – Отходит.

Так, не приходя в сознание, Тульский и помер.

Через два дня со стороны города подошла смена: рота пехоты

и батарея противотанковых орудий.

Сорокапятки разместили в разных местах, уступом к шоссе. А бойцы охранения заняли их окоп и начали окапываться дальше, углубляя ходы сообщения.

Рота была свежая, с лейтенантами. Бойцы одеты в белые полушубки. Уцелевшие смотрели на них как на ангелов, спустившихся с небес.

– Где ж таких только взяли…

Глава 7 Декабрь – месяц жаркий

«Еще в процессе Тульской операции началось перерастание ее в новую Калужскую…»

Туляки – народ особенный. Соотношение сил перед декабрьским контрнаступлением. Главное направление удара – Калуга. Группа генерала Попова. Гальдер обеспокоен событиями в районе Тулы. Противник производит перегруппировку под защитой опорных пунктов. Сосед справа – 49-я армия – стремительно пошла вперед.

Что ни говори, а туляки – народ особенный. Отстояли свой город. А потом пошли выручать соседей. Впрочем, Калуга тогда была районным центром Калужского района

Тульской области. И тем не менее туляки храбро дрались не только на окраинах своего города, но и на пути к Калуге, и в самой Калуге. И многие погибли, освобождая этот старинный город на Оке.

В 1976 году Тула получила звание Город-герой.

26 ноября 1941 года Гудериан повел новое наступление на Тулу. В дело были брошены основные силы 43-го армейского корпуса генерала пехоты Хейнрици [38] . Но и это наступление не принесло удачи ни генералу Хейнрици, ни Гудериану, ни их солдатам. Бой за зимние квартиры в Туле для 2-й танковой армии закончился очередным провалом на подступах к городу. И если карьера Хейнрици вскоре резко пошла вверх, то Гудериан после безуспешной тульской осады будет отстранен (26 декабря 1941 года) от командования армией и на некоторое время практически останется не у дел.

По данным разведки, к началу декабря 1941 года перед фронтом 50-й армии и кавкорпуса генерала Белова действовали части 43-го армейского, 24-го и 47-го танковых корпусов. Все они входили в состав 2-й танковой армии. Немецкие дивизии занимали участки фронта средней протяженностью 6–8 километров, что вполне соответствовало нормативам.

Наши же дивизии, стоявшие против них в районе Тулы, занимали участки протяженностью 4–5 километров. Постепенно силы накапливались. Из тыла прибывала новая техника, дополнительные боеприпасы, оружие. Боевые порядки уплотнялись.

Ставка определила направление предстоящих ударов по противнику. На главном направлении лежала Калуга. Но, чтобы выйти к Калуге, предстояло срезать Алексинский выступ, уничтожить довольно сильную группировку немцев в районе Алексина на стыке 50-й и 49-й армий.

На левом фланге Жуков замыслил охват противника в районе Венёва силами 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Белова и 10-й армии генерала Голикова.

На правом лежала Калуга с ее мощной группировкой.

Главная роль отводилась оперативной группе соседней 49-й армии. 14 декабря утром дивизии генерала Захаркина атаковали оборону 131-й и 31-й пехотных дивизий и танковые части в районе Алексина и Мышеги. Начались упорные бои. Немцы начали стягивать к Алексину дополнительные силы. Алексинский плацдарм сдавать они не хотели.

14 декабря, в день атаки наших дивизий в районе Алексина, командующий 2-й танковой армией срочно отбыл в Рославль. Туда его вызвал прибывший на Восточный фронт главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал фон Браухич. Генерал доложил обстановку, стараясь не обходить острых углов и характеризуя создавшееся положение таким, каким оно было на самом деле. Армия, по словам командующего, стояла в двух шагах от пропасти. Он предложил срочно отвести корпуса и дивизии на линии Зуша и Ока, где еще летом начали оборудовать запасные позиции, и кое-что там было уже сделано. Но к совещанию в Рославле для 2-й танковой армии был заготовлен и в ходе работы отдан следующий приказ: «2-я армия переходит в подчинение командующего 2-й танковой армией. Обе армии должны удержать рубеж перед Курском, Орлом, Плавск, Алексин, в крайнем случае по р. Оке».

Рубеж по Оке – это Орел, Белёв, Калуга, Алексин, Серпухов.

К середине декабря положение на левом фланге 2-й танковой армии казалось более или менее стабильным. Русские активно атаковали на правом фланге. Был оставлен Михайлов, потерян Елец. 13 декабря под Ливнами была окружена и частично уничтожена 45-я пехотная дивизия. 16 декабря Гитлер по телефону передал Гудериану приказ: стойко держаться на занимаемых позициях, никакого отхода!

Но отход уже начался.

11 декабря части 2-й гвардейской кавдивизии ворвались в Сталиногороск, 14 декабря – на станцию Узловая и вышли к реке Упе на участке деревни Дубровки. Мощной лавиной наступала 10-я армия.

В своей книге о битве за Москву маршал Шапошников, рассказывая об этих событиях, написал: «Еще в процессе Тульской операции началось перерастание ее в новую Калужскую операцию 50-й армии, что нашло все выражение в перегруппировке армии со щёкинского (южного) направления на северо-западное направление».

Именно в эти дни в штабе генерал-лейтенанта Болдина был разработан план дерзкого, стремительного броска вперед ограниченными мобильными силами с целью овладения крупным городом и центром важнейших коммуникаций – Калугой. В военную историографию операция вошла под названием Калужской наступательной операции (17.12.41– 5.01.42). Идея этого глубокого рейда-удара в штаб 50-й армии пришла из штаба Западного фронта. Жуков запретил своим командармам фронтальные удары – по его замыслу действовать необходимо ударными группами на узком участке фронта, рвать немецкую группировку, охватывать и уничтожать ее по частям. Но идея пока не находила своего воплощения в поле. Армии по-прежнему продвигались медленнее, чем предписывалось приказами, зачастую плелись вслед за арьергардами противника, который отходил на новые рубежи.

Калужский же рейд обещал принести победу и трофеи, каких еще не было.

Замечу, что впоследствии, буквально через месяц, подобный приказ получит другой командарм – генерал М.Г. Ефремов, командующий 33-й армией. В середине января 1942 года перед фронтом 33-й армии тоже возникнет брешь, не занятая войсками противника, а в глубине этой бреши возникнет такой же крупный город и коммуникационный узел – Вязьма. И ударная группа бросится вперед. И – погибнет. Историю гибели 33-й армии под Вязьмой мы уже рассказали в одной из предыдущих книг серии.

Уникальность Калужской операции, по признаниям историков и военных, состояла в том, что «она выросла непосредственно из оперативной обороны, которую до того проводили войска Тульского направления».

В военном архиве в Подольске хранится довольно обширный документ, который называется так: «Оперативный обзор «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», составленный с период с января 1942 по август 1943 года офицерами штаба Западного фронта. В нем по поводу интересующей нас темы говорится следующее: «После боев под Тулой войска ген. Болдина были повернуты в западном и северо-западном направлении, получив задачу во взаимодействии с частями ген. Захаркина овладеть Калугой».

С этой целью из войск ген. Болдина была выделена подвижная группа в составе стрелковой, танковой и кавалерийской дивизии с включением в группу двух батарей гвардейского минометного дивизиона, огнеметно-фугасной роты, Тульского рабочего полка, отдельного танкового батальона и некоторых других подразделений. Командование группой было

возложено на генерала В.С. Попова [39] .

Поход на Калугу мы рассмотрим в одной из последующих глав. А сейчас попытаемся осмотреться в тех обстоятельствах, в которых находилась к моменту броска вперед армия генерала Болдина.

Еще 7 декабря 1941 года генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Отвод 10-й моторизованной дивизии у Михайлова (армия Гудериана), по всей вероятности, будет иметь очень неприятные последствия».

На следующий день, 8 декабря: «Большие опасения вызывает левый фланг группы Гудериана и правый фланг армии Клюге. Войска 43-го армейского корпуса могут оказывать противнику лишь незначительное сопротивление. Если мы примем решение на отход, то потеряем при этом большое количество вооружения и материальной части. Но если противник начнет большое наступление, то его последствия трудно даже предугадать. Следовательно, если мы не сможем создать резервы, нам грозит опасность быть разбитыми».

10 декабря: «В районе западнее Тулы в результате отхода нашей 296-й пехотной дивизии образовался разрыв линии фронта».

16 декабря Гальдер законспектировал приказ Гитлера:

«В полночь главком, я и начальник оперативного отдела вызваны к фюреру:

а) Приказ. Об отходе не может быть и речи. Отводить войска только с таких участков, где противник добился глубокого прорыва. Создание тыловых рубежей – это фантазия. Фронт страдает только от одного: у противника больше солдат. Зато он не располагает большим количеством артиллерии. Его положение гораздо хуже, чем наше.

б) Принято решение. Действия пехоты будут поддерживаться четырьмя бомбардировочными группами. Две группы истребителей-бомбардировщиков будут усилены. Кроме того, прибудет еще одна авиагруппа штурмовиков. Все это означает увеличение боевой авиации на 120 самолетов, не считая штурмовиков.

в) Новые дивизии будут введены в бой в районе Дубны (2-я тд), на фронте 4-й танковой группы и на фронте 3-й танковой группы…»

Итак, южная группировка группы армий «Центр» потерпела поражение и под давлением наших атакующих дивизий и бригад начала отходить. При этом левофланговый 43-й армейский корпус, отступавший в западном направлении, оторвался от 2-й танковой армии. Гудериан, в то время еще не отстраненный от

командования, уводил свою армию на юго-запад. Образовалась брешь шириной до 30 километров. В нее-то и хлынули наши войска.

Однако противник быстро пришел в себя. К тому же тыловые районы, вопреки отношению к ним Гитлера, немцы все же успели создать и прочно там закрепиться.

По замыслу немецкого командования одним из мощнейших опорных пунктов тыловых районов должна была стать Калуга, а также Высокиничи, Детчино, Кондрово, Полотняный Завод, Козельск, Белёв, Медынь, Мятлево, Юхнов, Мосальск, Мещовск, Сухиничи. В основном это старинные русские города, районные центры. Коммуникационные узлы, транзитные железнодорожные станции на пути к Брянску, Орлу, Вязьме, Смоленску. Каменные здания, которые легко и быстро можно было превращать в долговременные огневые точки.

Оборудованные для долговременной глухой обороны, эти коммуникационные узлы с опорой на окрестные населенные пункты должны были остановить наступление Красной армии. Либо задержать его, измотать атакующих настолько, что дальнейшее их продвижение на запад станет просто невозможным.

Под завесой опорных пунктов и узлов обороны немцы производили перегруппировку, подтягивали резервы. Сюда выходили крупные и мелкие группы разбитых, рассеянных и попавших в окружение частей.

Большие надежды, как уже было сказано, немецкие штабы возлагали на Калугу. Калуга – крупный город, под стать Туле.

Во-первых, неплохо было бы перезимовать в теплых калужских квартирах. Во-вторых, сюда по железной дороге поступали необходимые грузы. В-третьих, остановить левое крыло Западного фронта на линии Оки и Калуги означало погасить контрудар Красной армии, который к тому времени уже грозил перерасти в контрнаступление.

Правофланговая 49-я армия генерала Захаркина пошла вперед еще 14 декабря. Ее дивизии начали кромсать немецкий фронт в районе Алексина в непосредственной близости к Туле на Калужском направлении. А затем, двумя днями позже, другая ударная группировка прорвала фронт в районе Тарусы [40] , захватила этот городок на Оке и пошла вперед, к Недельному, с целью перехватить Старую Калужскую дорогу и создать трудности для эвакуации высокиничской группировки немцев, одновременно угрожая блокадой с северо-востока и востока самой Калуге. Таким образом, создалась ситуация, в которой калужская группировка противника почувствовала свою

неустойчивость и уязвимость сразу с нескольких направлений.

Отяпову жилось хорошо. «Слава богу, – думал он, глядя в свежий потолок, видать недавно покрашенный известью, – хоть отдохну под крышей, в тепле, на чистой койке». Не стреляют, ни осколков тебе над головой, ни пуль, ни ветра, ни холода. Командиры не матерятся. Их тут просто нет. Говорят, их, командиров, лечат в другой палате. Вот и хорошо, от них тоже отдохнуть надобно – надоели. Врачи и медсестры спокойные, обходительные. Сосед Отяпову тоже попался хороший. Отяпов давно, еще когда брели лесами к Туле, заметил, что на людей ему на войне везет. Народ и соседом в окоп, и на марше, и так, когда драпали по лесам, и на отдыхе попадался хороший, покладистый, не особенно хитрый – так чтобы на чужом горбу покататься, – уважительный и в бою стойкий. Не сказать чтобы уж очень храбрый, но надежный, в беде не бросали. Героев на фронте он пока не встречал. Разве что зенитчики. Ловко пожгли танки. Хорошо стреляли. И держались стойко. Порой совсем их снарядами засыпало, а глядишь, опять стреляют. Ну разве не герои?

Соседа звали Кузьмой. Лежал он в госпитале уже порядочно, с середины октября. Обгорел в танке на Рессете, когда прорывались на Хвастовичи. Там, под селом Красным, у моста, его Т-26 подбил немецкий танк.

– Из засады стрелял, – рассказывал Кузьма; говорил он спокойным тихим голосом, как будто о чем-то главном в своей нынешней жизни все время сожалея. – Две болванки пролетели мимо. Первой германец промазал. Видать, заторопился. Увидел меня на дороге – вон какая цель хорошая на прямой наводке! – и сплоховал от нервов. Германец, что ж, тоже существо живое, нервное.

Отяпов полюбил Кузьму не только за его разговоры, которые, должно быть, и самого танкиста успокаивали и мирили с тем, что выпало им на войне, но и за то, что тот приносил ему из курилки «сорок». Украдкой совал ему в руку колечко недокуренной самокрутки, и Отяпов жадно затягивался несколько раз. Сразу кружилась голова и становилось легче и спокойно, как дома.

Что думать о доме? Дома сейчас немец. Хозяйничает в его деревне, на колхозных полях, в лесу, на речке. Все теперь пошло под чужую власть. «Ладно, ладно, погоди, вот поднимусь с койки на костыль, а там, может, и ровнее пойду…» Отяпова одолевала злая надежда на то, что он не совсем отвоевался, что вернется еще к своим товарищам, в окопы, что рано или поздно Красная армия соберет силы и начнет наступать. Ведь били же они их, проклятых, на Рессете. Эх, как лихо они тогда атаковали! Даже

Гусёк героем ходил, немца повалил…

– Первый мимо пролетел. От второго я ушел, в сторону машину бросил. Знал, что он упреждать будет. Так утку стреляют, с небольшим упреждением, чтобы сама на заряд налетела… А третий ударил прямо под башню. Загорелись. Башнёра – наповал. Колька Лучников, из Тамбова, хороший был парень. Гармонист. Так и сгорел вместе со своей гармоней.

«Вот, – кольнуло в самое сердце Отяпова, – а мы своих тамбовских над ямкой постреляли…»

В какой-то момент слушать Кузьму становилось тягостно. Отяпов и сам навидался всей этой крови и грязи, и слушать чужую боль было невыносимо. Оставалось одно – терпеть. Иначе как? Товарища надо было понимать – душа просила выхода. Вот он его, Отяпова, и выбрал в слушатели. И Отяпов терпеливо слушал все подряд.

– Как ты думаешь, – спрашивал Кузьма, – какой мне теперь танк дадут? На тридцатьчетверку бы попасть. Вот это машина! Экипаж четыре человека. Угол наведения… Мотор – дизель, пятьсот лошадей… Наклонная броня…

– Ты и эту сожжешь, – подал голос забинтованный с головы до пояса ополченец. – Технику любить надо. Беречь. Под огнем надо уметь маневрировать, а не лезть на рожон. Видел я, как вас возле Одоевского шоссе били. Одна пушка, а набила вас, всю дорогу запрудили…

У пехоты всегда претензии к танкистам, артиллеристам и летчикам. А танкисты и пушкари всегда бранят пехоту. Эту историю Отяпов знал. С танками, да при поддержке артиллерии, отбиваться от немцев было куда легче. Случалось, и контратаковали. Но танки могли прекратить атаку перед самыми немецкими окопами и вернуться назад. А артиллерия не всегда умела подавить огневые точки, и немецкие пулеметы оживали в самое неподходящее время, когда пехота высыпала в поле и не имела никакого укрытия. Другое дело зенитчики. Эх, молодцы ребята! Как они жгли немецкие танки!

Отяпов несколько раз спрашивал о них, живы ли? Может, кто тут лежит? На излечении? Никто ему ничего толком ответить не мог. Какие зенитчики? Какие герои? Нет тут никаких героев…

В начале декабря в палату пришли сержант Курносов, Гусёк и Ванников. Отяпов увидел их, глазам не поверил, а когда догадался, что это не контузия ему икается, а самая доподлинная явь открылась взору, обрадовался и чуть было не заплакал. Так его тронула забота товарищей. Не забыли, навестили калеку, консервов вон принесли, сала и хлеба. Целый кулек всякого довольствия.

Самым бравым и подтянутым выглядел Гусёк. Он щеголял в белом, еще не выгвазданном ни сажей, ни окопной грязью овчинном полушубке и высоких необмятых валенках. На плече висел такой же новенький ППШ, а на ремне штык-нож от СВТ. Видать, на махорку выменял, подумал о своем бравом гвардейце Отяпов.

Он сразу кивнул на шанцевый инструмент и сказал:

– Освоил новую матчасть?

– Так точно, – улыбаясь, ответил боец.

Хороший парень, про себя похвалил Гуська Отяпов. Хорошо, что вывел его с Рессеты. Цепкий оказался, не смотри, что на вид хлипкий и все время дрожал. Вот уж вправду сказано: одного страх, как волк овечку, придавливает, что та и не мекнет, а другого героем делает.

– Залежался ты на чистых простынях, Нил Власыч, – сказал Курносов. – Когда на выписку?

– Да уже скоро, – признался он. – Видать, что-то за городом затевается. А? – И он заговорил тише, чтобы слышали только свои: – Выписывать народ стали больше. Видать, маршевые роты формируют, войска на передовой свежими силами пополняют.

Долго им в палате сидеть не разрешили. Попрощались. Сказали, где искать их полк, и пошли.

Когда они ушли, Кузьма, вернувшись из курилки со всегдашним «сороком» в рукаве, кивнул на дверь:

– Товарищи. Хороший народ. Боевой. Такие ближе всякой родни.

– Это да. Я с ними всего повидал. Рад, что живы. – И вздохнул. – Живы, да не все.

– А ко мне никто не придет. Все погорели. – И вдруг Кузьма объявил: – Завтра мне на медкомиссию. Буду проситься в свою бригаду. Где она теперь? Начальство знает. Механиков-водителей не хватает. Есть приказ, что нашего брата после госпиталей направлять только по прежней специальности. Как думаешь, тридцатьчетверку мне дадут?

– Дадут, Кузьма. Конечно, дадут. Ты парень ходовой, знающий. – Отяпов задумался. – Это мне винтовка всегда найдется. Хоть из склада, хоть из-под снега…

Глава 8 За линией фронта: Калуга, Лихвин, Козельские леса

«Граждане города Калуги ленивы и работают плохо…»

Что происходило за линией фронта. «Новый порядок». Рассекреченные документы УФСБ по Калужской области свидетельствуют. Гауптман Власов и его военная одиссея. Полицаи и служащие при новой власти. Городская управа. Земская управа. Совещание хозяйственного актива в Калуге. Когда актеры надевают повязки. Приказы немецкого коменданта. Комендантский час. Лагерь для военнопленных красноармейцев. Еврейское гетто. Развлечения. Организованного сопротивления в Калуге не было. Действия местных патриотов. Какие деньги имели свободное хождение в городе. Странный самолет над городом.

Разведчица-маршрутница Ася: что она увидела в оккупированной Калуге и на дорогах. Другая сторона предательства. Партизанский отряд «Передовой». В козельских лесах. Подвиг начальника штаба Е.И. Осипенко. Конники полковника П.С. Осликовского атакуют Козельск. Подвиг Саши Чекалина.

Тем временем на оккупированной территории немецкие власти продолжали устанавливать «новый порядок». Им активно, не за страх, а за совесть, порой не щадя живота служили люди, которым советская власть и большевики были ненавистны с самого начала, с 20-х годов.

В городах и крупных населенных пунктах стояли немецкие гарнизоны. У ближнего тыла на войне своя задача, свои функции: снабжение войск передней линии всем необходимым – боеприпасами, продовольствием, резервами; размещение лазаретов и госпиталей для лечения раненых и больных; обеспечение отдыха отведенных во второй эшелон частей; место расположения крупных штабов, разведподразделений, диверсионных баз и школ.

Из документов, хранящихся в архивах Управления ФСБ РФ по Калужской области и рассекреченных совсем недавно, стали доподлинно известны многие факты, имена и события октября – декабря 1941 года, касающиеся той непростой атмосферы, которая царила в оккупированной Калуге.

Из справки УФСБ РФ по Калужской области:

«В период временной немецкой оккупации (с 12 октября по 31 декабря 1941 года) в г. Калуге дислоцировалась фельджандармерия [41] , ортскомендатура [42] , ГПО,

вспомогательная полиция, отделение 1-Ц АОК-4 4-й немецкой армии. Последним в г. Калуге с рацией был оставлен немец Виттинг, арестованный Особым отделом воинской части Красной Армии.

Кроме того, в Калуге были расквартированы сотрудники отдела пропаганды немецкой армии во главе с офицером Мюллером.

Все эти органы занимались контрразведывательной работой, массовой вербовкой агентуры из числа советских граждан. Одним из видных руководителей контрразведывательной и разведывательной работы в г. Калуге был капитан немецкой армии Владимир Александрович Власов» [43] .

Гауптман Власов – фигура любопытная. Родился в 1895 году в городе Ромны Сумской области в семье донского казака. Отец был губернским агрономом, затем управляющим крупными имениями. В 1912 году Власов окончил Полтавско-Петровский кадетский корпус, затем офицерскую стрелковую школу в Ораниенбауме. После 19-го запасного кавалерийского полка, который дислоцировался в г. Шуе, направлен на фронт в составе 6-го Клястицкого генерала Кульнева гусарского полка. Участвовал в боях в Восточной Пруссии, где был ранен. В 1915 году в одном из боев контужен. После контузии и лечения получил должность инструктора пулеметного дела при штабе Юго-Западного фронта. Затем перешел в Управление разведки того же штаба на должность адъютанта. Летом 1916 года откомандирован на Высшие курсы дальнего заградительного огня, по окончании которых снова попал на фронт, в 128-ю пехотную дивизию. В 1917 году участвовал в Брусиловском прорыве, снова контужен. После лечения мобилизован в войска генерала Корнилова – штаб-ротмистр, инструктор пулеметного дела. С мая 1918 года командир кавалерийского эскадрона в армии генерала Деникина, затем гетмана Скоропадского. Какое-то время был в Северной дивизии Симона Петлюры. В ноябре 1918 года пытался уехать из России в Германию. Но его, как русского офицера, в Луцке высадили из поезда и тут же в составе спешно сформированной команды направили на фронт против поляков в район Ковеля. Вскоре попал в плен к полякам. В апреле 1919 года бежал. Оказался в Прибалтике, в Русской Западной добровольческой армии генерала П.Р. Бермондта-Авалова (Авалиашвили). Бермондт-Авалов вскоре повел войска против латышей и захватил Ригу с целью присоединения Прибалтики к единой и неделимой России. Этот поход ослабил удар генерала Юденича на Петроград, за что впоследствии Бермондта не любили в эмиграции, считая его, ко всему прочему,

германофилом. Власов смог отличиться и в боях за Ригу и получил Прибалтийский крест, учрежденный в Русской Западной добрармии. Вскоре остатки армии Бермондта были интернированы в Германию и там разоружены. Власов направлен в лагерь, затем в Ганновер, на соляные шахты. Здесь он работал до 1926 года. Из шахты он попал в Берлин. Там работал в цирке. Пригодилось умение сидеть в седле и владеть конем – работал наездником. Снимался в кино. Поступил в Берлинский политехнический институт и успешно окончил его. В 1933 году принят на работу в одну из известных фирм, занимавшуюся промышленным производством. В 1937 году нацисты начали увольнять с ключевых и ответственных должностей иностранцев. Коснулась эта волна и Власова. С престижной должности техника он вынужден был пойти учеником в типографию. Но вскоре снова поднялся по служебной лестнице до мастера, а затем инженера фирмы. Именно в это время он начал служить в немецкой разведке. В 1940 году – переводчик в абвере. Службу начал в офицерском концлагере на оккупированной польской территории. Когда германские войска перешли границу СССР, служил переводчиком при штабе 2-й полевой армии. Имел звание зондерфюрер, гауптман (капитан). Одновременно участвовал в боях. Отличился во время штурмовых атак против советских войск как опытный пулеметчик. Награжден Железным крестом 2-го класса, что было весьма редко. Назначен штабом «Валли» заместителем начальника отдела 1-Ц 52-й пехотной дивизии 2-й полевой армии. Армия в этот период (осень 1941 года, операция «Тайфун») действовала на Южно-Московском (Калужском) направлении. Рабочий узел разведотдела (1-Ц) находился в белорусском городке Хотимске, затем передислоцировался в Козельск, а в октябре 41-го – в Калугу. В Калуге гауптман абвера Власов с первого до последнего дня активно занимался разведкой. Сразу же сошелся с начальником калужского уголовно-сыскного отдела вспомогательной полиции В.С. Сахрановым и старшим следователем Н.Г. Гринвальдом. Оба хорошо знали окрестности Калуги и Оки и оказались способными разведчиками. По заданию Власова они не раз переходили линию фронта и приносили ценнейшие сведения с той стороны. Вадим Сергеевич Сахранов родился в Петербурге, сын помещика и крупного землевладельца. Власов и Сахранов часто выезжали в район Алексина. Обычно останавливались в деревне Исаково Тарусского района. Там подбирали нужных людей, добивались их согласия работать на немецкую разведку, инструктировали и перебрасывали за линию фронта. Дважды, переодевшись в форму политрука, Власов сам ходил за линию фронта. После ухода

немцев из Калуги Власов вывез в сторону Юхнова и Климова Завода созданную и прекрасно себя зарекомендовавшую группу: Сахранова, переводчика В.М. Ливиновича, до войны работавшего в Алексине инженером на комбинате № 100, и еще несколько человек.

Штаб службы, которой руководил гауптман Власов, разместился в бывшем горкоме партии.

Любопытная деталь: гестапо в Калуге не было, но, по данным УФСБ по Калужской области, Власов работал и как представитель тайной государственной полиции. Таким образом, полномочия у этого человека были огромные.

С марта 1942 года по январь 1943 года Власов проводил разведывательную работу в районе Воронежа, состоя там при Абвергруппе-105 – позывной: «Визель». Руководил разведшколой абвера в Курске и селе Гусевка. После отступления немецких войск школа перемещалась восточнее: Конотоп, Сумы, Гомель, Речица. Группа вела работу против ближнего и глубокого тыла Брянского, Воронежского, Юго-Западного и 2-го Белорусского фронтов. До 1943 года вербовала агентуру из местных жителей по месту своей дислокации в Орле, Курске, Воронеже и в лагерях военнопленных в Смоленске, Брянске, Гомеле, Конотопе, Бобруйске, Павловске Тульской области, Борисове (Белоруссия) и Воронежской области. Квалифицированная агентура прибывала из Варшавской разведшколы.

В 1944 году Власов принял командование 210-м казачьим охранным батальоном. Батальон действовал на Висле против партизан. Затем вступил в бой с регулярными частями Красной армии и в первом же бою был разбит.

Власова арестовали 21 января 1945 года вскоре после первого и последнего открытого боя против своих соотечественников. Схватили его сотрудники Смерша 1-го Украинского фронта. Дело Власова рассматривал Военный трибунал Московского военного округа. В ноябре 1945 г. оглашен приговор: 20 лет лагерей по ст. 58, п. 4 и п. 6 УК РСФСР.

Однако Военная коллегия Верховного суда СССР своим определением от 21 марта 1951 года отменила ранее вынесенный приговор, и по вновь открывшимся обстоятельствам дело было направлено на новое расследование со стадии предварительного расследования. Архивные документы, попавшие в руки следователей и предъявленные суду, на этот раз не оставили бывшему разведчику абвера никаких шансов – в феврале 1952 года Власов приговорен к высшей мере. Спустя полтора месяца приговор приведен в исполнение. Финал одиссеи Владимира Александровича Власова, гауптмана германской разведки,

человека войны, изменившего родине, оказался вполне логичным. Ибо он воевал не только против большевизма и Красной армии, но и против России и русских людей. Хотя, должно быть, глубоко убежден был в ином. В любом случае личностью он был сильной. И его жизнь и военные приключения – сюжет для целого романа.

В Калуге была создана городская управа. Аппарат ее служащих, если его сравнить с современной бюрократией того же города, был немногочисленным – всего 75 человек. Земская управа насчитывала 103 человека. Это – данные из архивов УФСБ по Калужской области, опубликованные в недавно вышедшей в Калуге книге «Калуга. Сорок первый год…». По воспоминаниям бывшего начальника Калужской земской управы В.Ф. Агафонова [44] , «все места по отделам управы были заполнены в 4–5 дней». И далее: «Служащих насчитывалось до 400 человек, все это бывшие сослуживцы и иной техперсонал, кто остался в городе». Как видите, цифра иная. И факт любопытный: «новому порядку» пришли служить почти все, кто совсем недавно служил советской власти. Возможно, этот факт стал следствием того, что по голодному городу разнесся слух о создании при управе столовой. Столовой при управе заведовали учителя. Они и варили обеды, и стояли на раздаче. Словом, работники образования Калуги целиком прибрали к своим рукам первый общественный котел новой власти. Голод не тетка.

В 20-х числах ноября 1941 года Калужская земская управа по инициативе немецкой администрации провела совещание участковых агрономов, старшин, управляющих совхозами и директоров научных учреждений сельского и лесного хозяйств Калуги и Калужского района. На совещании были поставлены первоочередные задачи для чиновников на местах: «прекратить самовольное растаскивание инвентаря, сбруи, построек, скота, произвести учет, наладить работу, поправлять разрушения, собрать растасканное, привести в порядок хозяйство», наладить обмолот зерна, навести порядок с забоем скота для германской армии, произвести ремонт тракторов и сельскохозяйственной прицепной техники, засыпать и тщательно хранить семенной фонд и готовиться к весеннему севу.

Вот так. И о будущем думали. Строили новую власть основательно, надолго.

Полицейский аппарат насчитывал 355 человек, включая районную участковую полицию (11 земских участков). Полицейские были набраны из числа пленных красноармейцев, изъявивших желание помогать германским оккупационным властям в наведении «нового порядка», и местных жителей. В основном в полицию шли люди с прошлым, обиженные советской

властью, бывшие офицеры царской армии и Временного правительства, раскулаченные, уголовники, авантюристы и те, кто всегда готов поддержать любую власть, лишь бы что-то урвать от нее для личного блага, а заодно поквитаться с личными же врагами.

В ноябре 1941 года вспомогательная полиция Калуги имела четыре отдела: секретно-политический отдел (СПО), административно-хозяйственный отдел (АХО), уголовно-сыскной отдел (УСО), отдел городской полиции.

Начальником секретно-политического отдела стал Сергей Борисович Леульт, до войны успешно игравший в Калужском драматическом театре. Секретарем отдела была назначена его жена Стрижевская. С.Б. Леульт был тоже человек с прошлым – отбывал лагерный срок за контрреволюционную деятельность. Отдел, которым руководил Леульт, занимался «выявлением лиц, враждебно настроенных к немецкой армии, распространяющих большевистскую пропаганду, вел дела по преступлениям, имеющим политический характер. Шпионы, диверсанты, партизаны, подпольщики. Работу СПО во многом направлял и корректировал гауптман Власов. Именно сюда, в секретно-политический отдел, шли люди, искренне ненавидевшие советскую власть и желающие положить жизнь на борьбу с ней. Сюда стекалась информация о бывших партийных и советских работниках, которые для Власова тоже были перспективным материалом для вербовки и получения нужных сведений.

Почти весь отдел в декабре 1941 года ушел из Калуги с немцами. Следы некоторых из полицаев и агентов немецкой разведки, завербованных гауптманом Власовым, весной 1942 года проявились под Юхновом и в районе Климова Завода, где были истреблены последние группы окруженной под Вязьмой 33-й армии. Но затем они исчезли.

Как вспоминают старожилы, особенно свирепствовал в городе начальник уголовно-сыскного отдела полиции Н.Н. Дмитриев. Родился он в 1902 году в Екатеринбурге в семье крупного губернского чиновника. В 1920 году окончил среднюю школу и драматическую студию при Казанском Большом драматическом театре. В 1921 году поступил на работу в городской театр Екатеринбурга на должность помощника режиссера. Позже в этом же театре работал артистом драмы. Затем сменил несколько театров и в начале июня 1941 года перебрался в Калугу и сразу же устроился в городской драматический театр. Когда пришли немцы, из театра ушел в полицию и получил должность следователя УСО.

После ухода немцев из Калуги остался в городе. Сотрудники

особого отдела НКВД 50-й армии арестовали Н.Н. Дмитриева 10 января 1942 года. Военным трибуналом приговорен к высшей мере. Расстрелян 30 мая 1942 года.

В полиции и среди новой прогерманской бюрократии старого русского города оказалось очень много артистов. Очевидно, профессия все же имела какое-то решающее значение: легче было принять другой образ, освоить иную роль и даже сделать ее своей сущностью. К примеру, для попавших в концлагерь для военнопленных мотивы согласия служить германской армии были конечно же иными.

Околоточным надзирателем служил бывший артист колхозно-совхозного театра Калуги В.А. Головкин. Арестован. Осужден. Расстрелян.

Инспектором городского отдела полиции был бывший артист цирка Р.Н. Борский. Арестован. Осужден. Расстрелян.

Начальником полиции был тоже бывший актер Калужского драмтеатра Сергей Борисович Леульт. Судьба его неизвестна. Из Калуги он ушел с отступающими немецкими войсками.

Следователь СПО Косинов – тоже бывший артист Калужского драмтеатра.

О Дмитриеве бывший начальник Калужской земской управы вспоминал следующее: «Свирепствовал и расправой отличался начальник сыскного уголовного отдела, который, как говорили в управе и в полиции, разъезжал и творил расправы и в городе, и в районе с каким-то русским белым офицером эмигрантом, видимо работником гестапо, так как Леульт мне говорил, что все его боятся…»

Видимо, речь шла о гауптмане Власове.

Но реальная власть в Калуге принадлежала все же немецкой комендатуре. Комендантом вначале был майор Фибих, потом, когда Фибих убыл на передовую, – майор Потациус. Немцы распоряжались всем и всеми. Приказы, издаваемые военным комендантом, должны были строго исполняться всеми, без исключения, гражданами города. Уклонение, саботаж, а тем более противодействие, в какой бы форме оно ни выражалось, каралось по законам военного времени – смертью.

Вот текст одного из приказов коменданта г. Калуги:

«ПРИКАЗ ГЕРМАНСКОЙ КОМЕНДАТУРЫ «О назначении на работы и о порядке производства работ в военных и гражданских учреждениях»

Граждане города Калуги ленивы и работают плохо.

Те из граждан, которые не будут выполнять приказов Городского Головы и его помощников, будут отмечены и наказаны. 1. Граждане, которые недобросовестно работают или

которые не работают назначенное количество часов, будут приговорены к денежному штрафу, который пойдет в распоряжение города (наименьший штраф – 30 рублей). Если деньги не будут уплачены, виновные будут подвергаться телесному наказанию. 2. Те граждане, которые назначены на работы и не явились на них, будут подвергнуты телесному наказанию и не будут получать продовольствия от города. 3. Те граждане, которые уклоняются от работы вообще, будут высылаться из города.

Местный Комендант» [45] .

В Калуге был установлен комендантский час: хождение по городу и окрестностям – с 8.00 до 22.00. Вне комендантского часа хождение разрешалось только по специальным пропускам и при условии знания пароля. Всех остальных задерживали патрули и препровождали в комендатуру до выяснения личности.

Комендатура располагалась в здании исторического музея (ныне Калужский областной краеведческий музей).

В городе был организован лагерь для военнопленных красноармейцев. Руководил им майор Энгольм. Именно из этого лагеря гауптман Власов и немцы вербовали украинцев и казаков для работы в полиции, а также в разведке. Здесь же подбирались люди, годные для проведения диверсионных акций в советском тылу.

Для евреев местные власти организовали гетто. Евреи жили в одном из городских кварталов без права покидать его. Носили нашитые на верхнюю одежду желтые шестиконечные звезды.

В городе работал кинотеатр «Центральный» – только для немецких солдат и офицеров. Для горожан был открыт кинотеатр «Унион». В нем время от времени крутили немецкую киноленту «Королевский вальс» и постоянно показывали хронику побед германского оружия.

В Калуге выходила газета «Новый путь». Всего вышло четыре номера. Первый – 29 ноября, последний – 20 декабря. Пятый должен был выйти 1 января 1942 года. 50-я армия генерала Болдина, а точнее, ударная группа генерала Попова помешала выходу очередного номера профашистской газеты.

Газета продавалась во всех киосках. Стоимость одного номера – 20 копеек. На 1942 год была объявлена подписка. Подписчиков оказалось довольно много. Распространялась не только в Калуге и Калужском районе, айв других городах, поселках, райцентрах и деревнях. В некоторых деревнях насчитывалось по 10–15 и более подписчиков и активных читателей новой газеты.

В одном из первых номеров редакция опубликовала речь фюрера Адольфа Гитлера под заголовком: «Судьба Европы на

ближайшую тысячу лет решается сейчас».

Редактировал «Новый путь» некто Евгений Евгеньевич Бунескул. Сын офицера 10-го Новоингерманландского полка, георгиевского кавалера, тяжело раненного во время Первой мировой войны и по причине инвалидности вернувшегося на постоянное местожительство в Калугу, где до отправки на фронт стоял полк. Отец Евгения Евгеньевича Евгений Григорьевич Бунескул происходил из бессарабских дворян. Мать Валентина Владиславовна – выпускница Смольного института. До революции семья Валентины Владиславовны владела несколькими домами и имела поместье в одном из уездов. Советская власть все отняла. Материнские корни редактора новой газеты были, по всей вероятности, польскими. Жила семья Бунескул более чем скромно, в тесной комнатушке 15 квадратных метров, имея весьма небольшие средства на пропитание. Евгений Григорьевич дружил с Константином Эдуардовичем Циолковским. Владея в совершенстве мастерством машинописи и имея пишущую машинку, перепечатывал рукописи ученого. И тот довольно щедро оплачивал труд бывшего офицера. Старики часто проводили время в разговорах.

Евгений Евгеньевич родился в 1910 году. Но дата эта неточная. Получил прекрасное домашнее образование. В совершенстве знал французский и немецкий языки. Окончил в Калуге школу. Поехал в Москву поступать в институт. Экзамены сдал отлично, но зачислен студентом не был – обнаружилось «не то» происхождение. Правда, все же вскоре поступил на заочное отделение одного из московских вузов. Спустя несколько лет получил диплом инженера-строителя.

Во время одной из экзаменационных сессий снялся в кино. Сыграл эпизодическую роль в киноленте Якова Протазанова «Человек из ресторана». Фильм был снят по одноименной повести Ивана Сергеевича Шмелёва, судьба которого была связана с калужской землей.

В биографии Евгения Евгеньевича довольно много темных мест.

Перед войной он женился на соседской девушке.

Началась война. На фронт он почему-то призван не был, хотя отличался отменным здоровьем. Да и инженерное образование в войсках ценилось.

Когда пришли немцы, редактировал городскую газету «Новый путь». Затем ушел с немцами на восток.

Как сообщают некоторые биографы Е.Е. Бунескула, перед уходом он зашел домой в форме офицера вермахта. До этого форму никогда не носил, да и звания офицерского не имел.

Бутафорией это быть не могло – немцы такого не потерпели бы. А значит, это была его форма и его чин.

В Калуге он больше так и не появился. Правда, говорят, приезжал, когда наступила перестройка. Приезжал в качестве туриста из Америки. Но это всего лишь слухи.

Жену Евгения Евгеньевича Татьяну арестовали в начале 1942 года, когда шли повальные аресты и чистка города от немецких шпионов и диверсантов. Была она беременна. Ребенок родился в тюрьме и вскоре умер. Да и сама Татьяна исчезла на одном из бесчисленных островов архипелага ГУЛАГа. В 1951 году умер Евгений Григорьевич, старый русский офицер. Валентина Владиславовна, уволенная из школы, успешно занималась репетиторством и средства к существованию имела достаточные. В Калуге ее уважали и любили. Всю жизнь она ждала весточки от сына, свято веря, что он жив. Умерла она в 1965 году.

Калужский журналист Сергей Фадеев, в 90-х годах собирая материал для публикации о семье Бунескул, обратился в областное Управление ФСБ и получил ответ, что «в их фондах даже упоминания фамилии Бунескул нет». Воистину странно.

В некоторых публикациях, связанных с темой русского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, некий Бунескул упоминается как один из главных пропагандистов в Смоленске. Есть информация о том, что он в конце 1942 года был схвачен гестапо якобы за то, что передавал разведданные Красной армии, а вскоре расстрелян.

Выглядит двусмысленным и недавний факт: в книге «Калуга. Сорок первый год…» подробно, с фотографиями, рассказано о многих калужанах, в 1941 году служивших оккупантам, но о редакторе «Нового пути» нет даже упоминания.

Как просвещенные европейцы расположились в Ясной Поляне и в доме Льва Николаевича Толстого, мы рассказали в одной из предыдущих, тульских глав. В Калуге произошло нечто похожее.

Подразделение связи, которое обеспечивало один из крупных штабов, находившихся в Калуге, разместилось в доме-музее замечательного русского ученого, основоположника теоретической космонавтики, признанного всем цивилизованным миром, Константина Эдуардовича Циолковского. Солдаты, видимо представления не имевшие, где находятся, переломали часть экспонатов. В кабинете ученого устроили склад продовольствия. В одной из комнат держали кур. Кур, разумеется, привезли не из Германии, а наловили, точнее, наворовали в одной из подгородних деревень. Время от времени приносили из «курятника» курицу и рубили ей голову тесаком на верстаке, который К.Э. Циолковский привез в Калугу из Боровска и который

в музее до сих пор считается одним из ценнейших экспонатов, так как именно на нем калужский мечтатель воплощал в материале многие свои идеи, связанные с воздухоплаванием и космосом. На верстаке остались рубцы от немецкого тесака. Слава богу, дом все же не подпалили.

Организованного сопротивления в период оккупации города немцам и их холуям калужане оказать не смогли. Видимо, не оказалось в этот период в городе сильной личности, которая смогла бы объединить местных патриотов, мелкие группы и одиночек в организацию, способную к борьбе. Не было и ярких одиночек. А может, об их подвигах мы просто не знаем.

Однако местные краеведы отыскали следы братьев Макаровых, Владимира Гамаюнова и Михаила Волнотрёпова. Это была подпольная организация. Подпольщики слушали по радио голос Москвы, переписывали сводки Совин-формбюро, размножали их и в виде листовок расклеивали по городу. В ночь с 20 на 21 ноября они застрелили немецкого лейтенанта, который, как им казалось, напал на их след. Труп бросили в ров неподалеку от городской скотобойни. 22 ноября полицейские во время обыска нашли в доме, где проживали братья Макаровы и Михаил Волнотрёпов, оружие. Подпольщиков расстреляли через два дня на берегу речки Киёвки на окраине Калуги.

Другую подпольную группу возглавлял Владимир Смирнов по кличке Боцман. Патриоты расклеивали по городу листовки, в которых сообщалось о том, что Москва сражается, что немцы нагло врут о ее падении. Ночами то на одной улице, то на другой горели немецкие грузовики и бензозаправщики, выводились из строя линии электропередач и кабели связи. В ночь на 7 ноября на колокольне Васильевской церкви (улица Герцена) был прикреплен красный флаг. На улице Тульской (район завода № 35) застрелили двух немецких офицеров и прикрепили к трупам таблички: «Спешу в Москву». 9 ноября взлетела на воздух столовая для немецких солдат. За выведенный из строя кабель связи немцы расстреляли на Базарной площади 20 заложников. Акции сразу прекратились.

Еще одну группу патриотов возглавлял рабочий Калужского машзавода В.А. Лёвочкин. После одной из акций его арестовали вместе с сыном Василием. Отца и сына Лёвочкиных повесили на телеграфных столбах во дворе Гостиных Рядов вместе с двумя неизвестными.

Однажды произошел такой случай. Прилетел самолет. На крыльях и фюзеляже красные звезды. Начал сбрасывать листовки. Немецкие зенитки открыли по нему огонь. Однако попасть не смогли. Горожане подбирали листовки и читали: Москва

осаждена, московские рабочие подняли восстание против большевиков и призывают то же самое сделать рабочих других городов…

На рынке и магазинах в ходу были советские рубли и немецкие оккупационные марки. Немцы, прекрасно понимая, что денежный обмен на занятых территориях наладить не так-то просто, не препятствовали свободному хождению советского довоенного рубля. Но назначили курс обмена: за одну марку – 10 рублей. Курс оказался нереальным, сильно заниженным для рубля. Это стало явным особенно после 5 декабря, когда началось контрнаступление Красной армии под Москвой. Оккупационная марка сразу стала падать, а вскоре немецкую валюту, как ненадежную, и вовсе перестали брать в магазинах и на калужском базаре.

В конце октября 1941 года, когда решалась судьба Тулы и всего южного крыла Московского фронта, из разведотдела 50-й армии в Калугу была послана маршрутница. Настоящее имя ее, к сожалению, до сих пор неизвестно. Известен псевдоним, кличка – Ася. Путешествовала Ася из Тулы в Калугу и обратно около недели. Вернулась благополучно. В архиве УФСБ по Саратовской области долгие годы безвестно хранился редчайший документ периода московского сражения – донесение разведчицы Аси в особый отдел НКВД 50-й армии об обстановке в оккупированной Калуге. Ценные сведения, добытые разведчицей-маршрут-ницей Асей, немедленно были переправлены в штаб Западного фронта.
Документ действительно редчайший, поэтому привожу его целиком.

«7 ноября 1941 г.

Сов. секретно.

Гор. Тула.

В Особый отдел НКВД 50-й армии

По Вашему заданию 28 октября я направилась из гор. Тулы в гор. Калугу. От станции Бредихино до ст. Гурьево я ехала поездом, затем пошла пешком, прошла ст. Неханино, дер. Крюканово, дер. Кострово, с. Колонтаево, Ханино, Алексеевка, вышла на Одоевское шоссе, дошла до дер. Большие Козлы и 31 октября пришла в гор. Калугу.

В 9 часов 31.10.1941 года по мосту через реку Оку, пройдя мимо часовых, охраняющих мост, направилась в центр города к своей приятельнице. Вместе с ней пошла по городу. Осматривала город до вечера. 1 ноября я также ходила по городу и вечером, согласно Вашим указаниям, пошла обратно в г. Тулу.

За 31 и 1 я видела следующее. В городе Калуге много солдат противника, в их составе (больше всего) финны [46] , затем

немцы, имеются австрийцы и венгры. Офицеры в большинстве своем немцы. Все солдаты одеты в одинаковые шинели, различие только в окантовке. Шинель летняя, головной убор – летняя пилотка. В различных пунктах города рассредоточены автомашины так: в парке им. Горького стоят до 150 разных машин: крытые грузовые, легковые, бронемашины; на площади Социалистов – 90 машин. Во всех дворах и у домов ул. Луначарского, Ленинской, Революции, пл. Социалистов, у Каменного моста стоят по 5–7 машин. В здании 2-й школы располагался штаб противника.

1 ноября 1941 года после налета нашей авиации части противника стали перемещаться на окраину города. В бараках спичечной фабрики расположилось большое количество солдат, численность мною не установлена.

Встречаются в городе летчики без самолетов, на аэродроме расположены 5 самолетов, зениток мало. Пушек, минометов очень мало.

Машины все дни после занятия Калуги противником стоят в большинстве своем без движения [47] . Обычно из Калуги в направлении на Москву ездят легковые (очевидно, штабные) машины и небольшое количество грузовых с боеприпасами, сопровождают машины 4–5 солдат на каждой. Некоторое количество машин, очевидно специально выделенное, с солдатами – ездят по окружающим ближайшим селам и собирают продукты питания. У колхозников забирают: свиней, овец, коров, кур, гусей, муку, керосин, соль, мыло, теплые одеяла, на портянки рвут шали.

Заметно, что очень много времени солдаты тратят на добычу и изготовление пищи. Из продуктов питания делают запасы, с этой целью кустарным образом изготовляют колбасу, ветчину, выпекают хлеб.

Внешний вид солдат и офицеров, дислоцирующихся в гор. Калуге, измученный, усталый, трусливый, очень нервозный. Солдаты молчаливы, одежда грязная, потрепанная. В сравнении с тем, как эти же солдаты и офицеры вошли в Калугу, заняв ее, теперь их вид значительно изменился – стал хуже, чувствуется упаднические настроение, обреченность.

Теперь меньше хвастаются своими будущими успехами. Некоторые населению прямо заявляют: «Москву скоро не завоюем». Прибыв в Калугу, почти все солдаты заявили: «Займем скоро Москву, войне будет конец. Погуляем 4 дня в Москве, а затем месяц дома».

На вопрос населения, почему до сих пор не занята Москва, офицер (фамилия неизвестна) ответил: «Мы сейчас слабы, а когда

подойдет подкрепление, мы Москву займем, через 8 дней это исполнится» (разговор происходил 1 ноября). Бывают случаи, когда солдат в квартире, глядя на фотокарточку, присланную из дому, начинает плакать, рассказывая, что дома жена, дети, а ему приходится здесь погибать.

С 25 по 31 октября 1941 года советская авиация бомбила скопление войск в городе, особенно сильная бомбежка была 25 и 26 октября.

В эти дни по городу был объявлен приказ, запрещающий вход и выход из города.

Налет нашей авиации согнал спокойствие немецких войск. Уверенность как рукой сняло. Стали прятаться, выезжать на окраину города, штабы располагать в одноэтажных малозаметных домиках.

Похороны убитых при бомбежке происходили с 26 октября по 31. Могилы роют в центре города по скверам, делая видимость, что жертв мало. 31 октября я была свидетелем, когда в одну могилу уложили 3 убитых солдат, а на кресте в надгробной надписи значилось одно имя.

По воскресным дням с 8 часов утра солдаты группами в 5–6 человек идут в церковь и молятся до 11 часов.

Из разговоров немецких солдат с населением я выяснила, что больше всего они боятся новой артиллерии, по этому поводу характерен следующий разговор: «У вас, русских, есть страшная артиллерия – машина, которая все сжигает на несколько километров, но мы скоро применим газы, завладеем этой машиной, а изобретателя истерзаем».

В городе всей жизнью руководит городское управление. Приказы, объявленные 13–15 октября 1941 года, теперь сняты, вместо них имеются приказы, гласящие:

1-й приказ:

«§ 1. В ночь с 29 на 30.X.1941 года перевести часовую стрелку на час назад, установив немецкое время.

§ 2. Закрыть все переправы из города через р. Оку. Лодки все вытащить и оттянуть на 30 метров от воды.

За невыполнение данного параграфа виновные будут привлекаться к строгой ответственности.

§ 3. Сброшенные русские листовки собирать и сдавать в горуправу.

§ 4. По обнаружении невзорвавшихся русских бомб сообщать немедленно в горуправу, на месте обнаружения установить указку с надписью: «Опасно».

Подпись: голова горуправы *Щербачёв Н.».*

2-й приказ:

«Об учете населения. Глава семьи должен сообщить точное количество членов. За дачу неправильных сведений виновные караются по закону.

Голова горуправы *Щербачёв Н.».*

3-й приказ:

«В целях улучшения питания населения жителям предлагается организовать поход на элеватор Тихонова Пустынь, спасти зерно от горения (элеватор подожжен при отходе частей Красной Армии). 10 % от всего количества собранного зерна выдается на руки.

Голова горуправы *Щербачёв Н.».*

4-й приказ:

«За сообщение, где хранятся награбленные вещи, сообщающему будет выдана награда в размере 10 % от общего количества стоимости выявленных вещей».

Объявление: «Желающим получить 2 кг хлеба предлагаю шить и починять мешки».

В городе восстановлена при вокзале электростанция, в эксплуатацию еще не пущена. В Зеленом Крупце [48] восстановлена водопроводная колонка. Начавший работать частично лесопильный завод после бомбежки прекратил работу.

Хлеб не продают, базаров нет, на деньги ничего нельзя купить, редкая торговля ведется в порядке обмена вещей на продукты. Восстановленные 2–3 магазина торговать не начали, т. е. были разбиты при бомбежке.

Работает частная аптека. Открыт прием больных, прием производит доктор Никольский. Открыта одна частная парикмахерская, мастер – русский. Такса за бритье бороды 5 руб. или 50 сантим.

Голова горуправы Калуга – Щербачёв Николай Васильевич [49] – бывший бухгалтер Госбанка. Местные жители, старики говорят, что в прошлом он был помещиком под Калугой.

Помощник головы – Кудрявцев – бывш. начальник пожарной охраны города, рационализатор, в прошлом получал часто премии.

Горуправа находится в здании зоотехникума на углу улиц Герцена и Кирова, напротив сквера.

Для наведения порядка в городе создана наружная полиция. Полицейские стоят на перекрестках, поверх гражданской одежды они одеты в куртки цвета хаки, на левой руке – белая повязка со свастикой.

Появление полиции в городе, вид немецких солдат, их беспощадность при налетах советской авиации сказались на настроении жителей города.

Бездушное отношение солдат к населению, грабежи изменили характер разговоров жителей. В большинстве, и особенно среди оставшихся рабочих, говорят о том, что немец скоро будет разбит. Во время налетов нашей авиации, несмотря на то что бывают случаи отдельных жертв и среди местного населения, жители говорят, что «еще бы их бомбили, очень досадно, если бомба попадает не в самый центр скопления машин и солдат. Жалко, что неудачно, еще немного бы ближе».

Возвращаясь, в соответствии с Вашим заданием, в Тулу, я прошла через Кривушино – 6 км от Калуги, и была очевидцем следующего: в 3 часа дня в село въехала легковая машина, в ней было 3 офицера. Увидев на улице кур, один из сидящих вышел из машины – по национальности финн, взял палку и стал гоняться за курами. Убив одну, поднял ее. В это время к нему подошла крестьянка и сказала: «Это моя курица». В ответ на это финн избил ее и пошел дальше ловить кур. Встретив 12-летнего мальчика – сына колхозницы Киселёвой, спросил у него, где имеются гуси и куры. Получив от мальчика ответ, что он не знает, финн дал несколько пощечин и столкнул мальчика с дороги в грязь. Собрав мешок кур и гусей, офицеры уехали.

Колхозницы, которые были свидетелями этих сцен, после их отъезда стали резко выражать свое недовольство. В это село на день бывает по 3–5 таких «визитов».

В дер. Макарово 2 ноября 1941 года немцев не было. В дер. Позняково, Грязново 2.XI.1941 года был обоз противника с обозом мотоциклистов, велосипедисты и конная разведка. Всего до 150–200 человек в каждой деревне, в дальнейшем они поехали на Русаново. Обоз в большинстве своем состоит из простых крестьянских телег. В обозе везут продукты питания для фронта. Продукты собираются по пути следования в деревнях.

С 27.10 по 1.11.1941 года обозы шли в направлении на Русаново, т. к. дорога была очень плохая, в подводы впрягали по 4–6 лошадей. Грузовые машины, которые шли в обозе, вытягивали из грязи 6–8 лошадей.

«АСЯ» [50] .

Судя по всему, Ася не раз бывала в Калуге. Некоторые места она называет так, как называл бы их только человек, хорошо знакомый с городом. Очевидно и другое: многие сведения ей переданы кем-то, с кем она имела встречу и у кого, по всей вероятности, ночевала. К примеру, информацию о пяти самолетах, находящихся на аэродроме, скорее всего в Грабцеве (район, прилегающий к городу), она могла заполучить от «приятельницы». То же относится и к информации о грузовиках, стоявших на приколе «без движения» все дни «после занятия

Калуги противником». В архивах ФСБ и Минобороны других документов подобного характера и содержания не обнаружено. Из чего можно сделать вывод, что разведчики, оставленные в Калуге, не отличались активностью. Возможно, побаиваясь ведомства гауптмана Власова и местной полиции.

Тема оккупации Калуги в октябре – декабре 1941 г. немецкой армией и коллаборационизма в местной историографии разработана слабо. Возможно, по причине того, что многие факты больно ранят чувства калужан и о них хотелось бы попросту забыть. Однако вышедшая в 2012 г. книга Н.В. Гущиной и А.Я. Унтилова выплеснула на поверхность многие документы и свидетельства, проливающие некоторый свет на темную и светлую историю Калуги и калужан. Положено начало более серьезных исследований, и они наверняка появятся.

Изучая документы периода калужской оккупации, вчитываясь в свидетельства переживших ее, невольно проникаешься довольно противоречивыми чувствами. Невозможно быть абсолютно беспристрастным, так или иначе оценка событий и поступков людей, а тем более если это твои земляки, калужане, все равно начинает проступать, даже сквозь строки цитат и фрагменты документов.

С одной стороны, все эти люди, пошедшие служить германским властям, – агафоновы, щербачёвы, Кудрявцевы – немецкие прихвостни, холуи, предатели родины. С другой… Есть во всей этой истории и другая сторона. В том-то и дело, что – есть.

Части Красной армии и власти Калуги, уходя из города, взорвали электростанцию, привели в негодное состояние систему водоснабжения. Сожжен хлебозавод, склады и цеха швейной фабрики «Швейпрома», магазины и склады Гостиного Двора. В городе были выведена из строя вся основная система жизнеобеспечения. А людям, оставшимся в своих домах и квартирах, надо было как-то жить. Есть, пить. Мыться. Кормить и лечить детей. Хоронить умерших.

Как и в других городах, в Калуге, как только ушли войска, милиция, начались грабежи. Грабили, растаскивали все: продовольствие, мануфактуру, гвозди, хомуты – словом, все, что имело хоть какую-то ценность и перспективу обмена.

Чтобы наладить жизнь в полуразрушенном и полуразграбленном городе, это надо было как-то остановить. Остановить могли либо немцы, либо силовая структура, созданная из своих соотечественников новыми органами власти. В данном случае – полиция.

В полицию шли конечно же не гладью вышивать… И убивали

безвинно, и грабили под шумок, и пользовались властью, вымогая у жителей города и окрестных деревень домашнюю скотину, птицу, другие продукты питания. Да и просто глумились над беззащитными людьми, чтобы почувствовать силу своей власти, насладиться ею, попользоваться в целях самообеспечения. Калужская полиция времен войны жила своей, особенной жизнью. Примерно как теперь в некоторых городах России, о чем мы время от времени узнаем из сообщений СМИ в хрониках чрезвычайных происшествий.

Партизан вблизи Калуги тоже не было. Правда, иногда в пригород врывались группы партизан, пришедшие из боровских и малоярославецких лесов, наводили панику среди охраны города и так же стремительно исчезали. Цель их рейдов до сих пор остается неясной.

Ближайшим партизанским отрядом, который храбро дрался с оккупантами и наносил врагу ощутимые потери, был отряд «Передовой».

Отряд создал помощник оперуполномоченного Черепетского районного отдела НКВД Тульской области сержант милиции Дмитрий Тимофеевич Тетерчев. Сейчас Черепетского района нет. Поселок Черепеть входит в состав Суворовского района Тульской области. А Павловские леса, где базировался отряд сержанта Тетерчева, в основном отошли после очередного межевания к Козельскому району Калужской области. Когда началась война и фронт придвинулся к родным местам, сержанту Тетерчеву поручили формирование истребительного батальона. Батальон он сформировал в кратчайшие сроки и приступил к обучению бойцов военному делу. А потом пришел приказ: на базе истребительного батальона, из самых надежных и способных к лесной войне на занятой противником территории, сформировать партизанский отряд. Тетерчев взял в отряд в основном молодежь. И не ошибся.

Комиссаром «Передового» был назначен сержант госбезопасности Павел Сергеевич Макеев. Начальником штаба стал Ефим Ильич Осипенко.

До прихода немцев Е.И. Осипенко работал начальником милиции Сухиничского района Смоленской области. С остатками истребительного батальона он пришел в Павловские леса, встретил лесника Бессонова, который был связан с партизанами. И вскоре Тетерчев, Макеев и Осипенко сидели в землянке на партизанской базе и планировали первую боевую операцию.

Изучая действия партизанских отрядов Подмосковья, Тульской, Орловской и Смоленской областей в лесах, которые теперь отошли к Калужской области, заметил вот какую

закономерность: самыми боеспособными были отряды и формирования, созданные и действовавшие под командованием работников НКВД. Здесь, как правило, все основывалось на жесточайшей дисциплине и ответственности.

Основной задачей отряда был контроль коммуникаций в треугольнике дорог Козельск – Белёв – Лихвин.

Из дневника командира отряда сержанта госбезопасности Д.Т. Тетерчева: «30 октября. По сообщению разведки, противник усиленно перебрасывает свои части к Туле. Фашисты натягивают полевую связь, проводят ремонт железной дороги. Мы в течение суток парализовали железнодорожную ветку Козельск – Шепелёво – Мышбор. Доставленный немцами груз на Мышбор – 2 вагона спецсвязи – нами полностью сожжен. Немецкая охрана и обслуживающий персонал бежали. Мы по-хозяйски зашли на железнодорожную станцию и стали встречать поезда. Митькин, специалист-телеграфист, сказал: «Необходимо уничтожить телеграфную связь в здании, и немцам потом ремонт обойдется в несколько месяцев…» Оставшийся на станции паровоз мы взорвали…»

27 ноября 1941 года отряд «Передовой» ворвался на железнодорожную станцию Шепелёво на перегоне Козельск–Лихвин. Здесь, в пристанционных постройках, находились склады военного имущества, вдоль путей лежали штабеля леса, предназначенного для ремонта путей. Штабеля облили бензином и подожгли. Запылали и склады с армейским имуществом.

24 декабря отряд Тетерчева провел еще более дерзкую операцию. На этот раз на полустанке Мышбор. Немцы уже отступали. Оживилось движение их эшелонов по железной дороге. В Лихвине, который немцы продолжали удерживать, скопилось большое количество грузов. Появилась возможность отсечь пути отхода и вывоза тылов в сторону Козельска.

Ночью подобрались к железнодорожной насыпи, заложили под рельсы заряд. Взрывчатка должна была сдетонировать от противотанковой гранаты, закрепленной сверху. К чеке привязали шнур. Когда со стороны Лихвина показался первый эшелон, за конец шнура взялся начальник штаба отряда Осипенко. Состав приблизился к месту закладки взрывчатки. Рывок и – тишина… Граната не взорвалась. Вагоны один за другим проносились мимо. Эшелон уходил в сторону Козельска.

Осипенко приказал партизанам отойти к лесу, а сам побежал к насыпи. В это время по просеке шел второй состав. Осипенко выломал шест и со всей силы ударил им по тому месту, где лежала граната.

После взрыва товарищи несли на базу своего начштаба на

руках. Осипенко был ранен, контужен и обожжен. Но жив. Вскоре бывший пограничник Ефим Ильич Осипенко за этот подвиг будет награжден орденом Ленина и медалью «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени за № 000001. Но зрение партизану № 1 врачи так и не смогут вернуть. Последнее, что в своей жизни видел Ефим Ильич, была вспышка заряда, заложенного под рельсы.

Взрыв и разрушение путей полностью парализовали движение составов на перегоне Лихвин – Козельск. Немцы так и не смогли восстановить железную дорогу, бросив на путях груженые составы. В Лихвине два эшелона, груженные техникой, автомашинами, мотоциклами, велосипедами, оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами, даже не вышли с запасных путей.

Когда несли в лес раненого начальника штаба, боевая группа получила новые разведданные: вдоль железной дороги от Черепети на Козельск движется пешая колонна немцев.

Партизаны перехватили их у станции Мышбор. Местный лесничий Бессонов провел отряд лесными тропами, известными только ему. Устроили засаду. Те, кому удалось избежать партизанской пули, сдались кавалеристам генерала Белова. К тому времени дивизии 1-го гвардейского кавкорпуса, действуя на левом крыле 50-й армии и правом 10-й, уже подходили к Козельску. В авангарде корпуса шла ударная группа полковника Н.С. Осликовского [51] в составе 2-й гвардейской и 75-й кавалерийской дивизий. Кавалеристы вначале атаковали Козельск в лоб, но были отбиты и начали охватывать город с трех сторон. Немцы, продержавшись в городе еще около суток, вынуждены были уступить напору дивизий полковника Осликовского. Бросая тяжелую технику и вооружение, они начали поспешный отход.

Надо заметить, что падение Козельска, как важного опорного пункта немцев, во многом предопределило судьбу Калуги. Но о калужской наступательной операции и штурме города мы расскажем подробно в следующей главе.

Партизаны Тетерчева яростно атаковали немецкую колонну. Пленных было мало. Мстили за погибших товарищей, за любимца отряда комсомольца Сашу Чекалина.

Отважного партизанского разведчика немцы повесили 6 ноября 1941 года на городской площади в Лихвине. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Родился Александр Павлович Чекалин в селе Песковатское под Лихвином. Успел окончить девятый класс Лихвинской средней школы. Когда началась война, добровольцем пошел в

истребительный отряд, который впоследствии был переформирован в партизанский отряд «Передовой». Командир отряда Тетерчев назначил его на должность разведчика. Однако Саша участвовал почти во всех боевых операциях.

Однажды в конце октября партизаны устроили засаду на дороге из Перемышля в Лихвин. В засаду угодила колонна грузовиков с солдатами и различными армейскими грузами. Начался бой. Партизаны забросали гранатами грузовики, открыли огонь из автоматов и пулеметов. Немцы не успели понять, что произошло, когда были расстреляны в упор. Только один грузовик с солдатами успел проскочить между горящими машинами и рванулся по дороге в спасительное пространство, не простреливаемое партизанами. Наперехват ему бросился с противотанковой гранатой Саша Чекалин. Он догнал машину на повороте и забросил гранату в кузов, под брезентовый тент.

В Лихвине действовала подпольная комсомольская группа. Саша держал с ней связь. Подпольщики добывали важные сведения о дислокации немецких частей, их передвижении, настроении гарнизона и прибывающих к фронту солдат. Саша передавал эти сведения в штаб отряда. Из отряда информация уходила через линию фронта в разведотдел 50-й армии.

В начале ноября, когда начались сильные холода, во время одной из операций Саша простудился и заболел. Тетерчев, видя, что сырая холодная землянка неподходящее место для лечения простуды, разрешил ему отлежаться где-нибудь в деревне, попить кипяченого молока, погреться на печи. Нашли место – дом в Мышборе, где находилась одна из явочных квартир. Но что-то произошло: то ли явка оказалась под подозрением у местных полицаев, то ли вовсе была провалена, но Саша в Мышбор не пошел. Пошел в свое родное Песковатское. В то время дом в Песковатском был пуст, выстужен. Мать с младшим сыном Витей пряталась в одной из глухих деревень. Отец ушел в партизанский отряд. Можно было пойти в дом к деду и бабушке. Те жили неподалеку. Но там были на постое немцы. Саша затопил печь. И это заметили полицейские.

Остается неясным, почему, когда стало очевидным, что жить ему ни в Мышборе, ни в Песковатском негде, он не вернулся в лес?

Совсем недавно были опубликованы материалы из рассекреченных архивов УФСБ по Тульской области. Среди них дело № 1804, заведенное 7 января 1942 года работниками Черепетского районного отдела УНКВД Тульской области на местного каменщика Никифора Ивановича Авдюхина и столяра Алексея Васильевича Осипова. В деле собраны свидетельские

показания жителей села Песковатского и города Лихвина, проливающие свет на историю ареста и казни Александра Павловича Чекалина, на то, кто его выдал немцам и как все происходило. В деле подшиты оба постановления на арест.

Постановление на арест Н.И. Авдюхина: «Проживая в деревне Песковатское Черепетского района Тульской области на момент ее временной оккупации немецкими войсками, предавал советский актив немецкому командованию, предал красного партизана Чекалина Александра Павловича, который впоследствии был повешен, разыскивал для передачи его мать Чекалину Н.С., помогал немецкой армии продуктами питания».

Мать Саши Чекалина, местная активистка колхозного движения, член партии, вынуждена была прятаться от расправы в лесной деревушке. Но, узнав об аресте сына, пришла в Лихвин. Ее тоже арестовали, но она, пользуясь сумятицей во время казни, смогла убежать и увести с собой младшего сына.

Постановление на арест А.В. Осипова: «Проживал в г. Лихвине в момент его оккупации немецкими войсками. Осипов ставленниками немецкого командования был назначен гарнцевым контролером по мельницам и гарнцевый сбор [52] сдавал немецкому командованию. Предавал коммунистов и советский актив немецкому командованию, способствовал розыску матери повешенного партизана Чекалина – Чекалиной Н.С. и также участвовал в повешении неизвестного партизана».

Каждая новая власть утверждает себя на крови и костях того народа, которым жаждет управлять. «Новый порядок» на немецких штыках пытались утвердить в наших городах и деревнях люди жестокие, для которых человеческая жизнь – прах под ногами. Затянуть петлю на шее своего односельчанина или выстрелить по приказу немецкого офицера в своего соотечественника, не пожелавшего спарывать с гимнастерки нашивки политрука, – плевое дело. Более того, возможность выслужиться, шанс показать свою преданность и умение услужить.

Следователи НКВД досконально исследовали историю предательства, ареста и казни Саши Чекалина. И хотя белых пятен в ней до сих пор остается предостаточно, протоколы допросов и опросы свидетелей проясняют многое.

Из опроса свидетельницы Матрены Александровны Мельниковой: «Авдюхин был поставлен немецким командованием старостой села Песковатское. Выполнял указания немецких властей, собирал у населения продукты питания для немецкой армии. Лично отдавал приказания, чтобы я доставила немецким солдатам курицу и капусту. И я все отдала».

Когда немцы приказали выбрать старосту, жители Песковатского на своем сходе за Авдюхина не проголосовали. Выбрали другого человека. Но бывший каменщик, смекнув, что наступил его час – сейчас или уже никогда, – выпросил эту должность у немцев, поклявшись служить им верой и правдой. И клятву свою выполнял каждый день и час.

Из показаний свидетеля Николая Николаевича Бочкова: «Во время прихода немецкой армии в нашу деревню Авдюхин был старостой и всеми своими действиями способствовал установлению немецко-фашистского режима, а также помогал продвижению немецких войск. С этой целью Авдюхин в начале декабря приказал десятникам собрать 60 кур для немецких солдат».

Из протокола допроса Н.И. Авдюхина:

«Вопрос. Вы принимали участие в аресте Чекалина?

Ответ. Да, я с тремя немецкими солдатами ходил к дому Чекалина для производства ареста. Немецкие солдаты посылали меня, чтобы я первым пролез в окно дома и задержал бы Чекалина. Но я, боясь, что Чекалин меня может застрелить, отказался влезть через окно в дом, а отошел к соседнему дому, стал около угла и стоял. Немецкие солдаты произвели несколько выстрелов. Чекалин выскочил из дома, пытался бежать, но немцы его поймали».

Когда немцы начали ломиться в дом и сбили дверь, Саша Чекалин бросил в дверной проем гранату. Но она не взорвалась.

В эти же дни в Мышборе немцы и полицаи повесили другого партизанского разведчика, Николая Авилова, а в Лихвине замучили и зверски убили друзей и однокашников Саши Чекалина Митю Клевцова и Гришу Штыкова. На допросах они встретились. Немцы проводили для них очную ставку. Ни очная ставка, ни пытки, ни обещания сохранить жизнь в обмен на информацию о месте нахождения партизанской базы не сломили волю юных патриотов. Они не назвали ни имен, ни адресов явок, ни места партизанской базы.

Сашу Чекалина вывели на площадь Лихвина 6 ноября 1941 года с фанерной табличкой на груди: «Конец одного партизана».

Немцы и полицаи согнали к месту казни весь город. Это была акция устрашения.

В Павловских лесах тем временем партизаны отряда «Передовой» напряженно ожидали штурма лагеря. Все понимали, что ребята могут не выдержать пыток. Но в окрестностях стояла тишина.

Немцы решили казнить одного. Понимали, что вешать сразу трех подростков – это для маленького городка, где основное

население составляли женщины, дети и старики, перебор. Предварительно, через своих людей, распустили слух, что Митю Клевцова и Гришу Штыкова отправили с партией молодежи, собранной в районе в ходе облав, в Германию на работы. Правда, никто этому не поверил. После освобождения Лихвина и всего Черепетского района от оккупации, после ареста предателей Авдюхина, Осипова и других стала известна правда: трупы мальчишек нашли неподалеку от города прикопанными в земле. У обеих были огнестрельные раны в затылок.

Очевидцы казни Саши Чекалина рассказывали, что он шел в окружении немцев и полицаев к месту казни – старому дереву с ответвлением, через которое была перекинута веревка, и тихо плакал. Возможно, он до конца верил, что из леса придут его боевые товарищи, партизаны, и спасут его от смерти на виселице. Спасут его товарищей-однокл ассников.

В газетах потом написали: пел «Интернационал», крикнул своим палачам: «Всех не перевешаете!» Газетчикам нужен был герой с харизмой этакого партизанского орленка…

В сущности, Саша Чекалин и был таким. Храбрым до безрассудства. Дерзким. Безжалостным к врагам своей Родины. Верным идеалам, в которых был воспитан. А воспитан он был в коммунистических идеалах. Был настоящим комсомольцем. Такие за комсомольский билет отдавали жизнь. И победа под Москвой, и все последующие победы, в том числе и Великая, были достигнуты Красной армией и нашим народом во многом благодаря им, храбрым до безрассудства, Сашам, Гришам, Митям…

Газета «Правда» в те дни писала: «Никогда не забудем мы юного героя Александра Чекалина, мужественно принявшего смерть на фашистской дыбе, но не предавшего товарищей».

Он шел к виселице и тихо плакал…

Звание Героя Советского Союза Александру Павловичу Чекалину было присвоено посмертно 4 февраля 1942 года.

В 1944 году Лихвин переименован в город Чекалин.

В 1958 году в городе установлен памятник Саше Чекалину.

Лихвин был освобожден частями 413-й стрелковой дивизии генерала Терешкова 27 декабря 1941 года. В этот же день тело Саши Чекалина было наконец-то снято с веревки и похоронено здесь же, на площади.

Отец Саши Чекалина Павел Николаевич, вернувшись из леса, жил в Песковатском, рядом с музеем имени сына. Умер в 1987 году. Односельчане рассказывают, что в день гибели Саши он всегда приходил на его могилу, выпивал за упокой, подолгу сидел в одиночестве рядом с надгробной пирамидкой…

Злодеи, которые погубили Сашу Чекалина и его товарищей, Авдюхин и Осипов, были приговорены к смертной казни и расстреляны по приговору суда в апреле 1942 года. Тела их зарыли на месте расстрела на окраине Лихвина на 3 метра в глубину.

Город Чекалин помнит своих героев. Помнит и Сашу Чекалина. В Песковатском существует музей юного героя, в городе Чекалине установлен памятник.

Он шел и тихо плакал…

Отяпов все время посматривал на артиллеристов. Вот чертовы дети, бранил он про себя сорокапятчиков, которыми командовали два молоденьких лейтенанта. Оба они копошились в снегу вместе с расчетами, что-то кричали ездовым. Но те, устав нахлестывать лошадей, которые совсем выбились из сил и дрожали облепленными снегом боками, командиров, похоже, не слышали. Командовал всей здешней артиллерией пожилой сержант. Невысокий ростом, коренастый, в белой каракулевой шапке, он подскакивал то к одной запряжке, то к другой, давал какое-нибудь короткое распоряжение или просто делал едва заметный жест, и расчет налегал на щит орудия или хватался за постромки, помогал лошадям осилить подъем.

Шли они уже несколько часов. Рота двигалась взводными колоннами. Тащили с собой обоз – несколько саней с боеприпасами и ротным имуществом. С ними шел взвод сорокапяток.

В голове колонны несколько раз вспыхивала стрельба. Но тут же все затихало. Передовое охранение уничтожало какой-нибудь немногочисленный немецкий гарнизон в очередной деревне, который встречал колонну пулеметным и автоматным огнем. Бойцы лишь видели в снегу на обочинах полузаметенные снегом трупы немецких солдат и полицейских. Рассматривать убитых было некогда. Вот сволочи, думал Отяпов, всего-то месяц-другой, как немец здешние просторы занял, а уже желающих ему служить – орава! Неужто и у них в Отяпах кто-нибудь из местных повязку надел? А что, очень даже может и такое случиться. Он начал перебирать в памяти всех мужиков, кого не успели забрать на войну, и не мог найти ни одного такого, на кого можно было бы подумать, что он может служить немцам. Но тут же представил, какая жуткая жизнь, должно быть, в оккупированных деревнях, и снова тревога за своих охватила его смутным холодом.

Командиры все время поторапливали.

– Давай, давай, ребята! Шибче! Шибче! – сердито пробасил сквозь забитые снегом густые усы сержант-артиллерист и повелительным жестом махнул оказавшимся рядом пехотинцам.

Левая пристяжная упала на колени и испуганно заржала. Отяпов схватил ее за узду и потянул на себя:

– Ну, милая, давай, тянись, недолго нам уже осталось. Светает.

Потом начался спуск. Артиллеристы, как дети на горке, тут же повисли на длинном стволе сорокапятки, ухватились за щит, задерживая ее движение, чтобы орудие своей тяжестью не придавило передок с зарядными ящиками и не поломало ноги лошадям. Послышался смех. Отяпов, тоже ухватившись за заиндевелый наклонный щит, увидел одного из лейтенантов. Тот широко улыбался. Полушубок его был расстегнут, и в распахе от потемневшей от пота перетянутой ремнями гимнастерки парило. Ишь разгорелся, подумал о нем Отяпов, как все равно к теще на блины едет… Видать, еще не попадал в настоящее-то дело. Ну, скоро будет ему и теща, и блины, и мерзлая глина в нос…

То, что рядом, в ротной колонне, шли артиллеристы, успокаивало. Пушка – это тебе не винтовка. Шрахнет – и танк неживой…

Они еще не наступали. За всю войну, с самых летних боев, ни разу. Была одна шальная контратака на Рессете. Но и она, считай, закончилась плохо. Не победой. А тут – настоящее наступление. Говорят, несколько дивизий двинулись вперед. Кавалерия. Танки. Артиллерия. На санях везли минометы и ящики с минами. Где-нибудь в хвосте колонны двигались и «катюши». Какое ж наступление без «катюш»? Начальство это обязательно предусмотрело и позаботилось о нашей пробивной силе, с надеждой и даже уверенностью думал Отяпов. Как стреляют «катюши», он видел. Сила!

Рядом хрустел снегом и покашливал Гусёк. Гуську, как бывалому воину, перед маршем выдали несколько гранат и два запасных диска к ППШ. Начальство его уже заметило. Что ж, заслужил делом. Отяпов видел, как тот раза два снимал рукавицу, ощупывал дымящимися пальцами свой автомат, выковыривал из-под спусковой скобы и рычажка перевода огня набившийся снег. Молодец, матчасть соблюдает в чистоте и готовности. Надо ж, какой солдат получился! А сколько таких ребят полегло, сколько в плен пошло, тут же затосковал Отяпов. Не вывели, не сберегли для Родины и Красной армии своих надежных бойцов. Отяпов вспомнил капитана Титкова. Где-то тут, рядом, опять командует батальоном капитан Титков. Сволочь такая…

Рассвет их застал в поле. Только что миновали деревню. Бойцы с тоской и надеждой посматривали на дворы. Хаты стояли нежилые, с выбитыми окнами и сорванными с петель дверями. Германец похозяйничал, определил Отяпов. Но ничего, хоть не

пожег. Заткнуть сеном оконные проемы, навесить двери, протопить печи – и завалиться на отдых… Самое время. Днем-то продолжать марш опасно – не ровен час, самолеты налетят. Но деревню они миновали в том же темпе. Командиры молчали. Теперь оставалось надеяться, что на дневку их остановят в лесу.

Дорога впереди была прочищена. Но снег валил и валил, поземка гнала косяки снежной крошки по полю и оседала здесь, как туман в противотанковом рву. Белые тугие барханчики росли буквально на глазах. Колеса орудий вязли в них. Лошади совсем ослабли, и ездовые попрятали кнутья, кнут был уже бесполезен.

Наконец и поле осталось позади. Дорога пошла чище, легче. А ветер уже не так трепал солдатские шинели и полушубки, не сек ледяной крошкой по глазам, не жег щеки.

И вот в голове колонны родилось и радостной птицей пронеслось по заполненной войсками дороге:

– Стой! Принять в сторону! Привал!

Принять в сторону можно. Полезли в снег. Местами проваливались по пояс. Вокруг елей обтаптывали снег, ломали лапник и тут же валились на охапки и засыпали, даже не сняв вещмешков и не отряхнувшись от снега.

Подошла ротная кухня. Старшина начал раздавать горячую кашу. Перво-наперво накормили артиллеристов. Бойцы стояли с котелками наготове и терпеливо ждали, когда пройдут сорокапятчики.

– Ну, ребята, – сказал лейтенантам Отяпов, – вы ж и воюйте не хужей, чем на кухне.

Те засмеялись. Эх, дети, подумал Отяпов. Такие не погубили бы орудия. Без орудийной поддержки роте в бою – беда.

Только успели ложки облизать и рассовать их по укромным местам – кто за голенище, кто в нагрудный карман, кто куда, прибежал ротный:

– Отделение Отяпова и саперы! Ко мне!

Вот тебе и привал. Вот тебе и отдых.

Ротный нахватал их пятнадцать человек. Из штаба полка прибыли лыжники, тоже человек пятнадцать. С ними старший лейтенант. Разведка. Все при автоматах. Кое у кого трофейные. Разведчики с трофейным оружием щеголять любят.

Артиллеристы быстро отвинтили и сняли с осей колеса одной из пушек. Пушку приладили на сани, притянули проволочными скрутками. И – вперед.

Задачу старший лейтенант из полковой разведки поставил уже в пути: впереди деревня, немцев в ней немного, человек двенадцать, но при зенитной установке и двух пулеметах и этот чертов гарнизон необходимо было взять любой ценой. Из

лазарета прислали две санные повозки с санитарами. И Отяпов в одной из санитарок сразу разглядел Лидку Брусиленкову. Та тоже махнула ему рукой, радостно улыбнулась. Опять им выпала доля хлебнуть чего-то непонятного и вовсе нерадостного. Хотя встреча с родней – какая она ему родня? – Отяпова обрадовала.

Шли около часа. Свернули в лес. Затихли. Ездовые соскочили с саней, гладили заиндевелые морды лошадей, чтобы те не заржали.

Деревня рядом. В ней тихо. Может, ушли? Германец, он хоть и смел, и хороший вояка, а все одно умереть от пули боится. А тут на него такая силища прет.

Вернулась разведка. Нет, не ушел. Придется атаковать.

Старший лейтенант задумался. Позвал артиллерийского лейтенанта. Начали совещаться. Отяпова тоже к себе позвали. Он все время молчал, вопросов не задавал, чтобы не досаждать офицерам решать самое главное.

Распрягли коней. Сани с сорокапяткой потащили к опушке.

Вон она, зенитка, спаренные стволы торчат над снежным валом. Там же, над валом, виднеется фигура часового. Немец закутан в какое-то пестрое тряпье. Видать, совсем замерз, бедолага. Ветер тянет от деревни. Значит, немецкий часовой их не слышит. Старший лейтенант команды отдает шепотом.

Самая непростая задача, как всегда, у пехоты: как только отстреляется расчет сорокапятки, атаковать юго-западную окраину и захватить три крайних дома.

Лыжники уходят раньше. Они войдут в деревню с северо-востока и перекроют дорогу на восток одновременно с атакой отделения Отяпова и саперной группы.

Вначале все шло удачно. Артиллеристы отстрелялись точно. Сразу подавили зенитную установку. Отяпов поднял своих. Добежали до первой хаты. И тут ударил пулемет. Он бил откуда-то из глубины проулка, из метели. Сразу упали несколько человек. Захрипел Ванников, загребая под себя снег. Отяпов ухватил его за ремень подсумков и потащил за кладушку дров. Залегли. Пулемет не умолкал. И Отяпов сразу забеспокоился о тех, кто остался лежать на снегу, в проулке, под огнем.

– Нил Власыч, я заметил, откуда он стреляет. – Гусёк дрожащей рукой очищал от налипшего снега свой ППШ. Протер, проверил диск и вытащил из кармана полушубка гранату.

– Давай, Гусёк. Правее обходи. Вдоль сараев.

Гусёк исчез в проулке. Метель поглотила его мгновенно.

Отяпов полез в карман Ванникова, чтобы найти его медицинский пакет. Но понял, что тот уже не дышит. В Калугу шел… Домой. Надеялся своих повидать. Повидал…

В глубине проулка лопнула граната, потом другая. Немного погодя вернулся Гусёк. Он тащил пулемет. Тянулась по снегу лента с длинными, как карандаши, патронами. Дырчатый кожух с шипением дымился, издавая приятный металлический запах.

– Вот, Нил Власыч, трофей прихватил.

– Ванников помер, – ответил Отяпов.

– Что, наповал?

– Наповал. Вот тебе и Калуга…

Вскоре пришли лыжники. А за ними – связной из штаба батальона с приказом: атака деревни отменяется, срочно возвращаться назад.

Отяпов с Гуськом вытащили тела убитых к дороге. Оружие забрали с собой. Раненых увезла Лидка. Хоронить своих товарищей им было некогда. Местные похоронят. Хотя местных никого не видать. Ни души. Видать, все ушли в лес. Или немцы угнали.

Оказывается, батальонная колонна меняла маршрут движения. Деревня им теперь была не нужна, ее они обходили стороной. Видимо, разведка нашла другую дорогу, более пригодную.

Глава 9 Калужский поход генерала Попова

«При занятии Калуги захвачены большие трофеи…»

Гудериан отходит, бросая технику и вооружение. Тень армии Наполеона. В Рославле приказали: держаться по рубежу реки Оки. Генерал Попов и его ударная группа. Сосредоточение. Поход. Погода. Сводки. Зеленый Крупец и Салтыковка. Кто прикрывал фланги ударной группировки. Ночной бой в Больших Козлах. Танки 112-й танковой дивизии. Вспоминает бывший стрелок-радист Т-26. Бой с немецкими артиллеристами. Горящие «Валентайны» и яростный КВ. Налет немецкой авиации на танковую колонну у Оки. Прорыв в город. Плацдарм на юго-востоке. Окружение. Бои в окружении. Пехотинцы, кавалеристы и танкисты. Вспоминает Н.И. Алексеев. Дивизии идут на выручку. Правый берег очищен. Бои за Калугу смещаются к центру и западу. Дивизии генерала Болдина сдавливают калужскую группировку противника в полукольце. Жуков: «Дело с окончательной очисткой гор. Калуга от противника недопустимо затянулось…» Зачистка города. Велосипед для девочки. Воспоминания хирурга Н.М. Амосова.

Разбитая под Тулой и Сталиногорском 2-я танковая армия Гудериана отходила в юго-западном направлении, из последних сил стараясь задержаться на промежуточных рубежах в заблаговременно подготовленных для обороны районах. Генерал Гудериан прекрасно понимал, что произойдет, если русские усилят нажим и его корпуса и дивизии побегут. Пока они отходили. Иногда бросая технику и тяжелое вооружение. Иногда неся большие потери в людях. Но все же катастрофы еще не было. Армия отходила. Однако такое его солдаты и офицеры переживали впервые. И вереницы бредущих среди сугробов солдат, обмотанных в женские шали, копыта павших лошадей, торчащие из снега, разбитые повозки на обочинах – все это напоминало очень знакомые образы из истории. Давней, наполовину забытой, но происходившей именно здесь. Поход Наполеона в Россию заканчивался точно такими же картинами. Зима, лютые метели, бескрайние снега и брошенное снаряжение вдоль дорог, забитых бредущими на восток солдатами. Тогда главной целью тоже была Москва. Наполеон дошел до столицы русских. А они не смогли сделать даже этого, что еще вчера казалось более чем реальным, достижимым в самые ближайшие недели, сутки, дни… Россия… Проклятая страна…

14 декабря 1941 года, как известно, Гудериан прибыл в

Рославль на совещание. Главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Браухич в присутствии фон Клюге отдал приказ: «2-я армия переходит в подчинение 2-й танковой армии. Обе армии должны удержать рубеж перед Курском, Орлом, Плавском, Алексином, а в крайнем случае по р. Ока».

Вот что пишет по этому поводу немецкий историк Клаус Рейнхардт: «Моральный дух солдат настолько упал, что командующий 2-й армией генерал танковых войск Шмидт был вынужден отдать приказ выявить лиц, ведущих пораженческие разговоры, и для примера другим расстрелять. Положение на всем южном участке фронта группы армий «Центр» за одну неделю настолько обострилось, что Боку пришлось сосредоточить управление всеми войсками между Тулой и Тимом в одних руках. По просьбе Гудериана он

12 декабря передал 2-ю армию в подчинение 2-й танковой армии и объединил эти силы в танковую группу Гудериана, поставив перед ней задачу остановить вклинившиеся соединения противника по крайней мере на общем рубеже район восточнее Курска, Новожил, Алексин. Но немецкие войска были уже настолько ослаблены, что не могли задержать продвигающегося вперед противника. Гудериан объяснял слабость своих соединений их малочисленностью и, главным образом, плохим моральным и физическим состоянием солдат: «У нас остались, собственно, только еще вооруженные шайки, которые медленно бредут назад» [53] .

Гудериан, предчувствуя и свою личную катастрофу, конечно же отчасти сгущал краски. Но в большей степени был все же прав.

Через несколько дней 43-й армейский корпус был передан в подчинение 4-й полевой армии. Гудериан нервничал, понимая, что русские сильны и эту силу он уже не может удерживать на прежних позициях, что и в штабе группы армий «Центр», и в Берлине ему уже не доверяют так, как доверяли еще вчера, когда его танки стремительно шли к Туле. Для немецкой армии на Востоке наступал другой кризис – кризис доверия командирам. Многим из своих генералов Гитлер уже просто не доверял.

Атаки 49-й и 50-й армий, также начавшееся движение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 10-й армии, которые с ходу форсировали Оку, ломали, как молодой лед, все планы немцев.

Штаб Западного фронта проводил серию наступательных операций. Им потом дадут общее наименование – контрнаступление советских войск под Москвой. Но тогда, в декабре, у каждой операции было свое название: Калининская, Клинско-Солнечногорская, Тульская, Елецкая, Детчинская. Одной

из них, и довольно значительной, стала Калужская наступательная операция. Проводилась она войсками левого крыла Западного фронта, а точнее, 50-й и 49-й армиями. Вся тяжесть этой операции легла на плечи ударной группировки 50-й армии генерала Болдина.

Вот как рассказывает об этих событиях и о том, что им предшествовало, сам командарм в своих мемуарах, написанных после войны:

«Меня вызвал к телефону маршал Шапошников:

– Товарищ Болдин, поздравляем ваши войска и вас лично с успешным завершением Тульской операции. Мы тут, в Москве, высокого мнения о боевых делах пятидесятой армии. В связи с этим Ставка решила поручить вам и освобождение Калуги…

На какую-то долю минуты в трубке стало тихо, а затем снова послышался, как всегда спокойный, голос маршала:

– Иван Васильевич, голубчик мой, думаю, что вам не следует тратить много времени на подготовку. Мы рассматриваем Калужскую операцию как продолжение Тульской. Командующему фронтом Ставка уже сообщила свое решение. Следовательно, приступайте к выполнению приказа немедленно. Жду вашего звонка из Калуги, и чем быстрее, тем лучше…

А через некоторое время меня вызвал генерал Жуков. Он повторил приказ Ставки и поставил конкретную задачу – к исходу 18 декабря главными силами выйти на рубеж Позднякова – Столбово – Дроково. В последующем во взаимодействии с войсками 49-й армии овладеть Калугой.

Было ясно, что операция предстоит серьезная. Для нас Калуга имела немаловажное значение. Она располагалась в северо-западной излучине Оки, и овладение ею открывало путь войскам фронта для широкого наступления на запад. Значение города состояло еще и в том, что здесь скрещивались железнодорожная, шоссейные и грунтовые дороги.

Но Калуга являлась крепким орешком. Захватив ее, фашисты успели основательно укрепить рубежи рек Упа и Ока на подступах к городу. В самой Калуге противник умело использовал крутой берег Оки и каменные здания. Правда, войск здесь у него мало. Но гитлеровское командование рассчитывало вывести сюда потрепанные под Тулой части и подтянуть резервы. Значит, все решают темпы наступления. Если врагу удастся оторваться от нас и выиграть время, то сбить его будет уже трудно. Надо постараться ворваться в Калугу на плечах отступающего противника.

Чтобы преследовать врага в высоком темпе, я создал подвижную группу, которую возглавил мой заместитель генерал-

майор Попов. В состав группы вошли 154-я стрелковая, 112-я танковая, 31-я кавалерийская дивизии, Тульский рабочий полк, танковый батальон и две батареи гвардейского минометного дивизиона. Перед подвижной группой поставил задачу – не отрываясь от отступающего противника, выйти на подступы к Калуге и на рассвете 20 декабря ударом с юга овладеть городом. С юго-запада и юга маневр подвижной группы обеспечивала 290-я стрелковая дивизия, с севера – 258-я.

Немногим более чем за трое суток подвижная группа прошла около 90 километров и успешно выполнила первую часть поставленной задачи.

К сожалению, противник упорно сопротивлялся перед фронтом 49-й армии, и она выйти к городу не успела.

Поэтому рано утром 21 декабря подвижная группа генерала Попова одна пошла на штурм Калуги. Она атаковала город с трех направлений. Первыми в Калугу ворвались части 31-й кавалерийской дивизии. Потом с юго-восточной стороны через Оку переправились 473-й стрелковый полк 154-й стрелковой дивизии и подразделения 112-й танковой дивизии.

Оборонявшая Калугу 137-я пехотная дивизия противника, находящаяся в надежных укрытиях, встретила атакующие части огнем, остановила их и даже отрезала от переправ. Одновременно гитлеровцы стали спешно перебрасывать из Можайска в Калугу 20-ю танковую дивизию.

Стало совершенно ясно, что только силами подвижной группы Попова освободить город мы не сможем. Поэтому я приказал 217-й и 413-й стрелковым дивизиям, являвшимся левым крылом армии, охватить Калугу с юго-запада, а недавно переданной нам 340-й стрелковой дивизии заходить с северо-востока. К штурму города привлекались также части 258-й и 290-й стрелковых дивизий. 25 декабря основные силы армии подошли к Калуге и разбили кольцо окружения, в котором находилась подвижная группа.

В тот же день из штаба фронта мне передали следующее указание:

«24 декабря в Ставке получены сведения, что калужским войскам противника отдан решительный приказ упорно сопротивляться и не сдавать Калугу.

Верховное главнокомандование предупреждает о необходимости особой бдительности с нашей стороны. Нужно особенно энергично бить противника в Калуге, беспощадно уничтожать его, не допускать никакой уступки и не отдавать врагу ни одного квартала. Наоборот, нужно приложить все усилия, чтобы разгромить противника в Калуге». Действительно,

обороняется противник упорно. Бой идет за каждый дом, за каждую улицу. В ночь на 30 декабря после мощного огневого налета войска армии перешли в решительное наступление и к 11 часам полностью овладели городом.

В боях за Калугу бойцы армии проявили мужество и отвагу, а командиры – возросшее мастерство, умение маневрировать и четко взаимодействовать в сложной обстановке.

В честь победы войск 50-й армии председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин прислал нам телеграмму, в которой тепло поздравил освободителей Калуги и пожелал им дальнейших успехов в бою с немецко-фашистскими захватчиками.

Новый военный 1942 год мы встречали в древнем русском городе, с именем которого связано так много замечательных событий в истории нашего народа» [54] .

Конечно, в мемуарах бывшего командующего войсками 50-й армии события изложены с той торопливой последовательностью и четко выстроенной логикой событий, в которых совершенно нет места деталям и мелочам. Но дело в том, что из них-то, из деталей и мелочей, и состоит война для человека званием не выше старшего лейтенанта и должностью не больше ротного командира. А хочется сквозь строки документов, к которым, несомненно, относятся и мемуары, видеть, прежде всего, главного творца побед и главного страдальца на полях и дорогах войны – рядового бойца, солдата.

И потому попытаемся исследовать эпопею калужского рейда трех дивизий с усилением под командованием генерал-майора Василия Степановича Попова более подробно.

Итак, ударную группу 50-й армии, которая глубоким рейдом на узком участке прорыва должна была кратчайшим путем достигнуть Калуги и ударом с юга захватить ее, возглавил генерал-лейтенант Василий Степанович Попов, донской казак из бывших учителей-семинаристов и царских прапорщиков, человек образованный, расчетливый и исключительно храбрый.

В группу вошли: 154-я стрелковая дивизия генерал-майора Якова Степановича Фоканова, 112-я танковая полковника Андрея Лаврентьевича Гетмана и 31-я кавалерийская полковника Михаила Дмитриевича Борисова, две батареи гвардейского минометного дивизиона, огнеметно-фугасная рота, Тульский рабочий полк капитана Анатолия Петровича Горшкова, отдельный танковый батальон и некоторые другие соединения.

В ночь на 17 декабря части подвижной группы были сосредоточены в районе Ханино – Зайцево – Пятницкое западнее Тулы. В исходный район, только что очищенный от противника,

спешно стягивались части и подразделения, которым предстоял глубокий и рискованный рейд. Подвозились боеприпасы и продовольствие. Двигались тыловые обозы.

Разведка, которая уже несколько суток обшаривала окрестности дороги на Перемышль и леса к западу и северо-западу от исходного района, доносила, что немцы продолжают отходить, что в деревнях, превращенных в опорные пункты, оставлены небольшие гарнизоны прикрытия, что сколько-нибудь серьезной противотанковой обороны противник создать не успел, оттянув всю артиллерию к Калуге. Обстановка создавалась благоприятная. Помогала и погода: морозы ослабли, валил густой снег, мела метель. Для марша такая непогодь конечно же помеха. Но если учесть, что такая погода полностью исключает действия немецкой авиации, то все складывалось хорошо. Немцы перебросили в район Калуги несколько эскадрилий пикировщиков Ю-87. Жуков Болдину не обещал никакой поддержки с воздуха.

Из оперативной сводки штаба Западного фронта на 20.00 от 18 декабря 1941 года: «154 сд, 31 кд, 112 тбр – подвижная группа в ночь с 17 на 18 начала движение по маршруту ВОСКРЕСЕНСКОЕ, ДУБНА, ХАНИНО. Сведений о положении группы не поступало» [55] .

Из оперативной сводки на 8.00 от 21 декабря 1941 года: «Группа Попова в 10.00 20.12 прошла МИТЕНКА, АЛЕКСЕЕВСКОЕ. Новых данных о положении частей к моменту составления сводки не поступило» [56] .

В момент составления этой сводки авангарды подвижной группы генерала Попова уже форсировали реку Оку и ворвались на улицы приречного района Калуги.

Первыми кварталами, которые с ходу отбили наши бойцы, были старинный городской квартал Зеленый Крупец и Салтыковка.

Во время марша правый фланг ударной группы прикрывала 258-я стрелковая дивизия полковника Михаила Александровича Сиязова, левый – 260-я стрелковая дивизия полковника Василия Даниловича Хохлова.

Армия тем временем продолжала наступать левее, в движении проводя перегруппировку для поворота на запад.

Калужский рейд, таким образом, поддерживался активными действиями всей 50-й армии. Две дивизии, в качестве усиленных боковых охранений, распирали фланги и, в случае контратак противника, обеспечивали свободу и безопасность коридора. Кроме того, в районе Черепети направлением на Козельск и далее к Юхнову действовал 1-й гвардейский кавалерийский корпус

генерала П.А. Белова с целью отрезать немецкую группировку, оборонявшуюся в районе Калуги. А на Белёв, Сухиничи и Мещовск направлением на Сухиничи и Киров (ныне районные центры Калужской области) мощным броском шла 10-я армия генерала Ф.И. Голикова [57] .

Сейчас во многих исследованиях и статьях, посвященных Калужской наступательной операции, говорится о том, что «движение шло скрытно под покровом ночи и в лесу, чтобы избежать соприкосновения с немцами». Однако, как рассказывают ветераны этого марша, некоторые части продолжали двигаться и светлое время суток. Были случаи, когда такие колонны попадали под налеты немецкой авиации. Так что немцы конечно же знали о передвижении густых колонн живой силы и бронетехники к Калуге. Но передвижение основной массы войск проходило все же ночами.

Вот что мне рассказал в 80-х годах бывший стрелок-радист танка Т-26 124-го танкового полка 112-й танковой дивизии Алексей Иосифович Чухилев:

«Шли с боями. Но бои до самой Калуги были небольшие. Уничтожали небольшие немецкие гарнизоны в деревнях. Похоже, о нашем прорыве они пока не знали.

Помню бой в Больших Козлах [58] .

Ночь кромешная. Сильная метель навстречу. Видимость плохая. Наш танк шел первым в колонне. Выехали к деревне, остановились у крайнего дома. Мы с лейтенантом Власовым вышли из танка. Подбежали пехотинцы. Постучались в окно. Хозяин сказал, что в деревне немцы и что ночуют они в школе.

Школа в середине села, немного правее по ходу движения.

Власов тут же распорядился, кому как действовать, и скомандовал: «В атаку!»

В глубине села взлетели ракеты. Часовой освещал ночь. Но где там что увидишь в такую прорву? Да и гула наших моторов он наверняка не слышал. Ветер-то рвал в нашу сторону.

Перед самой школой пехота соскочила с брони. Мы ударили из орудий и пулеметов. Пехотинцы добивали последних, кто выскакивал наружу. Вскоре все было кончено.

На рассвете 21 декабря мы увидели впереди отблески пожаров – горела Калуга».

К рассказу стрелка-радиста мы еще вернемся.

На пути подвижной группы генерала Попова стояли разрозненные части 269-й пехотной дивизии.

Правее по фронту оборонялась 31-я пехотная дивизия. Именно 31-я пехотная предприняла масштабный контрудар, пытаясь фланговым ударом помешать подвижной группе

продвижению к Калуге. Но она наткнулась на жесткое противостояние 258-й стрелковой дивизии, которая отбила все атаки, а вскоре перешла в наступление, приближаясь к Калуге с юго-востока, от поселка Турынино.

Тем временем авангард группы генерала Попова вышел к Калуге, захватил переправу через Оку и ворвался в город по льду. Начались бои в кварталах, прилегающих к реке Оке.

21 декабря для сражающегося народа СССР был днем особым. День рождения Верховного главнокомандующего И.В. Сталина Красная армия, все ее фронты и подразделения, отмечала победами.

Калужане в своей благодарной памяти хранят имена командиров и названия подразделений, которые первыми ворвались в город.

Запись рассказа Алексея Иосифовича Чухилева:

«Тут мы столкнулись с немецкими артиллеристами. Видимо, они уже нас встречали. Но на наше счастье, или они малость замешкались, или мы оказались проворнее.

Механиком-водителем у нас в экипаже был сержант Подъяблонский. Поляк. Впереди дорога. Там, на дороге, Подъяблонский увидел, как немцы торопливо отцепляли от грузовиков и уже разворачивали 37-мм противотанковые пушки [59] . Но мы первыми открыли огонь. Стреляли осколочными. Я видел, как первый наш снаряд разорвался с недолетом, перед самыми пушками. Второй – между двумя машинами. Третьим снарядом разбило и опрокинуло одно орудие. Следующий угодил прямо в кабину одной из машин. Этим снарядом были убиты офицер и водитель. Мы их потом видели. А артиллеристов почти всех перебили из пулеметов.

Мы проехали мимо разбитой противотанковой батареи, повернули влево и вскоре выскочили на Перемышльское шоссе. Проскочили мимо трех горящих немецких машин. Их подбили другие экипажи. Машины были загружены чемоданами и ящиками. Видимо, калужские трофеи немцев.

На шоссе мы перестроились в колонну: колонну возглавил тяжелый КВ. За ним шли два «Валентайна». И наши легкие Т-26 [60] .

Перед переправой на нашу колонну налетели немецкие самолеты. Однако бомбили они нас как-то торопливо, как следует не заходя в атаку, а так, кидали бомбы как попало. Были ранены только двое танкистов, которые во время бомбежки выскочили из машин. Прямых попаданий не было. Самолеты улетели. Мы открыли люки, осмотрелись. Вся колонна была забросана снегом, сучьями, которые срезало осколками. Некоторые машины были

буквально привалены деревьями. Но ни один танк серьезно не пострадал и из строя не вышел.

Впереди была понтонная переправа. Понтоны намертво вмерзли в толстый лед и держали хорошо. КВ пошел вперед. Только он отошел от нашего берега, справа, со стороны Ромоданова, с нашего берега, ударили немецкие противотанковые пушки. Сразу загорелись два «Валентайна» [61] .

Мы развернулись и начали стрелять в сторону немецких артиллерийских позиций. Стреляли почти наугад. Но толк был, огонь немцев стал слабеть.

«Валентайны» горели. Они перекрыли нам дорогу вперед. И это, быть может, нас спасло. Потому что на переправе, когда мы выстроились в цепочку, они нас всех бы пожгли, одного за другим. Как в тире.

А КВ тем временем прорвался в город и крушил все на своем пути. Вскоре, к нашему изумлению, он снова показался на противоположном берегу. Орудие его уже молчало, хотя башня была развернута в сторону немецких позиций, откуда часто били их противотанковые пушки. Как потом выяснилось, у нашего экипажа кончились боеприпасы. Он осторожно выполз на понтоны и пошел в нашу сторону. Мы поддержали его своими башенными орудиями.

360 попаданий немецких снарядов насчитали мы на его броне, но ни один не проломил толстых стенок тяжелого танка [62] .

Первым в Калугу ворвался стрелковый батальон капитана Трефилова. Атакуя город, мы знали, что где-то там, окруженные со всех сторон, дерутся наши пехотинцы и кавалеристы. Мы спешили им на подмогу».

Полковник Краснопивцев переправился через Оку в первом эшелоне наступающего полка. В этом – он весь. Рядом продвигался батальон 112-го мотострелкового полка танковой бригады. Батальоном командовал капитан С.В. Трефилов. На соседних улицах дом за домом зачищали кавалеристы. Коней они оставили за рекой, сюда пришли по льду, налегке. Вскоре они будут вынуждены объединиться в одну группу. Группу, как старший по званию, возглавит полковник Краснопивцев.

О полковнике Михаиле Петровиче Краснопивцеве стоит рассказать особо. Родился он в крестьянской семье в деревне Драчевке под Курском. В 1916 году был призван в русскую армию. Служил в 16-м Ладожском полку. В его составе вступил в бой. Воевал храбро. Был ранен. В 1917 году получил чин унтер-офицера. В 1918 году добровольцем вступил в Красную армию. Участвовал в Гражданской войне. В межвоенный период служил и

учился военному делу. Войну встретил под Витебском в должности командира стрелкового полка. Там попал в окружение. Во время прорыва погиб старший сын полковника Краснопивцева Владлен, воевавший рядом с отцом. Раненый полковник вывел остатки полка в район Брянска. Вскоре 154-я дивизия, в которую входил полк Краснопивцева, снова оказалась в окружении. И снова полковник вывел свой поредевший полк. Во время тульской обороны полк Краснопивцева дрался на самом опасном участке – в районе Одоевского шоссе. За проявленную храбрость и умелое руководство полком полковник Краснопивцев был награжден орденом Красного Знамени. Это был его третий боевой орден.

В Калугу полк Краснопивцева ворвался по льду и сразу же захватил несколько улиц в прибрежном районе.

Бывший красноармеец, автоматчик пулеметно-автоматного батальона 112-й танковой дивизии Николай Иванович Алексеев рассказал мне вот какую историю:

«В Калугу мы ворвались без артподготовки. По льду со стороны села Некрасова и Ромоданова. Прямо с марша – в бой. Оку как на крыльях пролетели. Мимо водокачки, на лесозавод.

Во дворе тюрьмы захватили немецкую кухню с готовым завтраком. Ребята все голодные. Сразу налетели, расхватали по котелкам, кто сколько смог. Подфартило нам хорошо: лапша с мясом – горячая, наваристая. Хорошо немцев под Москвой кормили. Это теперь они жалуются, что плохо им тут было, голодно да зябко…

Пока мы приканчивали трофей, немцы опомнились. Видно, выслали разведку, та все вынюхала: нас прорвалось на этот берег мало, вооружены мы только легким стрелковым оружием, ни пушек, ни минометов. И вскоре оттеснили нас к Оке.

Мы там, в городе, оказались из разных частей. Пехота и кавалеристы. Объединились в одну группировку. Командовал нами майор Балбачан».

Итак, в Калугу по льду через замерзшую Оку почти одновременно ворвались три группы: конники 31-й кавалерийской дивизии, батальон 473-го стрелкового пока под командованием полковника Краснопивцева и мотострелки майора М.И. Балбачана.

Николай Иванович Алексеев вычертил подробный план юго-восточной части Калуги с указанием всех особо значимых объектов, улиц и переулков. Нанес позиции немецких крупнокалиберных пулеметов, одиночных орудий, минных полей, немецкого кладбища, лазарета. И отметил четырьмя линиями различной конфигурации оборону, которую они держали четверо суток с 21 по 26 декабря 1941 года.

В первый день проскочили довольно глубоко, почти до центра города. Потом начали отходить, оставляя улицу за улицей, назад, к Зеленому Крупцу и фанерному заводу.

Немцы решили Калугу не сдавать. Пока неясной оставалась ситуация на флангах в районе Козельска и Детчина [63] . Из тылового района в город вошли и закрепились на позициях вдоль Оки и речки Киёвки резервный охранный полк, части 31, 131 и 137-й пехотных дивизий, 20-й танковой дивизии и отдельного мотоциклетного батальона.

Контрудар последовал буквально через несколько часов. Пехоту поддерживали танки и штурмовые орудия. Но вначале немцы засыпали прорвавшихся в город минами и снарядами. Самолеты кружили в воздухе, обстреливая плацдарм из пушек и пулеметов.

К исходу 21 декабря плацдарм, захваченный атакой с ходу, сократился более чем вдвое. Командование всеми войсками, оказавшимися на плацдарме, принял на себя полковник М.П. Краснопивцев.

Из воспоминаний Н.И. Алексеева:

«Вскоре немцы усилились и от Оки нас отрезали. Теперь мы дрались в окружении. Из города сперва уходить мы не хотели, а теперь уже и не могли. Нас постепенно истребляли.

Наша небольшая группа держала здание машзавода. Возле каждого оконного проема сидел стрелок и вел огонь. Но потери наши были так многочисленны, что чуть погодя все оконные проемы закрыть мы уже не могли. И немцы обнаглели. В атаку они ходили под прикрытием танка. Танк ползет, стреляет из орудия, а они прячутся за ним. Мы их достать не можем. Танк поджечь тоже не можем – ни одной гранаты не осталось. Но и к танку мы вскоре привыкли. В цех-то он не заедет! Постреляет-постреляет, боезапас израсходует и назад пятится, уходит. И автоматчиков уводит. Раз из-за танка выбежал офицер и, видимо показывая пример своим солдатам, кинулся к дверному проему. Но что он, с пистолетом, может сделать против штыка? Там, прямо в проеме, его и закололи. И немцы опять отступили.

Рядом, помню, была какая-то лесопильня. Там оборонялись кавалеристы. За ними, чуть дальше, пехотинцы из полка Краснопивцева. Так и дрались. На нас нажмут – кавалеристы и ребята Краснопивцева к нам на подмогу спешат. Примутся за них – мы им помогаем».

На усиление ударной группы генерал Болдин направил 290-ю стрелковую дивизию полковника В.Д. Хохлова. Но во фланг ей из района Лихвина последовал удар, и дивизия вынуждена была перейти к обороне.

1-й гвардейский кавалерийский корпус имел свой приказ и продолжал движение по своей траектории. После взятия Малоархангельска и Крапивны 22 декабря беловцы захватили Одоев. Спустя двое суток авангарды корпуса вышли к Оке южнее Лихвина. Немецкая группировка, действовавшая в районе шоссе Тула – Калуга, оказалась в полуокружении, охваченной с юга. Калужский гарнизон с этого момента тоже находился в критическом положении.

В Калуге и ее окрестностях оборону держали части четырех немецких дивизий: 31, 131 и 137-й пехотных и 20-й танковой дивизий. Из них 137-я – австрийская. Остальные – немецкие, сформированные в Ганновере и Эрфурте. Возможно, эти дивизии здесь находились не в полном составе, некоторые части современными исследователями отмечены на других участках фронта, в десятках километров от Калуги, что вполне закономерно, так как штаб группы армий «Центр» в это время лихорадочно чинил тришкин кафтан, рвал дивизии на части, на полки и батальоны и маневрировал этими батальонами в зависимости от ситуации.

Но чтобы у читателя было наиболее полное представление о силе и вооружении немецких частей, противостоящих ударной группировке 50-й армии в районе Калуги, привожу штатный состав 20-й танковой дивизии. В период московского наступления и обороны 20-я танковая имела следующий состав.

21-й танковый полк состоял из трех танковых батальонов. По штату в каждом из батальонов должно быть на вооружении от 59 до 90 танков. Но к этому времени дивизия генерала фон Тома [64] была уже изрядно потрепана. Ведь это ее танки горели перед дотами подольских курсантов в октябре в районе Малоярославца и Детчина. Так что можно предположить, что в каждом батальоне к 20-м числам декабря 21-й танковый полк имел по роте исправных машин. Таким образом, имея даже треть от первоначального количества танков, 20-я танковая дивизия представляла собой довольно мощное формирование. На вооружении дивизия имела чешские Т-38(Т) и германские T-IV.

Кроме того, в 20-ю танковую дивизию входили: 20-я стрелковая бригада, 59-й стрелковый полк и 112-й стрелковый полк. А также: 20-й мотоциклетный батальон, 92-й артполк, 20-й разведывательный батальон, 92-й противотанковый дивизион, 92-й самоходный саперный батальон, 92-й батальон связи, 92-й отряд снабжения, 59-й запасной стрелковый полк.

После оборонительных боев под Калугой 20-я танковая дивизия отойдет в район Юхнова и будет некоторое время находиться там. Затем ее перебросят южнее. Летом 1942 г. ее 1-й

и 2-й танковые батальоны будут расформированы, экипажи переданы на доукомплектование 3-го танкового батальона. Таким образом, от дивизии после калужских боев и противостояния на линии реки Угры и Варшавского шоссе фактически останется один танковый батальон. Расформирован будет и 2-й батальон 112-го моторизованного полка, а также 20-й мотоциклетный батальон.

Историк Клаус Рейнхардт о боях в районе Калуги писал:

«Гитлер отстранил Гудериана от должности и уволил в резерв. Его преемником стал бывший командующий 2-й армией генерал Шмидт.

Но произведенные Гитлером замены ни в коей мере не улучшили положения группы армий «Центр». 23 декабря, когда 4-я армия дрогнула под ударом группы Попова, двигавшейся на Калугу, и войск центральной группировки Западного фронта и когда стало невозможно задержать устремившиеся на запад русские войска, Клюге был вынужден доложить Гитлеру, что поставлен перед дилеммой: следует ли оставаться на месте и позволить себя уничтожить или же отойти, пожертвовать частью своей техники, но сохранить войска?

Клюге беспокоил в первую очередь прорыв войск русской 49-й армии под Тарусой и в направлении Малоярославца, что угрожало тылам 4-й армии. Гальдер, чтобы успокоить Клюге, сообщил ему, что речь идет о прорыве лишь нескольких подразделений лыжников. Начальник штаба сухопутных сил указывал, что будет стыдно, если после войны выяснится, что прорыв небольшой группы лыжников явился причиной отдачи приказа об отходе целой армии».

Шли третьи сутки уличных боев. Обе стороны строили баррикады, дома превращали в крепости. За атакой одной стороны тут же следовала контратака другой. Потери обеих сторон росли.

Н.И. Алексеев:

«Вскоре мы пробились к Оке. Но уходить не стали. Наладили худо-бедно связь с правым берегом. Ночами ходили туда за боеприпасами и продуктами. Я был молодой, и меня посылали на тот берег почти каждую ночь. За девять суток боев на плацдарме на правый берег я сходил семь раз.

Ночи стояли морозные. Небо ясное. Полная луна. Звезды яркие. Лед на реке как стеклышко. Промерзшие валенки скользят. А нужно бежать и бежать без остановки! Особенно тяжело было бежать с грузом на плечах. Трассирующие пули визжат, осыпают ледяным крошевом. Льдинки светятся вместе с пулями. Бежишь, а над тобой вдруг вспыхивает огромный разноцветный веер.

Забавно, наверное, было смотреть на эту картину немецким пулеметчикам.

Не дай бог упасть. Тут же и подберут прицельной очередью. Бежишь, летишь как на крыльях, и груза на плечах не чувствуешь. Трассирующие пули вокруг, и ты уже не понимаешь, живой ты еще или уже летишь куда-то и пули тебе нипочем…

Прибежишь, мешок с сухарями ребятам отдашь и тут же – в окоп, в бой.

Бой на нашем плацдарме шел почти непрерывный. И днем и ночью. Особенно страшными были ночные атаки немцев».

Из оперативной сводки штаба Западного фронта к 20.00 24.12.1941:

«Температура 9—12 холода. Местами слабый снегопад. Ветер сев. – зап. до 4 м/сек.

Группа Попова, занимая центр и юго-вост. часть города, в течение дня продолжала вести уличные бои в гор. КАЛУГА.

Сведений о результатах боя не поступило.

Потери за 24.12.41: убито и ранено – 260 человек.

За 22.12.41 в районе КАЛУГА уничтожено до 500 немцев, солдат и офицеров. Сбито 3 самолета противника» [65] .

Положение сражавшихся на плацдарме с каждым днем становилось все более тяжелым. И тут на помощь бойцам пришли жители города. Они начали выносить с улиц раненых, прятать в своих домах, в подвалах, в убежищах. Перевязывали их, кормили, выхаживали.

Подростки ночами ходили за Оку. На фанерной фабрике хранились штабеля фанеры. Из листов фанеры делали волокуши. Проделывали две дыры, привязывали веревку, впрягались в эти волокуши и бегом тащили на правый берег очередного раненого. На берегу их ждали санитарные повозки. Санитары быстро перекладывали доставленного с плацдарма раненого в сани и везли в госпиталь, развернутый в Больших Козлах. Назад, на тех же волокушах, калужские ребята тащили боеприпасы и продукты питания.

25 декабря к городу наконец удалось пробиться 258-й стрелковой дивизии генерала Сиязова. А 437-й стрелковый полк 154-й дивизии выбил противника из деревень на правом берегу Оки. По льду на плацдарм были переправлены орудия и минометы. Положение группы полковника Краснопивцева несколько улучшилось. Кольцо было разорвано. Через Оку пошло снабжение и пополнение.

В тот же день в штаб Западного фронта из штаба 50-й армии ушла следующая радиограмма:

«В течение дня 25 декабря продолжала преследовать

отходящего противника и вела бой за КАЛУГА, противник продолжает упорно оборонять северную и северо-западную часть г. КАЛУГА, отходя на остальных участках фронта армии. Особую активность проявляет авиация противника по нашим войскам и населенным пунктам.

Армия к исходу дня вышла:

340-я стрелковая дивизия, преодолевая сопротивление до двух пехотных полков противника, вышла на рубеж: лес (2 км восточнее НЕКРАСОВО), НОВАЯ ДЕРЕВНЯ, БОЛДАСОВКА, БУКАНОВО, имея задачей выйти на северную окраину КАЛУГА, уничтожая противника в этом районе.

290-я стрелковая дивизия к исходу дня овладела ПУШКИНО, продолжает выход на пути отхода 137-й и 131-й пехотных дивизий противника в районе ТУРЫНИНО.

Подвижная группа Попова в течение дня ведет упорный бой за КАЛУГА, занимая центр, восточную и южную части города, противник упорно удерживает северную и западную часть города.

258-я стрелковая дивизия одним хозяйством ведет бой за МАКАРОВО, двумя хозяйствами занимает РОМОДАНОВО, санаторий, восточную опушку леса (2 км северо-западнее КАЛУГА), АННЕНКИ и частью ведет бой за ЖЕЛЫБИНО, задача – отрезать пути отхода противника на запад и северо-запад.

217-я стрелковая дивизия, занимая переправы на р. ОКА на участке НИЖНЯЯ ВЫРКА, ПЕРЕМЫШЛЬ, в течение 24 декабря вела бой и заняла ПЕРЕМЫШЛЬ.

413-я стрелковая дивизия, занимая рубеж БУКРЕЕВО, ЛИХВИН, окружила двумя полками ЛИХВИН и ведет уличный бой.

Резерв – 32-я танковая бригада и Рабочий полк – сосредоточены в ХАНИНО.

Весьма успешно в течение дня действовали: 217-я, 258-я, 413-я стрелковые дивизии.

Недостатки: наша авиация, по донесениям частей, их действия не прикрывала. Авиация противника действовала активно, нанося поражения нашим войскам. Разрушенность постоянных линий связи, изношенность и недостаток радиостанций в войсках создает исключительную трудность в управлении войсками. Разрушенность дорог и основных коммуникаций отходившими немецкими войсками создает большие трудности в питании войск» [66] .

Радиограмму в штаб Жукова передал начальник штаба

50-й армии полковник Аргунов. В донесении дана полная картина боев за Калугу и в окрестностях. К 25 декабря командующий 50-й армией вывел свои дивизии к Калуге и начал

охватывать город, превращенный немцами в швер-пункт [67] на этом участке подмосковного фронта, и войска начали очищать от противника правый берег Оки, освободили перехваченные несколько дней назад тыловые коммуникации ударной группы, начали переправляться на плацдарм и сразу же приступили к его расширению в сторону центра города и вокзала на северо-западе.

Из оперативной сводки штаба Западного фронта к 8.00 27.12.1941: «В КАЛУГА идет бой за овладение сев. – зап. окр. Гарнизон противника в ЛИХВИН продолжает сопротивляться» [68] .

Следующая сводка, подписанная заместителем начальника штаба Западного фронта комбригом Голушкевичем:

«50 А. в течение второй половины дня 29.12.41 своим правым флангом медленно продвигалась на запад, одновременно вела упорный бой за овладение г. КАЛУГА. На левом фланге продолжала наступление, ведя бой на рубежах:

290 сд к 20.00 29.12.41. вела бой за ГРАБЦЕВО, КУКАРЕКИ, одним СП обойдя БУШМАНОВКА с юга, вела бой на сев. – вост. окраине г. КАЛУГА.

154 сд с полком тульских рабочих, 31 кд, 112 тд продолжали вести бой в г. КАЛУГА, медленно продвигаясь вперед.

258 сд на южн. берегу р. ОКА к исходу дня 29.12.41 вела бой за РОМОДАНОВО, ЖЕЛЫБИНО.

413 сд с одним полком 217 сд к 13.00 29.12.41 овладела ВОРОТЫНСК, СЛОБОДКА, КУЛЕШОВКА и вела бой за пос. и ст. ВОРОТЫНСК. Контратака противника от СТОЛПОВА на ВОРОТЫНСК отбита.

217 сд одним СП к исходу дня 27.12.41 овладела БАБЫНИНО, захватила при этом трофеи, которые подсчитываются.

32 тбр – резерв командарма, сосредоточена в районе РОЖДЕСТВЕНО».

Командарм Болдин воевал грамотно, с резервами. В лоб дивизии на немецкую оборону не бросал, действовал охватом, вынуждая противника либо оставлять свои позиции и отходить в тыловые районы, или драться в полной изоляции. Такой маневр требовал времени, войска затрачивали огромные физические силы. Но сохранялись человеческие жизни, солдатские жизни. Которые нужны были для новых боев.

Снова – слово документам, ибо они красноречивее всего рассказывают нам теперь о подвиге наших отцов и дедов на нашей родной земле. Из оперативной сводки штаба Западного фронта:

«50 А. В ночь на 30.12.41 наступала на всем фронте, очищая г. КАЛУГА от противника.

К утру 30.12.41 части армии вели бой:

340 сд на рубеже раз. СТОПКИНО, выс. 216, 1.

290 сд, закрепляя занимаемый рубеж, вела бой на подступах к г. КАЛУГА с востока и сев. – востока.

154 сд с полком тульских рабочих, 31 кд, 112 тд к рассвету 30.12.41 очистила от противника сев. – зап., северную часть г. КАЛУГА и, очистив подступы к мосту через р. ОКА с севера, вела ожесточенные бои с противником, удерживающим район вокзала и сев. – вост. части города.

258 сд в 8.00 30.12.41 овладела САНАТОРИЙ и вела бой за овладение АННЕНКИ, ЖЕЛЫБИНО.

217 сд, удерживая БАБЫНИНО, продолжает наступление на рубеж ВНУКОВО, УТЕШЕВО.

413 сд крассвету 30.12.41 овладела пос. ист. ВОРОТЫНСК и продолжала наступать в направлении ДВОРЦЫ» [69] .

Тяжелее всех по-прежнему приходилось ударной группе генерала Попова. Она уже очистила свои тылы, пополнялась людьми, вооружением и боеприпасами. Но находилась в самом пекле.

Тем временем события на соседних участках Западного фронта стремительно развивались. Все глубже уходила на запад 10-я армия генерала Голикова и кавалерийский корпус генерала Белова. Сосед справа – 49-я армия генерала Захаркина – охватывала Калугу с севера, оседлала Старую Калужскую дорогу, захватила Тарусу и Высокиничи и подступала к Полотняному Заводу и Кондрову. Калужская группировка противника сдавливалась в полукольце.

Жуков торопил Болдина. 27 декабря 1941 г. Военный совет Западного фронта направил в штаб 50-й армии следующую директиву:

«Дело с окончательной очисткой гор. КАЛУГА от противника недопустимо затянулось. Дальнейшая задержка спровоцирует противника на активные действия. Военный Совет фронта требует под личную ответственность товарищей Болдина и Сорокина ликвидировать противника в гор. КАЛУГА не позже 28 декабря и не позже 29 декабря занять станцию ТИХОНОВА ПУСТЫНЬ и ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД.

Не позже 31 декабря частью сил перерезать шоссейную дорогу Юхнов – Медынь. Командный пункт в ХАНИНО не отвечает требованиям быстрого руководства. Желательно перебросить командный пункт в г. КАЛУГА» [70] .

Есть такие начальники, которым всегда кажется, что его подчиненный работает плохо, отлынивает и что если его накрутить потуже, то из него можно выжать еще немного

пользы… Таким был и командующий войсками Западного фронта генерал Жуков по отношению к своим командармам. Постоянно жучил генерала Захаркина за его медлительность и излишнюю расчетливость и нерешительность. Мог продемонстрировать свою начальственную несдержанность по отношению к командарму-5 генералу Л.А. Говорову. Постоянно выражал свою неудовлетворенность действиями командарма-33 генерала М.Г. Ефремова и совсем скоро, под давлением Верховного, пошлет ударную группировку 33-й армии на верную гибель под Вязьму, в узкий коридор с необеспеченными флангами. Но Жуков станет маршалом Победы, Маршалом № 1. И историки, а тем более политики склонны теперь искать просчеты, недостатки и ошибки (порой роковые, оплаченные сотнями тысяч солдатских жизней) не в действиях главного героя, а его подчиненных. Так легче обращаться с нашей историей. Такова наша природа. Канонизировали – не смей трогать. Но это уже публицистика. Лучше займемся историей.

Итак, Жуков торопил Болдина – вперед, вперед. Вот почему так яростно дрались на улицах Калуги бойцы группы генерала Попова. Немцы не успевали эвакуироваться, продолжали удерживать ключевые позиции, особенно в районе железнодорожного вокзала. Именно оттуда уходили последние составы в сторону Полотняного Завода и дальше, на Мятлево и Вязьму. Немцы теряли свой швер-пункт на Оке.

Интересно, а что было бы, если бы немцев в Калуге окружили? Ведь именно эта идея уже дозревала в те дни в Ставке в Москве. И уже в январе ее попытаются реализовать – широким охватом окружить в районе Вязьмы и Ржева основные силы группы армий «Центр». Но ничего не получится. Под Вязьмой и Ржевом погибнут несколько армий и корпусов. Немецкие концентрационные лагеря пополнятся десятками тысяч пленных, вырастут списки безвозвратных потерь.

Кто ошибется в расчетах? Конечно же Сталин. Вали на серого, серый всегда виноват… Так немецкие мемуаристы от рядового солдата до фельдмаршала теперь все валят на Гитлера. Как схожи эти мелодии!

Итак, яростные схватки продолжались в районе железнодорожного вокзала. Там позиции удерживали переброшенные из Кракова подразделения СС [71] .

В дневниковой записи Гальдера за 17 декабря 1941 г. упомянуто о переброске на самолетах из Кракова в район Калуги частей СС.

В район Калуги прибыл 4-й полк СС «Остмарк». Позднее, в награду за храбрость, проявленную в оборонительных боях в

декабре 1941 – январе 1942 года, полку будет присвоено наименование «Лангемарк» – по названию старинного фламандского городка, где во время Первой мировой войны германская армия одержала решающую победу.

Полк СС был разбросан по всему участку фронта от Малоярославца до Калуги и Юхнова. 1-й батальон – в районе Малоярославца и Кремёнок. 2-й – на Варшавском шоссе в районе Мятлева и Юхнова. 3-й и штаб полка – в Калуге. Командовал полком оберштурмбаннфюрер СС Генрих Шульдт. Звание соответствовало оберстлейтенанту, то есть подполковнику вермахта.

Калужский вокзал подразделения СС защищали с ожесточенной яростью. Порой противостоящие стороны сближались настолько, что начинался гранатный бой, местами переходящий в рукопашный.

В эти дни морозы усилились. Когда группа генерала Попова по льду ворвалась в Калугу, а затем дралась в окружении, шел снег, температура колебалась между тремя и десятью градусами. Теперь придавило к тридцати мороза. В такую стужу мерзли все – и оборонявшиеся, и наступавшие. О морозах я упомянул так, между делом, для тех, кто по-прежнему считает, что германскую армию под Москвой, в том числе и от Тулы, отогнал Генерал Мороз. Настоящие русские морозы ударили только к Новому году, к тому времени немцев уже выбивали из Калуги. Выбили из Козельска, Бабынина и многих других старинных русских городов, оказавшихся в зоне действий армий южного крыла Западного фронта. Генерал Мороз не был генералом Красной армии. Как не был и генералом вермахта или СС.

30 декабря полковник Аргунов передавал в штаб фронта:

«Первое – армия, овладев с 11.00 30 декабря 1941 года г. КАЛУГА, продолжает преследовать отходящие части противника в северо-западном направлении.

Второе – 340-я стрелковая дивизия к 8.00 30 декабря вышла:

1142-й стрелковый полк – южная опушка леса (севернее 1,5 км ОЛЬГОВКА, перерезав шоссе Тарутино – Калуга).

1144-й стрелковый полк – западная опушка леса (северо-западнее ДВОРИКИ).

1140-й стрелковый полк – раз. 2 км юго-восточнее

ДВОРИКИ, западная опушка рощи юго-зап. раз.

Штаб дивизии – ГРАБЦЕВО.

Третье – 290-я стрелковая дивизия в 9.00 30 декабря вела бой:

878-й и 882-й стрелковые полки г. КАЛУГА на ул. Огарева.

885-й стрелковый полк – к 9.00 овладел Московским

вокзалом.

За 29 декабря 885-й стрелковый полк захватил трофеи: загруженный эшелон к отправке с 30 танками, 11 гаубичными орудиями, 1110 ящиками мин, 15 минометами, несколькими ящиками со снарядами, несколькими станковыми пулеметами, несколькими миллионами патронов. Для учета выслана специальная комиссия.

Штаб дивизии – ЖДАМИРОВО.

Четвертое – 154-я стрелковая дивизия, 31-я кавалерийская дивизия, 112-я танковая дивизия, 32-я танковая бригада во взаимодействии с 290-й и 257-й стрелковыми дивизиями овладели в 11.00 КАЛУГОЙ, имея:

473-й стрелковый полк в 14.00 сосредоточивается на северо-восточной окраине КАЛУГИ, седлая ж. д. до ж. д. кольца.

473-й стрелковый полк занимает вокзал, седлая шоссе на СЕРПУХОВ и МАЛОЯРОСЛАВЕЦ.

510-й стрелковый полк сосредоточивается на северо-западной окраине КАЛУГИ.

Рабочий полк сосредоточен в парке Винзавода.

Штадив – КАЛУГА, Рабочий переулок, д. 48.

31-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в 14.00 на западной окраине КАЛУГИ, седлая шоссе Калуга – Мстихино.

По неполным данным, захвачены трофеи: 200 автомашин, один вагон велосипедов, 150 мотоциклов, 13 орудий разных калибров, 3 танка, 2 бронемашины, 2 рации, 100 км кабеля и большое количество снарядов и мин.

Пятое – 258-я стрелковая дивизия овладела РОМОДАНОВО, САНАТОРИЕМ, ЖЕЛЫБИНО, западной окраиной КАЛУГИ, ведет бой за АННЕНКИ.

Штадив – КОЛЮПАНОВО.

Шестое – 217-я стрелковая дивизия, овладев с 740-м стрелковым полком поселком и станцией ВОРОТЫНСК, продолжает наступление в северо-западном направлении.

755-й стрелковый полк – вокзал БАБЫНИНО. Сведений о положении частей к моменту составления сводки не поступило.

Седьмое – части 413-й стрелковой дивизии занимают:

1324-й стрелковый полк на рубеже: ШЕЙНАЯ ГОРА, РЫНДИНО.

1322-й стрелковый полк вышел в район ХАРСКОЕ, КУМОВСКОЕ.

1320-й стрелковый полк занимает ПОПОВКА, ЛЕНСКОЕ.

За 29 декабря 1322-й стрелковый полк захватил трофеи: 8 автомашин, 15 повозок, 3 кухни, уничтожено 30 фашистов.

Штадив – ЛУЧКИНО» [72] .

31 декабря из штаба Западного фронта всем командармам была разослана телефонограмма следующего содержания: «30 декабря 1941 года войска генерал-лейтенанта БОЛДИНА заняли после упорных боев г. КАЛУГА. Враг в беспорядке отходит, захвачены большие трофеи» [73] .

Из воспоминаний Н.И. Алексеева:

«Перед самым Новым годом немцы оставили Калугу.

На станции мы захватили много вагонов с рождественскими подарками. Были там велосипеды, оставленные, видимо, с осеннего наступления. Я выбрал себе один и катался по разбитой Калуге. Мне наш ротный, дядька Петро, и говорит: «Что ты как маленький! Город взяли, а ты…» А я в роте и вправду был самый молодой – только-только семнадцать исполнилось. Ребята смотрят на меня, как я катаюсь на велосипеде, смеются. Гляжу, по улице навстречу идет девочка лет десяти. Я ей и подарил свой трофей. Ох и рада ж она была!»

После очищения Калуги от немцев дивизии 50-й армии пошли вперед, на Утёшево, Плетенёвку и Тихонову Пустынь.

А в Калуге на какое-то время разместились штабы. Затем фронт позвал их дальше, за уходящими на запад войсками. Но вскоре они остановились, упершись в немецкую оборону. Калуга до 1943 года оставалась тыловым городом 50-й армии. Здесь находились многие армейские службы. В том числе и несколько госпиталей. В одном из них, в ППГ-2266, служил в должности военного хирурга

Н.М. Амосов.

Об освобожденной Калуге писали многие журналисты и литераторы: И. Эренбург, К. Симонов, П. Трояновский, другие. Но точнее и глубже всех написал доктор Амосов.

«23 января после полудня принесли приказ: немедленно переезжать в Калугу. ПЭП прислал машины – два автобуса и полуторку.

С начальником в последнюю неделю случилась беда: он запил. С утра трезвый, смущенный, в обед – веселый, а вечером – пьяный. Противно. Поэтому собирались без него. Комиссар и Тихомиров командовали погрузкой.

Автобусы большие, но на тяжелый груз не рассчитаны. В первую очередь взяли хозяйство операционной. Кажется, еще погрузили белье, одеяла. Чеплюк и часть кухни – на грузовик. Все остальное – в обоз. Продукты обещали в Калуге дать. Развертываться в зданиях, как в Подольске. Город уже три недели наш, небось все есть. Так мы рассуждали в автобусе.

Приехали в Калугу утром 24-го, совершенно замерзшие.

Длинная вокзальная улица, каменные дома сожжены или

взорваны. Людей мало. В стороне от проезжей части – немецкая техника.

Трупы еще не все убраны – видели несколько, валяются в подворотне, в легких френчах, очень белые лица, и волосы развеваются на ветру. Вот они, «белокурые бестии». Домаршировались! Ищу внутри себя чувства – нет, не жалко.

В центре много целых, но замороженных домов без стекол.

Нам понравился Педагогический институт. Начали ремонтировать, пытались отогреть.

Мы, четверо врачей, обосновались недалеко, в деревянном домике. Чудные русские люди попались. Первые пережившие немцев. Старый учитель естествознания. «В Дерпте вместе с Бурденко кончал». Его жена – помоложе, тоже учительница. Приняли нас как родных. Вскипятили чай, принесли картофельных лепешек.

Но следующим утром (26 января) приехал начальник ПЭПа, сказал, что дом мал. Приказал сейчас же принять помещение ЭПа вместе с ранеными.

Мрачное трехэтажное здание бывшей духовной семинарии. Высокие полукруглые окна заделаны фанерой и досками, во многих торчат трубы, из которых валит дым. Солидный подъезд, большие двери и ряд машин с ранеными. Разгружают. Знакомая по Подольску картина: носилки, торчащие из-под шинелей шины Дитерихса, согнутые сидячие фигуры с разрезанными рукавами шинелей и белыми бинтами. Стоны, чертыханья, просьбы.

Заходим. Вестибюль со сводчатым потолком. Темно. Едкий дым, влажный туман. Чуть виднеется свет нескольких коптилок из снарядных гильз. В четыре ряда на полу стоят носилки с ранеными, посредине проход, едва можно разойтись. Холодно. В центре стоит бочка, в которой тлеют сырые дрова, и дым валит через дыру. По обе стороны коридора – классы. Окна в них забиты почти полностью. В каждом – бочка, труба торчит в окно. В некоторых стоят кровати без матрацев, на них носилки. В других – носилки прямо на полу. В третьих – голый пол.

Мечутся фигуры в белых халатах поверх шинелей, в шапках.

– Санитар! Дай каску!

Каску… Немецкие каски вместо подкладных суден. Вон несет санитар сразу две – к двери на улицу – вылить у крыльца.

Разыскали перевязочную. Очень большая комната. Такой же дым, туман, холод. Посредине стоит бочка, труба тянется далеко в окно. Вокруг печки кучи дров, две скамейки. Сидят раненые. Три стола, на них перевязывают одетых. Две сестры устало передвигаются, халаты поверх шинелей, в шапках. Врач в такой же одежде сидит за столиком и заполняет карточки. Тут же стоит

автоклав, отгороженный вешалками, на них висят шинели.

Санпропускник есть, но заложен ранеными. Воды нет. Пить разносят в консервных банках.

Второй этаж еще почти пуст. Окна заделаны, бочки поставлены, кое-где топятся. На третьем этаже потолки ниже, печек нет, окна заделывают солдаты из саперного батальона.

Теперь все ясно. Пошли искать начальство ЭПа. Нашли начмеда. Пожилой, измученный, небритый доктор.

– Мне приказано к 12.00 передать раненых. После полудня начинаем работать на новом месте. Начальник уже там.

Передача состоялась. Доктор просто сказал, что в здании лежит около двухсот раненых, ежедневно они, ЭП, будут давать нам еще примерно сто.

Эвакуации пока нет, потому что возят на Алексин, а мост взорван, и раненых переводят по льду. Дрова можно брать где-то около лесопилки, а воду нужно возить в бочках из реки.

– Засим будьте здоровы! Раненые говорят, что бои тяжелые.

Упрашиваю:

– Вы хотя бы сегодня нам не направляйте новых. Только сегодня.

– Не обещаю. Там у нас, наверное, еще хуже. Так что… сами понимаете.

Через час они свернули перевязочную и уехали.

Что делать? Ответ ясен. Убирать кал и мочу. Напоить. Согреть. Накормить. Только потом – предусмотреть кровотечение, заметить газовую, чтобы ампутировать, выловить шоковых и попытаться помочь. В последнюю очередь – перевязки и обработка ран для профилактики инфекции и заживления.

Начальник не приехал. Комиссар не знает, не может.

Пришлось мне командовать. Вызвал хозяйственников, старших сестер и аптекаршу.

Оказалось еще хуже, чем думал. Простыни есть, а подушек нет. Миски есть, ложек нет. Крупы тоже нет. Аптека не приехала. («Никогда больше не доверюсь начальству. Никогда!»)

Начпроду приказал накормить. Рябову – организовать прием.

После этого началась работа. То есть ничего радикального и быстрого не совершилось, но дружинниц из соседних домов навербовали, привели, поставили на каждую палату по два человека и обязали обслуживать круглые сутки. Обещали кормить.

Такими мерами освободили мужчин для заготовки дров, чтобы воду подвезти, за продуктами съездить, чтобы новые палаты осваивать – раненые не переставали прибывать. Котел в прачечной затопили, начали варить гречневый суп. Пришлось

идти по дворам просить посуду – ведра, ложки.

Самое трудное было наладить отопление. Дрова сырые, тяга в бочках плохая, дым просто жить не дает. Промерзшие стены сразу покрылись влагой и дали туман. Разломали пару сараев в соседних домах.

Наконец осталось мое собственное дело – хирургия.

С Залкиндом договорились сохранить старые бригады, как в Подольске, и он уже выйдет на ночь.

Перевязочную развернули пока в той же комнате, где была. Только дрова подобрали посуше. Расставили сразу семь столов – это важно для лежачих раненых.

К трем часам начали работать.

Я пошел с беглым обходом. Тягостная картина. Да, это пока даже не Подольск. Почти неделю лежачих раненых собирали в ППГ и МСБ в Сухиничах, Мосальске, Мещерске [74] . До того лежали по хатам в деревнях. Только три дня назад их начали перевозить в Калугу. Большинство раненых были не обработаны – много дней их не перевязывали, повязки промокли. Кроме того, они были очень измучены. Полтора месяца идет изнурительное наступление по морозу, обозы отстают, питание плохое – больше на сухарях. Горячее редко. Селения сожжены, спать негде – замерзнешь. Мороз затрудняет любое наступление, и наше тоже. Немцы теперь в более выгодном положении – у них опорные пункты, цепляются за каждую деревню, контратакуют.

С виду все раненые кажутся старыми, заросли бородами: госпиталям не до парикмахеров. Но и по документам – сорок, даже сорок пять лет. Молодежи мало. Их уже выбили в первые месяцы. Лежат, укрыты шинелями, под головами ватники, разрезанные ватные брюки.

Мне нужно среди них «выловить» срочных и выбрать первоочередных. ЭИ перевязал не больше десятой части – тех, чьи раны кровоточили. Нужно собрать раненых в голову, которые без сознания. Выделить челюстно-лицевые ранения. Я впервые увидел этих несчастных. Они, кроме всего прочего, еще и голодны: их нужно специально кормить и поить – этого никто не умеет.

Самые тяжелые раненые не те, что кричат. Они тихо лежат, потому что уже нет сил, им все как будто безразлично. В дальнем углу коридора обнаружили такого солдата. Лицо бледно и безучастно, губы сухие, потрескались. Шина Дитерихса, стопа замотана грязной портянкой, повязка вся промокла от сукровицы. Пульс нитевидный. В карточке указано: «Осколочное ранение правого бедра с повреждением кости». Ранен 21-го, еще не оперирован.

– Болит нога, солдат?

– Н-н-е-т… уже не болит… отболела. Пить хотя бы дали… перед смертью напиться… квасу бы…

– В перевязочную.

Газовая. И наверное, уже поздно. Иду дальше, смотрю, раскладываю марки для срочных и первоочередных перевязок. Увы, их набирается несколько десятков, а я не прошел еще и половины нижнего этажа. «Брать только срочных».

Позвали в перевязочную: «Уже развязан, идите».

Смотрю: да, газовая настоящая, классическая, с гангреной.

Сделали высокую ампутацию бедра. Живой пока. Может, чудо? Бывают же чудеса. Нет, не бывает чудес.

На столах в перевязочной уже лежат обработанные раненые с талонами. Вещи их складывают на скамейку, шинели – на вешалку. Асептика – ниже всякой критики. А что делать? Раздевать до белья? Холодно и долго.

Обхожу еще одну, другую, третью палату. Выбираю уже только срочных, «первую очередь» даю редко. Все равно сегодня уже не успеть. Как шина Дитерихса, так на час стол занят. А если рассечение ран – то и на два.

С трудом пробираюсь между носилками, чтобы пощупать пульс, посмотреть ногу – нет ли газа.

Что делать? Что делать? Наши силы так ничтожно малы.

Но вот опять бегут из перевязочной:

– Николай Михайлович! Кровотечение, скорее!

Кровотечение! Именно этого я боялся все полгода войны. К этому готовился, читал про сосуды в книгах. Но еще в жизни не перевязал ни одной большой артерии – рисунки с ними молниеносно мелькают в голове.

Посреди перевязочной на столе сидит раненый, его держит под мышки, как ребенка, санитар Иван Иванович Игумнов. Вся голова в уродливой повязке, виден только один глаз, бинты грязные, промокли слюной и кровью, что течет из отверстия, где раньше был рот. Из-под бинтов по щеке стекает яркая алая кровь, почти струйкой, и капает частыми каплями на пол. Вокруг столпились сестры и врачи.

– Клади его, чего держишь!

– Не может лежать, захлебывается.

«Что я буду делать? Как подступиться?»

– Срезай повязки!

Тамара разрезает ножницами слипшиеся бинты, а я думаю, что делать. Два способа: зажать кровоточащий сосуд в ране или перевязать магистральную артерию вне раны, через особый разрез. Первый лучше, но – говорят авторитеты – трудновыполним. Второй – как на рисунке.

Повязка спала. Ужасно! На месте правой щеки сплошная грязная рана – от глаза до шеи. Видны кости – верхняя челюсть, отломок нижней, глубина раны заполнена кровавыми сгустками, из которых пробивается струйка артериальной крови. Правый глаз не закрывается, нижнее веко опущено, не имеет костной опоры. Левый глаз заплыл отеком. Страшен, непереносим взгляд этого правого незакрывающегося глаза. Отчаяние, и мольба, и безнадежность уже. Стараюсь не смотреть в него. Что-то бормочу.

– Сейчас, дорогой, сейчас…

Где там найти артерию в ране, в этой каше из сгустков, костей, мышц. Нет, только на протяжении: на шее, наружную сонную артерию. Скорее! Сняли повязку, и потекло сильнее. Надо положить, иначе я не справлюсь.

Положили на левый бок, голову еще повернули влево, так чтобы кровь стекала, не заливалась в дыхательные пути.

– Йод! Перчатки! Новокаин! Белье! Будет больно, ты, парень, потерпи. Сейчас все сделаем.

Верхнее веко страшного глаза благодарно замигало. Обложился стерильной простыней, чтобы соблюсти минимальную чистоту. Темно, лампа светит тускло, дым. «За что мне такое наказание? Лучше бы воевать».

– Светите лучше! Добудьте еще лампу! Скорее, черти, течет…

Боюсь, что в любой момент может хлынуть и тут же наступит конец.

Нащупал пульс на шее – на участке шеи, оставшемся от раны. Новокаин, разрез. Зажимы. Нужно, чтобы сухо, анатомично: не спешить, только не спешить. Как темно! Вот фасция, кивательная мышца, отодвинуть кнаружи или вовнутрь? Так, кажется, на рисунке было? Да, вот сосудистый пучок. Ура! Тут рядом бьется артерия. Рассечь оболочки. Вот они лежат – артерия, вена, еще нерв позади должен быть.

Я уже почти успокоился, руки не дрожат больше. Подвел лигатуру под наружную сонную артерию. Теперь можно переждать, посмотрим, что будет. Наложил мягкий зажим.

– Тамара, убирай осторожно сгустки из раны.

Это тоже не просто, но убрали, промыли кипяченой водой. Обнажилась страшная зияющая рана. Дефект нижней челюсти, остатки зубов, пораненный язык, щеки нет совсем, верхняя челюсть разбита. Все это покрыто грязным налетом – инфекция. Но кровотечения нет. Перевязал артерию.

– Операция окончена. Не бойся, солдат, кровь больше не потечет.

Взгляд страшного глаза потеплел. Да, о глазе этом нужно подумать – наложить наводящий шов на угол раны, чтобы он

закрывался, иначе высохнет роговица, потемнеет. Теперь напоить и накормить его.

Ввели через рану резиновый зонд в пищевод и через воронку налили гречневого супа с маслом, потом – почти литр чая сладкого. Накормили парня – под завязку! На завтра отложили шинирование – очень уж темно с лампами.

В одиннадцать часов вечера пришла вторая бригада, и мы продолжали работать вместе до двух ночи. Очень устали, но пришлось тащиться «домой», потому что в госпитале негде было приткнуться, во всех отапливаемых местах лежали раненые.

Так кончился наш первый день работы в Калуге. Мужик с ампутированной ногой был жив пока. Но очень слабая надежда».
Так закончился обычный рабочий день военного хирурга одного из шестнадцати калужских полевых подвижных госпиталей.

В Калугу Отяпов не попал. Полк обошел город с северо-запада. Шли маршем, без остановок и боев. Все уже было сделано. Вдоль дорог стояли уткнувшиеся в кюветы громоздкие немецкие грузовики и наши ЗиСы и полуторки с обгоревшими кабинами и выгоревшими, будто обглоданными каким-то неимоверным и жадным зверем скатами.

– Хороший город, – сказал Курносов. – Я до войны тут бывал.

– Пожгли сильно. – Отяпов смотрел на дымчатую кромку горизонта, которую обрамляли плотно наставленные дома незнакомого города, той самой Калуги, о которой столько говорили все эти дни и откуда родом был Ванников.

– Да, пожарищем пахнет.
Вскоре повернули левее и вышли к крайним домам. Домишки здесь стояли так себе, не лучше, чем у них, в Отяпах. Правда, все крашенные в голубой или в зеленый цвет. И наличники резные, в затейливых узорах. Такого художества у них в деревнях не водилось.

Отяпов шел и любовался наличниками. Каждый следующий дом был украшен узором, который совершенно отличался от предыдущего. Мудреный, видать, тут народ живет, подумал Отяпов, завистливый. Вон как свое от соседского отгораживает. Вот такой и Ванников был, царствие ему небесное. Не дошел до своего дома. Тоже, должно быть, с узорами да затейством… Дети сиротами остались.

Возле дороги лежала полуобгорелая лошадь, задрав кверху копыта. Ее уже свежевали две старухи и мальчонка. Старухи рубили топором куски мерзлого мяса, а мальчик складывал их на санки, стоявшие в черном затоптанном снегу, обметанном копотью. Топор у старух был, должно быть, туп, и у них получалось плохо. А может, труп лошади сильно застыл. Ротный

сказал, что ночью дава́нуло до тридцати пяти. Ну, ничего, в такой одежке, в какую обмундировали их перед наступлением, пережить и такой мороз можно.

Мальчик смотрел на идущую колонну и рассеянно улыбался. Должно быть, голодный, подумал Отяпов. Но его опередил пулеметчик Гридников. Он перескочил через кювет и сунул мальцу кулек. Что у него там было, неизвестно. Может, сахар да сало. Что им еще выдавали перед маршем? По банке рыбных консервов и гороховый концентрат. Гридников – человек добрый, он все отдаст.

А малец чем-то на Власика похож. Только, может, ростом поменьше.

Отяпов оглянулся. Но шедшие сзади уже закрыли обочину дороги, где старухи и малец разрубали убитую лошадь.

К вечеру вышли к деревне. Деревня целая, дома все стоят, не пожжены, не побиты снарядами. За деревней идет стрельба. Пока палят из винтовок и изредка дергает морозный звонкий воздух наш «Максим». Басовитый его грохот раскатисто стелется по вымерзшей лощине, где лежат несколько убитых. Чьи, пока непонятно.

Расположились за домами и сараями. Ротный сказал, что будем атаковать ту сторону лощины. Там засели немцы. Неужто придется лезть через лощину в лоб, без артподготовки?

Отяпов высунулся из-за угла, чтобы получше осмотреть местность, где им через минуту придется умирать. Лощина неширокая, перескочить можно в один мах. Несколько стежек протоптаны на ту сторону. По ним, должно быть, и бежали те, что лежат теперь, припорошенные снегом. Один лежал совсем близко, за колодцем. Отяпов присмотрелся: немец! Так тебе и надо, чертов сын, подумал об убитом Отяпов.

Рядом шевелился Курносов. Он устраивался поближе к фундаменту.

– А ну-ка, подвинься, – сказал Отяпов и толкнул его валенком в бок. – Убери-ка свой лафет в сторонку.

И точно, как чувствовал. Началось. «Максим» прошелся очередью по березняку и верхушке пологой горы на той стороне лощины. Было хорошо видно, как пули поднимали снежную пыль и секли по сучьям молодых деревьев. И тотчас оттуда ответил немецкий MG. Несколько пуль шлепнули по бревнам их дома, звякнуло разбитое стекло.

Появился ротный. Начал смотреть в бинокль в сторону горки, откуда молотил немецкий пулемет.

– Приготовиться! – крикнул он.

Но немцы поднялись раньше.

– Господи! Исусе Христе! – выдохнул Отяпов и оглянулся на товарищей, прижавшихся к стене дома в ожидании своей участи.

Но тут захлопали минометы, и лощину, противоположный склон с фигурками в грязных коротких комбинезонах, березняк и трупы немцев заволокло гарью.

– Понеслась кривая в баню, – хохотнул Курносов и вытащил из-за пазухи сухарь.

Некоторые осколки на излете добрасывало и до дворов. Они шлепались поодаль, прожигали затоптанный снег и исчезали.

Через несколько минут опять появился ротный. В руках у него был новенький ППШ. Он что-то кричал. И Отяпов понял, что надо выходить и бежать туда, по лощине в гору, где все было расковеркано минами и где гарь все еще оседала на седой снег.

Окопы немцы отрыть не успели. Сделали норки в снегу, снизу застелили еловым лапником. Пулеметчики утроились более основательно. Натаскали досок, выложили бруствер и присыпали снегом. Расчет уйти не успел. Двое лежали прямо возле пулемета и ящиков с патронами. Третий поодаль. У третьего не было головы.

– Хорошо отработали минометчики, – стиснув зубы, сказал ротный.

Они потоптались вокруг убитых пулеметчиков и пошли в сторону леса, куда продвигался весь батальон.

Возле леса были сложены раненые. Откуда они тут взялись, непонятно. Примчались санитарные сани, потом еще двое. Начали грузить раненых. Отяпов помогал санитарам поднимать на сани раненых и все смотрел в поле, не подъедет ли на своем сером коне Лидка. Но Лидки не было.

Зато появился капитан Титков. Его Отяпов сразу узнал. На белой лошади. Бравый. В хорошо подогнанном полушубке и белой кубанке. Прямо орел степной, казак лихой. Встретились глазами. Отяпов отвернулся. Узнал ли его капитан Титков? Должно быть, узнал. Не такой уж он и пьяный тогда, на Рессете, был.

– Ну что, ребята? – крикнул Титков весело, как будто привез полевую кухню с горячей кашей и звал всех к котлу. – Много трофеев нахватали? Тащи все в деревню!

Трофеи были. Несколько пулеметов, два миномета, мотоцикл, повозки и несколько лошадей. Лошадей, правда, тут же старшины расхватали по ротам. Их в список трофеев не впишут. Не такие дураки командиры, чтобы ради лишнего ордена коня отдать. Ордена еще будут, а конь нужен сейчас.

Кухня и вправду уже ждала их в только что захваченной деревне. Вот молодец старшина! День выдался хороший. Даже,

можно сказать, веселый. Все живы. Раненых быстро отправили в тыл. Жалко только, что в Калуге не побывали. В Туле вот довелось. Щами с гусятиной угостили. На всю жизнь запомнится. А тут – не довелось. С другой стороны, что им было делать в Калуге? Город разбит. Народ голодный. Можно было бы отыскать семью Ванникова. Но что сказать его жене? Что не уберегли ее мужа от немецкой пули…

Каша была вкусная. Гусёк так и хватал с ложки большими кусками. Задыхался, кашлял. Без конца закидывал за спину свой ППШ. Приклад автомата он уже где-то поцарапал.

– Что ты, – сделал ему замечание пулеметчик Гридников, – как гончий кобель после охоты…

Гусёк только засмеялся и отвернулся, чтобы кашлять в сторону. Ел он всегда много.

Прошли мимо минометчики. Несли трофейный пулемет и немецкие ранцы.

– Пригребай, ребята, к нашему котлу! – позвал их старшина. Своих он покормил, можно было угостить и соседей, так выручивших во время боя.

Солнце уже зачерпнуло снега в дальнем поле, золотило густым уходящим светом соломенные крыши. Уцелела деревня. Уже и жители откуда-то появились. Ребятишки сновали среди бойцов. Их старшина тоже приказал кормить до отвала.

Вот бы и в свою родную деревню так войти, подумал Отяпов и никому об этой своей мечте не сказал. Он знал, что на войне лучше об этом молчать.

Отяпы были далеко. Но туда они уже шли.

Глава 10 В прорыв! На Юхнов!

«Неужели вы всей армией не можете взять одной деревни…»

Невыполнимые приказы штаба Западного фронта. 217-я стрелковая дивизия выходит к Варшавскому шоссе. Кто противостоял 50-й армии? Роль 50-й армии в Ржевско-Вяземской наступательной операции. Бои на линии Варшавского шоссе. Генерал Цорн располагает свои войска в два эшелона. Новый шверпункт на Варшавском шоссе. Зайцева Гора. Окружение под Барсуками. Кавалеристы уходят к Вязьме. Разговор Болдина с Жуковым. Новое окружение.

8 января 1942 года в штабы 43, 49 и 50-й армий была разослана срочная директива за подписью Жукова: противник силами потрепанных в боях армейских корпусов и отдельных дивизий пытается закрепиться на линии Медынь – Кондрово – Юхнов; ближайшая задача армий – окружить и разгромить кондрово-юхновско-медынскую группировку противника и развить удар в направлении Вязьмы с целью полного разгрома можайско-гжатско-вяземской группировки противника. При этом справа 33-я армия наносит удар в направлении Никольское – Ваулино. Слева группа Белова уничтожает мосальскую группировку противника и выходит на Вязьму.

При этом 50-й армии генерала Болдина предписывалось «разгромить зубово-юхновскую группировку противника и не позднее 11.1 овладеть Юхновом; в дальнейшем, взаимодействуя с группой Белова, главными силами наступать в общем направлении на Слободка, Вязьма» [75] .

А между тем противник на новых рубежах был уже другой. Не тот, бегущий и бросающий тяжелое вооружение и имущество. И он ждал. Он успел отойти и изготовиться. Как бы ни гнал генерал Жуков свои армии вперед, а фельдмаршал фон Клюге, сменивший на посту командующего группой армий «Центр» фон Бока, отводил свои корпуса и армии быстрее.

Дивизии 50-й армии прошли 120–150 километров. Освободили много городов, сотни сел и деревень. Уничтожили большое количество живой силы и вооружения противника. Захватили богатые трофеи. Среднесуточный темп движения войск был равен 6 километрам. Подвижная группа генерала Попова в период ее марша на Калугу (18–20 декабря) преодолевала в сутки до 23 километров. В войсках в какой-то период действительно царило настроение скорой победы. Казалось, теперь немец побежит до самой границы…

Не тут-то было, намертво врылся в мерзлую землю под Юхновом и вдоль Варшавского шоссе и приготовился отразить любую атаку.

10 января 1942 года Жуков доносил Сталину о том, что наступление успешно продолжается, что 50-я армия своей левофланговой 217-й стрелковой дивизией вышла к Варшавскому шоссе в районе Стрекалова в 6 километрах северо-восточнее Юхнова, где ведет бой с противником.

14 января 1942 года Жуков издает новую директиву, в которой уточняет задачи для армий левого крыла своего фронта. Несколько корректирует их. Включает в число действующих лиц 10-ю армию генерала Голикова и 61-ю армию Брянского фронта. В новой директиве уничтожение кондровско-юхновской группировки противника прочитывается как начальный этап операции. «В дальнейшем ударом на Вязьма окружить и пленить можайско-гжатско-вяземскую группировку противника во взаимодействии с армиями Калининского фронта и армиями центра Западного фронта.

Командарму 50 – не позднее 17.1 разгромить юхновскую группировку и овладеть Юхнов. В дальнейшем наступать в направлении Слободка, Вязьма, в обход города с запада» [76] .

10-й армии ставилась задача «к исходу 15.1 овладеть районами ст. Чипляево, ст. Занозная, Жиздра. В дальнейшем прочно обеспечить левое крыло фронта со стороны Рославль и Брянск» [77] .

Соседу справа 49-й – «не позднее 15.1 завершить во взаимодействии с 43-й армией разгром кондровской группировки противника и выйти в район Погорелово. Иметь в виду в дальнейшем перегруппировку армии в район ст. Чипляево, ст. Занозная».

Итак, в результате задуманного в штабе Западного фронта маневра сосед справа, 49-я армия генерала Захаркина, должна была стать соседом слева и прикрыть левый фланг сил, наступающих на северо-запад к Вязьме. А 50-й совместно с 43-й генерала Голубева вдоль Вяземского большака и заброшенной узкоколейной железной дороги наступать на Вязьму. Туда же нацеливалась и группа Белова, усиленная танковой бригадой и лыжным батальоном.

Через несколько дней планы вновь поменяются. А дальнейшие события скорректируют действия армий уже согласно своему сюжету.

33-я ударная группировка во главе с командармом Ефремовым уйдет на Вязьму по узкому коридору. Туда же из района мосальских лесов по глубоким снегам пробьется конница

генерала Белова. 43-я завязнет в боях под Медынью и Мятлевом. 49-я, перенацеленная на Юхнов, будет упорно, неделю за неделей, долбить тщательно подготовленную оборону вокруг этого старинного русского городка на Варшавском шоссе. А генерал Болдин поведет свои дивизии левее, вдоль Варшавского шоссе, к Барсукам и Зайцевой Горе.

Приказы Жукова рождались не сами по себе. Они проистекали из приказа Ставки № 151141 от 7 января 1942 года. Именно этот документ послужил началом гигантской операции, в которой вовлекались войска Калининского, Западного, а впоследствии и Брянского фронтов. Предполагалось окружить и уничтожить в треугольнике Ржев – Вязьма– Юхнов 9-ю и 4-ю полевые и 3-ю и 4-ю танковые армии противника. Ржевско-Вяземская наступательная операция началась 8 января 1942 года.

Войскам Западного фронта, в частности, предстояло «разгромить не позднее 11 января юхновско-мосальскую группировку противника, нанести главный удар силами группы т. Белова и 50-й армии на Вязьму и тем завершить окружение можайско-гжатско-вяземской группировки противника во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта» [78] .

26 января Жуков докладывал Верховному о ходе начавшейся операции: «50-я армия овладела Лазина, Дятловка, перехватила Варшавское шоссе (в одном километре юго-вост. Барсуки) и продолжает бои за овладение Ниж. Андреевское и Барсуки (на Варшавском шоссе)».

Все чаще в боевых сводках будет мелькать это название – Варшавское шоссе, которое со временем станет для воевавших в его окрестностях символом бесконечного поля боя, долиной сплошного солдатского кладбища, позывным смерти.

Должно быть, точно так же реагировали на название этой дороги и солдаты армии, стоявшей по ту сторону фронта.

А по ту сторону против 50-й армии стояли части 40-го моторизованного корпуса генерала Георга Штумме [79] . 40-й моторизованный корпус в то время входил в состав 4-й полевой армии.

Западная группировка 33-й армии и корпус генерала Белова были уже под Вязьмой. 50-я, выйдя на Варшавское шоссе, должна была двигаться по этой магистрали в сторону Спас-Деменска. Но вскоре увязла в обороне 19-й танковой и 10-й моторизованной дивизий, усиленных отдельными частями и подразделениями.

Началась схватка за важнейшую коммуникацию. Немцы по Варшавскому шоссе обеспечивали юхновскую группировку, оборонявшуюся на южном фасе наиважнейшего для них

Ржевского выступа. Одновременно дорога закрывала путь на Вязьму со стороны Козельска, Сухиничей и Мещовска, где развивали стремительное наступление 10-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

15 января по ту сторону фронта произошли существенные перемены: командование 40-го моторизованного корпуса возглавил генерал пехоты Ганс Цорн [80] . Решительный и волевой офицер, он быстро собрал остатки потрепанных дивизий, расположил на самых опасных направлениях – вдоль линии Варшавского шоссе – прибывшие резервы (19-ю танковую и части 10-й моторизованной дивизий) – и фактически запер для 50-й армии дорогу в сторону Чипляева и Занозной. Немцам не составляло особого труда разгадать замысел советского командования, и они тут же приняли контрмеры. Они оказались достаточными.

Бои 50-й армии, скованные обороной противника, который выстроил свои силы в два эшелона, очень скоро превратились в позиционные столкновения по всему участку 70-километрового фронта и ни к каким существенным результатам не приводили.

Генерал Цорн первым эшелоном перед наступающими дивизиями армии генерала Болдина поставил пехотные части. Они заняли населенные пункты, густой цепочкой расположенные по линии Варшавского шоссе, прикрывая его с юга. Каждый такой населенный пункт – село, деревня или хутор – был превращен в опорный пункт, в крепость, способные вести бой даже в условиях полной изоляции. В фундаментах деревянных домов были пробиты бойницы, стены укреплены еще одним, внутренним срубом, промежуток заполнен землей, пол поднимался на уровень подоконников, а земля выбрасывалась вверх, чтобы этот дот не смогла пробить ни одна, самая тяжелая, мина. Кирпичные дома целиком становились укреплениями. На церквях устанавливались пулеметы, устраивались наблюдательные пункты.

До сих пор руины церквей в селах Зубове и Ольхах по Вяземскому шоссе на отрезке Калуга – Юхнов хранят следы прямых попаданий снарядов и пуль. В стенах храма в Ольхах, который стоит прямо у шоссе, в цокольной части пробиты бойницы для ведения кругового огня. Когда я бывал там в 70-х годах прошлого века, весь пол был засыпан стреляными гильзами от немецкого пулемета MG-34 [81] . Потом позеленевшие латунные гильзы начали разбирать на сувениры.

Вторым эшелоном Цорн разместил танковые и моторизованные подразделения. Они использовались по заявкам первого эшелона в качестве пожарных команд в случае

назревавшего прорыва. Такое построение войск оказалось весьма эффективным и давало возможность при минимальной затрате ресурсов и физических сил солдат, число которых было ограниченно, отражать практически любые атаки противника. Варшавское шоссе служило одновременно рокадой, по которой свободно перемещались подразделения второго эшелона, вовремя поспевая после радиосигнала в ту или иную точку всей оборонительной линии.

К 20-м числам января 50-я армия практически завязла в позиционных боях на своем 70-километровом фронте. Генерал Цорн навязал генералу Болдину свою тактику и выиграл и время, и, как вскоре станет очевидным, свою битву за Варшавское шоссе на ключевом его участке.

В ходе боев на фронте от Юхнова до Кирова, где сражались три армии Западного фронта – 49, 50 и 10-я, – образовался новый шверпункт – цепь высот вдоль Варшавского шоссе, в народе называемых Зайцевой Горой. Вскоре стало очевидным: кто владеет Зайцевой Горой, тот контролирует весь район, в том числе и ворота на Вязьму. Через станцию Милятино – крупный населенный пункт к северо-западу от Зайцевой Горы – пролегала железнодорожная ветка на Брянск – Вязьма через станцию Баскаковка, Занозную, Фаянсовую, Людиново, Дятьково и далее на Брянск. Станция Занозная была узловой. Через нее проходила другая железнодорожная ветка – от Ельни на Сухиничи. Чтобы овладеть узлом важнейших для Западного фронта коммуникаций, нужно было захватить шверпункт Зайцева Гора.

Хорошо понимали это и немцы. А потому держались здесь так, как будто позади их окопов была не станция Занозная и не село Милятино, а Берлин с его пригородами. Или по меньшей мере Сталинград.

Кавалерийский корпус тем временем схватился с немцами возле Юхнова. В город его не пустили. Через несколько дней он все же смог переправиться через Варшавское шоссе в районе деревни Глагольня. Но всю артиллерию и танки ему пришлось оставить. Марш предстоял непростой – по глубоким снегам, по лесным дорогам. К тому же немцы начали атаковать и отсекли от общего потока некоторые пехотные части. С корпусом в немецкий тыл уходили пять лыжных батальонов.

А под Вязьмой в эти дни был высажен парашютный десант.

30 января 1942 года кавалеристы и десантники соединились в районе деревни Тыновки и пошли в сторону Вязьмы. Для кавалерийского корпуса и десантников начинался нелегкий и вынужденно затянувшийся на месяцы рейд по тылам, который завершится только летом, под Кировом. Но это другая история. А

мы вернемся к нашей.

К концу января 1942 года немцы настолько усилились на занятой линии обороны, что предприняли ряд контратак, в ходе которых нанесли ощутимый урон наступавшим армиям Западного фронта, а некоторые части, иногда целые дивизии, оказались в окружении.

Под Пречистым и Коммуной Савонина были окружены авангарды 49-й армии. Вызволять их из кольца пришлось силами танковой бригады и неоднократными атаками с внешней стороны. Там все закончилась более или менее благополучно.

А на Варшавском шоссе в районе Барсуков произошла настоящая трагедия.

В тот же день, когда через речку Пополту у Полуянова моста прорывались через Варшавку кавалеристы и лыжники корпуса генерала Белова, вдоль шоссе на Барсуки пошли части 50-й армии. Начались бои. Полки 173-й стрелковой дивизии вклинились в оборону противника. Но немцы контратаковали при поддержке танков, и 1313-й и 1315-й стрелковые полки оказались отрезанными от остальных частей. Генерал Цорн ввел в дело свой второй эшелон. Его составляли танки 19-й танковой дивизии и мотопехота 10-й моторизованной дивизии. Это был первый эпизод демонстрации силы 40-м моторизованным корпусом на оси Варшавского шоссе в районе Барсуков.

Наступил февраль. Под Вязьмой шли бои. Западная группировка 33-й армии совместно с кавалеристами и десантниками пыталась охватить город с юго-юго-запада.

11-й кавалерийский корпус Калининского фронта перерезал Минское шоссе и наступал к Вязьме с северо-востока.

Однако время было упущено. Противник быстро провел перегруппировку и встретил наступавших на заранее подготовленных рубежах шквальным огнем и мощными контратаками. К Вязьме была подтянута 5-я танковая дивизия и пехотные части. Одновременно противник провел операцию по отсечению Западной группировки 33-й армии у основания прорыва. Восточный коридор к Вязьме прекратил свое существование. С этого момента Западный фронт мог взаимодействовать с группировкой, находящейся в районе Вязьмы, только по воздуху и посредством мелких лыжных отрядов, проходивших в узкие щели между немецкими опорными пунктами.

Севернее Вязьмы в эти же дни таким же образом была отсечена 39-я армия Калининского фронта.

А через четыре дня, 7 февраля 1942 года, немцы провели операцию по окружению группировки 50-й армии, действовавшей

в районе Варшавского шоссе. В кольцо попала почти вся ударная группировка, которая из района села Вышнее, накануне отбитого у противника, должна была атаковать вдоль шоссе в сторону станции Занозная. В группировку входили: 154, 173, 340, 413-я стрелковые дивизии и 32-я танковая бригада.

Войска, проводившие крупномасштабную Ржевско-Вяземскую наступательную операцию по окружению и уничтожению ослабленных войск группы армий «Центр», неожиданно наткнулись на жесткую и гибкую оборону, которая к тому же так же жестко контратаковала. Как говорят, пошли по шерсть, а вернулись стрижены…

Тактика уничтожения котлов была отработана немцами летом и осенью 1941 года до мельчайших деталей. Ветераны армии помнили брянское окружение и то, с какими потерями им удалось оттуда выбраться.

С первых же дней немцы начали туже охватывать кольцо, уплотнять котел ударами с внешней стороны. Вначале ураганным огнем смели советские части с участка Варшавского шоссе. Затем теми же артиллерийско-минометными налетами начали уничтожать окруженных прямо в лесах и оврагах. Немецкие пикировщики постоянно кружили над лесом, буквально набитым войсками.

Попытки генерала Болдина деблокирующими ударами с внешней стороны пробить на юг коридор успехов не приносили, а лишь увеличивали жертвы. Так только 9 февраля атака 336-й стрелковой дивизии, предпринятая с внешней стороны кольца, вырвала из ее рядов убитыми и ранеными более 300 бойцов и командиров.

Силы окруженных постепенно слабели. Заканчивались боеприпасы. Одно за другим умолкали орудия, а потом и целые батареи. Нехватка продовольствия действовала на людей еще ужаснее.

10 февраля Жуков вызвал Болдина по прямому проводу:

«ЖУКОВ. У аппарата Жуков. Здравствуйте. Доложите, товарищ Болдин, что вы все-таки, как командарм, думаете сделать и как выпутаться из грязной истории, в которую, благодаря своей беспечности, вы влипли? Вы надеетесь на какие-то несуществующие самолеты? Непонятно, что за фантазия командарма в столь ответственном деле. Или вы думаете, что стоит только командарму донести, и он с себя ответственность снимет? Но так, видимо, не выйдет на этот раз у вас, и вы должны со всей ответственностью доложить.

БОЛДИН. Товарищ Главком, докладываю дополнительно к тому, что я доложил товарищу Голушкевичу:

1. На направлении главной группировки 50 армии соотношение сил сложилось не в нашу пользу. Противник, отходя из-под ударов Захаркина и Голубева, постепенно наращивает силы против нашей ударной группировки, то есть в районе Гороховка, Лазино, Нижне-Андреевское, Карпово, Барсуки, Поляны, Вышнее.

2. Мы имеем против себя на фронте нашей армии до 13 (тринадцать) пехотных полков противника в первой линии, принадлежащих 131, 31, 253, 12, 255, 213, 228 пехотным дивизиям и 19 танковой дивизии.

3. На фронте Ситское, Вышнее противник имеет до пехотной дивизии, подтянув ее в течение 7 и 8.2.42 с направления Юхнов и Поляны.

4. Главное усилие противника направлено против главной группировки нашей армии.

5. 7.2, 8.2, 9.2.42 и сегодня противник в районе Лазино, Карпово, Барсуки и Поляны переходил в контратаки пехотой при поддержке 15–20 танков и бомбардировочной и штурмовой авиации.

6. Сегодня с утра соединения ударной группы армии ведут бой на фронте Ситское, Вышнее с задачей уничтожить противника в районе Вышнее и соединиться с отрезанной группой войск армии, в дальнейшем выполнять ваш приказ – наступать в северном и северо-западном направлениях.

7. Противник за последние 4 дня несет очень большие потери. Потери наших войск также большие. Для успешного выполнения вашего приказа требуется пополнение или же не меньше одной полнокровной боеспособной стрелковой дивизии, 15–20 танков Т-34 и 5–6 танков КВ. 344 сд имеет фронт до 20 км, один полк дивизии находится в районе выс. 196, 1. За последние дни дивизия понесла до 50 % потерь, в основном в пехоте. Все.

ЖУКОВ. Свежие дивизии и пополнение в дивизии вообще вы получили больше, чем кто-либо, но, благодаря неорганизованности и отсутствию правильного применения войск в бою, 50 армия больше, чем кто-либо, безответственно понесла большое количество потерь, при этом ничего не сделав существенного, это – первое.

Второе. Вы и впредь ничего не сделаете, только будете нести напрасные потери, если будете без конца топтаться на одном месте и повторять десятки раз неудавшиеся атаки в одном и том же месте.

Третье. Мне непонятно даже при всех этих обстоятельствах, которые вы изложили, неужели вы своей группировкой не можете взять одной деревни, хотя бы Ситское или Вышнее, чтобы подать

боеприпасы частям, ведь деревню, наверное, занимают не больше батальона. Неужели вы всей армией не можете взять одной деревни, непонятно?

Четвертое. Вы насчитали столько противника, что прямо хоть переходи к обороне или вновь отходи под Калугу, зачем вы верите прохвостам, которые вас путают неизвестно с какой целью, если даже вы имеете контрольных пленных, принадлежащих этим полкам, то не значит, что вы имеете эти полки против себя. Пленных этих же полков мы имеем даже перед Калининским фронтом, перед Голубевым и перед другими частями фронта. Если это делается для оправдания бездеятельности армии, то это ни больше ни меньше как очковтирательство со стороны командиров, за это их надо предавать суду, а по количеству номеров полков вы имеете полуторное превосходство, даже если согласиться с данными вашей разведки.

Пятое. Вы две недели ведете бой в узком коридоре. За это время противник сумел, конечно, вас изучить и организовать вам противодействие, но вы за это время не нашли более выгодных путей выполнения поставленных вам задач. Подумайте хорошенько, где вам сейчас выгоднее нанести удар, чтобы выполнить поставленную задачу, при этом надо иметь в виду, что к Юхнову вы уже ни при каких обстоятельствах не попадете. Подумайте над организацией удара западнее или восточнее, используя 325 сд,

2-ю гвардейскую танковую бригаду, 239 полк, полк РС, Белова. Свой план доложите немедленно. Где ваш КП сейчас?

БОЛДИН. КП – Нечаевка, западнее 1 км Ленское.

ЖУКОВ. Хорошо. Есть ли что у вас доложить?

БОЛДИН. Товарищ Главком, я доложил все.

ЖУКОВ. Хорошо, ожидаю план дальнейших действий. Имейте в виду, что ни одной дивизии мы вам дать не можем. Последнее, что вам было дано товарищем Сталиным лично, но, к сожалению, я товарищу Сталину ничего не могу хорошего доложить по вашему фронту. Несмотря на его заботы. Потрудитесь поправить несколько свои дела, чтобы быть на более лучшем счету войск Западного фронта. Все это я говорю вам не для того, чтобы вас обидеть, а для того, чтобы вы, как командарм, немедленно расправились со всеми легкомысленными людьми, которые вас путают, не выполняя ваших приказов, занимаются очковтирательством, вместо честного решения поставленных задач. Подумайте и то, что впереди действует изолированная группа Белова и Ефремова, которым вы обязаны открыть пути снабжения. Будьте здоровы. Все» [82] .

Разговор состоялся накануне наступления на Барсуки и далее

по Варшавскому шоссе. После «накачки» Болдин собрался с силами и отбил у противника крупный опорный пункт Вышнее. Собрал ударную группировку из четырех стрелковых дивизий и танковой бригады и…

13 февраля 1942 года Жуков докладывал Сталину: «50-я армия в ночь на 13.2.42 вела наступление с севера и юго-востока на группировку противника в район Ситское, Вышнее. В результате наступления северная группа армий преодолела первую линию обороны противника, восточная группа частью сил ворвалась на юго-вост. окраину Вышнее. Части армии, продолжая бой на достигнутых рубежах, в течение дня готовились к возобновлению атаки в ночь на 14.2.42. Противник оказывает упорное сопротивление, стремясь не допустить соединения наступающих групп армии» [83] .

Не осмеливался командующий Западным фронтом доложить Верховному всю правду происходившего на передовой. Видимо, не поворачивался язык признать тот факт, что немцы здесь, в центре, смогли отойти от Оки и Нары организованно и успели основательно закрепиться на новой линии обороны, подтянули резервы, провели перегруппировку и встречают атаки армий Западного фронта не отчаянным сопротивлением из последних сил, а мощными ударами и контратаками. Легко обвинять подчиненных тебе в очковтирательстве…

Примерно такое же положение было в эти дни и на фронте соседних армий – 49-й и 43-й. Не могла продвинуться вперед ни на сотню метров и Восточная группировка 33-й армии, стоявшая под Износками. Немцы не позволяли войскам Западного фронта очистить коридор в сторону Вязьмы, чтобы выручить окруженные в этом районе кавалерийский корпус генерала Белова и стрелковые дивизии генерала Ефремова.

Московское контрнаступление выдохлось. И это стало очевидно именно тогда, в начале февраля 1942 года, когда в штабах частей и соединений Западного фронта с азартом наступающих и большими надеждами следили за действиями и движением войск, бросая в дело последние резервные батальоны.

Противник делал то же самое. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге добился своего: наступление русских было остановлено на Ржевской дуге. За 9-й и 4-й полевыми армиями вермахта остался так называемый Ржевский выступ, который выгодно нацеливал своей вершиной на Москву. Плацдарм для нового броска на столицу СССР немцы сумели оставить за собой. Однако Юхновский выступ, как южную оконечность этой гигантской дуги, войска 49, 43 и 50-й армий все же срезали. На издыхании сил, в последнем, можно сказать,

броске, но все же преодолели и минные поля, и шквальные налеты артиллерии и минометов, и доты, построенные по всему периметру опорных пунктов, и окопанные на околицах деревень танки.

Поэтому, обороняясь по Угре, Рессе и Воре, немцы не могли избавиться от постоянного напряжения: а вдруг Жуков бросит на каком-либо из участков свежие дивизии?

Свежих дивизий у генерала Жукова под рукой не было. Чуда не произошло. Но если бы они и были, вряд ли Ставка позволила бы пожертвовать ими. Немцев отбросили. Необходимо было позаботиться о том, как лучше воспользоваться передышкой.

Но на передовой, под Юхновом и Мосальском, под Износками и Вязьмой, никакой оперативной паузы не ощущалось. Здесь шла каждодневная упорная кровавая драка за каждый метр территории, за каждую деревню и опушку леса, с применением всех видов оружия.

Впрочем, небольшие резервы еще были. И Жуков пытался ими вызволить из окружения кавалерийскую группу генерала Белова и Западную группировку 33-й армии генерала Ефремова. 17 февраля 1942 года на стол Сталину лег документ, подписанный Жуковым и Соколовским. Назывался он «Соображения Главнокомандующего войсками Западного стратегического направления от 17 февраля 1942 г. по проведению наступательных операций с целью разгрома ржевско-вяземской и болховской группировок противника». Вот несколько основных фрагментов этого документа:

«Основные задачи Западного и Калининского фронтов:

1. Разгром ржевско-вяземско-жиздринско-юхновской группировки противника с выходом к 5 марта на рубеж Оленино, Олецкое, Булашово, р. Днепр, до г. Дорогобуж, Усвятье, Ельня и далее р. Десна до Снопоть.

2. Разгром болховско-жиздринско-юхновской группировки, овладение Брянск и выход на р. Десна, Снопоть, Ядров и далее по линии Высокое, Красное, Сосновка.

Выполнение задач.

I этап. До проведения общей операции по уничтожению ржевско-вяземско-юхновской группировки провести частные операции:

<…>

2. Разгром юхновской группировки противника силами 43, 49 и 50-й армий Западного фронта и двух авиадесантных бригад. Привлекается вся авиация Западного фронта.

Срок проведения операции с 22.2.42 по 26.2.42.

II этап. Выполнение основных задач.

<…>

Для более успешного проведения операции ржевско-вяземскую группу противника расчленить на две части – ржевско-сычёвскую с уничтожением ее силами 22, 30, 39, 31, 20 и 5-й армий и вяземскую с уничтожением ее силами 33, 43, 50-й армий и группами Белова и Соколова.

<…>

Срок проведения операции с 25.2.42 по 5.3.42.

Для воспрещения подхода резервов противника по автомагистралям от Смоленска и Рославля и подачи питания ржевско-вяземско-юхновской группировки противника необходимо привлечь авиацию Главного Командования, а для прикрытия войск Западного и Калининского фронтов – истребительную авиацию ПВО Москвы и Московской зоны» [84] .

Ничего из этой задумки не получилось. Противник держал занятые рубежи прочно. Хотя Юхновский выступ был все же срезан. Но частные успехи, к сожалению, не повлияли на судьбу Западной группировки 33-й армии, которой суждено было погибнуть, раствориться в вяземских снегах и болотах, в полях и оврагах 42-го года…

Читая этот документ, понимаешь и другое: Г.К. Жуков, командуя войсками Западного фронта, мыслил все же гораздо шире масштаба своего фронта. Но это тогда, зимой 1942 года, не помогло ни Западной группировке 33-й армии, ни корпусам, действовавшим западнее, ни окруженным дивизиям 50-й армии у Варшавского шоссе.

Полк разгрузился на заснеженной станции.

Артиллеристы выводили из вагонов испуганных лошадей, скатывали по бревенчатым помостам дивизионные пушки. Орудия мягко, на резиновых колесах, скатывались вниз, в снег. В голове состава разгружалась санитарная рота. Там тоже стояла суматоха и гвалт.

Роты выгрузились быстро. Сложили на сани свое армейское добро: ящики с гранатами, цинки с патронами, какие-то мешки, от которых пахло съестным – не то сухарями, не то воблой. И через полчаса уже шагали взводными коробками по натоптанному проселку прочь от станции.

– Куда ж нас, братцы, гонят? – спросил боец из недавнего пополнения, прибывшего из Калуги.

В их полк влили несколько маршевых рот. Пополнили новыми орудиями артиллерийский дивизион. Каждой роте выделили два пулемета – из ремонтного фонда. «Максимы», брошенные по лесам и дорогам еще во время осеннего отступления и собранные комсомольцами, отремонтировали на

калужских заводах и распределили по ротам, как награды.

Гридникову сразу же присвоили младшего сержанта и дали двух бойцов из калужан. Один из них теперь тащил тяжелое тело «Максима» с ребристым кожухом, другой – станок. Гридников нес, перекинув за спину на трофейном ремне, покрашенный известью щит. Коробки с лентами первый номер, пользуясь своим новым высоким чином, заботливо распределил среди бойцов взвода, так что ни одно из отделений не осталось без ноши.

Одна из коробок была поручена отделению Отяпова. И вначале ее бережно нес сам отделенный. Наконец Отяпов окликнул шедшего рядом Гуська и сунул ему в руки тяжелую металлическую коробку, тоже кое-как, наспех, обмазанную густой известью.

Маскировку наносили уже в эшелоне. Взводный принес ведро с известью и приказал покрасить все, что можно. На все не хватило. Но каски и пулемет покрасили.

Шли уже несколько часов. К вечеру мороз начал прижимать. Особенно в поле, так и жалил открытые места, давил лоб и виски.

Вскоре впереди увидели холмы, которые грядой уходили вдоль шоссе на запад. У подножия холмов все было запутано проволокой. Темнели следы танковых гусениц. В лощинке стоял сгоревший легкий Т-60. Корма у него была взорвана, видать, сдетонировали боеприпасы. Он уже порыжел от ржавчины, а сверху был накрыт высокой снеговой шапкой.

– Вот тут, видать, и остановимся на постой, ребята, – сказал Отяпов, оглядывая окрестность.

А окрестность была безрадостной.

Линия окопов тянулась по опушке реденького леса, иногда по чистому пространству среди одиноких кустов ивняка. Позади, судя по черным шишкам куги и зарослям камыша, болото. Там чернели свежие полыньи от разорвавшихся снарядов. Полыньи были разного размера.

Не доходя до линии окопов, спустились в глубокий ход сообщения. Приказали нагнуть голову. Нагнули. Пошли на полусогнутых. Кому охота снайперу под пулю голову подставлять.

Отделению Отяпова досталось 30 метров неглубокой траншеи со снежным бруствером. Кое-где, где были устроены стрелковые ячейки, снег был облит рыжеватой водой и заморожен. Под ногами зыбало и чавкало – болотина, копать глубже нельзя.

– Вот, командор, и попали мы, – сказал Лапин и начал по-хозяйски устраиваться в ячейке.

Лапин еще в лесу наломал сосновых веток и нес их под мышкой. Теперь старательно укладывал их под ногами. Кто-то

над ним пошутил:

– Ты, Лапин, уж больно стараешься. Баба так постелю не стелит.

В ответ Лапин только усмехнулся. На вид ему было лет тридцать. Сухощавый, живой, как подросток. На тыльных сторонах ладоней густые аляповатые татуировки: на одной восходящее или заходящее солнце с надписью «Север», на другой череп с серпом и молотом на лбу и надписью «Печора». Видать, парень бывалый, поглядывая на свое пополнение, примечал Отяпов. Ну, ничего, тут нам не гладью вышивать. Бойцы Лапина сразу прозвали – Расписной. Тот не обиделся.

Ячейка, которую занял Отяпов, пахла мочой и болотиной. Под ногами валялся кусок кровавого бинта. Вмерзший еловый лапник дышал и сипел. Иногда казалось, что стоишь на кочке среди болота и вот-вот ухнешь в прорву. Но это – когда задремывал. А так ничего, можно было терпеть.

Пришел взводный и приказал выделить трех человек для строительства землянки.

Отяпов тут же занарядил троих калужан. Старшим назначил Лапина.

– Ладно, мне не западло, – согласился тот. – Для разнообразия жизни, так сказать. А где будем эту самую блат-хату созидать? Да, командор, и вот еще что: на круг все же работать будем, доппаек не предусмотрен?

Отяпов вытащил из кармана сухарь и сунул Лапину. Но тот отвел его руку, засмеялся и пошел по ходу сообщения за взводным.

Непростой ему попался человек, этот Расписной Лапин. Взводный приказал присматривать за ним особо: мол, бывшие уголовники перебегают на ту сторону, чуть что – руки вверх… Вот не было заботы Отяпову, когда простым бойцом был, так на ж тебе – лычки и ответственность за целое отделение. Смотри за ними, обучай владеть оружием, приглядывай, чтобы самострел не сделали. Морока…

К ночи землянка была готова. Взвод потянулся на отдых. В окопах остались только наблюдатели и дежурные при пулемете.

Гридников со своими калужанами отрыл еще один окоп – в зарослях кустарника, во впадине, где начиналась лощина, уходящая в сторону леса. Лощина та шла немного наискось, так что, в случае необходимости, он со своим расчетом мог свободно, не обнаруживая свой маневр, перетаскивать пулемет левее и прикрывать стык с соседним взводом. Там же окопались бронебойщики, оба расчета.

Когда отделение ушло в землянку, Отяпов пошел по ходу

сообщения, чтобы еще раз убедиться, что все ладно.

Уже смеркалось. Левее, примерно в километре, гремело и перекатывалось эхом в глубину леса и по всему болоту. Там, видать, либо наши наступали, либо контратаковали немцы.

Прошел мимо наблюдателя. Тот стоял привалившись плечом к столбу и жевал сухарь.

– Что, Никитин, сладок сухарь?

– Еще как, Нил Власыч.

Все его так звали – Нил Власыч. Какой он им «товарищ ефрейтор»? Ефрейтор… И слово-то какое-то не наше, не русское, а больше германское…

– Все тихо?

– Тихо.

– Затвор-то не примерз?

– Да нет.

– Дай-ка посмотрю. – И Отяпов отвел затвор винтовки Никитина. Винтовка не новая, уже, видать, побывала в бою. Патрон был в патроннике, и он осторожно толкнул его назад. Затвор ходил мягко. Смазку Никитин, как он им приказал еще в эшелоне, протер насухо. Калужане были людьми покладистыми. – Смотри вон за тем склоном. Там у них окопы близко.

– Да я уже понял. Мелькали там, котелками гремели. Сейчас затихли.

– Тоже наблюдают. Вот ты, Никитин, стоишь, и за германцем наблюдаешь. А он, германец, тоже там стоит и за тобой наблюдает. Вон, ракеты начал пускать. Ты голову-то, пока она горит, убирай. Снайпер может работать. Если будет какое сомнение, кинь гранату. Понял?

Ночью отделение Отяпова подняли по тревоге. Ничего такого тревожного не оказалось. Просто из роты собрали взвод на переноску боеприпасов.

Носили мины для тяжелых минометов.

Тропинка была проложена прямо по Шатину болоту, через лес. Там, в лесу, находился склад боеприпасов, хорошо замаскированный в оврагах среди вековых елей. Чтобы не демаскировать склады, днем туда никто не ходил, не ездил. Снаряды, мины и прочие огнеприпасы на позиции артиллеристов и минометчиков доставлялись в темное время суток. Ночь в феврале дольше дня, и до рассвета бойцы успевали сделать по Шатину болоту от складов на позиции по три-четыре ходки.

Тропинка под ногами прогибалась. Особенно когда возвращались назад, с двухпудовой ношей. Мины перевязывали за хвосты ремнями, перекидывали через плечо или через голову – и вперед. Дистанция десять шагов.

Хруп-хруп ледок под ногами. Впереди идущий вытягивает шею из-под врезавшегося в плечи ремня, смотрит в глубину белого болота, покрытого пятнами от попаданий снарядов и мин. От них тянет тухлой болотиной. Черные полыньи парят, мороз им нипочем, словно изнутри их кто подогревает.

Отяпов поправил сползшую вниз левую мину, заодно пощупал, ладно ли затянуты узлы. Подумал, тоже поглядывая в белое поле: летом, должно быть, тут полно утей. Гнездятся. Выводят утят. Корма полно.

Впереди идущий начал сбиваться с ноги, вихлять и замедлять ход.

– Степин! – окликнул его Отяпов. – Не спи, гад ты такой! Угробишь себя и нас!

Разговаривать на тропе запрещено. Но Степин, идущий впереди, явно задремал и может наделать беды куда хуже.

Степин оглянулся, махнул рукой: мол, все в порядке, не сплю.

Не сплю…

Степин тоже калужский.

Стежка начала отворачивать влево. Обходили полынью, из которой торчали покрытые инеем жерди. На жердях обрывки тряпья. Начальник склада, когда проводил инструктаж, рассказал: три ночи тому назад задремал на ходу боец, упал, мины ударились одна о другую и произошел взрыв.

Отяпов посматривал за идущим впереди до самого конца болота. На твердом догнал бойца и ударил его кулаком между лопаток:

– Ты что, чертов сын!..

– Виноват, Нил Власыч. Больше не повторится.

– Смотри…

До общего подъема успели пару часов поспать. Спали даже не разуваясь. Зарылись в солому в углу землянки и тут же уснули.

И приснился Отяпову сон. Будто идет он по гречишному полю. Гречиха цветет белым цветом. На вишневых стебельках тяжелые гроздья цветков. «Эх, какой урожай будет!» – думает Отяпов. А солнце над полем такое жаркое, доброе, на все хватает его тепла – и на гречишное поле, на цветы, на лес, мреющий среди зноя темно-зелеными соснами и бархатистыми осинами, на него, Отяпова, чтобы он не мерз посреди февральского болота… Тут его толкнули в бок:

– Вставай, Нил Власыч. Каша пришла.

Каша – дело неотложное. Надо подниматься.

Только успели управиться с кашей, зашевелился весь полк. Доскабливали котелки уже в ячейках.

А на гряде высот, по гребню и скатам, уже поднимались

черные столбы взрывов. Неужели артподготовка? Сердце у Отяпова заколотилось. Он оглянулся на своих. Лица у всех посерели, вмиг осунулись. Поняли, что сейчас будет.

Артиллеристы еще покидали снарядов по гребню высоты. Взводный выскочил на бруствер, поскользнулся на обледенелом скате, упал, выронил свой пистолет. Поднялся. Пистолет ему подали.

– Вз-зв-во-од! – закричал он, не теряя решительности. – За мно-о-о!..

Левее, натужно ревя моторами, шли три танка. Две тридцатьчетверки мощно пробивали в снегу глубокие туннели. За одной из них, немного отстав, шел Т-40.

Лейтенант бежал впереди и часто оглядывался на бойцов, которые барахтались в снегу позади него, широко растянувшись по полю.

– Гусёк, Лапин! Давай за мной! – И Отяпов перевалился через снежный отвал и побежал за тридцатьчетверкой по рыхлому гусеничному следу.

Он знал, что сейчас, когда немецкие противотанковые пушки начнут стрелять по танку, под огнем окажутся и они. Но ползти по глубокому снегу, а потом перебираться через заграждения из колючей проволоки было еще опаснее. Саперы ночью ползали на нейтралку, снимали мины и резали проволоку. Но немецкие дежурные пулеметы их отпугивали. И неизвестно, где они сняли мины, а где нет.

Немецкие противотанковые орудия ожили, когда тридцатьчетверки подошли к линии проволочных заграждений. Одна трасса прошла над танком выше, даже не задев его. Другая чиркнула по башне и, изменив траекторию, прошуршала над головами бойцов, бегущих за танком. Они инстинктивно попадали в снег. Но тут же поднялись и побежали дальше. Третье попадание оказалось более точным. Трасса рассыпалась брызгами электросварки на наклонной лобовой броне. Но танк продолжал идти вперед.

Легкий Т-40, шедший позади, делал короткие остановки и стрелял из обоих пулеметов. Особенно отчетливо слышался басовитый стук крупнокалиберного ДШК. Башенный стрелок, должно быть, засек позицию ПТО и теперь молотил из пулеметов в одном направлении. Орудие вскоре замолчало.

Треснули столбы, и тридцатьчетверка протащила вперед проволоку, потом развернулась и пошла левее, по лощине. Теперь огонь противотанковых пушек, стоявших на прямой наводке на склоне высоты, ей был не страшен.

Отяпов оглянулся, и холодный пот побежал по позвоночнику

под ремень: вторая тридцатьчетверка и легкий пулеметный танк пятились назад. Они вели частый огонь и уходили по своему следу к окопам. Пехота слева тоже стала нырять в снег и вскоре исчезла. Осталась только их рота и правофланговый батальон. Батальон уже карабкался вверх и вел автоматный огонь.

– Давай, ребята! Вперед! – закричал Отяпов своим бойцам. – Если тут заляжем, пропали!

Немецкий пулемет повел огонь вдоль наступающей цепи, больше захватывая порядки соседнего батальона. Но Отяпов знал: как только они начнут подниматься по склону верх, к первой немецкой траншее, он перенесет огонь по ним. А пока для немцев, обороняющихся на склоне высоты, они были менее опасны.

Перед тем как подниматься вверх, залегли. Отдышались. Пулемет молотил вверху и немного левее.

– Кто пойдет к пулемету? Нужны двое. С гранатами.

Бросать гранаты в отделении умели не все. Некоторые их просто боялись. Отяпов даже не был уверен, все ли взяли с собой гранаты. Наверняка кое-кто оставил их в окопах. Гранат боялись. К гранате надо привыкнуть.

Бойцы молчали.

Тогда Отяпов позвал двоих – Лапина и Никитина.

– Не бойтесь, ребята, – сказал он им, перекладывая гранаты из вещмешка в карманы. – Я пойду с вами.

Когда они поднялись по склону выше, стало хорошо видно чистое пространство, исхлестанное танковыми гусеницами. Там и тут бугрились серые холмики убитых. Возле некоторых копошились санитары. Танки уползли за окопы и маневрировали уже в перелеске. Тридцатьчетверка вела огонь по высоте. Снаряды рвались на гребне.

Подползли совсем близко.

– Ну, командор, кто ему рога ломать полезет? – спросил шепотом Лапин.

Отяпов посмотрел, как затянуло тоскливой пеленой глаза Никитина, и ворохнулся было вперед, но Лапин остановил:

– Как масть ляжет, так и будет. Я – первый.

После, когда ворвались в траншею и в короткой схватке выбили немцев из первой линии, Лапин, задыхаясь от неостывшего азарта и кашляя, рассказывал, как он справился с немецким пулеметчиком, а потом собирал трофеи и блиндаже:

– Ну, тут я ему акулу под ребро… Повалил оленя, покрапил снежок красненьким… Ну да! Впервой, что ли?

– Ловкий ты парень, Расписной! – хвалили его бойцы.

Лапин, явно польщенный похвалой, рассказывал дальше. Все

его с удовольствием слушали, будто сами только что были не здесь, не в месиве рукопашной, а где-то далеко, где ни стрельбы, ни немца, ни пуль над головой.

– Ну, тут я гляжу – тормоз [85] в конце хода. Аг-га! Я его – на себя. Гранату вперед, на гостинец. И – весь хабар, что там был, мой! Один олень еще живой. Ну, я ему прикладом, как вон Нил Власыч учил. Подмотал вату [86] – и ходу. Вот, все, что честно добыто, так сказать, в доблестном бою… – И Лапин пнул носком сырого валенка немецкий ранец. – На всю хевру, конечно, не хватит. Но можно еще поискать.

Начали устраиваться. Выбросили трупы немцев. Рядом, на брустверах в сторону второй немецкой линии, выложили своих. Им теперь все равно. Через час-другой застынут, никакая пуля не возьмет.

Спустя некоторое время внизу, возле проволочных заграждений, появилась тридцатьчетверка, та самая, которая ушла по лощине влево. Теперь она уходила назад.

– Ушли наши танки, – сказал кто-то из бойцов.

– У танкистов своя работа.

– Это так. Попукали и ушли.

Немцы контратаковали уже в сумерках.

Глава 11 Битва за Варшавское шоссе

«Мои указания об использовании вторых эшелонов командующие 50-й и 33-й армиями не выполнили…»

Генерал Терешков: почему он не возглавил прорыв? Прорыв. Снова – прорыв. Гибель полковника Краснопивцева. Погибшие и пропавшие без вести. Сколько погибло во время прорыва? Жуков: «Уничтожать блокированного в населенных пунктах противника…» Пополнение. Снова в наступлении. Захват Узломки и неудачи под Медвёнкой. Десантники. Оперативная пауза. 10-я моторизованная дивизия выводится во второй эшелон. 50-я армия принимает пополнение перед новым наступлением. Воспоминания младшего лейтенанта М. Адлера. Зайцева Гора. Штурм Фомино-1. Жесткий разговор Жукова с Болдиным.

Что же происходило под Барсуками?..

Когда стало понятно, что немцы решили не выпускать из оперативного окружения дивизии Северной группы 50-й армии, Болдин отдал приказ генералу А.Д. Терешкову на прорыв. Терешков, командир 413-й стрелковой дивизии, был назначен временным командующим группой войск, находившихся в окружении.

Выходить решили в направлении села Вышнего, навстречу 336-й стрелковой дивизии. Она в очередной раз готова была ударить навстречу, чтобы ускорить и облегчить прорыв.

Прорыв был назначен в ночь с 13 на 14 февраля. Основные силы 340, 154 и 173-й стрелковых дивизий, оставив заслоны, скрытно перегруппировались на южный участок котла, заняли исходное положение. Экипажи уцелевших танков 32-й танковой бригады распределили горючее поровну, вывели боевые машины в исходный район и заглушили двигатели, чтобы не демаскировать себя.

Ночь уходила в глубину. Все было готово. И тут начало происходить непонятное. Генерал-майор Терешков, который, согласно приказу командарма, должен был руководить прорывом непосредственно в боевых порядках, в исходном районе не появился. Не было и его дивизии. Видя неладное, командир 154-й стрелковой дивизии Я.С. Фоканов принял командование на себя. Именно он готовил войска к прорыву и он их повел.

Наконец появился и генерал Терешков. Но время было упущено.

Пока шло совещание старших офицеров дивизий и бригады, пока те ставили задачи своим подразделениям и командирам, наступил артиллерийский рассвет.

В атаку пошли уже засветло. И сразу же попали под ураганный огонь противника. Вот захлебнулась, подавленная артиллерийским и минометным огнем, первая волна. Пошла вторая. Немцы отбили и вторую. Затем организовали контратаку, в ходе которой выяснили: именно здесь сконцентрировались основные силы для прорыва. Через несколько минут район был накрыт ураганным огнем артиллерии и авиации.

В самый разгар боя на прорыв, когда бойцы лезли вперед через растерзанные тела своих товарищей, генерал Терешков отвел свою 413-ю дивизию из исходного района назад, в лес, в безопасное место. Она под обстрел не попала.

Дивизии, понеся большие потери, тоже вынуждены были отойти в лес. Теперь район их сосредоточения был настолько мал, что его из конца в конец простреливали батальонные минометы противника.

В это время немцы захватили высоту 186,1, которую до этого времени контролировала Северная группа 50-й армии. Терешков приказал штурмовать высоту. Измотанные неудачными атаками на прорыв, голодные, с тремя патронами на винтовку, бойцы пошли и в эту атаку. И она тоже закончилась провалом. Немцы успели установить на склонах высоты пулеметы и встретили цепи красноармейцев плотным огнем.

День заканчивался. На вечер был назначен решающий прорыв.

Все понимали, что это будет последняя атака. На другую не хватит уже ни сил, ни боеприпасов, ни бойцов.

Все тяжелое вооружение решено было бросить в лесу.

Оставлены были и дивизионные госпитали. Раненые обрекались на гибель.

Командир калужского поискового отряда Виктор Сапожников однажды рассказал мне, что совсем недавно в пойме реки Лидии близ высоты 186,1 и села Вышнего они отыскали несколько ям – воронок от тяжелых авиабомб, – буквально заполненных костями бойцов группы прорыва. В первую же весну после нашего разговора я побывал там. На отвалах лежали груды валенок и обрывки ремней. Останки (кости) перезахоронили у мемориала в деревне Барсуки на Варшавском шоссе.

А старики Вышнего рассказывали, что кости лежали по всему лесу. Что несколько землянок были буквально забиты скелетами, одетыми в телогрейки. Потом вышел указ о том, чтобы останки похоронить. Но кто их будет собирать и носить в одно место? И жители закапывали кости там, где их находили.

Когда стемнело, построились в колонну. Впереди гранатометчики и автоматчики. Командовал группой прорыва

командир 473-го стрелкового полка полковник М.П. Краснопивцев. Во главе своих подразделений становились и другие старшие офицеры. За ударной группой, уступом, построилась усиленная сводная рота стрелков, вооруженных винтовками. За сводной ротой, также уступом, основная масса войск. Восточнее основных сил, долиной реки Лидии, должны были прорываться несколько танков 32-й танковой бригады, которые уцелели после неудачной утренней атаки. Такой маневр должен был отвлечь внимание противника от основного направления прорыва.

И на этот раз прорыв удался. Правда, цена успеха оказалась чудовищной. Во время прорыва погибли многие известные нам офицеры, герои калужского рейда, в том числе майор Балбачан и полковник Краснопивцев.

Генерал Терешков благополучно вышел из окружения. До сих пор остаются неясными мотивы его уклонения от исполнения офицерского долга в окруженной группировке под Барсуками. Говорят, он шел в колонне рядом со своими бойцами, во втором эшелоне. Хотя послужной список генерала свидетельствует о том, что личной храбрости ему было не занимать. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер, командир пехотного взвода. Награжден тремя Георгиевскими крестами и тремя Георгиевскими медалями. Воевал на Халхин-Голе, в Испании. В мае 1943 года генерал-майор Терешков будет назначен командиром 38-го стрелкового корпуса. С ним пройдет до Победы. В январе 1945 года корпус отличится во время проведения Висло-Одерской наступательной операции. Командир корпуса будет представлен к званию Героя Советского Союза и получит свою заслуженную «Золотую Звезду».

Барсуковская история в послужной список генерала конечно же не вошла.

Во время прорыва смертью героя пал начальник артиллерии 340-й стрелковой дивизии полковник Иван Григорьевич Репников.

По приказу полковника Репникова три уцелевших орудия были установлены у дороги на Вышнее, чтобы выпустить по немецким заслонам последний боезапас и прорубить колоннам путь на прорыв. После нескольких залпов полубатареи, которой командовал сам полковник Репников, ее позиции буквально потонули в разрывах немецких снарядов и мин. Выжить там было просто немыслимо.

Поисковики отряда Виктора Сапожникова по фрагментам костей и одежды реконструировали ту схватку артиллеристов группы прорыва с немецкими батареями. Ни одного тела целиком

они не смогли отыскать – осколки костей и металла. Металла значительно больше.

Полковник М.П. Краснопивцев вел авангард ударной группы. Постоянно подбадривал своих бойцов. И они проламывались сквозь заслоны, обходили огневые точки. Для Краснопивцева этот выход был уже третьим. Те, кто был рядом, верили ему и выполняли каждый его приказ, ловили каждое слово, принимая их как знак спасения. Первый раз полковник был ранен легко. Второй раз – смертельно.

Потери во время прорыва были огромными.

Пропал без вести военком 154-й стрелковой дивизии подполковник Александр Васильевич Новосадов.

Пропал без вести командир 510-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии подполковник Петр Федорович Гордиенко.

Пропал без вести председатель Военного трибунала 413-й стрелковой дивизии военюрист 1-го ранга Григорий Александрович Виноградов.

Пропал без вести батальонный комиссар Михаил Александрович Поздняков.

Пропал без вести командир 571-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии подполковник Эдуард Петрович Браже.

Убит начальник 2-го отделения 154-й стрелковой дивизии майор Конон Васильевич Кликунов.

Убит командир 1140-го стрелкового полка 340-й стрелковой дивизии подполковник Александр Дмитриевич Кусрашвили.

Убит командир 143-го отдельного противотанкового дивизиона майор Эммануил Евсеевич Прейсман.

Убит дивизионный инженер 413-й стрелковой дивизии майор Николай Николаевич Иванов.

Пропал без вести военком 473-го стрелкового полка Николай Иванович Павл овец.

Убит старший батальонный комиссар, начальник политотдела 344-й стрелковой дивизии Михаил Иванович Бородулин.

Убит начальник артиллерии 413-й стрелковой дивизии подполковник Иван Никифорович Ильясов.

Убит майор Николай Михайлович Бердников.

Убит майор Василий Павлович Алёшин.

Убит заместитель командира 571-го артполка 154-й стрелковой дивизии майор Степан Михайлович Хохулин.

Из боевого донесения командира штаба 50-й армии:

«Потери л/с за период боев с 7 по 14.2.42 – 4782 чел.

Из них:

нач. сост. – 370;

мл. нач. сост. – 629;

рядового – 3783.

Потери в бою при прорыве 14.2, по докладу командира 413 сд, выражаются в 70–80 чел.

Легкораненые вышли с войсками, часть тяжелораненых – 50 чел. удалось вывезти на 1-м танке Т-34, сделав три рейса. Часть раненых осталась в районе выс. 186, 1 в блиндажах.

Количество попавших в плен установить невозможно. Пропавшие без вести с 7 по 14.2 – 1900 чел., частью раненые, частью убитые» [87] .

Виктор Сапожников: «Только наш поисковый отряд на пути маршрута выходивших из окружения в районе села Вышнее поднял более 400 погибших…»

В Книге Памяти Калужской области сказано: с 1 по 15 февраля 1942 года окруженная группировка войск 50-й армии понесла потери: 8090 человек, 48 орудий… Поисковики, работавшие в архиве, сделали более тщательный подсчет и получили следующую цифру погибших: 10 186 человек. Уничтожено огнем противника и брошено в поле 48 орудий и 19 минометов. Оставлено на поле боя: 15 пулеметов и 11 противотанковых ружей.

Группой генерала Фоканова (Терешкова) с 3 по 14 февраля 1942 года уничтожено до 1500 солдат и офицеров противника, 10 орудий, 17 минометов, 15 танков, 108 автомашин.

История в нашем царстве-государстве, к сожалению, до сих пор не наука. Так себе, забава для публицистов и политиков. И пишут-тюжат ее по три-четыре раза на веку в угоду очередному губернатору страны. Вот и не стыкуются в нашем недавнем прошлом некоторые концы с концами, а причины со следствиями. Архивы по-прежнему закрыты. От кого? От народа. От сыновей и внуков погибших и победивших солдат. Как от воров амбар с хлебом. Но ведь и тех, кто выращивал и обмолачивал этот хлеб, тоже не кормят! Им, наследникам победителей, тоже ничего не достанется! А мыши тем временем…

В районе Варшавского шоссе в те дни дивизии, в которых едва насчитывалась четвертая-пятая часть первоначального состава, принимали пополнение. Жуков всеми средствами пытался вызволить из окружения Западную группировку 33-й армии и корпуса конников и десантников. 60 тысяч пополнения и 200 танков были распределены в основном в армии левого крыла, задачей которых оставалось – прорубиться к Ефремову и Белову в район Вязьмы и выполнить невыполнимый приказ об окружении в районе Ржев – Вязьма войск группы армий «Центр».

Получили пополнение и дивизии 50-й армии.

Перегруппировку провели быстро, в несколько суток.

В штабе армии штудировали новую директиву Жукова, поступившую накануне под грифом «Совершенно секретно». Адресована она была командармам и начальникам штабов.

«Последнее время противник, используя прямолинейность наших боевых порядков, отсутствие охранения и разведки на флангах, отсекает головные эшелоны боевых порядков, вклинившихся в его расположение. Такое положение получилось в 50-й и 33-й армиях. Мои указания об использовании вторых и последующих эшелонов боевого порядка для разворота и расширения прорыва в сторону флангов командующие 50-й и 33-й армиями не выполнили, чем и поставили головные части армии в затруднительное положение.

Приказываю:

Одновременно со смелым и решительным вклинением головных эшелонов боевых порядков в расположение противника вторыми и последующими эшелонами быстро расширять прорыв в стороны флангов и уничтожать блокированного в населенных пунктах противника, не затягивая операцию на продолжительное время.

Командирам всех степеней проявлять особую заботу об обеспечении охранением и непрерывной разведкой флангов наступающих соединений, частей и подразделений.

Настоящий приказ немедленно довести для исполнения до командиров батальонов включительно» [88] .

Это – к спору последних лет о том, кто виноват в гибели Западной группировки 33-й армии под Вязьмой. Часть военных историков склонна приписывать чуть ли не злодейскую роль командующему Западным фронтом Жукову: он-де сунул генерала Ефремова под Вязьму с тремя дивизиями и погубил его там, в окружении, не помогая ни боеприпасами, ни продовольствием, ни ударами с внешней стороны котла. Спор принял оттенок политический. А потому к истине не приведет. К сожалению, легковесную, поверхностную информацию о 33-й армии и роли в ее судьбе генерала Жукова выдает и телеканал «Звезда». Модно поругать Маршала Победы, подергать его за полы шинели… Документы же и факты того периода дают более или менее объективную картину периода боев в районе Вязьмы, Варшавского шоссе и Юхнова. В книгах о 49-й и 43-й армиях я старался публиковать все документы, которые попадались в руки, о событиях под Вязьмой и судьбе Западной группировки 33-й армии.

Как видно из вышеприведенного документа, комфронта предостерегал своих подчиненных от опасности отсечения

авангардов от основных сил.

В феврале 1942 года войска группы армий «Центр» провели почти одновременно целую серию частных операций по отсечению и уничтожению вклинившихся в их оборону советских войск.

26 февраля 1942 года бои на Варшавском шоссе в районе Зайцевой Горы вспыхнули с новой силой. Ударная группировка, которую собрал генерал Болдин из пополненных дивизий и частей, начала наступление на опорные пункты Узломка и Медвёнка. В атаку пошли пополненная маршевыми ротами 413-я стрелковая дивизия генерала Терешкова при поддержке танков 112-й танковой бригады полковника Гетмана.

112-я танковая бригада, переформированная из 112-й танковой дивизии в начале января и к празднику Красной армии 23 февраля получившая новые танки Т-34-76, по сути дела, решила исход боя за Узломку. Бригада потеряла несколько машин на окраине деревни от огня противотанковой артиллерии, но вскоре ворвалась на улицы, круша все на своем пути.

Потери 413-й дивизии были более значительными.

Медвёнку в этот день немцы не уступили.

А за линией Варшавского шоссе, севернее, в районе населенного пункта Ключи, подразделения 9-й воздушно-десантной бригады [89] тем временем атаковали позиции 10-й моторизованной дивизии и, имея успех и большие трофеи, вышли в заданный район для соединения с 50-й армией. Уже пришла разведка десантников, присланная командиром бригады полковником Иваном Игнатьевичем Курышевым. Но генерал Болдин не смог сделать ничего. Оборона противника по линии Варшавского шоссе оказалась для его дивизий неприступной. Что и говорить, звездный час генерала Болдина миновал.

27 февраля 1942 года на участке Узломка – Медвёнки стороны обменялись атаками с участием танков и, оставив на снегу десятки убитых и раненых, а также горящие боевые машины, отошли на исходные.

В начале марта правее, в полосе действий соседней

49-й армии, измотанные непрерывными атаками наших войск, немцы начали отводить свои войска от Юхнова. Опасность того, что 50-я армия и части 4-го воздушно-десантного корпуса вот-вот додавят немецкие опорные пункты в районе населенного пункта Кавказ, заставили их оставить Юхнов. В противном случае юхновская группировка оказалась бы отрезанной на выступе, на южной окраине которого находился город.

В день вступления авангардов 49-й армии в горящий Юхнов ударная группа 50-й армии вновь атаковала противника в районе

деревни Кавказ. И вновь не добилась успеха. Несколько тридцатьчетверок было подбито и сожжено. Немцы нашли управу на советские Т-34 – подвели и замаскировали несколько 88-мм зенитных орудий. Они-то и остановили танковую атаку 112-й бригады. Пехота, видя, как захлебнулась атака танкистов, тут же залегла и начала откатываться назад.

К середине марта обе стороны, понеся значительные потери, ослабили активность. Наступила оперативная пауза.

Немцы выводили потрепанную 10-ю моторизованную дивизию во второй эшелон в район Милятина.

50-я армия была усилена еще одной дивизией. Правда, уже изрядно потрепанной. 385-я стрелковая дивизия прибыла на калужскую землю из Киргизии. В ее полках были солдаты из Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии, Казахстана. Но в основном – русские. В историю Великой Отечественной войны эта дивизия вошла как дивизия, которая никогда не отступала со своих позиций. Так же стойко она сражалась и под Зайцевой Горой. В 50-ю она была передана из состава соседней 10-й армии.

Ставка начинала новое наступление на Вязьму и Ржев. Главная роль в этом наступлении отводилась 50-й армии. Ей передавались пять стрелковых дивизий и две танковые бригады.

Генерал Болдин получал огромную силу. По сути дела, новую армию при 120 танках и большом количестве артиллерии и минометов.

Получил и задачу: «Общими усилиями 43, 49 и 50-й армии, усиленной из резерва Верховного Главнокомандования пятью стрелковыми дивизиями и двумя танковыми бригадами, не позднее 27 марта очистить от противника пути подвоза 33-й армии и группы Белова, соединиться с ними и в дальнейшем уничтожить группу противника в районе Рыляки, Милятино, Вязьма; одновременно силами 5-й армии завершить прорыв северо-восточнее Гжатска и не позднее 1 апреля овладеть г. Гжатск, после чего ударом на Вязьму содействовать 43, 49 и 50-й армиям в уничтожении противника в районе Вязьмы…» [90] .

На этот раз задача была поставлена более конкретная и реальная. К тому же она обеспечивалась свежими дивизиями и танками. Генералу Болдину судьба дарила шанс. Пусть даже не блеснуть своими полководческими качествами, а просто добросовестно выполнить приказ. Ресурс был. И достаточный. Дивизии, которые передавались 50-й из резерва Верховного главнокомандования, были переброшены из Забайкалья, Казани, Алтайского края, Приморья и Ташкента. 11-я и 108-я танковые бригады были уже обстрелянными в боях под Москвой, бывалыми

подразделениями, пополненными новыми боевыми машинами и экипажами.

Под рукой у генерала Болдина в тот период была собрана самая мощная на Западном фронте танковая группировка. Именно этим тараном предполагалось пробить наконец брешь на север, в район Вязьмы, соединиться с действовавшими там в окружении войсками Западной группировки 33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и десантными бригадами.

40-й и 43-й армейские корпуса 4-й полевой армии генерала Хейнрици тоже проводили перегруппировку, пользуясь временным затишьем.

Всем было ясно, что эта пауза долго не продлится.

В конце марта те танковые бригады, которые находились в районе боев, своими основными силами заняли исходные на восемнадцатикилометровом участке фронта в районе Зайцевой Горы (высота 245,5) и Фомино. Другие еще только разгружались на тыловой станции Дабужа или находились в пути. В пути были и основные силы резервов. Первой в район боев прибыла 116-я стрелковая дивизия полковника Василия Акимовича Самсонова. Она успела только ко второй атаке.

Первая, начавшаяся 26 марта 1942 года из района деревни Сининки в направлении деревни Прасоловка, закончилась неудачей. Наступали подразделения 239-й и 173-й стрелковых дивизий, а также 112-й мотострелковый батальон при поддержке девяти танков Т-34 112-й танковой бригады. Когда наступающие вышли на рубеж огня противника, пехота залегла, танки пошли без прикрытия. Девятка тридцатьчетверок проутюжила немецкие окопы и углубилась в оборону. Немцы тут же сняли с позиций противотанковые пушки и начали прижимать прорвавшиеся танки к болоту. Но они прорвались и благополучно вышли в исходный район, имея лишь незначительные повреждения от многочисленных попаданий противотанковых болванок. Эта атака показала, что взаимодействия танков и пехоты в бою нет. Танки действуют сами по себе, выполняя свою задачу. Пехота – свою.

В донесении штаба 40-го корпуса в штаб 4-й полевой армии за 27 марта 1942 года говорилось: «19 тд: отбито 3 атаки (каждая численностью до 250 человек) на н. п. Прасоловка и высоту 1 км севернее. Противник окопался на широком фронте перед передним краем. По н. п. Прасоловка противник ведет сильный артиллерийский огонь» [91] .

29 марта 1942 года в бой, прямо с марша, были брошены батальоны только что прибывшей 116-й стрелковой дивизии.

Накануне дивизия разгрузилась на станции в Калуге и пешим ходом двинулась к передовой. Сибиряки, забайкальцы,

закаленный народ, прекрасные солдаты, они сменили в снежных окопах подразделения «старых» дивизий 50-й армии и атаковали противника, закрепившегося на Зайцевой Горе.

Это были кромешные атаки, которые заканчивались новой и новой кровью. Кровью и кровью.

Конечно, командармы 41-го и 42-го годов управлению войсками в современной маневренной войне только-только учились. Учились все. Правда, не все одинаково. Кто-то, такие как командующий 16-й армией генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский [92] или командующий 5-й армией Л.А. Говоров [93] , постигали науку войны быстро. Развивали ее практику своим гибким умом и воинским талантом и добивались превосходных результатов. Кому-то эта жестокая наука давалась с трудом.

Немецкие генералы Цорн (40-й танковый корпус), Гресснер (12-й армейский корпус) и Бреннеке (43-й армейский корпус), чьи войска стояли против 50-й армии, а также десантников и кавалеристов, прорвавшихся в их тылы, вскоре поняли характер своего противника, его стереотипные атаки и незамысловатые комбинации при организации атак и отражении контратак.

Сосредоточение танков перед Зайцевой Горой немецкая разведка конечно же засекла тут же. Сведения легли на штабные столы. Как результат – концентрация на южных и юго-восточных склонах высоты 269,8 противотанковой артиллерии, в том числе 88-мм зенитных орудий и 50-мм противотанковых пушек, весьма эффективных против наших Т-34. Последняя, к примеру, имея низкую посадку и многие другие качества, которые необходимы для такового вида оружия на передовой, в условиях необходимости маскироваться, оставаться невидимым и малоуязвимым во время боя, пробивала броню наших танков с расстояния 500 метров – до 91 миллиметра, с расстояния 1000 метров – до 68 миллиметров.

Сюда же, к Зайцевой Горе и окрестным деревням, составлявшим цепочку, а точнее, фронт опорных пунктов с тщательно продуманной системой огня, были стянуты резервы. Как всегда, немцы расположили их не линейно, а в несколько эшелонов. Ударные мобильные части, как правило, располагались позади и, в случае необходимости, появлялись и развертывались там, где было необходимо. Рокада – Варшавское шоссе – давала прекрасную возможность использовать этот прием отражения атак противника с высочайшей эффективностью.

Генерал Болдин продолжал последовательно, по мере поступления, бросать резервы в бой. Генералы Цорн и Бреннеке с той же последовательностью отражали эти атаки. Горели наши новенькие тридцатьчетверки, в снега под Зайцевой Горой слоями

ложились бойцы-забайкальцы. После очередной неудачной атаки убитых, а иногда и раненых с нейтральной полосы не выносили. Снег засыпал их, делая окрестный пейзаж снова идеальным, почти мирным. Новая атака – и новый слой окоченевших трупов принимали склоны Зайцевой Горы…

Вот странички из дневника бывшего командира взвода связи 170-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии младшего лейтенанта М.А. Аллера:

«7 апреля 1942 года 170 с. п. в составе 58 с. д. железнодорожными эшелонами прибыл на станцию Дабужа, Мосальского р-на, Смоленской (ныне Калужской) области. Затем пешими колоннами отправились в район боевых действий.

Во время передвижения мы видели, вместо деревень, торчащие из-под снега печные трубы.

На подходе к боевым позициям в лесу противник открыл, по еще не развернувшимся колоннам полка, мощный артиллерийский минометный огонь. Это было ужасное первое боевое крещение. По всему лесу раздавались стоны и крики о помощи. Еще не заняв боевых позиций, 170-й стрелковый полк в первый день понес колоссальные потери убитыми и ранеными.

В условиях весенней распутицы, болотистой местности и бездорожья обозы и кухни отстали. Наступил голод, который мы испытывали все время. Мы стали поедать дохлых и убитых лошадей. Было ужасно противно есть эту конину без соли. Пили болотную воду и воду из луж растаявшего снега, где нередко лежали трупы. У нас были пробирки с таблетками хлора, но пить воду с хлором было еще противней.

После кратковременной обороны в лесу мы заняли деревню Фомино-1, откуда стали вести атаки на противника, с целью овладеть сильно укрепленным пунктом Фомино-2 и высотой 269,8 и в дальнейшем перерезать Варшавское шоссе у деревни Зайцева гора. В упорных боях с большими потерями нам удалось занять южный склон высоты 269,8. Немцы занимали выгодные позиции на большей части этой высоты. С гребня высоты вся наша оборона просматривалась на всю глубину болотистого луга. А за обратным склоном у противника были сильно укрепленные позиции. Особенно выгодными позициями у немцев были Зайцева гора и высота 269,8. В полном распоряжении у них было Варшавское шоссе. Лесистый участок позволял беспрепятственно скрытно маневрировать, быстро перебрасывать живую силу и технику по шоссе. Мы же занимали подножие южного склона высоты 269,8. Позади простиралось болото Шатинский мох – мы были у немцев всегда на виду.

Каждый день с утра до наступления темноты наши позиции

непрерывно подвергались артиллерийским и минометным обстрелам, которые точно корректировались висящим над нами самолетом-корректировщиком «Рама». Почти каждый день происходили массированные авиационные налеты. После сильной бомбежки из самолетов на бреющем полете открывался пулеметный обстрел наших окопов. На кладбище Фомино-2 расположились немецкие снайперы, которые не давали высунуть голову из окопов. Нам приходилось иногда справлять большую нужду на саперную лопатку и выбрасывать ее за бруствер окопа. Ночью мы не спали, занимались укреплением обороны. В это же время была возможность вынести тяжелораненых и принести к нам на передовую жидкую водичку горохового концентрата и 1–2 сухаря на человека. Численный состав батальона на передовой из нескольких сотен за 2–3 недели сократился до нескольких десятков человек. Радиосвязь на передовой отсутствовала из-за того, что немцы ее четко пеленговали, тем самым обнаруживалось расположение наших командных и наблюдательных пунктов. Проводная телефонная связь, несмотря на постоянные обрывы из-за артиллерийских и минометных обстрелов, работала нормально.

И вот настал день Первомая 1942 года. День выдался безоблачным. Ночью на передовую доставили для каждого продуктовый набор: водка, краковская колбаса (целый кружок), сухари и консервы. Только подумал, что сейчас выпью, хорошо поем и лягу спать после бессонной ночи. Вдруг небо потемнело от вражеских самолетов, и все мои предвкушения рухнули. Дали бы хоть утолить животный голод, а там что будет, то будет. Увидел, как из самолетов вывалились огромные тюки, которые я принял за фугасные бомбы. Они могли развороти́ть все наши позиции. В тюках оказались листовки. Все вокруг побелело от их несметного количества.

В отличие от немецких листовок наши листовки были на дешевой желтовато-серой газетной бумаге с надписью: «Прочти и передай товарищу». Геббельсовская пропаганда меня поразила. Листовки были большого формата на толстой мелованной бумаге. Несмотря на запрет читать вражеские листовки, не читать их было невозможно. Они заполнили все наши окопы. На листовках в ярких красках был нарисован Дед Мороз в генеральской форме. Борода была изображена в виде мелких тающих сосулек, с которых капала вода, и был текст: «Русский Генерал Мороз тает. Мы готовим летнее наступление для взятия Москвы. Русские солдаты, сдавайтесь. Мы воюем не против русского народа, а против коммунистов и жидов, против правительства Сталина – Кагановича. Мы хотим освободить вас от

колхозного крепостного права». Невзирая на такую красочную агитку, я не заметил, чтобы эти листовки на кого-то подействовали.

5 мая, когда начало темнеть, к нам на весь батальон принесли мешок сухарей и две канистры желтой водички горохового концентрата. В большой воронке от фугасной бомбы рядом с передним краем обороны я и несколько солдат собрались делить еду, при этом громко разговаривали. Может быть, мы были услышаны немцами. Вдруг со стороны немецких позиций раздался необычный рев. Вслед за этим загорелась земля, на некоторых солдатах загорелась одежда. Сразу немцы в полный рост пошли на нас в атаку и повели бесприцельный автоматный огонь. Отстреливаясь на бегу, я дал команду отходить лощиной ближе к лесу. Отступили до траншей второго эшелона. Нас оказалось в траншее только четверо: исполняющий обязанности командира батальона лейтенант Минаков, его ординарец, комиссар батальона и я. На опушке леса в конце траншей на наблюдательном пункте находился со своим ординарцем командир 170-го стрелкового полка майор Мартынов. Лейтенант Минаков на доклад о произошедшем к командиру полка пойти не захотел, а послал меня, заявив при этом: «Ты только командир взвода связи, и тебе ничего не будет». Я доложил майору Мартынову, что противник уничтожил нашу оборону огнеметом. Майор Мартынов обругал меня отборным матом и сказал, что это был не огнемет, а новое немецкое оружие шестиствольный миномет «ванюша», и приказал взять высоту.

Я ответил, что нас осталось только четверо. Снова последовал мат и приказ взять высоту. Тут же майор Мартынов передумал и принял решение отправить на исходную позицию свою роту автоматчиков. Командир полка доложил обстановку вышестоящему командованию. Мы вышли на исходную позицию и вдруг услышали далеко со стороны леса необычный гул и увидели, как огненный смерч обрушился на высоту. Это, я впервые увидел, был залп «катюши». Мы пошли в атаку и заняли прежние рубежи уже другим батальоном. Исполняющий обязанности комбата лейтенант Минаков (впоследствии командир 170-го стрелкового полка. – *Авт.)* убыл с передовой для формирования нового батальона из маршевых рот. Я остался в прежней должности на передовой, на южном склоне высоты 269,8 с другим взводом связи другого батальона.

Поступил приказ перейти к жесткой обороне. Командный пункт батальона находился у подножия высоты в полностью разбитой деревне Фомино-1.

В ночь с 17 на 18 мая я вышел вместе с начальником штаба

батальона на передовую, с целью проверки состояния обороны и телефонной связи. Я вырыл, на всякий случай, окоп для отдыха, который перекрыл немецкими винтовками и шинелями, засыпав сверху землей. Перед рассветом начальник штаба покинул передовую. Я до рассвета задержался. В вырытом мною окопе расположился на отдых дежурный телефонист, я к нему прилег поспать. В 12 часов 18 мая немцы открыли минометный огонь. Первая мина попала в перекрытие моего окопа. Мы оказались заживо погребенными. Когда я очнулся от резкой боли, то почувствовал, что оторвана левая нога. Минометный обстрел продолжался, и я очень хотел, чтобы еще одна мина добила меня. Было ясно, что при оторванной ноге в такой обстановке мне не выжить, кроме того, немцы сразу могут пойти в атаку. Станковый пулеметный расчет был рядом с моим окопом. Пулеметчики услышали наш крик, и нас откопали. Рядом лежащий со мной связист вскочил и с криком бросился бежать. Немцы открыли по нему автоматный огонь. Будучи контуженным, он успел добежать до основных траншей. После того как нас откопали, я увидел, что моя нога цела. Оказался закрытый перелом левого бедра, и нога стала значительно короче. Кроме того, я получил контузию и многие мелкие осколочные ранения. Командир стрелковой роты по телефону сообщил в штаб полка о моем состоянии. Я с тревогой ждал наступления темноты. В это время года день длинный, ночь короткая. Санитары могли вынести меня только в темное время суток».

Солдаты, воевавшие под Зайцевой Горой, с той или с другой стороны, никогда не забывали о том, что пережили там. В нашей историографии и литературе есть своего рода поля жестокости и солдатского мужества, братские могилы под названием Ржев, Сталинград, Харьков. По большому счету, в том же ряду стоит и Зайцева Гора – цепь высот, которые сейчас находятся в Барятинском районе Калужской области на Варшавском шоссе, которое теперь, по причине очередного усечения страны и пропорционального уменьшения участка дороги, принадлежащего нам, именуется Рославльским.

Не все атаки дивизий 50-й армии в районе Зайцевой Горы были неудачными. К примеру, 5 апреля, накануне прибытия 58-й стрелковой дивизии в район Сининки, 290-я и 173-я стрелковые дивизии при поддержке танков и артиллерии сломили сопротивление немцев в опорном пункте Фомино-1, ворвались в деревню и к исходу дня очистили ее от противника. Схватка сопровождалась яростным упорством и кровопролитием обеих сторон.

Из немецкого донесения:

«19 тд: во второй половине дня противник при поддержке тяжелой артиллерии продолжил атаки на Фомино. Новая атака 4 танка на позиции восточнее н. п. Прасоловка была отбита массированным огнем всех видов оружия при поддержке штурмовиков. 2 танка повреждены. При поддержке 8 танков противник сумел ворваться в Фомино и оттеснить гарнизон на север. Принимаются контрмеры.

8-й авиакорпус: соединения начальника авиации тактической поддержки «Юг» поддерживали наземные войска на правом крыле 40 тк. Труппы пикирующих бомбардировщиков атаковали исходные позиции противника, уничтожив 5 и повредив 8 машин».

Контрмеры были приняты вскоре. На этот раз контратаковали подразделения 12-го армейского корпуса генерала пехоты Вальтера Гресснера. В эти дни на севере корпус дожимал Западную группировку 33-й армии. Яростные атаки 50-й армии в направлении котла конечно же беспокоили немецкое командование. 12 апреля 1942 года 10-я моторизованная дивизия атаковала позиции 50-й армии и снова вырвала Фомино-1 и район, прилегающий к этому населенному пункту, из рук генерала Болдина.

15 апреля 1942 года, когда севернее, под Вязьмой, уже произошла катастрофа – при попытке пробиться из окружения группа генерала Ефремова была растерзана на марше в Шпырёвском лесу, – командующий фронтом генерал Жуков вызвал к аппарату «Бодо» Болдина:

«У аппарата ЖУКОВ.

Генерал-лейтенант БОЛДИН у аппарата.

ЖУКОВ. Здравствуйте, доложите, что у вас происходит, почему получилась заминка?

БОЛДИН. Тов. Главком, дополнительно [к] моему боевому донесению докладываю:

1. В 13.00 14.4.42 г. противник (пехота с танками) перешел в наступление на выс. 269, 8 с трех направлений:

1) из ФОМИНО 2-е;

2) из ТЫЧЕК;

3) от ЕКАТЕРИНОВКА.

Одновременно открыл по частям, занимающим выс.

269,8, сильный артиллерийский, минометный огонь. Наша пехота под воздействием танков и артиллерийско-мино-метного огня была потеснена на юго-западные скаты этой высоты, где весь день сдерживала наступление противника, не дав прорваться противнику на ФОМИНО 1-е.

2. [В] 16.00 14.4.42 г. противник (пехота с танками) перешел

в контратаку на ЗАЙЦЕВА ГОРА, контратака велась с трех направлений:

1) из района КАЛУГОВО;

2) из района НОВ. АСКЕРОВО и СТАР. АСКЕРОВО;

3) из ФОМИНО 1-е, танки противника контратаковали ФОМИНО 2-е.

По докладу командира дивизии, который находится непосредственно ЗАЙЦЕВА ГОРА, пехоты противника наступало до двух полков. Во время контратаки танков было два налета пикирующих бомбардировщиков на ЗАЙЦЕВА ГОРА, группами 3–5 самолетов, которые сделали по несколько заходов на ЗАЙЦЕВА ГОРА.

Части 173 сд под сильным воздействием артиллерийско-минометного огня, бомбардировки авиации, от двух направлений на выс. 245, 5, отошли на ее южн. скаты. В данное время в районе Зайцева Гора идет бой. Командир дивизии имеет задачу ночным боем снова овладеть ЗАЙЦЕВА ГОРА и восстановить положение.

3. 290 сд ведет бой в лесу юго-зап. отм. 223,3.

4. 336 сд – оставив заслон у безым. хутора, что…км юго-зап. ФОМИНО 1-е, воспользовалась продвижением 290 сд наступает на выс. 229, 8.

5. 116 и 385 сд за 14.4.42 г. продвижений не имели, были остановлены артиллерийско-минометно-пулеметным огнем на южн. опушке леса, что сев. ГАВРИЛОВСКИЙ, МАЛИНОВСКИЙ, а 385 сд южн. окраина МАЛИНОВСКИЙ и вост. окр. ПРАСОЛОВКА.

6. 146 и 298 сд, 11 и 108 тбр приводят себя в порядок и готовятся к удару на ФОМИНО 2-е и ТЫЧЕК.

7. 58 сд без одного сп сосредоточилась в лесах юго-зап. зимницы, имея задачей развивать успех 298 и 290 сд, уларом на ЕКАТЕРИНОВКА, АЛЕКСАНДРОВКА.

8. Противник в течение всего дня 14.4 подбрасывал резервы за счет 331 пд с юго-запада за счет 10 мотодивизии и 260 пд с сев. вост. Подтверждение – имеются пленные.

9. Тов. Главком, у меня продолжает оставаться острым положение с подвозом боеприпасов, горючим и продфуража. Дороги пришли в такое состояние, что для колесного автотранспорта стали почти непроезжими. Мною приняты…

ЖУКОВ. А для вас что, это новость, вы не ожидали, что дороги испортятся?

БОЛДИН. Решительные меры по восстановлению дорог по вашему приказу, член Военного Совета тов. Сорокин находится на дорогах, но принятые меры достаточного эффекта не дают, так как в полосе действий армии бездорожье, имеющиеся грунтовые, проселочные дороги не пригодны.

10. Связь с Беловым и Казанкиным шифром имею, знаю, где они вели бои к исходу дня 14.4.42 г. Вот те вопросы, т. Главком, по которым дополнительно к моему боевому донесению считал необходимым вам доложить.

ЖУКОВ. С пленными вы разговаривали?

БОЛДИН. Нет, не разговаривал, а показания пленных мне докладывал начальник разведывательного отдела и командир 173 сд.

ЖУКОВ. Что пленные показывали о 260 дивизии, где, по их словам, дивизия находится и что показали пленные 10 и 331?

БОЛДИН. Докладываю: первое – 10 мотодивизия: имеет приказ, по которому она наступала на ФОМИНО 1-е 14.4.42 г. <…>

ЖУКОВ. По которому две роты выгнали вас из ФОМИНО 1-е это мне известно. Меня интересует показание пленного 260.

БОЛДИН. Пленные 331 пд, захваченные в лесу зап. ФОМИНО 1-е, показали, что им было приказано наступать в середине дня 13.4, но наши части упредили их наступление.

2. В районе ЗАЙЦЕВА ГОРА были подбиты две машины с пехотой, которые шли с сев. – востока на ЗАЙЦЕВА ГОРА. Взят один пленный с этих машин, который показал, что они ехали из-под ЮХНОВА в ЗАЙЦЕВА ГОРА.

ЖУКОВ. Сколько противника наступало на выс. 269, 8 и сколько обороняло ее? Где были ваши танки в это время, что делали артиллерия и минометы?

БОЛДИН. На выс. 269, 8 вел бой находившийся полк 298 сд. Противник, по докладу т. Захарова, из ФОМИНО 2-е на выс. 269, 8 наступал силой до 2 батальонов пехоты и 7–8 танков. Наши танки в это время находились на сев. окраине ФОМИНО 1-е. Наша артиллерия и минометы вели огонь мало, ввиду ограниченного количества боеприпасов.

ЖУКОВ. Где же была 298 и 290 сд, когда ваш полк сталкивали с выс., или так же, как и танковая бригада, стояли поджавши руки и безучастно наблюдали? Непонятная тактика и больше чем странная. Отвечайте.

БОЛДИН. 290 сд в это время вела бой в лесу юго-зап. отметки 223,3; 298 сд – один полк вел бой на юго-вост. выс. 269, 8, и второй полк вел бой в районе отм. 223,3, то есть на юго-зап. скатах выс. 269, 8, и третий полк выдвигался во втором эшелоне в направлении выс. 269, 8. По докладу командира 298 сд, полк, который занимал эту высоту, решением командира полка под сильным воздействием артиллерийско-минометного огня был отведен на юго-зап. скаты выс. 269, 8.

ЖУКОВ. А вы? Вы где были?

БОЛДИН. Я потребовал, когда узнал об этом, от командира дивизии и от тов. Захарова решительными действиями 198, 146 сд, 108 и 11 тбр восстановить положение и продолжать выполнять задачу.

ЖУКОВ. Почему у вас безнаказанно творятся такие преступления и вы не привлекаете виновных к ответственности?

БОЛДИН. Я приказал виновника оставления выс. 269, 8 расстрелять.

ЖУКОВ. Когда приказали?

БОЛДИН. Приказал тогда, когда мне стало известно о том факте, приказ отдал тов. Захарову.

ЖУКОВ. Пусть Захаров донесет исполнение лично мне. Вас я лично очень внимательно инструктировал о тактике действий, о руководстве частями, о требовательности и быстроте расправы с паникерами и не выполняющими боевых приказов, видимо, не все вами понято, так как я не вижу точного выполнения, в частности:

1. Из 15 соединений, которые вы имеете, у вас на сегодняшний день и вчерашний день активно дрались только три дивизии, а 10 действовали пассивно, оборонялись. Из 13 стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали, что же это за тактика, не понимаю.

2. Противник вас гонит с 7 танками, вы имеете 100 танков, то есть в 14 раз больше, что же это за тактика такая. Вы, видимо, читали доклад командира 10 мотодивизии, как он одним полком все время отбивал наступление ваших семи дивизий, такое поведение только дискредитирует Красную Армию. Как же вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную Армию. Вы все время жаловались на отсутствие танков, сейчас у вас в десятки раз их больше, чем у противника, но результаты все те же. Дискредитация Красной Армии не понятна, почему вы узнаете об отходах тогда, когда это уже совершилось, значит, вы не руководите боем, не организовано у вас управление, нет у вас своих глаз на передовых позициях, а это значит, армия действует без руля и без ветрил. Я требую под вашу главную ответственность занятия: ЗАЙЦЕВА ГОРА, ФОМИНО 2-е, ТЫЧЕК, ЕКАТЕРИНОВКА, ВЕЛЬСКАЯ, ЛИПОВАЯ РОЩА. Я требую заставить 116-ю и 385-ю стрелковые дивизии немедленно занять МАЛИНОВСКИЙ и выйти в назначенные районы. Я требую для усиления удара завтра же ввести 58-ю стрелковую дивизию. Танковые бригады – 11-ю и 108-ю держать с пехотой на шоссе, 112-ю бросить на помощь левому флангу; к левому флангу подтягивать 69-ю. Устройство тыла немедленно перекантовать на Барятинскую, откуда и производить подачу

войскам. В неподготовленности дорог виноваты только вы. Проблагодушествовали, а сейчас пожинайте свои плоды. Шесть тракторов, что мы могли найти и оторвать временно от других частей, вам послано, больше у меня помочь вам нечем. Устраивайте тыл на БАРЯТИНСКУЮ. Прикажите 69-й, ее правому крылу, приступить к энергичным, активным действиям, чтобы не дать противнику маневрировать своими резервами. Противник имеет четыре дивизии и ими маневрирует против ваших 15 соединений так, как ему хочется. Он играет с вами как кошка с мышкой. Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага. Имейте в виду, что это не зазорно, наши предки всегда учились у врагов, а затем били их, своих учителей, а вы, видимо, не хотите позаимствовать у врага хорошие и полезные примеры, рядовые люди обязаны всегда впитывать в себя все новинки и учить своих подчиненных. Поэтому у вас ничего не получается. Короче говоря, вы должны строго помнить наш последний уговор, я о нем докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверил, что если еще случится, то будет выдано в квадрате. Сейчас же передайте мои требования всем, кому следует, и организовывайте исполнение указаний. Тыл перекантовывать на БАРЯТИНСКУЮ, распоряжение нами дано, дорогу застилать фашинами, другой дороги никто для вас сейчас не сделает. Как с продовольствием в войсках?

БОЛДИН. С продовольствием в войсках плохо. Вопрос исключительно упирается в подвоз со станции снабжения.

ЖУКОВ. С БАРЯТИНСКОЙ сможете подавать. От БАРЯТИНСКОЙ рядом. Какие у вас могут быть затруднения?

БОЛДИН. Приняты меры, чтобы брать с БАРЯТИНСКАЯ.

Тов. Главком, к какому вопросу относится последний ваш вопрос, прошу уточнить?

ЖУКОВ. С доставкой с БАРЯТИНСКОЙ.

БОЛДИН. Главные затруднения с поставкой – это раскисли все дороги. Станция БАРЯТИНСКАЯ немного ближе, сокращает путь по вопросу обеспечения меня боеприпасами, горючим и продфуражем.

ЖУКОВ. Стелите дорогу фашинами, хворостом, прочим твердым материалом, завтра мне особым донесением донесите, что именно сделано во исполнение моего указания. До свидания.

БОЛДИН. Докладываю дополнительно:

1. 58 сд до сего времени не подтянула в район действий свой артполк. Мною приняты меры, как можно быстрее его подтянуть.

2. 69 сд, как я вам докладывал своими донесениями, и на сегодняшний день не готова. Обуви кожаной до сего времени не получила, тот, кто отправлял эту дивизию на фронт, отнесся

крайне халатно, я бы сказал преступно, в таком состоянии отправлять дивизию на фронт нельзя. В район, который имеете в виду для 69 сд, она основными силами уже вышла.

3. 112 тбр задачу от меня имеет наступать в направлении, как вы требуете.

4. Дивизии правого крыла 325, 344 и 413 сд от меня получили приказ, в соответствии с вашими указаниями, действовать – наступать, и они 13, 14 действовали, сегодня будут продолжать действовать. Все вопросы и ваше указание мною поняты, немедленно приступаю к их выполнению. БОЛДИН.

ЖУКОВ. Исполняйте приказ и действуйте как следует. До свидания» [94] .

Если на этот разговор наложить воспоминание-стон младшего лейтенанта, которые процитированы выше, то, пожалуй, получится наиболее правдивая версия тех жутких обстоятельств, в которых пребывала 50-я армия. Жуков ее всячески толкал на север, к Вязьме, на выручку Ефремова, Белова и Казанкина. Какая там выручка… Самих надо было выручать.

Зайцева Гора в те дни для генерала Болдина и его солдат стала голгофой. Выжившие в том аду либо не хотели потом вспоминать о пережитом, либо вспоминали с ужасом.

В мемуарах же генерала Болдина о боях в районе Зайцевой Горы всего несколько строк, которые неосведомленному читателю не скажут ничего. Не хотелось генералу после Победы вспоминать свои – да и не только свои – промахи 42-го года.

Вначале обработали из минометов. Да так, что тела убитых и раненых выбрасывало из окопов. Тяжелые мины ложились парами.

Когда начало трясти землю, Отяпова затошнило. Хорошо, что ничего не ел, подумал он, сплевывая под ноги горькую желчь тягучей слюны. Зашумело в ушах. Контузия, сволочь такая…

Он пришел в себя оттого, что кто-то с силой тряс его за плечи. Пелена перед глазами рассеялась, и он увидел искаженное ужасом лицо Гуська. Случилось что-то страшное, понял Отяпов и попробовал встать. Все суставы болели. Руки-ноги дрожали.

– Танки! – услышал он голос Гуська.

Через них перепрыгнул лейтенант. Тут же резко ударила бронебойка. Обдало снегом и мерзлой землей.

«Началось… Ничего, сейчас встану и я…» Отяпов навалился грудью на бруствер. Затолкал в магазин новую обойму. Уже понесло по траншее пороховой дымок. И этот запах заставил Отяпова внутренне встрепенуться, взять себя в руки.

Снова ударила бронебойка. Отяпов оглянулся. Первый номер в расстегнутом полушубке стоял на коленях в снежном ровике и

тщательно прицеливался – туда, вдоль склона, где, должно быть, и происходило самое страшное.

Выстрелил и Отяпов. Теперь он видел, в кого надо стрелять.

Немцы атаковали тем же манером, что и они. Танки шли впереди. Пехота, небольшими группами, до отделения, не больше, продвигалась под их прикрытием.

Отяпов стрелял, выцеливая синие в вечерней мгле фигурки немецких пехотинцев, мелькавшие за коробками танков.

Танк, шедший прямо на их окопы, неожиданно резко развернулся и осел на правую сторону.

– Патрон! Быстро! – крикнул бронебойщик своему второму номеру.

Вот молодец Тимир, с благодарностью подумал о бронебойщике Отяпов.

Танк развернуло боком к их окопам. Теперь в него стреляли все. И вскоре он задымил. Открылся верхний люк, и из него кубарем выкатился танкист, спрыгнул по броне вниз и исчез в снегу.

Ловок… Жить охота… Второго Отяпов не пропустил. Немец повис на броне, потом сполз на корму. И вскоре начала дымиться, а потом загорелась его одежда. Танк охватило пламя, начались рваться боеприпасы.

Два других танка начали пятиться назад. Пехота залегла, открыла огонь. Перестрелка длилась минут пять. Потом стала гаснуть. Немцы короткими перебежками начали отходить ко второй линии своих окопов.

Ночью бойцы ходили к танку – греться.

Отяпов тоже хотел сходить, посмотреть, как его, чертова сына, раздуло от внутренних взрывов. Но усталость разламывала все тело, клонило в сон, да так неодолимо, что, кажется, захворал и это хвороба его захватывает своей силой, а не сон. Но и уснуть он не мог. Проклятая контузия… Теперь он чувствовал: это она не отпускала, корежила и мучила его тело.

Утром, когда наступил артиллерийский рассвет, прилетели самолеты. Никто их не отгонял – ни истребители, ни зенитки. Пикировщики выстроились гигантским колесом и парами бросались на их окопы.

Как ни странно, но бомбежку Отяпов вынес легче.

Самолеты заходили снова и снова. Когда очередной «лаптежник» зависал над линией окопов и от него отделялась, будто помет, бомба, казалось, что она-то вот сейчас и прилетит в его окоп. Но спустя мгновение бомбу сносило куда-то в сторону. И опять жизнь продолжалась.

Самолеты улетели. Наступила тишина. И что стряслось,

откуда прозвучала эта команда, а может, никто и не подавал никакой команды, а с людьми, сразу со многими, произошло нечто, что заставило их выскочить из окопов и бежать вниз по склону, к своим окопам.

Напрасно лейтенант размахивал пистолетом, выскочив наперерез бегущим. Его сбили с ног и, наверное, затоптали бы, если бы не Отяпов. Он подхватил лейтенанта под руки, поставил на ноги и толкнул вниз. И через мгновение тот уже бежал вместе со всеми.

В окопах их встретил комбат Титков. Он стоял на бруствере и, выбирая из оравы бегущих кого-нибудь одного, тщательно прицеливался в него и нажимал на спуск. «Трусы! Мать вашу!..» – матерился он и снова тщательно прицеливался, чтобы ни одна пуля не пропала зря.

Револьвер прыгал в его руках, как механический молоток, которым он уверенно забивал гвозди. Когда патроны кончились, он открыл барабан и начал заряжать его. Но в это время бегущая лава хлынула в окопы, и комбата Титкова сбили с ног.

В полдень по ходу сообщения ходил командир полка. Пожилой, постарше Отяпова, полковник с седыми усами, в белой каракулевой шапке. Лицо его было осунувшимся, глаза красными от недосыпания.

– Что ж вы, братцы, натворили, – приговаривал он, заглядывая в лица бойцов, которые при виде полковника вытягивались в своих тесных ячейках, прижимая к бокам винтовки, будто боясь, что сейчас полковник потребует показать ему штык и скажет: «Вот он!»

Комбата нашли в траншее с пробитым боком и стреляной раной. Кто-то из бежавших бойцов всадил ему штык и одновременно выстрелил. Если бы только выстрелил, может, сошло бы за пулю с той стороны. Но штык, пропоровший Титкова насквозь…

Отяпов знал капитана Титкова давно. И о том, что с ним случилось, не сожалел. Никто о случившемся не говорил. Но по лицам было видно – думали все.

Вместе с полковником в роту пришли два младших лейтенанта из штаба дивизии – дознаватели особого отдела.

Отяпов посматривал на Лапина. Тот не подавал виду. Но притих.

Когда ввалились в окопы и начали разбираться, где свои, а где чужие, когда еще не разошелся слух об участи капитана Титкова, Отяпов видел, как Лапин менял штык. Сдернул штык с винтовки убитого, а свой снял и сунул под еловую подстилку.

– Слышь, командор, – шепнул Лапин Отяпову, – как думаешь,

кто хозяина заколбасил?

Отяпов ничего не ответил, даже не взглянул в сторону Лапина. И тот заметно заволновался. Снова зашептал:

– Никак следаки пришли? Как думаешь, шмон будет?

– Ты штык-то поглубже припрячь, – отмолвил ему Отяпов и посмотрел в глаза так, чтобы тот больше ни в чем не сомневался. – И обойму дозаряди. Понял?

Тот взгляд выдержал. Ухмыльнулся:

– Понял, командор. Понял, не дурак. А кроме тебя, кто-нибудь видел?

– Кто видел, тот будет молчать.

– Ну-ну.

Младшие лейтенанты начали по очереди вызывать в землянку. Но после второй пары в роту прибежал повар Улыбин и сказал, что в лесу он напоролся на колонну танков и грузовиков с солдатами. Немцы ехали со стороны Варшавки. Коня и котел он бросил и насилу сам вырвался живой.

– Чтоб ты сдох! – сказал кто-то угрюмо.

Что и говорить, а котла с кашей было жалко. Но появление немецкой колонны в тылу обеспокоило больше. Ротный тут же схватил Улыбина за ремень и потащил в штабную землянку. Командир полка был еще на НП, слушал показания бойцов, которые в момент гибели комбата были рядом или поблизости. Когда ротный доложил о немецкой колонне в тылу, полковник побледнел, а следователи тут же выгнали допрашиваемых из землянки и засобирались в штаб дивизии.

Выслали разведку. Разведка еще не вернулась, а левофланговый батальон уже вступил в бой с перевернутым флангом, отбивая атаку немецкой мотопехоты.

Бой длился до самой ночи. Ночью рота отошла к болоту. А утром пронеслось: «Отрезаны».

Когда отходили к Шатину болоту, осколком мины ранило Гуська. Автомат он отдал Курносову. Гуська перевязали и увезли на санитарной повозке. Повезли его по единственной дороге вокруг болота, которая пока еще оставалась в их руках. Раненых возили в лес. Говорили, что там, в оврагах, рядом с артиллерийскими складами, был развернут полевой госпиталь.

Остаток ночи прошел без сна и покоя. Зарево полыхало повсюду. Кругом гремело. Бывалые бойцы сразу определили, что работает тяжелая артиллерия. А это означало, что происходило что-то серьезное.

Утром стало известно, что немцы рассекли порядки армии на две части и одну из них, около трех дивизий и части усиления, а также тыловые службы и учреждения, окружили.

Отяпов знал, что такое окружение и чем это кончается.

Бойцы сгрудились возле своего лейтенанта. Тот молчал. Он и сам знал не больше других. Но все все равно бойцы с надеждой смотрели на него. Ждали, что вот-вот начнется прорыв. Но командиры молчали. Куда-то ездили на лошадях, кричали друг на друга. Матерились. И видеть это становилось невыносимо.

Прошли еще сутки. Рота оставила проселок и ушла по тропе через болота в лес. Через болото было видно, как по дороге двигались немецкие танки в бело-полосатом камуфляже с желтыми крестами.

В ночь назначили прорыв. Приказали изготовиться.

Почистили оружие. Приготовили гранаты. Старшина раздал сухари и сушеную воблу. Костров разводить не разрешали. Пожевали воблы с сухарями. Запили вонючей болотной водой.

Наступление началось только к утру, когда стало светать. И сразу же первые эшелоны попали под минометный и артиллерийский огонь. Ничего не вышло. Народу на опушке и в оврагах, по которым скрытно передвигались колонны первого эшелона, оставили много. Когда уходили, долго оттуда доносились стоны и крики раненых.

Санитары несколько раз пытались вернуться, чтобы хоть более или менее надежных вытащить, но их отгоняли немецкие «кукушки», которые расселись по деревьям и открывали огонь по любому движению или шороху. Санитары рассказывали, что немцы ходят по оврагам и добивают раненых штыками.

Лапин теперь не отходил от Отяпова. Он знал, что отделенный уже бывал в окружении, что вышел и вывел людей. Инстинкт подсказывал ему, что на командиров надежда плохая, а этот неказистый с виду ефрейтор знает то, чего не знают многие, что вдобавок ко всему он человек фартовый и что его фарт и опыт помогут ему и, возможно, тем, кто окажется рядом с ним, и на этот раз.

Раз вышел Отяпов к дороге, а навстречу Лидка гонит санитарные сани. В санях раненый, до глаз замотанный в бинты. Бинты промокли, сочились кровью.

– Дядя Нил! И ты тут?

– А где ж мне быть, милая! Где беда, там и я. Гуська, автоматчика моего, не видела?

– У нас он. Операцию сделали. Осколок вытащили.

– Ну как он?

– Лежит.

– А покормили ж вы его хоть? Или голодный погибает? На-ка, Лидушка, передай ему гостинцы. – И Отяпов протянул Лиде сверток, где хранился остаток его сухпайка – кусок воблы и

несколько сухарей.

– Не надо, дядя Нил. У нас кухня своя. И концентраты пока есть.

– Ну, гляди. Парня мне не погуби. Передай от меня ему поклон.

День прошел в скитаниях по лесу. Куда шли? Кто их вел? Что их ждало в конце пути? Никто на эти вопросы ответы им дать не мог. Уже никто не заботился о том, что роту надо кормить, пополнять подсумки патронами, а раненых и больных отправлять в лазарет. Старшина куда-то пропал. Ротный с санинструктором и связистами тоже ушел в голову колонны, где, говорят, двигался штаб полка.

К вечеру на них налетели самолеты. Та же стая пикировщиков. Посыпались бомбы. Когда запас бомб иссяк, самолеты заходили и атаковали вновь и вновь, простреливая лес и овраги из пушек и пулеметов. Народ разбегался по лесу. Многие так и не вернулись.

Недосчитался и Отяпов в своем отделении троих человек. Трое остались на высоте. Гусёк – в полевом госпитале. Так что Отяпов остался с Лапиным и Курносовым.

На ночевку остановились в глухом овраге. На этот раз разрешили разжечь костры.

Ротный пришел, посмотрел на них, покачал головой и снова куда-то пропал.

Вокруг лейтенанта их оставалось двенадцать человек. Вместе с противотанковым и пулеметным расчетами. Ни ружья, ни пулемета взвод не бросил, хотя бегали много. Второй расчет погиб – мина попала прямо в их окоп, когда сидели на высоте.

На третьи сутки пришел незнакомый полковник и сказал, что он будет их выводить и что в группу прорыва нужны автоматчики. Увел из роты трех автоматчиков, в том числе Курносова.

Группа прорыва начала строиться на южной опушке леса. Остальным приказали ждать. Как только они прорвутся – за ними.

Прибежала Лида:

– Раненых приказано оставить.

– Как – оставить?! – Отяпов чувствовал, что что-то должно произойти такое, что хуже окружения и гибели в этих проклятых болотах. – А ну-ка, рассказывай, как туда пройти.

– Куда ж вы пойдете, дядя Нил? Там, может, уже немцы.

– Далеко от складов?

– Рядом. Западнее, первый овраг. Гусёк ваш там.

Опяпов бежал так, как даже с высоты не бежал. Стежка

к госпиталю была хорошо натоптана. Даже не одна. Он бежал по санному следу и вскоре увидел то, что осталось от

артиллерийских складов. Боеприпасы, видимо, все вывезли. Пока сидели в окружении, артиллеристы расходовали остатки запасов. Кругом валялись пустые ящики, несколько конных передков без колес. А дальше санный след превращался в серое, в кровавых бинтах, месиво, скопище ползущих и ковыляющих людей. Одни двигались по дороге. Другие расползались по лесу. Это были раненые. Стоял стон, крик, брань и проклятия.

– Гусёк! – закричал Отяпов. – Ты где, Гусёк?

Лица, которые нескончаемой чередой мелькали перед ним, были чужие, заросшие щетиной, злые.

Господи, ужаснулся Отяпов, да как же это раненых-то бросили…

Кто-то ухватил его за валенок. Отяпов машинально отдернул ногу. Господи, что ж это… Где Гусёк?

– Гусёк! – снова закричал он, раздирая горло.

Вокруг хрипели чужие голоса.

Он спрыгнул в овраг. Раненые здесь лежали правильными рядами на подстилке из еловых лапок. Сверху прикрыты одеялами и шинелями.

Гусёк лежал возле ели. Сучья у ели были обрублены снизу. Видимо, пошли на подстилку.

– Гусёк! Что ж ты лежишь? Надо уходить!

Гусёк плакал. Слезы бежали по его грязным щекам блестящими дорожками.

– Ты за мной, дядя Нил?

– За тобой, за тобой, сынок.

Отяпов снял надетую через голову винтовку.

Рядом с Гуськом лежал пожилой боец с артиллерийскими петлицами. Ноги его были укутаны. Но сквозь одеяло сочилась кровь.

– Что, за сыном пришел? – сказал он тихо.

– За сыном.

Слава богу, Гусёк был жив. Лида сказала, что осколок вынули. А значит, была операция. Отяпов знал, что после операции тревожить человека нельзя. Но как же тут не тревожить?

– Слышь, браток, ты меня, такого, не оставляй. – Артиллерист смотрел на него глазами человека, который уже знал свою судьбу до конца.

– Как же я вас, двоих-то, понесу?

– А ты неси его. Он молодой, ему еще жить и жить. А меня… – Артиллерист указал дрожащим пальцем на винтовку, которую Отяпов сунул прикладом в снег и она теперь стояла рядом с ним, как живая.

– Что ты? Я такое не смогу.

– Сможешь. Бросить нас смогли. А стрелять – легче. Поверь мне, легче. Я стрелял. В октябре, под Вязьмой. Так что давай.

– Да у меня и патронов-то нет, – стал отговариваться Отяпов, чувствуя подступающий ужас и власть неподвижного взгляда артиллериста.

– И меня, – вдруг послышалось из-под другой шинели.

– И меня…

– И меня…

Он завернул Гуська в одеяло, перекинул его через плечо и, опираясь на винтовку, как на посох, трюшком побежал вдоль оврага, назад, к артиллерийскому складу, к дороге.

В стороне леса, где осталась рота и где незнакомый полковник собирал автоматчиков в группу прорыва, послышалась стрельба и хлопки гранат. Значит, пошли.

Отяпов пересек дорогу и зашагал напрямую, по глубокому снегу. Так, казалось, ближе до южной опушки. Может, всего с километр.

Гусёк потяжелел. Похоже, он был без сознания. Но теплый. Значит, живой, с надеждой думал о своем боевом товарище Отяпов. Через одеяло он чувствовал его тепло.

В стороне санной дороги заурчал мотор. По звуку немецкая танкетка. Как Бог его отвел от дороги…

Там закричали нечеловеческим криком. Танкетка взревела мотором, понеслась в глубину леса. Давит, гад, догадался Отяпов. Такое он уже видел под Брянском.

Силы еще были. Он лез по глубокому снегу, тащил свою ношу и чувствовал, что этот километр он пройдет без остановки и отдыха.

Так и вышло. Но когда он вышел в знакомый лес, где оставил свой взвод и Лиду, никого живого там не увидел. И лейтенант с остатками взвода, и рота, и полк – все ушли. В затоптанном снегу лежали только с десяток убитых. Рядом валялись их винтовки. Подсумки их были расстегнуты и пусты.

Следы вели в одну сторону. Отяпов пошел по ним. Куда ушел полк, туда надо и им. Куда же еще…

На опушке лежало еще несколько трупов. Они уже закоченели.

Дальше надо было идти не по лугу, а лучше лесом, вдоль опушки. Отяпов знал, что идти надо именно так. Хотя глубокие и уже смерзшиеся тропы в снегу манили тем, что идти по ним значительно легче, чем по целику.

Так он прошел еще с километр.

Стрельба уходила правее и дальше. А он, держа вдоль

опушки, поворачивал в тишину. Впереди было тихо. И там же, впереди, светился прогал. Узкая поляна, уходившая в глубину леса. Видимо, лесной покос. Или просека.

Обходить ее Отяпов не стал. Слишком далеко. Силы надо было беречь.

Когда он вышел на просеку, почувствовал, что он тут не один. За ним кто-то внимательно наблюдал. Чужой. Отяпов оглянулся и посмотрел из-под своей ноши в глубину просеки. На густой сосне сидел человек. Сидевший был замаскирован сосновыми ветками и куском белой материи. Но опытный взгляд охотника разглядел его среди маскировки. «Кукушка». Снайпер. Или наблюдатель. Что тут делать наблюдателю? В белом маскировочном халате. Человек смотрел в бинокль. Смотрел на них. На то, как он тащит своего товарища, опираясь на винтовку, как на посох.

Когда же он выстрелит, напряженно думал Отяпов. Вот сейчас… Сейчас… Еще шаг… Еще два… До леса шагов пятьдесят, а по такому снегу – еще больше. Сейчас…

Глава 12 Зайцева гора

«А вы как считали, противник будет мух ловить?..»

На Зайцевой Горе. Танк Валея. Пикировщики Ю-87. Полное бездействие нашей авиации из-за раскисших аэродромов и нерасторопных командиров. Свидетельства очевидцев. Разговор Жукова и Болдина: «Это, кажется, будет по счету пять или шесть растрепанных бригад…» О.А. Набатов: «Всюду убитые…» Армия истощена. Судьба генерала Болдина. Жуков: «Он же самый плохой командующий армией за всю войну…»

Варшавское шоссе – дорога прямая. Рассекает юго-запад Московской, а затем всю Калужскую область. В самой середине – Зайцева Гора. Деревня. Заправка. Придорожное кафе. Музей. Братская могила. Над могилой памятник. Здесь, в этой могиле, и в окрестностях похоронены тысячи. А сколько лежат непохороненными – в лесу, в Шатином болоте, в оврагах, в поймах речек Неручи, Ужати, Перекши. Десятки тысяч…

Вот воспоминания об одном бое одного из выживших – бывшего начальника разведки 280-го артполка 146-й стрелковой дивизии И.М. Романова:

«Сознание, медленно возвращавшееся ко мне, заставило взглянуть меня прямо вперед – в сторону нараставшего гула и треска. Там, ярко выделяясь черно-желтыми крестами, шли на наши позиции побеленные вражеские танки, за ними – пехота в маскхалатах. Они были уже совсем близко.

Вот из соседнего окопчика, слева, выскочил и наискосок, наперерез танку побежал наш боец с высоко поднятой противотанковой гранатой. Вдруг он упал, но тут же приподнялся и, припадая на левую ногу, снова побежал. Я заметил, что вместо левого ботинка на снег опускалось что-то блестящее, белое. «Это же кость! Как же это он?» – подумал я. Тут боец бросился с гранатой под гусеницы танка. Раздался взрыв. Машина стала.

После боя мы пошли назад к нашим окопчикам. Недалеко стоял недавно подбитый танк. Из открытого верхнего люка свесился убитый немецкий танкист. Около танка несколько наших бойцов склонились над героем, подбившим этот танк. Мы подошли ближе – скуластое татарское лицо было забрызгано кровью. Боец был мертв. Один из окружавших тихо сказал:

– Я его знаю. Мы вместе в Высокой Горе призывались… Его Валеем зовут…

Бойцы бережно подняли тело убитого товарища и понесли к окопам. Горынин вынул финку и крупными печатными буквами на лобовой броне танка нацарапал: «ТАНК ВАЛЕЯ».

А ведь мы, дети и внуки сражавшихся и умиравших под Зайцевой Горой, должны, просто обязаны отыскать полное имя этого героя из Высокой Горы.

Если прочитают эту книгу в Татарстане, в городке Высокая Гора, я уверен, героя из 146-й стрелковой дивизии по имени Валей можно попытаться отыскать. Это так нужно нам. Возможно, на родине отважного Валея живут его внуки и правнуки. Им, живущим, родному городу, землякам надо вернуть их героя. И вместе ходатайствовать перед правительством РФ о присвоении Валею звания Героя.

Воевавшие весной 1942 г. в районе Шатина болота и Зайцевой Горы вспоминают, что для них сущим адом были постоянные налеты немецкой авиации. Чаще всего это были группы пикировщиков Ю-87. Они накрывали не только позиции стрелковых рот, но и были довольно эффективным противотанковым средством. Многие тридцатьчетверки танковых бригад были сожжены или выведены из строя именно от воздействия пикировщиков.

Генерал Болдин продолжал атаки в направлении Фомино, Малиновский, Гореловский и других опорных пунктов противника, бросая в бой по два-три батальона, иногда несколько полков при поддержке небольшого количества танков. Ни одной мощной атаки, в которую были бы вовлечены все боевые машины танковых бригад, не было проведено. Ни одной полномасштабной операции, в которую были бы вовлечены все ресурсы армии, штабом 50-й армии разработано и проведено не было.

Бездействовала и авиация 50-й армии. А в ней имелось достаточное количество не только бомбардировщиков, но и целый истребительный полк. Но истребители не прикрывали с воздуха ни свою пехоту, ни свои танки.

К концу апреля в бригадах осталось 10 исправных Т-34-76, 2 КВ и 28 легких Т-60. На одну хорошую атаку. Но она так и не последовала.

20 апреля 1942 года состоялся очередной разговор Жукова и Болдина. Судя по временной вилке, указанной на архивных листах, переговоры длились более полутора часов.

«04.00-5.45.

У аппарата ЖУКОВ. Здравствуйте, т. Болдин.

У аппарата БОЛДИН. Здравствуйте, тов. Главком.

ЖУКОВ. 112 бригада у вас дерется на левом фланге, и есть сведения, что она ворвалась в Гореловский, а 108 и 11 второй день бой не ведут, почему они не помогают ни 112 бригаде, ни пехоте?

БОЛДИН. Докладываю:

1. В 108 танковой бригаде на 19.4 ни одного исправного танка КВ не было. 8 танков КВ находятся в парке, 2 из них ремонтируются, а к 6 танкам нужны запасные части; танки Т-34 – исправных было только 2, 10 танков в парке, из них 2 ремонтируются, для 8 нужны запчасти. 11 танковая бригада на 19.4 имела исправных танков КВ – 2, Т-34 – 5, Т-60 – 16, в парке КВ – 9, из них 5 ремонтируются, Т-34 – в парке 10, из них 3 ремонтируются. Большая часть танков 108 и 11 танковой бригад бездействуют по технической неисправности. В 108 танковой бригаде исправных имеется Т-60 – 12 штук.

2. 112 танковая бригада 19.4 тремя танками врывалась в Гореловский, но пехота минометным, пулеметным огнем, а главным образом авиацией была отрезана от танков 112 бригады и в Гореловский не ворвалась. 18.4 четыре танка 112 танковой бригады врывались в Малиновский, пехота так же, как и 19.4, была отрезана от танков заградительным минометным и пулеметным огнем, бомбардировкой и штурмованием авиации противника.

3. Ввод в действие 108 и 11 танковых бригад в направлении Фомино 2-е без сильного массирования арт. огня по северо-восточным скатам выс. 269, 8 и по южной окраине Фомино 2-е не представляется возможным, так как при выдвижении наших танков с Фомино 1-е в направлении Фомино 2-е противник открывает сильный арт. огонь и с южной окраины Фомино 2-е и с северо-восточных скатов выс. 269, 8, а главным образом беспрерывная бомбежка и штурмование самолетов наносит большие потери танкам и пехоте.

4. Перекантовывать 11 и 108 танковые бригады в район Гореловский и Малиновский считаю нецелесообразным, так как в этом районе действие для танков весьма ограничено, потому что танки могут проходить в этом районе только по одной дороге из Марьино на Гореловский и на Малиновский. Стеснен маневр для танков в этом районе разливом воды и торфяными болотами.

5. Привожу 11 и 108 танковую бригаду в порядок и готовлю продолжение удара в направлении Фомино 2-е, но на подготовку потребуется 3–4 дня. Мне нужно подвести снаряды и мины на огневые позиции и продовольствие для войск в Барятинское.

6. С открытием станции снабжения Барятинское положение с подвозом боеприпасов и продфуража стало немного улучшаться.

7. Противник тормозит нам подвоз по жел. дороге на ст. Барятинская. Авиация бомбит станцию и перегоны на отдельных участках.

8. Тов. Главком, прошу учесть, дело с дорогами очень плохо и с каждым днем ухудшается. Дружное таяние снега;

незначительные ручьи, лощины, низменности превратились в непроходимые места для транспорта всех видов, а на ровной местности сплошная грязь.

9. Днем 19.4 наблюдалась подброска пехоты противника с юго-запада и выгружалась с машин в районе Вельская, частично направлялась в район Малиновский, Гореловский.

10. В 22.00 19.4 противник повел наступление из Фомино 2-е на выс. 269, 8, контратака к 2.00 20.4 отбита. Вот те вопросы, которые я считаю необходимым доложить вам.

ЖУКОВ. Мне многое непонятно из того, что вы мне говорите.

Во-первых, первый раз слышу, что 11, 108 тбр растрепаны, это, кажется, будет по счету пять или шесть растрепанных бригад. Вы были обязаны, согласно приказу, производить тщательное расследование о каждом погибшем танке или выбывшем из строя и немедленно доносить факт, достойный сожаления, невыполнение приказа. Вынужден буду назначить следствие. Вы все время доносили о том, что высота 268,8 находится в ваших руках, а сейчас докладываете: северо-восточные скаты в руках противника. Не пойму я вас, почему вам понадобилось вести танки на артиллерийский огонь. Непонятно, можно было танки подвести по юго-западным скатам. Но дело, видимо, не в том, где их вести, а, главное, вести нечего вам, все растрепали. Если так легкомысленно будут бросаться танки, как до сих пор вы бросаете на нерасстроенную систему огня, ничего у вас не выйдет. Непонятно мне, для чего у вас врываются танки наподобие: ворвались в Гореловский, ворвались в Малиновский, а пехота оказывается отбита организованной системой огня. Азбучная истина обязывает: прежде чем бросить танки, нужно подавить систему огня, а тогда только бросать танки. А у вас делается наоборот. Вам об этом неоднократно давалось указание, но, видимо, до сих пор эти элементарные истины не поняты и танки продолжают гибнуть без всякой пользы. Бросание танков без подавления системы огня противника я считаю АВАНТЮРОЙ. Виновников гибели танков, танкистов, безусловно, надо судить. В отношении паники от авиации противника могу только предложить одно – пресекать эту панику в корне. Никакой массовой гибели от бомбометания на протяжении всей войны не было и нет сейчас. Все это выдумывается для оправдания невыполнения приказа, для оправдания потерь, которые получились при панике в Фомино 1-е, о чем нас информировал Быстров, и массовых потерь от плохой организации боя, массовых потерь, от той вакханалии и беспорядка, который существует и творится в армии. Ваша авиация сейчас бездействует, об этом вы пишете в донесениях, но не отчитываетесь о невыполнении

приказа, о подготовке аэродрома. А ведь был приказ, обязывающий Военный совет подготовить армейский аэродром, но вы этого приказа не выполнили, авиация ваша не летает сейчас. Могу только предложить вам выполнить приказ о быстрейшем введении в строй аэродрома. Истребительной авиации фронтовой я больше 20–25 самолето-вылетов вам дать не могу, и то они над полем боя, как показал опыт, могут быть не более 20–25 минут. Значит, прежде всего, я обязываю вас организовать настоящую зенитную оборону, средствами самих войск, твердой рукой бороться с паникерами и распространителями панических слухов, по существу агитирующих за немецкую авиацию, и навести в этой части полный порядок, чтобы войска стойко встречали авиацию и не разбегались бы, как об этом свидетельствует в донесении Быстров и о чем вы, к сожалению, до сих пор не донесли. О том, что случилось у вас Фомино 1-е, вы обязаны были без утайки правдиво донести.

Вы сейчас докладываете, что противник подбрасывает резервы. Что же, об этом я вас предупреждал неоднократно и лично и в документах. А вы как считали, противник будет мух ловить? Нет, ловить мух он не будет. Каждую вашу проволочку во времени он использует для маневра и постарается вас обыграть, а обыграть вас ему труда не составит потому, что ваши войска стоят на месте, не маневрируют огнем сами, стоят на месте и не двигаются, а такого противника бить не трудно. Если вы в течение двух ближайших дней не разобьете противника в районе действия ударной группы, противник вам подготовит большую неприятность, я бы сказал даже крупную неприятность, от которой и вам, и нам придется краснеть, и отсюда делайте свои выводы и расчеты. Где сейчас находится Захаров, как он показывает свои способности?

БОЛДИН. Тов. Захаров находится на наблюдательном пункте в районе Зимницы. С моего НИ, где находится тов. Захаров, организовано непосредственное управление войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Вместе с т. Захаровым находится начальник артиллерии армии и т. Мартынов. Они все втроем мне помогают управлять войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Тов. Захаров держит себя хорошо.

ЖУКОВ. Армией командовать может?

БОЛДИН. На вопрос, может ли командовать армией, в данное время ответ пока дать затрудняюсь, так как мало еще его изучил.

ЖУКОВ. Приведена ли в порядок 69?

БОЛДИН. 69 для ввода в бой еще не готова. При вашей

помощи за трое суток можно будет привести в боеготовность. До сего времени нет полностью кожаной обуви и не подошел колесный обоз. По вашему приказанию за две ночи самолетами подбросили около 4000 пар обуви. Командование к отправлению на фронт дивизии отнеслось безобразно, отправило дивизию небоеспособную.

ЖУКОВ. Я это слышал уже не раз, не повторяйте. Вы создали какие-то опергруппы, т. е. создали промежуточные станции. Это есть скрытый обход приказа Наркома по ликвидации корпусов.

БОЛДИН. Тов. Главком, докладываю: никакой оперативной группы я не создавал. Я возложил на т. Гетмана увязку взаимодействия пехоты с танками 116и385 сдс 112 танковой бригадой. Тов. Гетман является из этих трех командиров самым сильным по подготовке и практической работе. В моей телеграмме т. Антонову я неудачно выразился.

ЖУКОВ. А как же ваша телеграмма Антонову о том, что Гетман командует опергруппой. Ваша телеграмма на имя Антонова прямо говорит, что Гетман командует опергруппой в составе трех соединений. Ну, тогда мне говорить больше нечего. Гетмана немедленно откомандируйте на более важную работу, не задерживая, ибо для нас каждая минута дорога.

БОЛДИН. Сегодня ваш приказ об откомандировании т. Гетмана будет выполнен.

ЖУКОВ. Хорошо, в заключение я хочу вас последний раз предупредить о самом важном. Вы должны противника разбить и прочно закрепиться на шоссе не позже исхода 21.

Вечером 22 будет уже поздно. Все. Сегодня вы потратьте день на тщательную организацию боя. До свидания.

БОЛДИН. До свидания, тов. Главком» [95] .

Этот диалог не нуждается в каких-либо комментариях.

Разговор происходил в один из дней, когда стало очевидным, что севернее, в районе Климова Завода, погибла штабная группа генерала Ефремова вместе со своим командармом. Жуков теперь уже требует от Болдина не прорыва к Вязьме, а хотя бы оседлать шоссе и захватить артиллерийские высоты, которые на карте обозначались высотой 269,8.

22 апреля, выполняя приказ командующего войсками Западного фронта, генерал Болдин организовал решающую атаку.

В ударную группу были включены все боеспособные подразделения 270, 58 и 335-й, 146-й стрелковых дивизий, а также танки и мотострелковые роты танковых бригад. Направление удара – опорные пункты Фомино и Зайцева Гора.

В атаку ринулись в 2.00 под прикрытием мощного огня артиллерии. Бой длился всю ночь, все утро и почти весь день. На

некоторых участках нашим частям удалось потеснить противника, отбить его короткие и мощные контратаки, в которых участвовали танки и бронетехника. Захвачено было несколько важных высот.

23 апреля началась мощнейшая контратака немцев. Вначале позиции наших войск обработала артиллерия. Потом появилась авиация. Около двадцати пикировщиков несколькими волнами атаковали заранее обнаруженные цели. Затем в атаку пошла пехота при поддержке танков.

Высота 269,8 снова перешла в руки противника. И больше немцы ее не отдавали.

На фронте 50-й армии снова наступило затишье. Обе стороны проводили перегруппировку. На новые атаки сил уже не оставалось.

Бывший разведчик 290-й стрелковой дивизии Олег Александрович Набатов вспоминал: «Всюду убитые, убитые, куда ни кинешь взгляд, тут же в грязи ворочаются раненые. Особенно мне запомнился один из них, мимо которого я пробегал. Это был солдат лет пятидесяти, превратившийся в ком сплошной грязи, только покрасневшие глаза блестели да зубы белели на черном фоне».

50-я армия была истощена. Бесконечные атаки в районах Прасоловки, Фомино, Зайцевой Горы, Гореловского, Малиновского никаких существенных результатов для улучшения положения Западного фронта, да и самой армии, не принесли.

Примерно то же происходило и на позициях соседних 49, 43 и 33-й армий (Восточная группировка в районе Износок). Никакой помощи окруженным под Вязьмой войскам Западной группировки 33-й армии и корпусам Белова и Казанкина действия этих армий, их бесконечные атаки в феврале, марте и первой декаде апреля 1942 года оказать не смогли. Противник встречал их на заранее выстроенной линии, жег танки, уничтожал пехоту. Победы, которые все же достигались в ходе этих боев, были скромными и никак не соизмерялись с теми усилиями и той кровью, которой пропитывался снег вдоль Варшавского шоссе и рек Рессы, Угры и Вори.

Здесь, на южной оконечности Ржевского выступа, кровь лилась так же густо, как и в районе Ржева.

Тульская оборона и захват Калуги стремительной атакой ударной подвижной группы – вот звездный час генерала Болдина в битве за Москву.

В конце книги, чтобы продлить встречу со своим читателем, мне хотелось бы рассказать немного о командующем 50-й армией.

Генерал Иван Васильевич Болдин родился в 1892 году в деревне Высокой в крестьянской семье. Ныне это Инсарский район Республики Мордовия. До призыва в Русскую императорскую армию в июле 1914 года жил и работал в родной деревне. После призыва в солдаты окончил полковую учебную команду и отправлен на фронт в чине старшего унтер-офицера. В 1917 году, когда армия начала разваливаться, вернулся на родину. Вскоре возглавил уездный исполком. Но уже через год, по партийной мобилизации, был призван в РККА. Участвовал в Гражданской войне – командовал ротой в Карелии и Прибалтике. На Западном фронте сражался против белополяков. В 1920 году командовал батальоном, затем полком. Учился: курсы «Выстрел», Курсы усовершенствования высшего командного состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе, Военная академия им. М.В. Фрунзе (Особая группа – 1934 год). Командовал войсками ЧОНа Курской губернии, 251-м стрелковым полком, который дислоцировался в Туле, Отдельным Московским стрелковым полком. Преподавал в Военно-политической академии РККА. Командовал 53-й Пугачёвской стрелковой дивизией Приволжского военного округа. В 1937 году – командир 18-й стрелковой дивизии. В 1938 году – командир 17-го стрелкового корпуса. Затем, в том же году, назначен командующим войсками только что созданного Калининского военного округа. 7 октября того же 1938 года утвержден членом Военного совета при народном комиссаре обороны СССР. Во время Польского похода 1939 года командовал конно-механизированной группой. Этой группой были захвачены города Новогрудок, Слоним, Волковыск, Гродно, Белосток, Барановичи. После удачного похода командовал войсками Одесского военного округа. Накануне Великой Отечественной войны занимал должность заместителя командующего войсками Западного Особого военного округа. В этой должности и встретил войну. 22 июня застало генерала Болдина в тех самых местах, которые он два года назад так лихо присоединял к СССР.

То, что произошло в 20-х числах 1941 года под Белостоком и Минском, читателям, должно быть, известно.

Войска округа были сосредоточены, а точнее сказать, их опасно сгрудили в Белостокском выступе. К моменту немецкой атаки они не были развернуты и попали под мощнейший удар. В результате – катастрофа первого, огромного окружения и поражения.

В конце июня Болдин получил приказ организовать контрудар силами конно-механизированной группы. Группа была довольно мощной: две механизированные дивизии,

кавалерийский корпус, отдельный гаубичный полк. Задача: ударом на северо-восток окружить и уничтожить группировку противника в районе Гродно – Меркино. КМГ задачу не выполнила. Генерал Болдин с управлением ее во встречном бою не справился. Обе механизированные дивизии начали наступление разрозненно, на расходящихся операционных направлениях. Немцы уничтожили склады с горючим и боеприпасами, оставив войска без основного боевого ресурса. Войска группы были окружены и разбиты.

И тут началась новая история, которая разбитого в бою генерала сделала героем.

Как известно, многие советские генералы, оказавшись в обстоятельствах реальной войны, попросту не сумели управлять вверенными им войсками. Одни бежали, бросив своих подчиненных и материальную часть. И убежали. Другие побежали и не убежали – их перехватывали разведгруппы и авангарды противника и пленили. Были и те, кто сражался. Причем в обстоятельствах, когда драться надо было уже не отдавая приказы с КП, а по-солдатски – с винтовкой в руках. Некоторые из этих храбрецов командиров погибли. И погибло большинство. Они не смогли стать полководцами, но навсегда остались солдатами, честно выполнившими свой воинский долг перед Родиной. Генерал Болдин оказался именно таким человеком. Но он вышел и вывел людей.

Месяц генерал со штабной группой скитался по тылам противника. В пути к его группе присоединялись одиночки и остатки мелких подразделений. Из района деревни Токари (ныне это территория Польши) группа генерала Болдина вышла 26 июня. К деревне Приглово в районе Духовщины Смоленской области она подошла 11 августа. В группе к тому времени было 1654 человека, включая 103 раненых. Позади было около 700 километров пути с боями и опасными переходами по занятой противником территории.

Факт известный: Константин Симонов, работая над романом «Живые и мертвые», образ Серпилина писал именно с генерала Болдина. Вернее, имея перед собой характер командира с твердой волей, такого, какого создала легенда, тут же появившаяся в самом главном, на долгие дни, документе страны – приказе № 270 от 16 августа 1941 года.

Вот то место из знаменитого приказа: «Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45

дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил по немцам с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения 1654 вооруженных красноармейца и командира, из них 103 раненых».

Что здесь правда, а что вымысел, который был необходим в те дни для создания документа такой силы, каковым и стал приказ № 270?

Выходил? Да, выходил.

Петлицы, как это сделал маршал Г.И. Кулик (переоделся в солдатскую гимнастерку), не сдернул? Не сдернул.

Бойцов, приставших к нему по пути, и своих подчиненных не бросил? Не бросил.

Боеспособную единицу Красной армии из своего отряда создал? Создал.

К фронту целенаправленно пробивался? Пробивался.

Шел с боями? С боями. Во всяком случае, когда без боя пройти тот или иной рубеж было нельзя, от схватки не уклонялся.

Дисциплину в своем отряде, который политруки и журналисты потом назовут «сводной дивизией», держал? Держал.

Люди шли с оружием? С оружием.

Раненых не бросали? Не бросали.

Из окружения вышел? Вышел.

Людей вывел? Вывел.

Перед прорывом через линию фронта его группа соединилась с более многочисленной группой окруженцев, которой командовал бригадный комиссар военком 91-й Ачинской стрелковой дивизии Шляпин. Шляпин, как младший по званию, передал командование генералу Болдину. Из этого впоследствии родилась версия о том, что, мол, Болдин присвоил чужую славу, так как группа Шляпина была более многочисленной, что не такой уже герой генерал…

Конечно, группа комиссара Шляпина была более многочисленной. И бойцы в ней были посвежее, и раненых меньше. Потому что в окружение они попали недавно и неподалеку. А те, кто шел с Болдиным, преодолели путь в сотни километров. Суть подвига генерала Болдина заключалась не в количестве выведенных им через линию фронта и спасенных для Красной армии солдат, а в том, что он, руководимый долгом,

присягой и командирской волей, их вывел и вышел сам.

Кстати, это был тот самый комиссар Николай Алексеевич Шляпин, которого вскоре назначили членом Военного совета 50-й армии Брянского фронта. Погибнет он в очередном окружении, в октябре 1941 года во время выхода из Брянского котла. Погибнет вместе с командармом М.П. Петровым.

Конечно, тот факт, что впоследствии генерал Болдин даже не упомянул бригадного комиссара Шляпина в своих мемуарах, в той самой главе, в которой подробно описан его рейд от границы до Духовщины, чести ему не прибавляет.

После выхода из окружения Болдин получил назначение на ту же должность – заместителя командующего войсками Западного фронта, – только к другому командующему, генералу И.С. Коневу. Именно генерал Конев в августе командовал 19-й армией и организовывал встречный удар для прорыва группы Болдина, выходящей из окружения. Вскоре Конева назначили комфронтом. А Болдина – заместителем командующего. Случайных людей рядом с собой генерал Конев не держал. Это был твердый и жесткий характер.

Еще один штрих: практически все командование Западного фронта первого состава (генералы Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков, С.И. Оборин, Н.А. Клич, С.А. Черных и др.) к тому времени было расстреляно за «трусость, бездействие, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия и боеприпасов противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт советских войск».

Не будем сейчас кидаться в рассуждения о том, было ли это решение Ставки справедливым. Времена меняются, они меняют и наше отношение к некоторым фактам истории. А потому задним числом, когда это совершенно безопасно, хочется подправить историю. Потому что тем, кто теперь у власти, чтобы выглядеть лучше, чем есть на самом деле, всегда удобнее поглядывать на своих предшественников свысока и указывать на их жестокость, на их ошибки и просчеты.

В октябре 1941 года Западный фронт был разбит за несколько дней. «Тайфун» разметал наши армии и дивизии. Огромное количество войск оказались в котлах под Вязьмой, Рославлем и Брянском.

Когда фронт затрещал, Конев приказал Болдину возглавить ударную группу для осуществления контрудара. История повторилась почти один в один. Удар группы Болдина намеченной цели не достиг. Дивизии, которыми он командовал,

были разбиты и оттеснены. Хотя сражались упорно и даже имели некоторый успех. Болдин с группой офицеров его штаба попал в окружение. Из окружения вышел 5 ноября. Был ранен в руку.

После госпиталя – 50-я армия. Тульское противостояние.

Если быть объективным и честным, основной пик боев за Тулу к моменту назначения генерала Болдина на должность командарма миновал. Его вынес другой генерал – Ермаков. Именно на генерала Ермакова упала вся тяжесть атак авангардов Гудериана в октябре и начале ноября 1941 г. на Тульском направлении. Болдин принял от Ермакова уже живой и действующий организм армии. Это была уже армия дерущаяся, опасно и результативно контратакующая, а не огрызающаяся на атаки противника, не отступающая в беспорядке с неясными перспективами.

Пиком военной карьеры генерала Болдина было лето 41-го и декабрь того же 41-го года. Летом он вышел из окружения и «попал» в приказ Сталина. Во время контрнаступления под Москвой мощно потеснил 2-ю танковую армию Гудериана и передовым авангардом захватил Калугу.

По поводу взятия Калуги существуют некоторые сомнения в том, что Калужская наступательная операция была проведена 50-й армией успешно. Результаты узкого прорыва подвижной группы генерала Попова свидетельствуют о том, что – да, операция закончилась успехом наших войск. Калуга была отбита у противника. Хотя сдавать он ее не собирался. Но успех Калужской кампании был следствием успеха частей левого крыла Западного фронта, которые захватили Козельск и глубоко продвинулись вперед, опасно нависнув над калужской группировкой противника с юга. Жуков же был недоволен темпами наступления 50-й армии. Медленное продвижение вперед не позволило проводить действия на отсечение немецких группировок, на дробление их с последующим уничтожением.

И еще один эпизод, касающийся Калужской наступательной операции. Почетный гражданин города Жукова Калужской области, фронтовик, земляк маршала Г.К. Жукова, В.П. Семин вспоминал: «В 1973 году… мы привозили Жукову из деревни картофель, ягоды и прочие дары природы. Нас Георгий Константинович умолял все оформлять по документам. Сам принимал товары и расписывался на документах для оплаты». Маршал принял земляков, как водится в наших краях, за столом. Выпили, разговорились. Земляки привезли альбом с фотографиями, рассказывающими о том, как в Калужской области чтут героев войны, как воспитывают молодежь. И вот: «Жуков сквозь лупу рассматривал фотографии. Вдруг нахмурился

и спросил у меня: «Болдин тоже почетный гражданин города Калуги? – и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Он же самый плохой командующий армией за всю войну. Он командовал ударной группой, бравшей Калугу. Она понесла большие потери и с опозданием на два дня взяла город. Напишу в ЦК партии о несправедливости». Я заметил: «Георгий Константинович, но в Калуге есть школа, носящая имя генерала Болдина». «В таком случае писать не буду», – смягчась, сказал маршал и взял в руки другую фотографию».

Поразительно, как прочно хранил маршал Жуков в своей памяти ход такой небольшой операции, каковой, в сущности, была Калужская наступательная, как точно называл даты и сопрягал мгновенно причины со следствиями. Видимо, картины сражений, во всем их грандиозном масштабе и величии, стояли потом перед ним всю оставшуюся жизнь до последних дней. Калужане, проводя в 1971 году празднование 600-летия своего города, присвоили своему знаменитому земляку звание почетного гражданина. Но по какой-то причине Жуков не приехал на праздник и этого титула от земляков не принял. Говорят, это было связано с историей его травли при Хрущеве, когда именно земляки в областной партийной газете «Знамя» выступили с осуждением поведения маршала и таким образом «подсказали» Политбюро, как поступить со строптивым военным…

Лето 1942 года для 50-й армии было периодом тяжелых позиционных боев. Шла рубка подо Ржевом. Назревало противостояние под Сталинградом. А здесь надо было держаться. Весной армия переживала тяжелейшие дни. Растянутые коммуникации, разбитые дороги, нерасторопность тыловых служб привели к тому, что дивизии первого эшелона остались без продовольствия и боеприпасов. Были случаи гибели солдат от истощения. Но это уже хронологически другой период, куда наше повествование не заходит. А жаль. Стоило бы рассказать о подкопе под Зайцеву Гору. Не найдя сил и средств захватить артиллерийские высоты на Варшавском шоссе, в том числе и в поддержке танков и артиллерии, генерал Болдин приказал делать… подкоп под центральную, господствующую высоту – Зайцеву Гору. Воюй генерал Болдин эдак в XIII–XV веках, быть бы ему известным воеводой, вроде князя Михайлы Воротынского, подкопом (сапой) взявшего крепость Казань. Но время, как видим, обошло нашего воина.

Летом 1943 года 50-я армия в ходе сражения на Орловско-Курской дуге действовала в районе Жиздры и станции Зикеево в направлении Людинова и Сещи против 55-го армейского корпуса 2-й танковой армии генерал-полковника Вальтера Моделя. Армия

наносила вспомогательный удар, обеспечивая левый фланг 11-й гвардейской армии.

Зимой 1945 года 50-я армия действовала в составе 2-го Белорусского фронта. 13 января началось наступление в Восточной Пруссии. С самого начала Восточно-Прусской операции армия генерал-полковника (с 15 июля 1944 года) Болдина не имели продвижения, упершись в немецкую оборонительную линию вдоль Августовского канала. Вот как пишет о событиях февраля 45-го в своих мемуарах «Солдатский долг» командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К.К. Рокоссовский: «Совершив поворот на север и северо-восток, мы довольно быстро продвигались к морю. Чтобы задержать войска 2-го Белорусского фронта, враг стал стягивать на это направление силы с южного участка своей обороны, проходившей по Августовскому каналу, оставляя там лишь слабое прикрытие. Командование 50-й армии не заметило вовремя этого маневра и продолжало докладывать в штаб фронта, что неприятель держится крепко. Только через два для разведка боем показала, что перед армией – пустое место. Последние мелкие группы гитлеровцев поспешно уходили на север. Такое упущение нельзя было простить командарму. В командование 50-й армией вступил начальник штаба генерал Ф.П. Озеров. Упоминаю об этом моменте потому, что в ряде трудов он описан неправильно. Неверная информация дорого нам стоила. Мы были вынуждены раньше времени ввести в бой 49-ю армию, которая, не случись этого, могла бы быть использована более целесообразно. А 50-й армии пришлось форсированными маршами догонять оторвавшегося противника» [96] .

В апреле 1945 года Болдина назначили заместителем командующего войсками 3-го Украинского фронта. В этой должности он встретил Победу.

После войны командовал 8-й гвардейской армией, войсками Восточно-Сибирского военного округа, был заместителем командующего Северо-Кавказским военным округом. С 1958 года – в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, как ее именовали – «райская группа».

Награжден: двумя орденами Ленина, тремя – Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

Имя генерала И.В. Болдина носят улицы в Калуге, Могилёве, Туле. И – вполне заслуженно.

Оставил мемуары – книгу «Страницы жизни».

История же позиционных боев в районе Зайцевой Горы весной – летом – осенью 1942-го и зимой 1942/43 года требует

отдельного исследования. Если взглянуть на карту боев немного шире, то становится совершенно очевидной вот какая картина: Зайцева Гора после оставления Юхнова была для немцев крайней южной точкой по оси Ржев– Вязьма – Варшавское шоссе, которую сдавать было нельзя ни при каких обстоятельствах. В противном случае ось подламывалась. В марте 1943 года, когда немцы решат уйти из Ржева, оставлена будет и Зайцева Гора. Но мы оставляем наших героев из 50-й армии в тот момент, когда до отхода противника на новые позиции (операция «Бюффель») оставалось около года. Затяжные, истощающие последние силы батальонов и рот, зачастую не усиленные артиллерийской поддержкой, эти атаки еще лежат на архивных полках, в ямах и воронках в лесах Барятинского, Спас-Деменского и Куйбышевского районов Калужской области рядом с безымянными костями своих героев.

Но их время еще настанет.

Немцы так и не смогли запечатать котел со всех сторон сильными отрядами с артиллерией и танками. Часть окруженных числом до полка организовала прорыв, смела пехотный взвод с тремя пулеметами и ушла в сторону основной обороны.

Чтобы тем же маршрутом не воспользовались другие группировки, мелкие группы и одиночки, по периметру коридора были оставлены снайперы. На большее сил не хватало.

Обер-ефрейтор гренадерской роты Норберт Франке занял свою позицию еще утром, до появления русских. Когда они повалили сплошным валом через открытое пространство, он буквально за две-три минуты расстрелял обойму. Но другую заряжать не решился. Пять пуль он выпустил точно, без промаха. Пять Иванов споткнулись, выпали из потока и теперь лежали, медленно покрываясь сизым инеем, на затоптанном снегу. Вполне достаточно для того, чтобы очередную охоту считать удачной.

И когда на просеку вышел еще один иван со своим полуживым товарищем на спине, обер-ефрейтор задумался. Винтовку он зарядил. Но стоило ли добивать этих бедолаг, опоздавших в прорыв? Все равно они далеко не уйдут. Замерзнут в каком-нибудь ближайшем овраге.

Он поднял к глазам бинокль и начал рассматривать бредущих.

Раненого нес коренастый красноармеец лет сорока. Раненый был завернут в одеяло. И это показалось старшему ефрейтору весьма трогательным. Такого он еще не видел. Разведка сообщила: там, в лесу, иваны устроили госпиталь, раненых много, больше двух тысяч. Но санитарного обоза во время прорыва Норберт Франке не наблюдал. Значит, раненые брошены. Большевики делали это и осенью прошлого года. Жутко было

смотреть.

А этот тащит. Должно быть, уверен, что дотащит. Кто они друг другу? Возможно, никто. В окопах, месяц назад, познакомились.

Однажды Норберту тоже пришлось тащить на себе раненого напарника. Наблюдателя. Случилось это в ноябре, на Оке. С тех пор он ходит на охоту один. Раненого товарища бросить невозможно. Даже если у самого сил нет.

Коренастый словно что-то почувствовал. Начал оглядываться. Конечно, почувствовал. Вот оглянулся в его сторону, и Норберту Франке показалось, что взгляды их встретились.

«Если сейчас он бросит раненого и схватится за винтовку, я прикончу их обоих», – подумал обер-ефрейтор Франке. Тогда на его счету эти два ивана закроют ровно две дюжины.

Своего напарника он тогда донес до лазарета. За что и повышен в звании.

«Нет, русский не думает стрелять. Должно быть, понял, что это бессмысленно. Неужели он рассчитывает на мое великодушие? Что ж, и Иванам не чуждо чувство фронтового товарищества…»

Обер-ефрейтор Франке продолжал наблюдать за бредущими в бинокль.

Через несколько минут, когда русские исчезли среди берез, он подумал уже о другом: внизу, под сосной, был прикопан в снегу его ранец, в котором лежали кусок колбасы, хлеб и термос с горячим кофе. Это теперь занимало больше. Такова сущность солдата. А Норберт Франке был солдат. И, как он считал, хороший солдат. Именно такими, как он, гордилась Германия и добилась того, что теперь весь мир трепещет перед ее марширующими армиями.

Отяпов вышел к своим, уже когда совсем стемнело.

Часовой окликнул его. Отяпов ответил, что такого-то полка, что выходит из окружения… Часовой, к счастью, не выстрелил. А мог бы сперва выстрелить, а потом окликнуть. Оказалось, вышел на позиции соседней дивизии, которая в окружение не попала.

Ночью пришла санинструктор и осмотрела Гуська. Поменяла повязку. Сказала, что все хорошо, но раненого надо отправлять в тыл как можно скорее.

Утром пришли сразу несколько человек. Отяпов помогал погрузить Гуська в санитарные сани. Попрощался. Сказал:

– Ты, Гусёк, давай поскорее выздоравливай – и назад, в свою роту. Понял?

– Понял, дядя Нил, понял. Ребятам привет передавай.

– Передам, – ответил Отяпов, а сам подумал: хорошо, если

кто-то остался…

Лейтенант, который тоже хлопотал на погрузке раненого Гуська, остался возле землянки. Санитар и санинструктор уехали.

– Ну что, красноармеец Отяпов, Нил Власович, пройдемте для беседы, – сказал он и кивнул в сторону землянки.

– Для какой беседы? – спохватился Отяпов и вдруг все понял: на лейтенанте были краповые петлицы с золотым кантом – особист.

Когда входили в землянку, Отяпов подумал: винтовку не отнял, значит, арестовывать не будут…

Приложения

№ 1

Командующему Брянским фронтом Боевое донесение № ог/02 опергруппа 50 армии

«Хут. ПОЛЯКОВА к 20.00 2.10.41 Карта 100 000

ПЕРВОЕ. В 6.00 2.10.41 г. крупные силы противника перешли в наступление на всем фронте армии. Главный удар противник наносит на участке 217 и 279 сд, вспомогательный – на участке 260 сд, имея целью обойти Рославль – Брянское шоссе и овладеть районом Брянск.

Особенно ожесточенные бои развернулись в районах: Снопот, Глуховка, Каменка, где противником было введено в бой до пехотной дивизии; Владимировка, Бересток, Нов. Загорье, Семеновка – до двух пп; Бубнов, Сума – до одного пп; Первомайский, Упрусы – до двух батальонов; Шустово, Кащова, Жирятино, Лотовники – до двух пп.

ВТОРОЕ. Дивизии армии в результате ожесточенных боев, понеся значительные потери, к исходу 2.10 занимают:

а) 217 сд, израсходовав все свои резервы, ведет бой на рубеже Фроловка, Жалынец, Федоровка, п. Кочеват, лес вост. Старое и Ново-Хотмирово, Лужки, х. Холопенковы.

Правый фланг дивизии обошла колонна до 100 танков противника в 18.00 2.10, занявшая район Холмы, Мамоновка.

Сосед справа – 53 сд 43 А к утру 3.10 отходит на восточный берег р. Снопот.

Потери и трофеи неизвестны. Связь периодически нарушалась.

б) 279 сд под натиском превосходящих сил противника отошла на восточный берег р. Десна и остатками задержалась на рубеже Дубовка, Семкин, Восток, зап. опушка леса 1,5 км северо-восточнее Вязовск. Управление полками утеряно, место нахождения 2 штабов сп и 7 стрелковых батальонов неизвестно. Командование дивизии приводит свои части в порядок, собирает мелкие группы бойцов и командиров, организует оборону нового рубежа. Связь работала с перебоями, нарушаемая бомбардировкой авиации противника.

Резервы полностью использованы.

в) 278 сд к 3.00 2.10, сменив 290 сд, вела упорные бои с противником, особенно на правом фланге, и контратаками полностью восстановила свое положение.

Правый фланг дивизии на западном берегу р. Десна открыт и обходится пехотой и танками противника. Ряд населенных пунктов по нескольку раз переходил из рук в руки.

Связь работала беспрерывно.

г) 258 сд. До 4 рот противника с 6 до 9.00 пытались атаковать из района Первомайский 1/999 сп. Огнем артиллерии и пулеметов наступление противника отбито.

Левый фланг дивизии обходится противником, прорвавшим передний край на правом фланге 260 сд.

Район Дьяковичи, ст. Жуковка, Тросня неоднократно бомбились авиацией противника.

Связь действовала бесперебойно.

д) 260 сд на протяжении дня вела ожесточенные бои с противником силою не менее двух пп. К исходу 2.10 дивизия вела бои в районе Литовники, Пашково, Жирятино, Самарка.

Резервы полностью исчерпаны.

Потери и трофеи уточняются.

е) 290 сд с 18.00 выступила для следования в район Дятьково.

882 сп оставлен для обороны подготовленного второго оборонительного рубежа и с утра 3.10 наносит контрудар в направлении Шустово для восстановления положения 260 сд. Полк оперативно подчинен командиру 258 сд.

ж) 299 сд с 3.00 совершала марш для выхода в район Фошня. С 15.00 дивизия, согласно моего приказа, выдвигалась в направлении Ходиловичи, Семеновка для нанесения контрудара и восстановления положения в 279 сд.

ТРЕТЬЕ. *Я решил* :

а) 217 сд отвести на рубеж р. Снопот, Верх. Бунево, лес сев. – вост. Глуховка, п. Косеват, Стар. Хотмирово и далее по р. Десна в связи с отходом левого фланга 43 А. Прошу утвердить решение.

б) 299 сд во взаимодействии с остатками 279 сд нанести контрудар в направлении Семеновка, Владимировка для восстановления положения 279 сд.

в) 258 сд, использовав 882 сп 290 сд, совместно с 260 сд ударом в направлении Шустово восстановить прежнее положение 260 сд.

ЧЕТВЕРТОЕ. *Прошу* :

а) Разрешить 278 сд и 1/999 сп 258 сд отвести на прежний рубеж обороны на восточный берег рр. Десна, Угость.

б) Ударом 108 тд в направлении Жирятино, Шустово оказать содействие 258 и 260 сд в восстановлении прежнего положения обороны 260 сд.

в) Авиацией нанести удар по группировкам противника в районах Глуховка, Семеновка, Владимировка, Нов. Загорье, Шустово.

Командующий 50 армией

генерал-майор *Петров*

Член Военного совета
бригадный комиссар *Шляпин*
Зам. нач. Оперотдела штарма 50
майор *Гаран» [97]* .

№ 2

Из дневника майора НКВД Ивана Шабалина

В немецких архивах, захваченных нашими войсками в Германии, был обнаружен дневник майора государственной безопасности И.С. Шабалина.

Первые записи коротки и деловиты.

12.08.1941 г. Шабалин выехал из Улан-Удэ в Москву: «На вокзале провожали меня Надежда, Петров, Ильин и Козырев. Мое мнение: надолго, может быть, даже навсегда расстаюсь я с моей семьей и моими добрыми, дорогими друзьями».

21.08.1941 г. прибыл в Москву. «И к моему удивлению, немедленно получил назначение». «Начинаю с формирования Особого отдела 50-й армии». «Был в наркомате. Читал приказ. Получил звание майора государственной безопасности». «Получаем обмундирование. Я принес товарищу Борисковскому шинель».

Вскоре Шабалин и его отдел добрались до места назначения – деревня Вышковичи близ Брянска. И тут – тревожная запись: «29.08.41. Принял дела. Аппарат бежит. Противник предпринимает налеты на г. Брянск. Самолеты немцев безнаказанно летают. Наших ястребков пока что не видно».

«4.09.41. Брянск сильно пострадал от атак немецкой авиации. Целые кварталы разрушены. При посещении линии фронта я купался в Десне. Наблюдал бомбардировку нашей передовой линии немецкой авиацией. Атака продолжалась почти 2 часа и была ожесточенной.

6.09.41. Армия не является такой, какой мы привыкли представлять. Громадные недостатки. <…> Положение с личным составом очень тяжелое. Почти весь подобран из людей, родина которых занята немцами. Они хотят домой. Бездеятельность, отсиживание в окопах деморализуют красноармейцев. Есть случаи пьянки командного и политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки. Говорил с командующим армией. Знает ли Москва действительное положение дел?

1.10.41. Я встал рано утром. Из Москвы прибыли тт. Тутушкин и начальник особого отдела фронта Бегма. Выехали в дивизии. В дивизиях дело обстоит неблагоприятно как с нашим аппаратом, так и с командно-политическим составом. Он работает плохо. Уроком будет для нас произошедшая катастрофа с 42 красноармейцами в 258-й стрелковой дивизии и подобное же дело с 18 людьми в 217-й дивизии [98] . Позорно, что

расследование дела не приносит результата.

ВЫВОД. Положение 50-й армии не блестяще. От нас и от командования требуются жесткие мероприятия. Многие военные инстанции и часть нашего аппарата работают все еще как в мирное время. Ночью люди на передовых позициях спят; немцы выставляют посты и уходят для ночевки в деревню. Это не война, это пародия.

2.10.41. Я встал в 8 часов утра, позавтракал: хлеб, сыр, чай с сиропом. Лежит донесение о том, что противник наступает на фланге 13-й армии. У нас беспрерывно слышна артиллерийская стрельба. Вчера был захвачен военнопленный немец, оборванный и обовшивевший молокосос. Настроение у них нисколько не воинственное. В голове у них пустота, буквальный мрак. **Я** этого не ожидал.

В 17.00 противник наступает по всему фронту, на нескольких участках он оттеснил наши войска, форсировал Десну.

3.10.41. Я спал в землянке. Встал в 7.30. Кричат, что прибыл тов. КОЛЕСНИКОВ. Мы обменялись мнениями. Позорно, что враг снова одержал победу, прорвал позицию 13-й армии, занял гор. Кромы, находящийся в 30 км от Орла. Отрезает нас. <…> Выехали на участок 258-й дивизии. Огонь нашей артиллерии силен, пехота готовится к атаке. Есть приказ возвратить потерянные позиции. Вечером, когда я пишу эти строки, положение еще не прояснилось. Подразделения связи работают плохо. Штаб – то же самое. В тылу сидят трусы, которые уже готовятся к отступлению. О боже, сколько льстецов здесь! К. говорит, что в Орле НКВД уже эвакуируется. Но от нас до Орла еще 150 километров! Хорошо продуманный штурм – и немцы побегут. Их силы в сравнении с нашей армией, видимо, истощены, и наше отступление кажется немцам отчасти неожиданностью. Еще 1.X.41 у нас появился один немецкий солдат и заявил: «Завтра мы атакуем вас по всему фронту». Он видел в нашей армии силу, однако эта сила задрожала и дала противнику возможность форсировать безнаказанно Десну в нескольких пунктах.

Однако на участке 258-й стрелковой дивизии наша артиллерия хорошо поработала, и противник оставил на поле боя много убитых.

4.10.41. Рано утром я с товарищем К., который прибыл из деревни Т., пошел к Петрову. Мы сидели около 2 часов и обменивались мнениями. В 12.00 выехали в Дядьково. В пути встретили комиссара 217-й дивизии. <…>

Положение 217-й дивизии следующее: 2.10.41 немцы провели усиленную артподготовку, разбили пулеметные гнезда и перешли

в атаку. Немецкая авиация не давала нашим возможность развернуться.

РЕЗУЛЬТАТ: дивизия разбита. Полк № 766, находившийся на правом фланге, потерян. От 755-го полка осталось человек 20. Дивизия потеряла руководство. Красноармейцы оставлены на произвол судьбы.

Сегодня немцы не наступают, только ведут разведку. По-видимому, у них здесь много сил. Нужно бы теперь наступать, но для этого ничего нет. Две бессильные армии стоят друг против друга, одна боится другую. Вечером: говорят, Орёл горит. Нас обошли. Весь фронт, т. е. 3 армии, попали в клещи, в окружение, а что делают наши генералы? «Они думают». Уже стало привычкой: «Я уклоняюсь от окружения, мы сдаем фронт», а что же теперь? Но, надо сказать, отдельные участки фронта удивительно устойчивы, это было врагу неприятно. Но, несмотря на это, мы уже наполовину окружены, что будет завтра?

Говорил с командующим армией генерал-майором Петровым. Он сказал, что фронт не может больше помочь, и спросил меня: «Сколько людей расстреляли вы за это время?» Что это должно означать?

Комендант принес литр водки. Ах, теперь пить и спать, может, будет легче. Перспективы войны далеко не розовы.

5.10.41. Мы встали в 8.00 утра. Я поехал бриться. Большая очередь, не стал ожидать. Поехал на участок 260-й стрелковой дивизии. <…> С начальником особого отдела тов. Клейманом пошел обедать. Обед был отличный, обслуживание тоже. Дивизия отошла очень немного, имеет большие потери, против нее противник сосредоточил 3 дивизии. Немцы идут в атаку во весь рост. Наши солдаты буквально косят их.

ВЫВОДЫ: дивизия дерется отлично, красноармейцы храбры.

Немецкие солдаты имеют только куртки, они снимают с убитых красноармейцев шинели и носят их. Для отличия отрезают рукава до локтей. Танки отправились в направлении Брянска.

6.10.41. В 9.00 **К.** возвратился с фронта. Говорит, что штаб переехал. Остались военный совет и оперативный отдел. Особый отдел полностью отрезан. Он **(К.)** возвратился поэтому к нам. Был около 2 часов, теперь едет в штаб фронта. У него болит сердце. Я не советовал ему ехать, затем сказал: «Поезжай, только вечером возвращайся обратно». **В** 15.30 сообщили, что танки противника окружили штаб фронта. Происходит стрельба. <…> Брянск горит, мосты не взорваны. Гвардейский дивизион уехал в распоряжение командира 290-й пехотной дивизии. Паники нет, но состояние нервозное.

В 5.00. Я в землянке, машина готова к отъезду. Жаль товарища К. Весьма возможно, он наткнулся на танки противника. У него было такое предчувствие, и он не находил себе места. Генерал принимает предварительные решения, ждет указаний Москвы. <…> Неизбежность окружения всего фронта, а не только нашей армии очевидна.<…> Руководство фронта потеряло управление и, вероятно, голову. Было бы лучше предоставить армии возможность самостоятельных действий.

7.10.41. Я встал очень рано. Идут бои за городом Брянском. Оба наших полка 154-й дивизии отражают наступление врага. В 6.00 часов вечера противник занял большую часть Брянска. Имеется решение менять командный пункт. В 18.00 мы покинули город Брянск согласно приказу об отходе. Мы оставили также город Орёл. <…>

Ничего подобного поражению Брянского фронта история еще не видела. Противник подошел сзади и окружил почти 3 армии, т. е. по меньшей мере 240 тысяч человек. Прибыл приказ из Москвы: «Весь фронт должен отойти». Кажется, начнется бегство людей. Последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы сдавали города почти без боя. Командование фронтом потеряло руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, что эти глупцы уже изъяты и отправлены в Москву.

Отступление! Все усилия, которые были приложены для укрепления оборонительной зоны, оказались напрасными. Гигантские усилия! Командование фронтом передано Петрову. Я прихожу, он говорит: «Ну меня тоже скоро расстреляют». – «Почему же?» – спрашиваю. «Да, – говорит он, – меня назначили командовать всем фронтом». Я отвечаю: «Если вас назначили, то вы должны браться за дело и стремиться к победе». – «Но ты же видишь, в каком положении фронт. Я еще не знаю, что осталось от этих двух армий (3-й и 13-й) и где они находятся».

8.10.41 г. Деревня Огорь. Я не спал целую ночь. В 5.00 часов утра я отослал второй эшелон. В деревне остались 8 человек оперативных работников и две автомашины. В 10 часов утра мы выпили вчетвером литр водки, хорошо позавтракали. Я лег спать в машине и спал хорошо. Едуков разбудил меня. Я выехал на грузовике, чтобы установить связь с командным пунктом, который переехал в другое место, неизвестно куда.

Все жители остались здесь, они убирают картофель. Не слышно ни одного выстрела. Как быстро забывают ужасы войны! В 6 часов вечера слышен большой шум моторов, слышна стрельба артиллерии и пулеметов. В 9 часов вечера приехал И. с группой людей с командного пункта. Прибыло 150 раненых. Школу оборудовали под лазарет. Я ночевал в автомашине.

9.10.41 г. Встал в 8 часов, спал плохо. В 9 часов выехал на командный пункт, видел Петрова и Шляпина. Узнал, что второй эшелон за ненадобностью уехал, так как иначе он мог попасть в плен. Весь день кругом стреляли, непрерывно летали над нами самолеты. Ночью выпал небольшой снег. В 8 часов вечера был зажжен артиллерийский склад. Была ужасная канонада; было видно гигантское пламя, я вышел из лесу в поле, чтобы посмотреть этот фейерверк. Это красиво. Ночь темна, идет маленький дождик.

10.10.41. Мы спали вчетвером в одной машине. В 7.00 встали. Очень холодно. Идет снег, он падает большими хлопьями. Мы позавтракали из старых запасов. В 11.00 выехали в район Хвастовичи. По дороге движется масса машин и людей. Грязь непролазная, вся дорога превратилась в тягучее тесто.

В 1.30 немцы начали обстреливать поле вблизи штаба из минометов. Штаб фронта уехал в беспорядке в Авдеевку. На дороге уже господствовало беспорядочное нагромождение техники. Над нами кружились 4 немецких самолета. Положение для армии печально: где фронт, где тыл – трудно сказать. Кольцо вокруг армии сужается.

11.10.41. Убит товарищ, Миша Чернецов, при взрыве бомбы. Мне очень жаль этого симпатичного человека. Его похоронили в деревне Огорь около школы у липовой аллеи.

12.10.41. В 5.00 утра мы прибыли в д. Буяновичи. Немедленно позавтракали, я выпил стакан водки и лег спать в машину. В 10.00 утра меня разбудили. Оказалось, что, когда я спал, немецкие самолеты сбросили 4 бомбы и обстреляли деревню из пулеметов. 2 человека убиты. Население здесь не очень дружелюбно. Это нужно отметить. В

1.30 немцы начали вести сильный минометный огонь. Штаб быстро направился на Фроловку. Наблюдал беспорядочное бегство штаба армии. Командующий проехал мимо и показал рукой на лес…»

Шабалин попадает в окружение. Прорваться не удается. Войска разбиваются на мелкие группы, скитаются по лесам. Судьба этих групп часто заканчивалась в концлагере.

«13.10.41. Всю ночь я не сомкнул глаз. Сильный холод. Нет ни перчаток, ни теплого белья. Я хожу в гимнастерке. Мы двигаемся очень медленно, застряли в болоте.

14.10.41. Противник оттеснил нас в кольцо. Непрерывная канонада. Дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Опасность и ужас почти целый день. Я уже

не говорю о лесе, болоте и ночевке. С 12-го я не спал. Со 2 октября не читал ни одной газеты.

15.10.41. Это ужасно! Кружится голова. Трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал. Я достал фляжку спирта. Ходил в лес на рекогносцировку. У нас полное уничтожение. Я пишу в лесу у огня. Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась.

16.10.41. Я переночевал в лесу. Уже три дня не ел хлеба. В лесу очень много красноармейцев. Командиры отсутствуют. В течение всей ночи немцы обстреливали лес оружием всех видов. Около 7 часов утра мы встали и пошли на север. Я нашел маленькое одеяло, полевую фляжку и сумку. С утра идет дождь. Затем он перешел в мокрый снег. Мы промокли до нитки. Ужасная жажда, пьем болотную воду. Видели немецкий обоз, пропустили его мимо.

19.10.41. Всю ночь мы шли под проливным дождем через болотистую местность. Непроницаемый мрак. На мне нет больше ни одной сухой нитки. Правая нога опухла, двигаться ужасно тяжело. На рассвете остановились в лесу. С большим трудом я обсушился у огня и оделся, не поев и не поспав. Предстоит нам теперь путь через безлесную местность. Мы разделились на две группы. Половина из нас не имеет оружия. Слышна стрельба легких пулеметов и минометов».

***Пометка на архивном документе** : «Па этом заканчивается дневник. Па следующий день 20.10.41 года ШАБАЛИН встретился с генерал-майором ПЕТРОВЫМ вместе с которым погиб юго-западнее Пассеки* (название не очень разборчиво) *в 16.00 часов» [99]* .

СПРАВКА ШАБАЛИН Иван Савельевич (1902–1941). Из крестьян. Родился в д. Яморка Яранского уезда Вятской губернии. Русский. Окончил сельскую школу в с. Никулята Яранского уезда в 1914 г. Работал летом в хозяйстве отца, зимой – у кустаря-портного учеником и подручным. Призван в армию – рядовой 1-го Вятского территориального полка. В РКП(б) с апреля 1926 г. Член ВЛКСМ в 1925–1927 гг. В РККА: старшина роты 166-го стрелкового полка. Участник Гражданской войны. С февраля 1929-го – в органах ОГПУ-НКВД. Заведующий секретной перепиской. Окончил Центральную школу ОГПУ СССР. Последняя предвоенная должность – нарком государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР. 23 сентября 1941 г. присвоено звание майор государственной безопасности.

Некоторые исследователи предполагают, что «дневник майора НКВД Шабалина» – немецкая фальшивка. Вряд ли. Все очень правдиво и точно.

№ 3

Оперативная сводка № 96 к 3.00 1.12.41
штаба 50-й армии в штаб Западного фронта

«Штарм 50. Действующая армия. Карта 100 ООО.

ПЕРВОЕ. Армия в течение ночи вела разведку противника, боевых действий не вела.

На ТУЛЬСКОМ направлении противник с наступлением темноты вел методический артиллерийский и минометный обстрел переднего края обороны.

ВТОРОЕ. 258 сд – 999 сп в результате наступления днем 30.11.41 вышел на рубеж: ГРИБОВО, СЕЯТЕЛЬ, МАНЫШИНО, НИКУЛИНО, где приступил к укреплению занятых позиций.

Потери: по неполным данным, убито – 4, ранено – 26.

Трофеи: уничтожено до роты противника, захвачено орудие ПТО, 2 станковых пулемета, 3 миномета, 2 мотоцикла, боеприпасы и другое военное имущество.

ТРЕТЬЕ. Остальные части армии занимают прежнее положение, изменений в боевых порядках частей нет.

ЧЕТВЕРТОЕ. Связь имеется:

а) Генштабом – радио;

б) штабом Запфронта – СТ-35, радио;

в) соединениями армии – телефон, радио, делегатами;

г) 49 А – радио, Морзе;

д) связи нет – 108 тд, 11 тбр и 239 сд.

Нач. штаба 50 армии
полковник *Аргунов*

Военный комиссар
ат. комиссар *Нарышкин*

Нач. оперотдела штаба 50 армии
полковник *Почема» [100]* .

№ 4

Оперативная сводка № 118 к 3.00 12.12.41
штаба 50-й армии в штаб Западного фронта

«Штарм 50. Действующая армия. Карта 100 000

ПЕРВОЕ. Армия в течение ночи вела бои на всем фронте.

ВТОРОЕ. 258 сд, продолжая выполнение поставленной задачи, к 20.00 11.12.41 овладела ЛОШАЧЬЕ. К 15.30 11.12.41 противник силою до роты повел наступление из р-на СТАР. ПАВШИНО на МЕРИМАНОВКА, но был отбит 954 сп, понеся потери до 60 чел. убитыми и ранеными.

ТРЕТЬЕ. 290 сд к 23.00 овладела ХМЕЛЕВОЕ, ВОЛЫТЬ, ХОПИЛОВО, выс. 228, 1. Уничтожено: до 80 солдат и офицеров. Захвачено: 1 машина с рацией, 1 киноустановка, 5 велосипедов.

Штадив – ХРУЩЁВО.

ЧЕТВЕРТОЕ. 217 сд с 112 тд, отряд 32 тбр, остатки 124 тп вели бой за СУДАКОВО, ИВАНОВСКИЕ ДАЧИ.

Отряд 32 тбр и остатки 124 тп овладели ГОРЮШКИНО, выс. 245, 0.

740 сп ведет бой за СУДАКОВО. Имеет потери: 1 убитого и раненых – 18 человек.

755 сп ведет бой за ИВАНОВСКИЕ ДАЧИ. По предварительным данным, полк за 9—10.12.41 потерял убитыми – 122 чел.; за 11–12.12.41 ранено – 36 человек.

Штадив – ул. Коминтерна, 71.

ПЯТОЕ. 154 сд вела бой за ПЕТЕЛИНО, БОЛ. ЕЛОВАЯ.

Потери: убитыми и ранеными – 46 человек.

ШЕСТОЕ. 413 сд, овладев НИЖ. ПРИСАДЫ, ВЕРХ. ПРИСАДЫ, КАЗАЧЬИ, ТЁПЛОЕ, ведет бой за БРЕДИХИНО, КОНИНО, МАРЬИНО. Сведений о положении дивизии к 13.00 не поступило.

СЕДЬМОЕ. 51 кд к 20.00 11.12.41 овладела АЛЕШКОВО, МАКЕЕВО. Сведений на 3.00 не поступило.

Штадив – ДВОРЫ (2,5 км сев. – зап. ГРЕБОВО).

ВОСЬМОЕ. 112 тд, овладевшая в 12.0 ˚СТРУКОВО, под давлением противника в 2.00 12.12.41 оставила СТРУКОВО и ведет бой за овладение им. В результате боя в СТРУКОВО уничтожено: до 100 солдат и офицеров и минометная батарея противника.

ДЕВЯТОЕ. Связь имеется:

а) с Генштабом – радио, телефон ВЧ;

б) с Запфронтом – радио, БОДО, телефон ВЧ;

в) 258, 190, 217, 154, 413 сд – радио, телефон (с перебоями), делегатами;

г) 112 тд, 32 тбр и 31 кд – радио.

Начальник штаба 50 А
полковник ***Аргунов***
Военный комиссар
бат. комиссар *Нарышкин*
Начальник оперотдела
полковник *Почема» [101] .*

№ 5

Из записки «Об обстановке на фронте в районе города Тулы и о работе заградительных отрядов Особого отдела НКВД 50-й армии»

«По вашему приказанию выездом на место в г. Тулу проведенной разведкой через группу оперативного состава и личным выездом на линию обороны г. Тулы установлено:

Противник в течение дня 29 октября стремился прорваться в Тулу. В 17 час. 30 мин. 7 танков и до взвода автоматчиков противника вышли на южную опушку леса села Ясная Поляна. Во второй половине дня 29 октября авиация противника в количестве 17 самолетов бомбила линию обороны, занимаемую 290-й стрелковой дивизией (дивизия в составе 1800 человек занимала район обороны Рисуневский, Старая Колпна, Малая Кожуховка).

В результате действий авиации противника основной командный пункт дивизии был уничтожен, запасной командный пункт подготовлен не был. Управление дивизией было потеряно. Командир 290-й стрелковой дивизии к концу дня оставил дивизию и явился к командующему 50-й армией. Дивизия самовольно снялась с рубежа и открыла участок обороны.

По дорогам на Тулу наблюдалось движение танков и мотопехоты: до 50 танков в районе Житово, Плавска, Щёкино, колонны мотопехоты до 100 автомашин и 60 танков, танки (количество не установлено) в районе Косой Горы, у завода Алексин до 75 танков, около двух полков пехоты противника было замечено в движении из Белёва на Богдановск.

Разведка противника 29 октября к вечеру по шоссе Щёкино – Тула в количестве 7 танков приблизилась к г. Тула на расстояние двух километров от окраины. Для перепроверки этих данных в 23 часа 29 октября я и лейтен. Быстров выехали в этом направлении на линию противотанковой обороны, и с командного пункта противотанковой батареи было видно, как противник освещал ракетами подступы к Туле. Командир противотанковой батареи сообщил, что впереди на расстоянии 200 метров, около взорванного моста, находятся танки противника, по которым они вели огонь, подбив один танк. Огонь был прекращен, так как в этом месте появилась большая группа гражданского населения (надо полагать, немцы принудили местное население строить мост). Перепроверив данные о появлении противника в непосредственной близости к Туле, мы возвратились в Особый отдел НКВД, сообщив об этом в штаб армии. 30 октября утром

противник перерезал шоссе дороги в 6 километрах от Тулы на Сталиногорск и захватил село Косая Гора.

Противник действует танковыми частями во взаимодействии с наземными войсками при поддержке авиации. Разведывательная группа танков двигалась на Тулу оторванно от мотопехоты, но при сильной поддержке авиации – 7 танков сопровождались 14 бомбардировщиками.

В течение ночи части 50-й армии продолжали частично отходить на новые рубежи обороны. 30 октября 1941 г. приказом командования частям армии поставлена задача: удерживать подступы к Туле с юга, юго-запада, юго-востока, прикрывая одновременно Тулу с севера и востока.

Для непосредственного руководства войсками на подступах к Туле создан Тульский боевой участок под командованием зам. командующего 50-й армией генерал-майора Попова. В состав участка входят: 217-я стрелковая дивизия, 58-й запасной полк, 173, 290, 154-я стрелковые дивизии, 1005-й саперный полк. Тульский боевой участок обороняет: Ратово, Мыца, Елькино, Ивановская дача, Старое Басово, Оленовая Гора. Штаб 50-й армии находится в районе дачи, северо-восточнее дер. Медведка.

Особый отдел НКВД 50-й армии в ночь на 30 октября из Тулы переехал в д. Медведка, оставив в Туле оперативную группу в составе 8 человек во главе с зам. нач. Особого отдела тов. Едуновым для руководства заградительными отрядами и работой КРО.

Следует отметить, что в составе 50-й армии находятся части, вышедшие из окружения, по составу малочисленные, с большим недостатком вооружения. Так, 290-я стр. дивизия, занимая оборону, на 29 октября имела 1800 человек, из них 300 человек без винтовок. Противотанковых средств (пушек, гранат, бутылок «КС») дивизия не имела.

По борьбе с дезертирами, трусами и паникерами особым отделом НКВД 50-й армии организовано 26 заградительных отрядов в составе 111 человек и 8 патрульных групп в составе 24 человек. Работает группа оперативного состава в г. Туле на сборном пункте формирования.

По вашему приказанию 30 октября в районе г. Тула заградительная работа была усилена. Непосредственно в районе г. Тула выставлено 6 заградительных отрядов. По городу организовано патрулирование оперативным составом. Дополнительно к группам, из состава роты, создано 2 патруля из оперативного состава Особого отдела. Высланы заградительные отряды в г. Сталиногорск и г. Винёв. По шоссе на г. Винёв (основное движение воинских частей) выставлено 2

заградительных отряда и опер, чекистская группа. Для связи с Особыми отделами и оказания им помощи в борьбе с дезертирами выслано в дивизии 5 оперативных работников.

С 15 по 31 октября заградотрядами задержано 2681 человек, из них арестовано 239 человек. В числе арестованных преобладающее большинство дезертиры. В то же время задержан и изобличен ряд немецких шпионов.

Арестованный Крылов Н.П., военврач 3 ранга 269-го батальона 173-й авиабазы аэродромного обслуживания, уроженец г. Тулы, на следствии признал, что в плену был завербован и под кличкой ЗЕТ-2 переброшен к нам с заданием собирать шпионские сведения по линии авиации.

Арестованный быв. красноармеец минометной роты 3-го батальона 62-го стрелкового полка Шабалин И.В. на следствии признал, что он в плену был завербован немцами и переброшен с заданием подготовить красноармейцев для перехода на сторону противника.

Арестованный Иванов М.П., бывший повар полкового хлебозавода 1-го батальона 405-й горно-стрелковой дивизии, оказался завербованным немецкой разведкой. Вербовка была произведена после того, как он рассказал немцам о расположении известных ему частей Красной Армии. Иванов после вербовки был передан в распоряжение штаба разведки танковой дивизии СС и по заданию должен был пробраться в г. Тула, изучить на этом пути дороги, проходимые для танков, вернуться и быть проводником при продвижении немецких танков.

Бывший красноармеец Дерышев П.П., уроженец Удмуртской АССР, завербован немцами и переброшен для сбора сведений о воинских частях, расположенных на линии фронта.

Арестованный Проворов Н.И., уроженец Вологодской области, признал, что переброшен немцами с заданием собирать данные о расположении частей Красной Армии на расстоянии 10 км от линии фронта. При возвращении обратно Проворов при встрече с немцами должен назвать пароль «Белая ракета».

По постановлениям Особых отделов НКВД расстреляно 38 дезертиров. 31 октября 1941 г. в г. Тула была попытка начать грабежи. Особым отделом НКВД 50-й армии из числа грабителей двое публично расстреляны. Произведенные аресты и расстрелы дезертиров и грабителей дали возможность быстро восстановить порядок в городе».

№ 6

Из дневника доктора М.В. Устрялова

Михаил Васильевич Устрялов – известный в Калуге врач-психиатр, выпускник медицинского факультета Московского университета 1918 года. Брат расстрелянного в 1937 году Н.В. Устрялова, выпускника юридического факультета Московского университета, философа, автора теории национал-большевизма, активно работавшего в правительстве Колчака.

28. XI. 1941 г. Пятница

Сегодня вышел первый № местной газеты «Новый Путь». Продавался по 20 коп., раскупили в большом количестве. Редактор – Е.Е. Бонескул.

Газета содержит германские сводки, речь Гитлера от 8/X1, заметки и статьи, сообщения, – конечно, вполне соответствующие германским взглядам. Формат – как была «Коммуна». Печатается в типографии бывшей железнодорожной, где выпускался «Политотделец». Главная типография пока не работает, но весь инвентарь и машины полностью сохранились.

Первый номер «Нового Пути» помечен почему-то завтрашним числом, 29 ноября. Газета еженедельная, но я слышал, что перейдет на выпуск 2 раза в неделю.

2. XII.1941 г.

Немецкие сводки скудно сообщают об успехах на фронте. Особо сообщается, что ввиду отсутствия подробностей, надо полагать, что происходят крупные операции. По местным сведениям (от русского будто бы раненого), немцы на днях взяли Алексин, который долго удерживался советскими войсками. Третьего дня был у Рейсгоф и слышал, что по направлению от Калуги на Москву фронт проходит тотчас за Наро-Фоминском, который в руках немцев, но постоянно обстреливается, и там пожары.

Немецкое радио на днях передавало, что в плену находится сын Молотова Георгий Скрябин [102] : он выступал по радио (не то перед иностранными журналистами) и опровергал советские сообщения о плохом обращении немцев с пленными и указывал на хорошую жизнь в Германии. Сам он находится в Берлине.

Наши соседи Рыбаковы вернулись из деревни, куда ходили за 25 верст в поисках продуктов. Для нас они наменяли 2 фунта топленого масла и 2 кило свиного сала. Нынче принесли нам бесплатно 5 кило конины. Мяса у нас теперь много. А вот сладкого ничего нет. Рыбаковой мы поручили достать меду. В той деревне, где они были, мед есть, но крестьяне его далеко

попрятали, т. к. там появились немцы, и жители боятся, что у них мед отнимут, почему тщательно его попрятали.

Принесли нам сегодня счет на уплату квартиры. Платы: 80 копеек за квадратный метр, по 48 р. в месяц за квартиру. Платить надо за октябрь и ноябрь. Передавали по радиотрансляции об установлении налога на взрослое население: по 15 руб. с человека. Нина не расслышала, однократный ли это взнос или периодический [103] .

С неделю уже, как объявлено о регистрации всех безработных во вновь организуемом Бюро труда. Должны регистрироваться мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 16 до 50 лет. Неясно, должны ли регистрироваться лица, почему-либо не могущие или не желающие работать. Раньше сообщалось, что население этого возраста может быть привлечено к трудовой повинности: освобождаются лишь больные с соответствующими справками. При горполиклинике устроена комиссия освидетельствования на предмет освобождения от трудовой повинности.

3. XII.1941 г. По карточкам 3-й день дают: спички 10 кор., 1 кг соли или по 1 кг соленых огурцов и помидоров. Дают лишь по карточкам 1-й категории: работающим или главам семьи. Очереди большие, сначала давали только в бывшем Раковском магазине, но сегодня открыли 3 или 4 пункта. Мы еще не получали. Весь «паек» стоит 3 р. 20 к. Хлеба или зерна давать пока, видимо, не будут. Зато заявляют о предполагаемом открытии широкой сети столовых общественного питания. По радио призывают вернуть разграбленный инвентарь столовых; заявляют о покупке у частных лиц кухонной и столовой посуды. Похоже, что не очень скоро эти столовые откроются… [104]

8. XII.1941 г.

Улицы теперь переименовываются на дореволюционные названия. На многих висят дощечки с надписями: Кутузовская, Никитская, Богоявленская, Никольская и другие.

Наша улица кверху от дома глухонемых до угла заполнена в два ряда немецкими автомашинами, среди которых 2 больших (8-дюймовых) орудия. Развешаны новые немецкие красочные плакаты с рисунками, содержащие извлечения из речи Гитлера от 2.X. Из этой речи видно, что октябрьское наступление немцев имело целью окончательно разгромить большевиков до наступления зимы. Задачу выполнить не удалось. Успех оказался частичным, хотя и большим [105] .

Электричества по-прежнему на нашей улице нет.

9. XII.1041 г.

Утром идет снег, температура чуть выше нуля. Но в наших комнатах всего +6 градусов. Намереваемся поставить чугунную

печь. Третьего дня в магазине бывшем Ракова они продавались, а вчера уже нет. Будем искать у кого-нибудь. Купил вчера у «Ракова» флакон клею за 40 коп. Вместо сдачи с рубля дали 2 карандаша и 2 кисточки.

Вернулся во 2-м часу Лёва. Привез 3 пуда пшеницы (чистой, не горелой), 2 кг баранины и килограмма полтора пшеничного хлеба. В обмен пошла мануфактура и ватная длинная куртка.
Сейчас Лёва был у Пестриковой и услышал немецкую радиопередачу о том, что Япония вступила в войну и произошло уже морское сражение с американским флотом. Слышно было плохо, т. к. пестриковская трансляция, также как и кузнецовская, действуют на одном проводе, а другой оборван.

10. XII.1941 г.

Очередное дежурство на Бушмановке [106] .

Доктор Васильева рассказала, что вчера ее водили в немецкую комендатуру в гестапо. Пришли 2 немецких полицейских на Бушмановку. Но она уже уехала. Явились на дом часов в 5 и приказали немедленно идти; один шел впереди, другой сзади. Привели в бывший Кологривовский дом за Каменным мостом к одному из «начальников». Добивались у нее признания, что она коммунистка. Оказывается, поступило заявление от 6 или 7 бывших бушмановских сотрудников с доносом [107] , будто она коммунистка (чего на самом деле нет) и с жалобами на грубое отношение ее со служащими. Естественно, она отрицала свою принадлежность к партии и рассказала о тяжелых буднях больницы, когда ее грабили при активном участии самих служащих. Благополучно отпустили через 1 час. Доносчиков вызывают на сегодня в 11 часов дня.

Температура выше нуля, подтаивает, часов с 12 идет снег.
В больнице электричество горит. В кабинете и палатах тепло. Гудит ветер.

11. XII.1941 г.

Много в Калуге людей, которые буквально голодают. Т. Окорокова на днях рассказывала о 2 медсестрах, начавших пухнуть от голода. Даже имеющие работу не гарантированы от этого. На деньги почти ничего достать нельзя съедобного. На базаре была, говорят, картошка, по 4 руб. за килограмм, но и ту быстро перестали продавать.

Главным источником добывания продуктов является обмен. Далеко не у всех есть что менять; кроме того, приходится для этого идти в деревню: чем дальше от города, тем выгоднее можно поменять. Некоторые ходили за 25 километров. Доктор Самофалов тоже голодает. Вчера просил взять его и его жену с собой, если от нас кто-нибудь пойдет в деревню.

Выдачи по карточкам хлебных продуктов не предвидится, и вообще мало шансов на получение какого-либо продовольствия [108] . Население считает и «надеется», что продовольственное положение улучшится, если будет взята Москва и фронт отодвинется, а может быть, тогда и ликвидируется. Возможно, что сами немцы распускают такие слухи. Однако Москва держится; третьего дня были слухи, что немцы под Москвой имели значительный успех; но немецкие сводки о решительных успехах не говорят.

Васильева передавала, что доносчики на нее были наказаны немцами: высечены (кроме женщин).

В последних немецких сводках говорится о боях «местного значения» на Восточном фронте и указывается на наступившую «русскую зиму» [109] .

15. XII.1941 г. Вчера я носил (во 2-й раз) в редакцию «Нового Пути» сочинения Розанова [110] , согласно объявлению в № 2. Опять не было сотрудника, который хотел эти книги купить. Я оставил свой адрес. В 3 часа дня он сам (Зубковский) пришел ко мне. Оказывается, это муж одной из дочерей – Наталии – священника Ф.Д. Соколова. Поговорили. Денег с него я не взял; он обещал доставить несколько немецких журналов, а в дальнейшем даст прочесть русскую газету, издающуюся в Берлине; даст книгу русского эмигранта-беллетриста: «9-е термидора» [111] . Вообще, обещает снабжать интересными изданиями, хотя бы для прочтения. По-видимому, русские эмигранты в Германии, издающие газету, придерживаются взглядов бывших «умеренно правых», отрицательно относятся к Милюкову, пишут, что Россия будет «восстановлена»: создано большевиками положение, что восстановлена она может быть лишь при помощи Германии, т. е. признают, что будущая Россия окажется в длительной зависимости от немцев. Может быть, это германофильство – по необходимости: ведь в Берлине печатаются.

18. XII.1941 г.

Ходили с Ниной в Диспансер. Большое количество немецких автомобилей скопилось на Никольской улице. Когда мы возвращались обратно, машин стало меньше. событий и наблюдений становится ясно, что такое немецкая оккупация для людей, особенно честных, неизворотливых, не способных выгодно прильнуть к любой власти.

По слухам, в Калугу на отдых с фронта приходят войска, называют 10, а то и 20 тысяч. Мимо нас ночью тоже ехали грузовики и подводы – к низу. А кто-то пустил слух, что немцы отступают. Очень мало походит на правду этот слух [112] .

Мы с Ниной видели, как привезли огромную елку на площадь

против погребков. Там подготовлена яма для установки елки, на том же приблизительно месте, где стояла советская елка в прошлом году.
Завтра – Николин день. В Николо-Козинской церкви звонили ко всенощной в 3-м часу и после. Колокола мелкие. Больше 20 лет не слышали мы колокольного звона. Народу в церкви бывает масса. Нина из любопытства пошла в 3.30 часов с Полей Силаевой, но вернулись, не дойдя до церкви: стало сильно темнеть. Вероятно, и в Георгиевской церкви звонили колокола (тоже мелкие), там давно повешены [113] .

19. XII.1941 г.

Немецкая сводка сообщала 2 дня назад, что на Восточном фронте происходит выравнивание фронта ввиду перехода на зимнее время к позиционной войне. Стало быть, кое-где немцы отступили. У нас слухи, что на нашем участке фронт значительно приблизился. Алексин будто бы снова в советских руках: возможно, что даже и Калугу немцы оставят. Последнее предположение весьма неправдоподобно [114] .

А между тем распространители слухов ссылаются на то, что эти сведения исходят от немецких солдат, которые еще даже добавляют, что в этом случае будут сожжены все дома в городе.
Немцы, однако, готовятся праздновать в Калуге Рождество. Сегодня по радио объявили о сборе на завтра музыкантов и работников искусства по вопросу о проведении праздничных вечеров, приглашаемых перечислили по фамилиям, в их числе – Павлишак [115] .

21. XII.1941 г.

Пасмурное, туманное утро. С 4 часов утра стреляют. Сначала редко – то ли выстрел орудийный, то ли разрыв. А с 7 ч. утра (сейчас 7 ч. 40 мин.) определенно орудийная стрельба то одиночным, то сериями: слышится с западной стороны от Бушмановки. По-видимому, палит зенитная батарея, расположенная у базы. Слышится гул самолета (возможно, не одного). Разрывов снарядов не видно, так как видимость по состоянию погоды очень ограниченна. Слышатся частые короткие пулеметные очереди.

В 10.30 час. вечера события развернулись потрясающие. Советские войска – близ города, за рекой. Днем по городу стреляли из орудий. Немцы развили сильный огонь, орудийный и пулеметный. На всех почти перекрестках – пулеметы и орудия. Жителям приказали убраться из ближайших к реке улиц. Чернозубовы с матерью и сыном у нас. У нас же и И.И. Рахманов со старухой-матерью. Эти пришли, абсолютно ничего с собой не взяв. Сильный пожар в стороне Знаменской или Спас-Жировской

улицы [116] . Оказалось, что и нашу улицу будут очищать от населения. Много с собой не возьмешь. Кое-что собрали, но получились тяжелые тюки. К настоящему времени стрельба почти утихла, но все же раздаются орудийные выстрелы и пулеметная стрельба. Могут попасть пули в окно. Впереди что?

Левы нет, он вчера утром отправился в Тихонову Пустынь разбирать горелое зерно. Можем с ним разлучиться. Положение населения представляется худшим, чем когда бы то ни было. И подумать, что вчера вечером никаких особых трагедий не предвиделось. Забота была главным образом с питанием. Все относительно…

Ложились не раздеваясь.

22. XII. 1941 г.

Прошла ночь. Спали все мало. Слишком тревожно настроение, да и стрельба мешала. Со стороны красных город артиллерией как будто не обстреливали. Немцы стреляли из орудий, пулеметов, автоматов, причем иногда казалось, что стреляют рядом. В девятом часу пришел Митя Масленников: они с Лизой очутились в таком же положении, как Рахмановы: их заставили уйти молниеносно, не дав ничего взять. Ночевали они у Журавлева. С нами Анна Ефимовна, которая сегодня была у нас вместе с Митей. Неизвестно, что за ночь сгорело. На Спасскую и Знаменскую улицы не пускают.

Сейчас 9 часов 40 минут. Чернозубовы с полчаса как ушли, намереваясь пробраться на Бушмановку. Рахманов собирается идти смотреть, цел ли их дом, но боится, т. к. стреляют. Летают немецкие самолеты. На улицах редко кто пройдет. Мы увязали узлы на случай, если погонят: может быть, не запретят кое-что взять. Предполагаем направиться тогда к Агнюшиной сестре. Лева не возвратился пока. Митя передавал, будто кто-то слышал по радио, что в России власть сосредоточена в руках военного командования во главе с генералом Шапошниковым [117] . Он будто бы и выступал по радио и указал, что основное теперь – успешно вести войну и идеи коммунизма должны быть смягчены и подчинены основной цели.

8 3/4 час. вечера. Днем шла сильная стрельба. В первом часу загорелось в городе в направлении на юго-западе от нас (после оказалось, что горит монастырский поселок) и затем на Щемиловке. Этот пожар сильно взволновал квартирантов нашего дома: «зажгли внизу, скоро дойдут до нас», «надо выбираться». Но пожар кверху как будто не распространился и сейчас как будто заглох. Точно сказать трудно, т. к. опасно выйти на улицу, откуда было бы видно. Пожар монастырского поселка тоже почти погас. С 1/2 часа назад загорелось на юге – должно быть, в районе Спас-

Жировской ул.; сейчас пламя значительно уменьшилось [118] .

Отчего происходят пожары? Немцы будто бы обвиняют партизан; другие утверждают, что дома загораются от советских снарядов. Особенно распространено мнение, что поджигают сами немцы. В этом случае надо вывести заключение, что немцы сомневаются в возможности отстоять город. Перед населением встает грозная перспектива остаться без крова в случае успеха советских войск. При частичных пожарах жители находят кров у знакомых, а когда всюду запылает? И еще: выселение происходит так спешно, что ничего не дают взять. Впрочем, это, кажется, не во всех случаях. Предусмотрительные наши vis-ä-vis сегодня раз 5 возили куда-то вещи на салазках.

Все улеглись спать. Ночуют у нас 2-е Рахмановы, 2-е Масленниковы (пришли в 3-м часу) и Анна Ефимовна. Когда стихает стрельба, несколько успокаиваешься и начинаешь надеяться на то, что судьба смилуется. Рассудок же рисует трагические перспективы.

Днем сегодня был дан выстрел из винтовки в окно рыбаковской квартиры, выходящее во двор. Пуля пробила стекло, нашу стену и диван, сделав в нем дырку. Людмила и Ляля были в столовой, я с Ниной в комнате Надежды Ивановны. Из людей никто не пострадал.

23. XII.1941 г.

Ночь прошла довольно тихо, особенно первая половина ее, часов до трех, когда очень редко стреляли. Ближе к рассвету стрельба усилилась. Всю ночь был пожар к югу от нас, то утихал, то сильно разгорался. Утром пожар затих. Пили чай в комнате Надежды Ивановны. Набрали снеговой воды (два ветра снега). Наблюдая в окно, на улице мы заметили признаки растерянности у немцев: бежали вверх, держась у стен, собирались у крыльца группами. Затем некоторые с угрожающим видом отстреливались, вглядывались в глубь дворов, держа винтовки наготове. Один даже направил автомат в милиционерский сад, но не выстрелил. Мы решили быть в коридоре, где представляется безопаснее на случай пули или осколков окон. В 12 час. вошел в коридор немец и спросил, нет ли солдат или партизан, далее заявил, что он и его товарищи хотят погреться. Вошли еще трое. Я пригласил в наши комнаты. Поговорили. Старший из них (унтер-офицер) производит впечатление приятное, человек культурный. Он с уверенностью заявил, что красные Калугу не возьмут, они находятся по ту сторону реки, но сюда не проникнут, а к завтрашнему дню будут оттеснены от реки. Он и его товарищи прибыли сюда только что. Очевидно, подтянуто пополнение. Дальше немецкие солдаты на улице перестали нервничать,

ходили спокойно, винтовки – за плечами. Бывшие у нас – расположились у наших ворот, при них мотоцикл, на дворе у крыльца сложили несколько жестяных патронов (или мелких снарядов?).
Стрельба шла уже порядочная. Летали немецкие самолеты, из окна было видно, как они за рекой пикировали, после чего слышались разрывы бомб, шла пулеметная стрельба.

24. XII.1941 г.

4 1/2 часа дня. Вернулся Лева 1 час тому назад. Ночью стреляли умеренно. Мимо нас ночью прошли немецкие войска и машины к низу. В 9 часов утра узнали, что выселяют жителей улиц Работниц (нижней части) и Первомайской ул., тех, кто живет ниже колонки. Имущество можно вывозить. Нас пока это выселение не касается: однако следующий этап, как подумать, – наш район. Свезли на 2 санках некоторые вещи к Пете. Ходили к Агнюшиной сестре, но их квартира заперта. Ходили Людмила, Нина и Ляля. Часа в 2 дня начался пожар в начале Проломной ул. близ Пятницких. Сейчас продолжается, поднимаются снопы искр. Лазивший на чердак Ляля говорит, что территория пожара невелика. Есть еще другой пожар – за казармами.
10 час. вечера. Кажется, советские войска отступили. Стрельба прекратилась. Силаева-мать получила распоряжение явиться завтра на работу (она работает на водокачке), ей сказали, что советские войска отошли к деревне Большие Козлы (километров 13). Можно надеяться, что выселяться не придется. Часов в 5 утра разорвался снаряд… где-то близко; стекла, однако, в нашем доме целы. Мы перешли в коридор, в дальнейшем не было близких разрывов и вообще, должно быть, стрельбы по городу. Часа через два пришла весть об отходе советских войск.

25. XII.1941 г.

Рождественская ночь… 4 часа 15 минут утра. Полыхает пожар очень близко, должно быть, горит 1-й снизу дом по Черновскому переулку, в том же направлении, как недавно потухший на Проломной ул., но ближе к нам. Загорелся он, по-видимому, от пущенного с советской стороны снаряда. В начале 3-го часа нас разбудили два громких звука разрывов. Стала стрелять и немецкая артиллерия. Мы не вставали. А в половине четвертого я заметил сквозь темную штору свет: подошел к окну и увидел, что ярко горит за бывшим Петрухинским домом. Разбудил своих, оделись полностью. Из окна Лялиной комнаты виден сильный пожар в промежуток между домами: жарко горят два деревянных строения. Погода тихая, пожар едва ли сильно распространится. Ребята вставать не стали. Людмила и Нина опять легли, но Людмила даже в шубе. У нас узлы наготове, часть уложена на

санки.

Сейчас (4 час. 40 мин.) огонь значительно ослабел.

Все же странно, что, как правило, систематически возникают пожары все в одном районе и идут от окраин к центру. Советская артиллерия метит хорошо, и снаряды имеют большое зажигательное действие. Все же есть некоторое сомнение, от советских ли снарядов зажигаются дома… Вот тебе и отогнали большевистские войска!

Сейчас был какой-то странный треск близ нашего дома, несколько похожий на негромкую пулеметную стрельбу. Не пойму, что такое. Пулеметной стрельбы нет. Далеко еще нельзя быть спокойным.

1 час дня. Нет, положение на фронте, видимо, мало изменилось, стреляют часто орудия из города. Утром часто раздавался своеобразный звук пролетающей и ударяющей во что-то пули. Стало быть, красные близко. И сейчас слышится этот звук, но реже. Силаевы слышали, будучи в городе, что вчера красных действительно отбросили на десяток километров, но за ночь они вновь приблизились [119] . Горят казармы на углу. В нашем доме в крыше оказалась пробоина от снаряда – с южной стороны близ брандмауэра над парадной лестницей. Размеры такие, что можно человеку высунуться. Это оно, видно, пробито вчера в 5 ч. вечера или ночью в 3-м часу. За рукой горит в деревнях, одна из них – Пучково. Самолетов что-то нынче не видно и не слышно.

Сказать «мы живем как на вулкане» было бы неверно. «На вулкане», несомненно, жить гораздо спокойнее.

2 ч. ночи 25–26.XII. 1941 г.

Вечер прошел довольно спокойно. Днем в начале 3-го часа немецкие самолеты, как и накануне, бомбили очень близко отсюда, приблизительно не доходя Покрова [120] . Советских снарядов в недалеком расстоянии от нашего дома не падало. Вторую половину дня стрельбы было мало. Мы предполагали было ночевать в комнатах Сальниковой (которой нет) из-за того, что они обращены не в сторону фронта; однако потом решили ночевать на прежнем месте. Надо признаться, что чувствуется немалое стеснение от присутствия 4 иждивенцев, которые затрудняют нас и в выборе места для пребывания, и в вопросах продовольственного свойства. Люди, конечно, несчастные, но все же надо бы им проявить больше инициативы в вопросе об устройстве своей жизни, не полагаясь на нас. Как-никак, у Масленниковых – большая протекция в верхах Городского Управления, а Рахмановы вообще нам не близкие знакомые.

Поднялся я во втором часу ночи из-за внезапно поднявшейся

сильной орудийной пальбы. Минут через 10–15 стало просвечиваться за оконной занавеской, как я и подумал (не впервые это пожар против наших окон за домом Петрухиных; ярко освещен Краузевский дом). Горит приблизительно район дома Кусковых. Есть небольшой ветер, восточный. На всякий случай оделся (спал я сняв лишь шубу, куртку и валенки). Сильная стрельба продолжалась менее 16 минут. Пожар пошел на убыль минут через 25. Сейчас (21/2 час.) он совсем почти прекратился. Весьма сомнительно, чтобы ближний пожар произошел из-за попадания снаряда. Артиллерия стреляла едва ли не исключительно в «нашей», т. е. немецкой, стороны. Может быть, подготовка атаки? Сейчас – редкие выстрелы. Пулеметной стрельбы не было слышно, но ведь в окнах двойные рамы и с линии фронта они могли бы не докатиться.

28. XII.1941 г. Мы выселены. Вчера в 1 ч. дня явились немцы и приказали всем жильцам дома немедленно выбраться. Для устрашения стреляли из автомата (в пол). Вещи были у нас заранее упакованы, и мы через 3–4 минуты были уже во дворе с нагруженными санками и кульками в руках. С нами вышли Надежда Ивановна и Рахманов с матерью. Масленниковы до этого пошли в Горуправу (Нина Сергеевна накануне сказала Мите, что для них все устроено, нужно обратиться 28-го к такому-то лицу в Управе, который получил указание).

29. XII. 1941 г. Понедельник

По многим признакам Калуга будет оставлена немцами. Сегодня ночью, как говорят, был взорван железнодорожный дом близ Брянского моста. Опустели казармы, и народ тащит из Московских казарм картошку и другие запасы. Слышно, что расхищают и склады у вокзала. Идет стрельба: нам слышна главным образом артиллерийская, но иногда и пулеметная. Последняя доносится с южной стороны, в направлении бывшего Краузевского дома, но, может быть, и не там. Изредка падают советские снаряды: в районе, где мы теперь живем, пока не падают.

По слухам, советские войска продвигаются к Калуге и с востока (из Турынина гонят немцы жителей), и с запада: на Угре прошлой ночью был будто бы бой. Удерживаются они и за рекой под городом. Советских самолетов не замечается, немецкие – летают иногда.

30. XII.1941 г. Сегодня ночью красные войска заняли Калугу. Радостно это освобождение от немцев! Всюду оживление, красноармейцев приветствуют. Вчера вечером было много взрывов и пожаров. Сожжена бывшая детская поликлиника на Интернациональной улице и другие каменные здания:

Московские казармы и другие; какие, пока точно не знаю. Была необыкновенная тишина вечером и в начале ночи; в 1-м часу часто стреляли из пулеметов и винтовок; потом опять тихо. Когда рассвело, мы выглянули наружу из парадной двери, и оказалось, что идут красноармейцы. Тотчас же я, Лева, Ляля и Нина пошли домой узнать, что там творится. Двери квартир (кроме Горомовой и дроздовской) взломаны или открыты (кузнецовская – был ключ в двери), всюду, а особенно у нас, полный хаос: все перерыто, разбросано по полу. Искали, видимо, мелкие ценные вещи, а крупные не утащили. Это немцы понаделали.

2.1.1942 г.

Надо пробить дымоход, для этого требуется печник. По рекомендации Лены Золотовой обратился к бывшему сторожу Заготзерна. В квартире этого сторожа стоят командиры Красной Армии – хозяйственники. Они меня угостили так, как я отвык есть: 100 гр. водки, колбаса, жаренная в масле, хлеб подсушенный, сливочное масло, чай с сахаром. 2 куска сахару я принес домой.

Принес также № «Правды» от 28/XII. Командиры передавали, что все три командующих фронтами (Ворошилов, Тимошенко, Буденный) по-прежнему на своих постах [121] . Правительство в Куйбышеве, но Сталин в Москве.

3.1.1942 г.

Всю ночь слышалась орудийная стрельба, продолжается она и днем. Поэтому настроение у жителей Калуги не совсем спокойное. Немцы, отойдя от Калуги, сопротивляются километрах в 15–20 отсюда, а может быть, даже ближе. Многие обыватели опасаются обратного перехода города в руки неприятеля. Это, однако, весьма маловероятно. К вечеру звуки пальбы стали слышны несколько глуше.

Возобновился выпуск газеты «Коммуна». Сегодня продавали № 1 от 2 января. В № помещены 2 речи т. Сталина: от 6/XI и 7/XII, – других материалов нет. Продавали нынче также тульский «Коммунар» от 1/1. В отделе «Последние Известия» еще отрицается сообщение о взятии советскими войсками Калуги. Взяла ее часть генерала Болдина, идущая с боем от Тулы.

По пути немецкого отступления многие деревни сожжены неприятелем почти полностью. Это касается, главным образом, деревень на северном берегу Оки, т. к. на южном близ Калуги продвижение советских войск было быстрым, и больших боев не было. Мы слыхали про сожжение Грабцева, Городни, Кузьминок, Бунакова, Турынина, Ждамирова (Калужки) и других. Крестьяне передают, что в последние дни перед отходом немцы вели себя нахально и жестоко, так что крестьяне уходили из своих домов,

боясь показываться немцам на глаза.

5.1.1942 г.

Сегодня стреляют на севере от города, недалеко. С запада стрельбы не было слышно.

Вчера устно передавали из военных кругов, что нами взяты города Малоярославец и Орёл [122] . В «Правде» от 1/1 помещено описание боев в Калуге. Были будто сильные бои на улицах, у немцев были укрепления, противотанковые рвы заграждения и проч. Некоторые центральные улицы переходили из рук в руки. Участвовали с нашей стороны танки. В этом описании, несомненно, есть преувеличение и сгущение красок.

7.1.1942 г.

По старому стилю – Рождество. В чрезвычайных условиях проводим мы в нынешнем году этот день.

Бушмановка [123] опять пострадала при уходе немцев: во-первых, они забрали лошадей, сено, картофель, а во-вторых, снова разбито много стекол в корпусах и квартирах при взрывах на артскладе: там были снаряды.

Продолжает стрелять наша артиллерия с окраин города. Командиры Красной Армии говорят, что отдельные немецкие отряды засели в дотах у деревни Анненки, а главные силы отошли дальше. Как бы там ни было, а все же близкая стрельба нервирует население.

У Силаевых, также у Сатыковой и Дроздовой живут военные командного и хозяйственного состава. Силаевы сегодня готовили им обед из 3 кур и гуся, были накормлены сами и с ними вместе, также с военными угостилась наша Нина.

11.1.1942 г.

Осколком бомбы, сброшенной сегодня немецким самолетом, убита дочь Пети Зевакина Надя, 14 лет. Она пошла во двор к колодцу за водой; в это время упала бомба (или 2), попавшая в дом на другой стороне улицы. Осколками убило Надю, женщину у ворот, а также в разрушенном доме есть убитые.

По дороге купил «Коммуну» сегодняшнюю: размером 2 страницы, содержание – нота Молотова с протестом против немецких зверств. Официально сообщается о взятии нашими войсками Детчина, Мосальска, Серпейска.

Орудийных выстрелов 2 дня не слышно. Немцы выбиты из близких мест, где они упорно сопротивлялись. Со слов командиров Красной Армии, стоящих в нашем доме, было подвезено несколько (будто бы 29) наших оригинальных смертоносных орудий («Марии Ивановны») [124] , при помощи которых удалось выбить немцев.

17.11.1942 г. Вторник Леля ходит в школу, но бывает только

на 1—2-м уроке, в классах очень холодно. Нет преподавателя немецкого языка, т. к. «кнопку» и Лидию Леонардовну не приняли опять учительницей. Вообще чуть ли не во всех школах отсутствуют учителя немецкого языка. Причина, по-видимому, та, что при немцах все они устроились переводчиками: например, «кнопка» была переводчицей в Земской Управе, а Лидия Леонардовна (не знаю фамилии) – в лагере для военнопленных.

14.111.1942 г.

Наш бывший завхоз, мобилизованный и недели 2 тому назад отправленный на фронт, уже вернулся, раненный в кисть левой руки. Он находится в одном из калужских госпиталей, а вчера вечером был на Бушмановке, ночевал здесь. Рассказывает, что был в боях за Мосальском, у Московско-Варшавского шоссе [125] . Немцы сопротивляются упорно, и выбивать их трудно. Сильно обстреливают из самолетов, из орудий, минометов, пулеметов.

Над Калугой с 10 марта вражеские самолеты не летают.

Перебои в снабжении населения хлебом ликвидированы: опять стало нетрудно получить по карточкам хлеб.

Страницы дневника публикуются по калужскому изданию 2010 года со значительными сокращениями.

Дневник М.В. Устрялова – редчайший документ времен войны. Поденные записи очень точно характеризуют атмосферу оккупированной Калуги, настроения ее обывателей, их повседневные заботы, страхи и надежды.

В 1918 году М.В. Устрялов был арестован Калужским ГубЧКа в связи с деятельностью его брата Николая Васильевича. В квартире был произведен обыск. Среди прочего изъята переписка и несколько номеров газеты «Накануне». Николай был одним из учредителей этой газеты. Вскоре Николай уехал в Харбин. Но идеи национал-большевизма и любовь к родине оказались сильнее инстинкта самосохранения: Николай вернулся, был арестован и расстрелян.

За Михаилом постоянно велась слежка. Возможно, он об этом знал. Поэтому записи в дневнике несут характер аполитичности и сдержанности – никаких оценок. В архивах хранится любопытный документ – спецсообщение заместителя начальника Калужского горотдела НКВД секретарю Калужского горкома партии: «Устрялов – доктор медицины, беспартийный, работает врачом-психиатром в калужской психбольнице, брат его расстрелян за шпионскую деятельность в пользу Японии; 10.07.42 г. говорил: «Наше отступление на Южном фронте объясняется неподготовленностью… поражение наше возможно. Главная вина на командовании, кроме того, у армии нет стимула к войне, как это было в 1918 году, отдельные герои не спасают от общей

пассивности» [126] .

М.В. Устрялов владел гипнозом. После расстрела брата и ссылки свояченицы Натальи Сергеевны Устряловой (в девичестве Блистановой) дети их, Евгений и Сергей, жили в семье М.В. Устрялова.

№ 7

Отчетный доклад о работе Калужского городского отдела УНКВД Тульской области за период с 1 января по 20 июля 1942 года [127]

«30 декабря 1941 года Калужский городской отдел НКВД вместе с передовыми частями Красной Армии, когда город был еще не освобожден, прибыл в г. Калугу. С этого же времени оперативный состав, состоящий из пяти человек, приступил к исполнению возложенных на него задач.

В первые же часы прибытия в г. Калугу были приняты немедленные меры по мобилизации населения, находящегося в убежищах, на тушение пожаров, сбор оперативных документов в карательных и административных органах, выявление и арест предателей, изменников Родины и установление революционного порядка.

В первый же день оперативный состав выявил ряд предателей, изменников Родины и произвел аресты.

На другой день после освобождения города нами уже было арестовано несколько десятков человек, пожары были ликвидированы, производился сбор и отбор оружия, убирались по городу.

В течение короткого времени января в городе был наведен относительный порядок. Горотдел НКВД принимал все меры к тому, чтобы как можно больше выловить и изъять предателей и изменников Родины. Данных для изъятия этого элемента у нас уже с первого дня имелось достаточно, мы имели с адресами по месту жительства список полицейских на 200 человек и других предателей.

К концу января месяца нами было арестовано по линии УГБ более двухсот человек, что является весьма незначительным по деятельности предателей в этом городе.

Если дать краткую характеристику этому городу до оккупации и в период оккупации, то это будет выглядеть следующим образом.

До оккупации: а) мещанский город (торговцы, купцы, чиновники и т. д.); б) были крупные представители оппозиции; в) место ссылки административно высланных и других лиц; г) приезжие из Москвы, Ленинграда и других крупных городов (судимые по ст. 58 УК РСФСР); д) значение этой базы для оккупантов.

Период оккупации: а) Управление полиции – 350 человек. Его структура: Управление полиции – Купфер, в состав которого

входили следующие отделы: вспомогательная полиция, охрана общественного порядка, уголовно-сыскное отделение – Сахранов, политический отдел – Леульт, административный (прописка и др.) – Васильев, сельская полиция – Потапов (55 человек); б) городская управа —

Щербачев (107 человек); в) земская управа – Агафонов (67 человек), 11 волостей, 11 старшин, 188 старост.

В связи с наличием такого количества предателей горотдел НКВД вместе с РКМ провел ряд массовых операций с захватом всего города по выявлению изменников Родины и предателей.

За период 6,5 месяца горотделом НКВД проведена немалая работа по изъятию и выявлению изменников Родины и по восстановлению революционного порядка, но сделано еще очень мало, обстановка требует от нас гораздо большего.

В итоге данных операций было задержано:

1. Служащих фашистской полиции, старост и т. п. фашистского элемента – 27 человек.
2. Дезертиров и уклоняющихся от воинского учета – 69 человек.
3. Мародеров и расхитителей социалистической собственности в период оккупации г. Калуги – 114 человек.
4. Лиц, имеющих фашистские полицейские паспорта-удостоверения, – 78 человек.
5. Лиц судимых и не отбывших срока наказания – 15 человек.
6. Прибывших из немецкого вражеского окружения – 101 человек.
7. Проживающих без прописки – 147 человек.
8. Для выяснения личности и по прочим причинам – 298 человек.
9. Уклоняющихся от трудового фронта – 27 человек.
10. Военнослужащих рядового состава, обнаруженных в общественных местах без увольнительных записок, – 133 человека.

Всего было задержано – 1009 человек.

Изъято незаконно хранимого оружия и не сданного как трофейное:

1. Автоматы-пистолеты ППД и ППШ – 2.
2. Винтовки нарезные армейского образца – 51.
3. Револьверы – 4.
4. Пулеметные стволы – 3.
5. Гранаты разных систем – 195.
6. Снаряды – 121 ящик.
7. Патроны винтовочные разные – 25 138 штук.
8. Малокалиберные винтовки – 4.

9. Пистолеты – 3.

10. Ракетные пистолеты – 4.

11. Холодное оружие – 134 экз.

12. Порох орудийный – 6 ящиков.

13. Миномет-лопата – 2 шт.

Оружие сдано в местные полки НКВД, временно расквартированные в Калуге, и в трофейную комиссию 50-й армии.

Помимо указанного, изъято у мародеров и возвращено госучреждениям и предприятиям, а также населению на

6,5 миллиона рублей имущества, состоящего из расхищенного оборудования, всевозможных материалов, мануфактуры, кожевенных товаров, мебели, продуктов питания, обмундирования и т. п. вещей.

Кроме этого, сдано в трофейную комиссию 50-й армии РККА 180 велосипедов, 54 мотоцикла и обнаружено при обходах и передано в трофейную комиссию значительное количество телефонного кабеля и прочего имущества.

За период войны Калужским горотделом НКВД с 22 июня 1941 по 1 января 1942 года разоблачено 9 человек. Разоблачено с 1 января по 1 июля 1942 года 13 человек. С 1 по 20 июля 1942 года арестовано 26 человек, закончено следственных дел – 23.

Из общего числа: а) переброшено и оставлено во время войны – 15 чел.; б) завербовано до войны на территории СССР и переброшено – 9; в) окончившие спецшколы – 1.

Более характерные дела представляют из себя следующее:

1. Следственное дело по обвинению Медведева М.К. по ст. 58 п. 1«а» УК РСФСР. В прошлом крупный кулак, в 1937 г. судим по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР на 5 лет исправительно-трудового лагеря за контрреволюционную деятельность. Разоблачен как агент германских разведывательных органов, в период оккупации активно проводил предательскую и шпионско-диверсионную работу. Кроме того, выдал парашютный десант в количестве 80 человек. Проводил разведывательную и диверсионную работу в пользу немецкой армии. Практическая работа его в том, что он по заданиям германских разведывательных органов неоднократно переходил линию фронта, собирая сведения и численности частей РККА, о расположении складов боеприпасов и продовольствия, о местах расположения аэродромов и советской артиллерии, а также о численности танковых войск в районе линии фронта.

2. Анисенков как диверсант прошел специальную подготовку и при отступлении частей фашистско-немецкой армии был снабжен оружием, минами и гранатами немецкого образца и

оставлен в тылу РККА с диверсионными и разведывательными целями. Ему было дано задание минировать дороги, а также мосты и их взрывать.

3. Следственное дело по обвинению Бабкова по ст. 58 п. 1«а» УК РСФСР. Разоблачен как агент германских разведывательных органов, неоднократно переходил линию фронта в районе Тихонова пустынь Калужского района в тыл РККА с целью собирания сведений о численности войск РККА и о расположении аэродромов и артиллерии.

4. Следственное дело по обвинению Белова по ст. 58 п. 1«а» УК РСФСР. Белов разоблачен как агент гестапо.

5. Дело по обвинению Николаева по ст. 58 п. 1«а» УК РСФСР. Разоблачен как агент германских разведывательных органов.

6. Макаров И.В. обвиняется по ст. 58 п. 1«а» УК РСФСР. В прошлом крупный торговец, владелец трех магазинов и постоялого двора в г. Калуге. В период оккупации Калужского района немецко-фашистскими войсками активно проводил работу в пользу германского фашизма. В момент отступления фашистско-немецких войск из Калужского района был завербован одним из штабов немецкой армии как разведчик-диверсант и снабжен ракетницей немецкого образца и ракетами. В районе д. Куровское во время ожесточенных боев Макаров, оставшись на территории, освобожденной от немецких захватчиков, ракетами ориентировал вражескую авиацию, указывая объекты бомбардировки.

Другие обвиняемые по следственным делам, разоблаченные как вражеская агентура, проводили аналогичную разведывательную и шпионскую диверсионную деятельность в пользу германского фашизма.

По одному из следственных дел по ст. 58 п. 1«а» УК РСФСР проходит группа бывших сотрудников немецко-фашистской полиции в 32 человека, созданная в г. Калуге командованием немецкой армии. Однако привлечены к уголовной ответственности и приговорены к высшей мере уголовного наказания – расстрелу 8 человек, остальные скрылись с отступающими частями фашистско-немецких войск.

В городе были созданы два истребительных взвода – комсомольско-молодежный и на заводе НКПС. Эти взводы и несли главным образом охрану объектов. Заводской взвод охранял завод, комсомольско-молодежный взвод нес охрану таких учреждений, как горком партии, комсомола и частью горотдел НКВД.

Кроме несения охраны указанных объектов, дежурства в горотделе НКВД, истребительные взводы выполняли большую

работу по сбору среди населения и на полях сражения брошенного оружия, боеприпасов, разминированию полей. Было 7 массовых выходов на поля сражений и по населенным пунктам района.

Кроме того, было проведено до 10 бесед во взводах на тему сбора оружия. Эта работа на первой же ее стадии дала хорошие результаты. Вскоре оба взвода полностью вооружили себя за счет трофейного оружия, и, проводя эту работу дальше, мы собранным оружием вооружили охрану тюрьмы и создали необходимый запас, которым затем вооружили еще два созданных истребительных взвода на заводе КЭМЗ и в Бебелевском сельсовете. Впоследствии собранным оружием вооружили и партизанский отряд.

Всего истребительными отрядами собрано оружия: винтовок – 99 штук, ручных пулеметов – 4, станковых пулеметов – 2, патронов к винтовкам – 45 ООО, гранат разных систем – 120, мин – 45, снарядов – 700 и много шанцевого, артиллерийского и другого имущества.

Силами бойцов истребительных отрядов все это оружие приведено в порядок, отремонтировано на заводах и мастерских.

Особо хорошо и много поработали над сбором оружия бойцы комсомольско-молодежного взвода НКПС, где командир тов. Туманов. Взвод завода НКПС полностью прошел 110-часовую программу всеобуча, и на испытаниях бойцы показали хорошую и отличную успеваемость пройденной программы. Бойцы хорошо научились владеть оружием – винтовкой, гранатой, пулеметом и усвоили основные тактические вопросы, самоокапывание, маскировку и т. п.

С целью очистки города и района от возможного оставления немцев, выявления шпионов, диверсантов и другого преступного элемента, а также изъятия у населения оружия и трофейного имущества за период с 30 декабря 1941 по 10 марта 1942 года проведено 12 массовых операций с привлечением полка НКВД и других войск, расквартированных в городе. В результате проведенных операций задержано 544 человека» [128] .

№ 8

Протокол № 2/1 комиссии Академии архитектуры СССР по охране и восстановлению архитектурных памятников г. Калуги от 4 апреля 1942 года

«Заслушав сообщение бригады экспертов в составе архитекторов А.С. Фуфаева и В.И. Гридина, при участии председателя горисполкома г. Калуги тов. А.Д. Тимарёва, директора краеведческого музея тов. А.В. Зиновьева и заведующего историческим отделом того же музея тов. В.И. Извекова, проводившей 26 марта – 2 апреля обследование состояния архитектурных памятников г. Калуги после освобождения его Красной Армией от немецких захватчиков и изучения характера и размера разрушений, причиненных этим памятникам в результате оккупации города германо-фашистскими войсками, Комиссия по охране и восстановлению архитектурных памятников установила:

1. Сожжено здание Гостиного Двора конца XVIII века, часть ансамбля центральной площади города – площади им. В.И. Ленина (бывшая Плац-парадная площадь), являвшейся одним из интереснейших памятников этого типа и этой эпохи по архитектурной композиции, представлявшей пример своеобразного сочетания форм древнерусской архитектуры и готическими и классическими формами и характерной для романтического течения в русской архитектуре конца XVIII века.

Из 14 корпусов Гостиного Двора, служившего до прихода фашистских войск нуждам советской торговли и занимавшего целый квартал площадью 186 х 348 м, с открытым двором в центре, в пяти корпусах, выходящих на ул. Революции (№ 30, 32, 38, 40, 42), обрушились своды.

От междуэтажных перекрытий остались лишь провисшие металлические балки, полностью уничтожены кровля и стропила покрытий. Сожжены заполнения оконных и дверных проемов. Стены дали трещины.

В четырех корпусах (№ 34, 36, 44, 46) сожжены заполнения оконных и дверных проемов, пострадали от огня стены. Кровли уцелели.

2. Сожжено здание бывшей Городской Думы начала XIX века, составлявшее часть ансамбля центральной площади им. Ленина. Сгорели стропила, кровля, междуэтажные перекрытия, перегородки, заполнения дверных и оконных проемов. Обгорели фасады здания с классическими четырех– и шестиколонными портиками дорического ордера.

3. Пострадал от артиллерийского обстрела бывший дом Рыжичкина – особняк начала XIX века с шестиколонным портиком, составлявший часть прекрасного ансамбля площади им. Ленина. Повреждены портик, частично стены и венчающий классический карниз здания.

4. При отступлении германо-фашистских войск взорван бывший дом Шалаевой начала XIX века (4-я советская школа по ул. Кирова) – характерный и хорошо сохранившийся пример провинциального дома-особняка периода позднего классицизма в России. Остались только фундаменты.

5. Поврежден при артиллерийском обстреле бывший дом Чистоклетова 1809–1810 годов (9-я железнодорожная школа по ул. Революции, д. 22) – один из ценнейших памятников гражданской архитектуры г. Калуги начала XIX века прекрасных пропорций, с великолепно выполненными деталями и хорошо сохранившейся богатой внутренней отделкой. Поврежден ступенчатый парапет фронтона главного фасада. Дворовый фасад имеет выбоины от снарядов. Выбито все остекление, частично оконные рамы. Пострадала одна из комнат, выходящих во двор.

6. Полностью сожжено здание бывшего особняка Яновского по ул. Софьи Перовской – один из лучших домов Калуги первой половины XIX века с коринфским портиком и скульптурными деталями фасада.

От здания сохранились лишь обгоревшие капитальные стены.

7. Частично разрушен и сгорел от артиллерийского обстрела, а также от фугасных и зажигательных бомб бывший Малютинский приют второй половины XIX века (поликлиника по ул. Интернациональная, д. 117), прекрасный ансамбль, по своему решению напоминающий палладиевские приемы.

Пострадали крыша и фасады центральной трехэтажной части дома, и полностью сгорел западный двухэтажный флигель, составлявший неотъемлемую часть общей симметричной композиции здания, обрамляющего парадный двор с двух сторон.

8. Повреждена при артиллерийском обстреле бывшая церковь Знамения (1720 г.) по ул. Свердлова, представляющая значительный историко-архитектурный интерес как памятник переходной эпохи от XVII к XVIII веку. Снарядом снесены две золоченые главки, пробита крыша над центральной частью церкви, повреждена золоченая шатровая кровля колокольни. Стены церкви и колокольни имеют выбоины.

9. Пострадала от пожара колокольня бывшего Троицкого собора (1786–1819 гг., архитектор Ясныгин), расположенного в саду, примыкающем к площади им. Ленина и выходящем к реке Оке.

10. Выбоины от артиллерийских снарядов имеют восточные стены бывшей Казанской церкви по ул. Софьи Перовской (1709–1717 гг.).

11. Фашистскими вандалами частично разграблены (около 10 % экспонатов) коллекции историко-краеведческого городского музея, размещенного в одном из лучших домов эпохи классицизма конца XVIII века – бывшем доме Кологривовой.

12. Варварски разгромлен фашистами Музей им. К.Э. Циолковского – выдающегося ученого нашего времени. Находившиеся в здании музея экспонаты почти все уничтожены, разбит бюст Циолковского, чердак превращен в уборные.

На основании материалов, представленных бригадой экспертов совместно с представителями горисполкома по обследованию разрушений, причиненных фашистскими захватчиками архитектурным памятникам гор. Калуги, одного из старых русских городов, особенно известного своей прекрасной жилой городской застройкой конца XVIII – начала XIX века и своим замечательным центральным ансамблем с Гостиным Двором (на площади им. Ленина), создававшимся в конце XVIII века при участии великого русского зодчего М.Ф. Казакова, Комиссия Академии архитектуры по охране и восстановлению архитектурных памятников признаёт необходимым оказать содействие городскому исполнительному комитету г. Калуги в реставрации и охране ее ценных архитектурных памятников, в первую очередь здания Гостиного Двора и бывших домов Чистоклетова и Рыжичкова. С этой целью комиссия считает необходимым:

1. Срочно провести мероприятия по охране наиболее ценных архитектурных памятников г. Калуги.

2. Произвести обмеры, детальную фотофиксацию и научно-техническое обследование архитектурных памятников г. Калуги, пострадавших во время германо-фашистской оккупации, в первую очередь здание Гостиного Двора, бывших домов Чистоклетова и Рыжичкова, а также наиболее ценных из оставшихся неповрежденными в городе историко-архитектурных памятников. Для проведения работ рекомендовать городскому исполнительному комитету г. Калуги бригаду специалистов.

3. Принять участие в составлении проектов и архитектурной консультации по восстановлению и реставрации наиболее ценных архитектурных памятников г. Калуги, в первую очередь здания Гостиного Двора.

Комиссия Академии архитектуры СССР по охране и восстановлению архитектурных памятников:

председатель комиссии – член-корреспондент Академии

архитектуры СССР
доктор архит. наук проф. *Д.П. Сухов*
член-корреспондент Академии архитектуры СССР
Д.Е. Аркин
профессор *С.А. Торопов*
член-корреспондент Академии архитектуры СССР
проф. *Н.И. Брунов*
архитекторы
П.Н. Максимов, М.П. Цапенко, С.Я. Забелло
Члены бригады экспертов
по обследованию разрушений в Калуге —
архитекторы *А.С. Фуфаев и В.И. Гридин» [129]* .

№ 9

Боевой приказ командующего войсками 50-й армии № 72 на наступление в районе Зайцева Гора,

Екатериновка в ночь на 22.4.1942 г. (20 апреля 1942 г.)

Серия «Г» Боевой приказ № 72 штарм 60 Красниково 20.4.42. 12.00

Карта 100 000 – 39 г.

«ПЕРВОЕ. На фронте армии противник в прежней группировке активными действиями пехоты и танков во взаимодействии с боевой авиацией продолжает удерживать прежние опорные пункты сопротивления.

ВТОРОЕ. Справа – 42 сд обороняет рубеж (иск.) р. Ресса (400 м южн. Рыляки), Лабеки, Блиново, Красное, сев. опушка леса (юго-вост. Девятовка).

Разграничительная линии с ней: Девятовка, (иск.) Глагольня, (иск.) Леонова.

Слева – на рубеже Шемелинки, Сельцо, Поздняково, Дрянский, Хлебосолов – обороняется 326 сд.

Разграничительная линия с ней: Воронов, Шершнево, Занозная, Чипляевка (западная).

ТРЕТЬЕ. 50 А 22.4.42 г. ударом на Фомино 2-е, выс. 275.6 ночной атакой овладевает Варшавским шоссе на участке Зайцева Гора, Екатериновка и прочно на нем закрепляется. В дальнейшем выходит на рубеж Стар. Аскерово, Милятино и соединяется с частями 1 гв. кк и 4 вдк.

Наступление в 2.00 22.4.42 г.

ЧЕТВЕРТОЕ. 325, 344, 413 сд выполнять прежнюю задачу, поставленную моими приказами №№ 68 и 71.

ПЯТОЕ. 173 сд, обеспечивая правый фланг ударной группировки армии, нанести удар левым флангом, во взаимодействии с 146 сд овладеть Строевка, Зайцева Гора, закрепиться в этих пунктах фронтом на северо-восток и не допустить контратак противника со стороны Калугово.

Разграничительная линия слева: (иск.) Добрая, Зимницы, (иск.) мост на западной окраине Зайцева Гора, (иск.) выс. 275.6.

КП – в Зимницы.

ШЕСТОЕ. 146 сд с 108 тбр, 447 ап РГК, 466 инжб одним сп с десятью танками Т-60 (108 тбр) оборонять Фомино 1-е. Главными силами во взаимодействии с 173 сд, нанося удар левым флангом, овладеть Зайцева Гора, выс. 275.6, прочно закрепиться в этих пунктах фронтом на север и северо-запад, не допустить контратак противника из Нов. Аскерово, Стар. Аскерово, Калугово.

Разграничительная линия слева: (иск.) Гасная, (иск.) выс. 245.8, (иск.) сев. – вост. выступ леса на выс. 242.4, (иск.) выс. 236.2, (иск.) Фомино 2-е, (иск.) выс. 222.9.

КП – в лесу южн. Фомино 1-е.

СЕДЬМОЕ. 58 сд с 11 тбр, 761 ап РГК, 5 инжб ударом через выс. 269.8 овладеть Фомино 2-е, прочно в нем закрепиться, имея передовые отряды сев. выс. 222.9, сев. опушки рощи южн. Стар. Аскерово.

Разграничительная линия слева: Приволье, выступ леса 1,5 км южнее Фомино 1-е, (иск.) Тычек.

КП – в лесу южн. Фомино 1-е.

ВОСЬМОЕ. 298 сд совместными действиями с 58 сд овладеть Тычек и прочно закрепиться в этом пункте фронтом на сев. – запад и юго-запад. Содействовать выполнению задачи 290 сд.

Разграничительная линия слева: безымянная выс., безымянная выс. (1 км сев. Сининка), зап. выступ рощи, ручей Святой Колодезь.

КП – в лесу южн. Фомино 1-е.

ДЕВЯТОЕ. 290 сд – ближайшая задача: овладеть выс. 248.1, Екатериновка, закрепиться в этом пункте фронтом на сев. – запад и не допустить контратак противника на Вельская, Фомино 2-е.

Разграничительная линия слева: безымянная выс., (иск.) Сининка, (иск.) безымянный хутор (2 км юго-зап. Фомино 1-е), Екатериновка.

КП – в лесу вост. Сининка.

ДЕСЯТОЕ. 336 сд – ближайшая задача овладеть безымянным хутором (2 км юго-зап. Фомино 1-е) и лесом сев. – зап. выс. 235.7, в дальнейшем наступать на Александровка, выс. 224.6 и овладеть этими пунктами.

Разграничительная линия слева: (иск.) Чумазово, Сининка, Александровка, (иск.) выс. 239.6.

КП – в лесу вост. Сининка.

ОДИННАДЦАТОЕ. 116 сд – ближайшая задача: овладеть Гореловский, выс. 226.5. В дальнейшем наступать через выс. 245.3 на Вельская и во взаимодействии с 239 сд овладеть Вельская, выс. 267.7, закрепиться в этом пункте фронтом на север и сев. – запад и не допустить контратак из Милятино и Поделый.

Разграничительная линия слева: выс. 253.5, (иск.) Марьино, Гореловский, (иск.) Вельская, (иск.) выс. 267.7.

КП – в лесу вост. Сининка.

ДВЕНАДЦАТОЕ. 239 сд с 112 тбр во взаимодействии с 385 сд овладеть Малиновский и выйти на рубеж северо-западной опушки леса с камышовым болотом. В дальнейшем совместными действиями с 116 сд овладеть Вельская. Закрепиться в этом

пункте фронтом на запад и юго-запад, не допустить контратак противника из Поделый, Липовая Роща.

Разграничительная линия слева: (иск.) Рига, Марьино, Малиновский, Вельская, Поделый.

КП – на сев. окраине Марьино.

ТРИНАДЦАТОЕ. 385 сд, обеспечивая левый фланг ударной группировки армии, наступать в направлении выс. 235.2, Липовая Роща и во взаимодействии с 239 сд овладеть Малиновский, выс. 235.2, безымянным хутором (1 км сев. – зап. Прасолово). Закрепиться на фронте – угол леса сев. Даниловский, Прасолово, фронтом на запад и юго-запад. Не допустить контратак противника со стороны Даниловский и Прасолово, иметь передовые отряды у выс. 236.6, Емельяновский.

Разграничительная линия слева: армейская.

КП – на южной окраине Марьино.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. 69 сд для обеспечения стыка с 10 А к утру 21.4.42 г. занять и прочно оборонять районы: выс.

225.2, Каменка (восточная), сев. скаты выс. 244.6, вост. берег р. Ужать, Высокая Гора, выс. 230.3, пос. 1-е Мая, Рига, Каськова. Не допустить прорыва противника на рубеже Марьино, Каськово, Шершнево.

Быть в готовности нанести удар противнику в направлении: Каськово, Каменка (восточная), Елисеевка.

КП – в роще зап. пос. 1-е Мая.

ПЯТНАДЦАТОЕ. Артиллерия. Готовность к 12.00 21.4.42 г.

1. АПП: а) подавить огневые точки в опорных пунктах: Строевка, Зайцева Гора, безымянная высота вост. Зайцева Гора, зап. Зайцева Гора, выс. 275.6, Фомино 2-е, сев. скаты выс. 269.8, Тычек; в районе выс. 223.3, безымянный хутор, Екатериновка, Александровка; в районе выс. 226.5, Гореловский, сев. опушка леса с камышовым болотом, Вельская, Малиновский, Прасолово, южная опушка леса сев. – зап. Даниловский;

б) не допустить контратак со стороны Калугово, Нов. и Стар. Аскерово, Екатериновка, Вельская, Поделый, Липовая Роща, Занозная, Яковлевка.

2. Командирам 146 и 58 сд для сопровождения танков выделить по две батареи ПА и по одной батарее ПТО.

3. АРГК: а) подавить огневые точки в опорных пунктах Зайцева Гора, выс. 275.6, Фомино 2-е, Тычек, Нов. и Стар. Аскерово, сев. скаты выс. 269.8;

б) подавить батареи противника в районах Калугово, Зайцева Гора, Стар, и Нов. Аскерово, Фомино 2-е, у моста через ручей Святой Колодезь, Екатериновка;

в) не допустить контратак противника со стороны Калугово,

Стар, и Нов. Аскерово, Екатериновка.

4. Всей артиллерии перед атакой пехоты и танков [произвести] пятиминутный огневой налет по огневым точкам на переднем крае обороны противника. В дальнейшем сопровождать огнем и колесами продвижение танков и пехоты.

59 гв. минп подавить живую силу и огневые точки противника [в районах] Зайцева Гора, безымянная высота зап. Зайцева Гора, Фомино 2-е, Тычек и кустарник юго-зап. Тычек.

5. Командирам дивизий по овладении опорными пунктами немедленно:

а) выдвинуть в занятые опорные пункты артиллерию ПА и противотанковую артиллерию;

б) командиру 173 сд по овладении Зайцева Гора выдвинуть полковую артиллерию, противотанковые орудия, минометы и не менее одной батареи ДА на открытые ОП;

в) командирам 146 и 58 сд по овладении Фомино 2-е выдвинуть на открытые ОП – Фомино 2-е и шоссе всю артиллерию ПА, противотанковые орудия и не менее одной батареи ДА 146 сд.

6. 82-мм и 120-мм минометы объединить, создав минометные группы поддержки пехоты с централизованным управлением в руках начальника артиллерии дивизии.

7. Начальнику ПВО для прикрытия войск с воздуха выдвинуть две зенитные батареи и зенитно-пулеметную роту в Фомино 1-е, в дальнейшем – в Фомино 2-е.

8. Командирам дивизий для обеспечения успешного продвижения артиллерии выделить по одной роте саперов.

ШЕСТНАДЦАТОЕ. ВВС армии и ударная авиационная группа № 4 днем 21.4.42 г.:

а) штурмовыми действиями уничтожить огневые средства в районе Зайцева Гора, Нов. Аскерово, Милятино, Вельская, Фомино 2-е;

б) прикрыть ударную группировку армии в районе Глазово, Фомино 1-е, Марьино, Чумазово.

В ночь с 21 на 22.4.42 г.

Бомбардировочной авиацией методическими налетами в течение ночи бомбить опорные пункты противника [в районе] Нов. Аскерово, Стар. Аскерово, Милятино, Вельская, Екатериновка.

Пункты Зайцева Гора, Фомино 2-е и Тычек бомбить только до 22.00 21.4.42 г.

Днем 22.4.42 г.

а) штурмовыми действиями уничтожить подходящие резервы со стороны Куземки, Милятино, Долгое, Калугово;

б) прикрыть группировку армии в районе Зимницы, Фомино 2-е, Марьино.

СЕМНАДЦАТОЕ. Станция снабжения – Калуга. Отделение ПАС – ст. Барятинская, Добужа.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ. Мой НП – в Зимницы. Штарм – Красниково.

Командующий войсками 50 А

генерал-лейтенант *Болдин*

Член Военного Совета 50 А

бригадный комиссар *Сорокин*

Начальник штаба 50 А

полковник *Гришин» [130] .*

№ 10

Оперсводка № 378 к 13.00 22.4.42 штарм 50

Карты 100 000, 50 000

«1. Войска ударной группы 50 А с 2.00 22.4.42 г. возобновили наступление на участке Строевка, Фомино 2-е, выс. 269.8, отдельные домики (2 км юго-зап. Фомино 1-е), Гореловский, Малиновский, Прасолово с целью овладения Варшавским шоссе на участке Зайцева Гора – Екатериновка.

На правом и центральном участках фронта части продолжали удерживать ранее занимаемый рубеж, укрепляя его, и вели разведку мелкими группами.

Противник ведет сильный ружейно-пулеметный, минометный и артиллерийский огонь и действиями самолетов (одиночных и групп до 16 штук), производивших бомбардирование и обстрел боевых порядков частей, задерживает продвижение наших войск.

2. 325 сд – положение без изменений, вела разведку и производила оборонительные работы по укреплению рубежа обороны.

Штаб дивизии – пос. Груздово.

3. 344 сд с прежними средствами усиления продолжает удерживать ранее занимаемый рубеж обороны, вела разведку мелкими группами, производила оборонительные работы по укреплению рубежа обороны.

Противник активности не проявляет, ведет редкий ружейно-пулеметный и минометный огонь.

На 21.4.42 г. на участке 1152 сп построено силами полка 19 дзотов, 3 окопа длиной по 12 м каждый, 6 парных окопов и 16 блиндажей.

Артиллерия дивизии за 21.4.42 г. своим огнем рассеяла и частично уничтожила группу противника в 70 человек, двигавшуюся на Грачевка и Бабыкино, разрушила жилой дом в Соловьевка, подавила одну батарею в Круглик.

Потери за 21.4.42 г.: убито – 1 человек, ранено – 1 человек.

Штаб дивизии – в Козловка.

4. 413 сд с прежними средствами усиления, [имея задачу] активно оборонять ранее занимаемый рубеж обороны, вела разведку в полосе дивизии. В течение ночи действовали выделенные группы с целью изматывания противника.

Штаб дивизии – в Василево.

5. 173 сд, заняв исходное положение в 1.30 22.4.42 г. на рубеже кустарник в районе выс. 229.4, южн. скаты выс. 600–800 м южн. Зайцева Гора, в 2.00 перешла в наступление с целью

овладения Строевка, Зайцева Гора. Части дивизии к 13.00 ведут бой на рубеже 300–400 м (юго-вост.) Зайцева Гора.

Штаб дивизии – в Юрино.

6. 146 сд с 108 тбр, 447 ап РГК, 466 инжб, частью сил продолжая оборонять Фомино 1-е, главными силами, перейдя в наступление на Зайцева Гора, вышла и ведет огневой бой на рубеже выступ рощи (600 м юго-зап. Зайцева Гора), выс. 235.5. Бой продолжается.

Штаб дивизии – роща южн. Фомино 1-е.

108 тбр двенадцатью танками Т-60 занимает оборону в Фомино 1-е.

Мспб с четырьмя танками Т-34 ведет бой во взаимодействии с частями 146 сд.

Штаб бригады – роща 1 км сев. – зап. Маслово.

7. 58 сд с 11 тбр, 761 ап РГК, 5 инжб, перейдя в наступление в направлении выс. 269.8, Фомино 2-е, достигла и ведет бой правым флангом в непосредственной близости от южн. окраины Фомино 2-е, левым флангом – за гребень выс. 269.8.

Противник ведет сильный ружейно-пулеметный, минометный и артиллерийский огонь со стороны Фомино 2-е, Тычок и северных скатов выс. 269.8. Самолеты противника одиночками и группами производят бомбардирование и обстрел боевых порядков частей дивизии.

Штаб дивизии – роща южн. Фомино 1-е.

8. 298 сд, перейдя в наступление в общем направлении на Тычек, преодолевая сильное огневое сопротивление и подвергаясь неоднократным налетам самолетов противника, достигла и ведет бой на западных скатах выс. 269.8. Положение частей уточняется.

Штаб дивизии – лес 1,5 км сев. – вост. Сининка.

9. 290 сд, перейдя в поступление в 2.00 22.4.42 г. с занимаемого рубежа в общем направлении на выс. 248.1, Екатериновка, ведет бой в лесу сев. – зап. развилки дорог, что южн. выс. 223.3. Части медленно продвигаются. Положение частей уточняется.

Штаб дивизии – лес 1 км сев. – зап. Приволье.

10. 336 сд, перейдя в наступление в направлении отдельных домиков 2 км юго-зап. Фомино 1-е, двумя полками вела бой за южную опушку леса южн. отдельных домиков, одним полком вела наступление из района выс. 229.8 на юг целью выхода на опушку леса сев. – зап. отдельных домиков. Полк ведет бой в лесу. Положение уточняется.

Штаб дивизии – лес 1 км сев. – зап. выс. 254.4.

11. 116 сд, частью сил прикрывшись со стороны Гореловский, главными силами ведет бой за гать и выступ леса 500 м сев.

Гореловский. Положение частей уточняется.

Штаб дивизии – лес (1 км юго-зап. Сининка).

12. 239 сд с 112 тбр, заняв исходное положение в роще 0,5 км южн. Малиновский, в 2.30 22.4.42 г. перешла в наступление с целью овладения Малиновский. Встреченные сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем, части дивизии залегли и ведут огневой бой. Положение частей уточняется.

КП – южная окраина Марьино.

112 тбр одним танком Т-34 с места из рощи 0,5 км южн. Малиновский вела огневой бой, подавляя огневые точки в Малиновский.

Мспб занимает [оборону] роща 1 км сев. – зап. Марьино.

Остальные части бригады в прежних районах производили ремонт и восстановление материальной части.

Штаб бригады – южн. опушка леса 2 км вост. Замошье.

13. 385 сд, перейдя в наступление в 2.00 в общем направлении выс. 235.2, Липовая Роща и частью сил сковывая противника со стороны Прасолово, главными силами вела бой во взаимодействии с частями 239 сд за Малиновский. Бой продолжается.

Штаб дивизии – Замошье.

14. 69 сд занимает положение:

120 сп сосредоточен в Серп, Шершнево, лес сев. – зап. Шершнево. Штаб полка – Шершнево;

303 сп с одним батальоном 237 сп, сменив в ночь на

22.4.42 г. части 239 сд, занял оборону безымянная высота

1,5 км зап. Марьино, выс. 225.2, отдельные рощи зап. и юго-зап. Каменка (восточная), Каськово;

237 сп продолжает занимать прежний участок обороны.

Штаб дивизии – Земнекс.

15. Сосед справа – 42 сд продолжает оборонительные работы, имея передний край (иск.) р. Ресса, Лабеки, Блиново, Красное, сев. – зап. опушка леса (вост. Девятовка).

Сосед слева – 326 сд продолжает оборонять полосу с передним краем Шемелинки, Стар. Слобода, Сельцо, Позднякова, Брянский.

16. Связь имеется:

а) с Западным фронтом – радио, бод о;

б) с частями – радио, телефон, делегатами. Проводная связь работает с большими перебоями.

17. Обзор погоды: от 00 до 12.00 22.4.42 г. – ясно, в конце срока – высокая полупрозрачная облачность. Видимость хорошая, ветер – юго-западной четверти горизонта 2–6 м/сек. Температура воздуха +4° с повышением до +14°.

Начальник штаба 50 А
полковник *Гришин*
Военный комиссар штаба 50 А
старший батальонный комиссар *Бородин*
Заместитель начальника оперативного отдела штаба
капитан *Шигал» [131]* .

№ 11

Верховному главнокомандующему т. Сталину
командующему войсками Западного фронта т. Жукову
Боевое донесение № 25 штарм 50 22.4.42 22.30

Карта 100 000, 50 000

«1. Войска ударной группировки армии в течение первой половины ночи 22.4.42 г. занимали исходное положение для наступления и заканчивали частичную перегруппировку.

В 2.00 22.4.42 г. войска перешли в наступление на фронте Строевка, Прасолово с задачей овладеть Варшавским шоссе.

На правом участке наступления ударной группировки армии части 173, 146, 58 и 298 сд ведут напряженные бои на подступах к Зайцева Гора, Фомино 2-е, сев. скаты выс.

269.8, продолжая накапливаться на рубеже атаки.

На левом участке части 290, 336, 116, 239 и 385 сд, встречая сильное огневое сопротивление противника, имели незначительное продвижение и продолжают вести напряженный огневой бой.

На правом и центральном участках фронта армии 325, 344 и 413 сд продолжали удерживать прежний рубеж [обороны] и вели наступление мелкими отрядами на Мошны, Шахово, Халуи, Проходы, Соловьевка, Чичково, но успеха не имели.

2. Противник 22.4.42 г. на левом фланге армии в прежней группировке продолжал удерживать прежний рубеж и подбрасывать подкрепления на фронт Строевка, Екатериновка. С началом наступления наших войск оказывал слабое огневое сопротивление, не выявляя свою огневую систему. С продвижением наших частей ближе к объектам атаки открыл сильный огонь из всех видов оружия и танков, используя их как подвижные огневые точки.

3. Авиация противника с 6.30 проявляла большую активность и одиночками и группами по 3, 6, 8, 14 и 20 самолетов действовала непосредственно по боевым порядкам наших войск в районе Зайцева Гора, Фомино 2-е, выс. 269.8, лес юго-вост. Екатериновка, Маслово, Глазово. Всего отмечено 107 самолето-вылетов, из них 101 самолетовылет по боевым порядкам наших войск.

4. ВВС армии и ударная авиационная группа № 4 в течение дня боевых вылетов не производили.

Истребительная авиация фронта четырьмя звено-вылетами прикрывала район Глазово, Фомино 1-е, Красниково.

5. 11 и 108 тбр в течение дня вели бои за овладение Фомино

2-е.

Применение танков сильно стеснялось состоянием грунта, разливом ручьев и скоплением воды в лощинах.

В атаках 22.4.42 г. принимали участие только 11 машин Т-34; КВ использовать было нельзя из-за состояния грунта.

6. Большое влияние на темп развития операции оказывает недостаточная обеспеченность частей боеприпасами.

Низкая обеспеченность боеприпасами частей является результатом непроходимости дорог для колесного транспорта. Как крайняя мера в отдельных частях подача снарядов производится бойцами вручную.

7. Трехсуточный запас продфуража в установленный срок (к исходу 21.4.42 г.) в войсках не создан из-за трудности подвоза, перенапряженности транспорта и ограниченных возможностей погрузочно-разгрузочных работ в районах станции выгрузки в связи с активностью авиации противника.

8. Войска армии в течение ночи с 22 на 23.4.42 г. продолжают вести наступление.

Командующий войсками 50 А

генерал-лейтенант *Болдин*

Член Военного Совета 50 А

бригадный комиссар *Сорокин*

Начальник штаба 50 А

полковник *Гришин» [132]* .

Список принятых сокращений

А – армия
ВВС – военно-воздушные силы
вдк – воздушно-десантный корпус
гап – гаубичный артиллерийский полк
зсп – запасной стрелковый полк
кап – конноартиллерийский полк
кд – кавалерийская дивизия
кк – кавалерийский корпус
кп – кавалерийский полк
мк – механизированный корпус
МСБ – мотострелковый батальон
МСП – мотострелковый полк
НКВД – Наркомат внутренних дел
НКПС – Наркомат путей сообщения
пд (ПД) – пехотная дивизия
пп (ПП) – пехотный полк
ПТО – противотанковое орудие
РКМ – районный комитет милиции
сд – стрелковая дивизия
ск – стрелковый корпус
СП – стрелковый полк
тбр – танковая бригада
тд – таковая дивизия
УР – укрепрайон

Библиография

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. М.: 2009.

Болдин И.В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961.

Гальдер Ф. Военный дневник. М.: АСТ, 2003.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

Гущина Н.В., Унтилов А.Я. Калуга. Сорок первый год… Калуга, 2012.

Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смядынь, 2004.

Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: ЭКСМО, 2006.

ПилихинАА. Маршал Жуков. Фрагменты прошлого. Калуга: Золотая аллея, 2011.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Военное издательство, 1997.

Сапожников В.В. Уходя в поисковые дали… Калуга, 2003.

Северин М., Ильюшечкин А. Решающий момент Ржевской битвы. М.: ЭКСМО, 2010.

Рейнхардт К. Поворот под Москвой. М.: Вече, 2010.

Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы войны. Дневник врача. 1941–1944 гг. Калуга: Золотая аллея, 2010.

Примечания

1

Подробнее о боях в районе Калуги читайте в книге: *Михеенков С.Е.* Серпухов. Последний рубеж. 49-я армия в битве за Москву. 1941. М.: Центрполиграф, 2011.

2

Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 1941 года. М.: Яуза, 2006. С. 346.

3

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 157. Л. 53.

4

Там же. Ф. 48а. Оп. 154. Д. 91. Л. 356.

5

Там же. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 29.

6

Там же. Л. 1–3.

7

К р е й з е р Яков Григорьевич (1905–1969) – советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Родился в Воронеже в еврейской семье. В Красной армии с 1921 г. С 1928 г. в 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Прошел все

ступени от командира взвода до комполка. В 1940 г. – командир 172-й стрелковой дивизии. Войну встретил в должности командира 1-й мотострелковой дивизии в районе Борисова. В июле 1941 г. ранен и эвакуирован в тыл. За летние бои получил звание Героя Советского Союза. В августе 1941 г. получил звание генерал-майор. В августе назначен на должность командующего 3-й армией. В 1942 г. окончил ускоренный курс Академии Генерального штаба. Некоторое время командовал 2-й гвардейской армией. Генерал-лейтенант (1943). С августа 1943 г. – командующий 51-й армией, с которой участвовал в освобождении Донбасса, Крыма, Прибалтики. В годы войны был членом президиума Еврейского антифашистского комитета. В 1945 г. присвоено звание генерал-полковник. После войны командовал 7-й армией, служил на Дальнем Востоке, на Урале, в Забайкалье. В 1953 г. во время «дела врачей», будучи вызванным в ЦК, наотрез отказался подписать «Письмо представителей еврейской общественности», требующее смертной казни для арестованных врачей-евреев. Генерал армии (1962). Похоронен на Новодевичьем кладбище.

8

О возможной утечке информации через линию фронта из Генштаба см. первую книгу серии «Забытые армии…» «Серпухов. Последний рубеж».

9

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Дневник командующего группой армий «Центр». М.: 2009. С. 190–192.

10

Там же. С. 192.

11

РПД – ручной пехотный Дегтярёва. Ручной пулемет, которым были вооружены стрелковые части Красной армии. Основной пулемет нашей пехоты в годы Великой Отечественной войны.

12

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 234.

13

Фоканов Яков Степанович (1899–1981) – генерал-лейтенант. Родился в д. Кононово Устюжинского уезда Новгородской губернии. Русский. В РККА с 1919 г. Участник Гражданской войны – в отряде лыжников Петроградского гарнизона. Участник подавления Кронштадтского мятежа. Окончил полковую школу (1920), 7-е Петроградские пехотные курсы красных командиров (1921), Киевскую объединенную военную школу им. главкома С.С. Каменева (1925), Высшие

стрелково-тактические курсы «Выстрел» (1938), ВАК при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1947). Прошел путь от командира стрелкового и пулеметного взводов до командира стрелкового корпуса. Войну встретил в должности командира 154-й стрелковой дивизии. В составе 21-й армии дивизия вела тяжелые оборонительные бои под Рогачёвом и Жлобином. Участвовала в Орловско-Брянской и Тульской оборонительных операциях, освобождала Калугу. В августе

1942 г. в составе 3-й танковой армии участвовала в контрударе в районе Козельска. Преобразована в 47-ю гвардейскую стрелковую дивизию. С апреля 1943 г. – командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии. С корпусом дошел до Победы. После войны служил на Дальнем Востоке, в Сибири.

14

Трубников Кузьма Иванович (1888–1974) – генерал-полковник. Родился в с. Гатище Ливенского района Орловской губернии. В Первую мировую войну поручик. Кавалер четырех солдатских Георгиевских крестов. В РКЮˆ с 1918 г. В Гражданскую командовал взводом, ротой, батальоном, полком, бригадой. В 1927 г. окончил КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Командовал дивизией. В 1938 г. арестован. В марте 1940 г. восстановлен в рядах РККА. В июле 1941 г. назначен в 258-ю стрелковую дивизию. С ноября 1941 г. командовал 217-й стрелковой дивизией. В 1943 г. замкомандующего Центральным фронтом. Командовал 10-й гвардейской армией. В 1944 г. замкомандующего 1-м Белорусским, затем 2-м Белорусским фронтом. На Параде Победы возглавлял сводный полк 2-го Белорусского фронта. После войны продолжил службу.

15

Кравченко Иван Яковлевич (1905–1942) – майор РККА. Родился в Киевской губернии в крестьянской семье. Украинец. Окончил сельскую семилетку. Работал почтальоном. В 1925 г. призван в РККА. Окончил школу младших командиров, затем Киевскую пехотную школу (1931), курсы «Выстрел» (1933). Участник похода в Западную Украину (1939) и советско-финляндской войны (1940). Командир стрелковой роты. Отличился при прорыве укрепрайона финских войск 11 февраля 1940 г. В бою принял командование батальоном. Тяжело ранен. Присвоено звание Героя Советского Союза. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Командир 766-го стрелкового полка 217-й стрелковой дивизии. С начала войны на фронте. В августе 1941 г. назначен на должность командира 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. попал в

окружение и считался пропавшим без вести. В марте 1942 г. назначен командиром 324-й стрелковой дивизии. 7 апреля смертельно ранен в бою на р. Жиздре у д. Клинцы (ныне Думиничский район Калужской области). Награжден медалью «Золотая звезда» № 373, орденом Ленина.

16

http://117 sd.nsknet.ru/info/

17

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 17–19.

18

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 45. Л. 310–312.

19

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 45. Л. 6–7.

20

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 51. Л. 403–406.

21

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 3996сс. Д. 1. Л. 36–36.

22

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 427–430.

23

Подзавалье – старинный район на юго-западе Калуги у Оки.

24

Городнянский Михаил Авксентьевич (1896–1942). Родился в с. Талы под Воронежем. В русской армии с 1915 г. Участник Первой мировой войны – старший унтер-офицер. В Красной армии с 1918 г. Член ВКП(б) с 1919 г. Участник Гражданской войны. Командовал ротой, стрелковым полком. В 1924 г. окончил курсы «Выстрел». Командир 101-й стрелковой дивизии (1938). В 1940 г. присвоено звание генерал-майор. Войну встретил командиром 129-й стрелковой дивизии. В составе 16-й армии дивизия участвовала в Смоленском сражении летом 1941 г. С августа 1941 г. – командующий 13-й армией. В январе 1942 г. назначен командующим 6-й армией. В ходе Харьковской операции 1942 г. армия прорвала оборону противника и продвинулась вперед на 50 км. Отрезана, окружена и уничтожена. Командующий погиб во время боя на прорыв. Похоронен немцами на хуторе Орлиноярск.

25

Кудрявцева Евдокия Ивановна – тульская чудотворица и предсказательница. В Туле ее звали Дуняшей. Ей верили, потому что Дуняша действительно предсказала многие события. Похоронена при Никольском храме пос. Временный, что между Тулой и Щёкином. На могилу постоянно приезжают паломники.

26

Вот и прозвучала в оперативных сводках 41-го года эта знаменитая усадьба, не менее известная, чем сама Тула.

27

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 43. Л. 371.

28

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 43. Л. 393–396.

29

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 94. Л. 563–569.

30

Э б е р б а х Генрих (1895–1992) – генерал танковых войск Германии. На службу поступил в 1914 г. фанен-юнкером в пехотный полк. Направлен на Западный фронт. В 1915 г. – лейтенант, командир пехотного взвода. Тяжело ранен в бою, взят французами в плен. Содержался в госпитале в Швейцарии. Бежал. В 1918 г. офицер связи при турецкой армии в Палестине. В том же году взят британцами в плен. За время войны награжден Железными крестами обеих степеней, Рыцарским крестом (Вюртембергским). В 1919 г. отпущен из плена. Поступил на службу в полицию. В 1935 г. вернулся на военную службу. Майор. К началу Второй мировой войны – командир танкового полка, подполковник. Участник Польской кампании 1939 г. Награжден Железным крестом обеих степеней (повторное награждение). Участник Французской кампании. Награжден Рыцарским крестом. В 1940 г. присвоено звание полковник. С 22 июня 1941 г. на Восточном фронте. В составе ГА «Центр» участвовал в боях в Белоруссии, затем на Московском направлении. Командовал 4-й танковой бригадой 4-й танковой дивизии. В декабре 1941 г. награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. С 1942 г. – командир 4-й танковой дивизии. В марте 1942 г. присвоено звание генерал-майор. В ноябре 1942 г. тяжело ранен. После излечения в командном резерве. В январе 1943 г. – генерал-лейтенант. Инспектор танковых войск. С августа 1943 г. – генерал танковых войск. Командовал 47-м, 48-м, 40-м танковыми корпусами. С 1944 г. – командующий 5-й танковой армией. Командующий 7-й армией на Западном фронте. В августе 1944 г. попал в плен к англичанам. В 1957 г. освобожден.

31

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 48. Л. 24–26.

32

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 48. Л. 53.

33

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 51. Л. 16.

34

Более подробно о действиях 49-й армии генерала И.Г.

Захаркина и, в частности, 238-й стрелковой дивизии полковника Короткова см. первую книгу серии «Забытые армии. Забытые командармы». ***Михеенков С.Е.*** Серпухов. Последний рубеж.

35

Мартиросян Гайк Оганесович (1903–1978) – генерал-майор (1943). Родился в Баку. В красногвардейский батальон вступил в 1918 г. Участник Гражданской войны. С 1923 до 1930 г. служил в Армянской стрелковой дивизии. Окончил Закавказскую военно-политическую школу, затем Военную академию им. М.В. Фрунзе. Некоторое время на штабной работе. Затем командир стрелковой бригады, стрелковой дивизии. Во время битвы за Москву командовал 329-й стрелковой дивизией. В апреле 1942 г. награжден орденом Красного Знамени. Осенью 1942 г. контужен под Ржевом. В 1943 г. – начальник кафедры в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Окончил Высшие академические курсы Академии Генштаба. Вскоре снова направлен на фронт – заместитель командующего 43-й армией, командир 90-го стрелкового корпуса.

36

Терешков Алексей Дмитриевич (1893–1960) – генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. Родился в с. Корма Гомельского уезда Могилевской губернии в крестьянской семье. В 1913 г. призван в русскую армию. Унтер-офицер, командир взвода. В Первую мировую – три Георгиевских креста и три Георгиевские медали. В феврале 1917 г. вступил в партию большевиков. Участник Гражданской войны. Командовал ротой, полком. Участник боев на Халхин-Голе и войны в

37

Мартиросян Саркис Согомонович (1900–1984) – советский военачальник. В красногвардейский батальон вступил в 1918 г. Защищал Бакинскую коммуну. До 1939 г. служил в Армянской стрелковой дивизии. Затем переведен в Белорусский военный округ. В 1928 г. окончил курсы при Генеральном штабе. Участник похода в Западную Белоруссию и Прибалтику. В начале войны – начштаба 227-й стрелковой дивизии. В сентябре 1941 г. назначен командиром 340-й стрелковой дивизии. В декабре 1942 г. – генерал-майор. В 1943 г. – командир 50-й стрелковой дивизии. Затем – 73-й стрелковой дивизии. Первый комендант Киева (1943). Герой Советского Союза.

38

Хейнрици Готхард (1886–1971) – генерал-полковник вермахта. Родился в Восточной Пруссии. В 1905 г. поступил в пехотный полк кайзеровской армии. Участник Первой мировой войны на Западном и Восточном фронтах. Награжден Железным

крестом 1-го и 2-го класса. Пострадал от газовой атаки. Во время Второй мировой войны командовал 43-м армейским корпусом. В январе 1942 г. принял командование над 4-й полевой армией. В 1943 г. командовал 1-й танковой армией. За оборону Венгрии в марте 1945 г. получил мечи к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями. В 1945 г. командующий ГА «Висла». В апреле 1945 г. отстранен от командования за самовольный отвод войск с занимаемых позиций. В мае 1945 г. сдался в плен англичанам. До 1948 г. в лагере для военнопленных. В октябре 1947 г. три недели провел в лагере на территории США. После войны и лагерей опубликовал свои дневники и письма.

39

Попов Василий Степанович (1893–1967) – генерал-полковник, Герой Советского Союза. Родился в станице Преображенской Хоперского округа войска Донского (ныне Волгоградская область) в казачьей семье. Окончил учительскую семинарию. В 1916 г. призван в русскую армию. Окончил школу прапорщиков. В Первую мировую войну командир взвода в Донском казачьем полку на Юго-Западном фронте. В Красной армии с 1919 г. Во время Гражданской войны – помощник начальника штаба стрелковой дивизии. Воевал в Первой конной армии. Окончил Военную академию РККА (1922), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (1929), Курсы единоначальников в Военно-политической академии им. В.И. Ленина (1931). С 1924 по 1926 г. командовал отдельной кавалерийской бригадой, сражаясь против басмачей в Таджикистане. В 1935 г. – комбриг. До 1937 г. командовал кавдивизией, затем казачьим кавалерийским корпусом. В 1937 г. защитил кандидатскую степень по теме «Действия кавалерийского корпуса в прорыве». С 1939 г. на преподавательской работе. Участник советско-финляндской войны. В 1940 г. присвоено звание генерал-майор. В начале Великой Отечественной войны – командир 28-го стрелкового корпуса Западного фронта. С сентября 1941 г. заместитель командующего 50-й армией. С февраля 1942 г. по апрель 1944 г. командующий 10-й армией. Генерал-лейтенант (1942) В апреле – мае 1944 г. заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом. Генерал-полковник (1944). С мая 1944 г. до конца войны командующий 70-й армией. После войны командовал армиями, занимался преподавательской работой.

40

Таруса в то время была районным центром Тарусского района Тульской области.

41

Фельджандармерия – немецкая военная полиция. Из-за того, что жандармы носили металлические горжеты на цепях, их называли «цепные псы фюрера». Личный состав проходил полевую подготовку по уставу пехоты. Фельджандармерия имела обширные полицейские полномочия: контроль дорожного движения, поддержание воинского порядка и дисциплины, контроль гражданского населения на оккупированных территориях, предотвращение саботажа, арест дезертиров, противодействие партизанам. Занимались конвоированием и охраной военнопленных. Проводили розыски военнослужащих и военного имущества. Имели преимущество перед любым другим военнослужащим того же звания независимо от рода войск. Исполняли приказ «о комиссарах».

42

Ортскомендатура – немецко-фашистский орган местной военно-административной власти на временно оккупированной территории во время Второй мировой войны.

43

Архив УФСБ по Калужской области. Ф. 10. Д. 128. Т. 1.

44

Агафонов Василий Федорович (1900—?) – родился в д. Дорогинь Овстугской волости Брянского уезда Орловской губернии в крестьянской семье. Окончил двухклассное сельское училище, затем учительскую семинарию в городе Карачеве, реорганизованную в 1917 г. в педагогический техникум. Успешно окончил учебу и получил звание учителя. Работал в уездном отделе народного образования. Одновременно, в качестве губернского уполномоченного, занимался национализацией помещичьих усадеб. В 1923 г. поступил в Московский лесотехнический институт, через два года перевелся на факультет сельхозмашиностроения в Академию им. Тимирязева. После окончания академии занимался испытанием новых образцов сельхозмашин, одновременно преподавал. В 1930 г. арестован ОГПУ и осужден по ст. 58, п. 11 УК РСФСР и получил 10 лет лагерей. Отбывал на Беломорстрое, освобожден досрочно. Вернулся в Москву, работал старшим экономистом, затем начальником планового отдела. В 1939 г. был выселен из Москвы. Жил в городах Малоярославце и Егорьевске Московской области. Работал по специальности. Накануне войны занимался строительством школ в Можайском районе. Затем перебрался в Калугу. Работал диспетчером, затем начальником эксплуатации автотранспортной конторы леспромхоза, плановиком в коммунальном тресте. Война застала его в Калуге.

45

Из материалов Нюрнбергского процесса: Сборник материалов. Т. 1. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954.

46

О действиях финских подразделений в период активных боев в декабре 1941 ив январе 1942 г. в районе Калуги и на Старой Калужской дороге см. в предыдущей книге серии «Забытые армии. Забытые командармы»: ***Михеенков С.Е.*** Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре. 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2012.

47

Немецкая армия начала ощущать острую нехватку топлива и нефтепродуктов для своей техники. Последнее забирали танковые части.

48

Зеленый Крупец – старинный микрорайон на юго-западе Калуги на берегу р. Оки.

49

Щербачёв Николай Сергеевич (1876—?) – родился в Калуге. Сын помещика, чиновника для особых поручений Канцелярии калужского губернатора Сергея Николаевича Щербачёва и Евдокии Валерьяновны, урожденной Кояндер. Имел прекрасное образование. В Москве окончил бухгалтерские курсы. До революции двадцать лет работал в Калужской земской управе, вплоть до ее ликвидации. В 1902 г. женился на выпускнице Института благородных девиц Александре Францевне Вальчиковской. В 20-х гг. брак распался. Дети уехали с матерью, впоследствии проживали в Москве и Ленинграде. В советский период работал в финансовых учреждениях. Пользовался авторитетом, как человек честный и строгий. Во время оккупации Калуги был избран бургомистром и работал до ухода немцев из города. Из Калуги уехал с немецкой комендатурой 28 декабря 1941 г., и с тех пор следы его исчезли. Ася ошибочно называет Н.С. Щербачёва Васильевичем. По справке УФСБ РФ по Калужской области, «в период временной оккупации немецкими войсками города, оставшись на занятой противником территории, был назначен бургомистром г. Калуги. В указанной должности выполнял задачи, поставленные германским командованием по снабжению армии и обеспечению безопасности ее тыла, создал аппарат горуправы и политического управления. При отступлении оккупантов из города Щербачёв Н.С. 28 декабря 1941 года добровольно уехал с немецкой комендатурой и обратно не вернулся».

50

ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 589. Л. 194–198.

51

Осликовский Николай Сергеевич (1900–1971) – генерал-лейтенант (1943). Герой Советского Союза. Родился в пос. Летичев (ныне Хмельницкой области Украины) в семье обедневших дворян. В Красной армии с 1918 г. Во время Гражданской войны командовал партизанским отрядом, кавалерийским эскадроном, полком, дивизией. В 1929 г. окончил Высшую школу комсостава в Харькове. В 1938 г. в период чистки в армии уволен, как социально чуждый. Работал в Ташкенте на киностудии. В январе 1941 г. восстановлен в РККА. Командир 9-й Крымской кавдивизии. Войну встретил 22 июня на южном участке советско-германского фронта. Под Москвой дивизия преобразована во 2-ю гвардейскую. В 1942 г. окончил Высшие академические курсы Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С декабря 1942 г. коммандир

3-го кавкорпуса. Затем командовал конно-механизированной группой (3-й кавкорпус и 3-й мехкорпус). Участвовал в Берлинской операции. После войны продолжил службу в войсках, руководил Высшей кавалерийской школой им. С.М. Буденного. С 1953 г. в запасе.

52

Гарнец – русская мера объема сыпучих веществ; равна 3,28 л. Применялась до введения современной метрической системы. Гарнцевый сбор – отчисление в пользу владельца мельницы определенной части сданного на помол зерна в качестве оплаты за помол.

53

Рейнхардт К. Поворот под Москвой. М.: Вече, 2010. С. 215.

54

Болдин И.В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961. С. 61.

55

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 431.

56

Там же. Л. 446.

57

Голиков Филипп Иванович (1900–1980) – Маршал Советского Союза (1961). Родился в крестьянской семье в деревне Борисово (ныне Курганской области). Окончил сельскую школу, затем уездную гимназию. В 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. Занимался политработой. С 1931 г. на командных должностях. В 1933 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Командовал стрелковым полком, механизированной бригадой, механизированным корпусом, группой войск. Участник Польского похода. В 1940 г. – начальник

Главного разведуправления Генштаба РККА. В начале войны руководил советскими военными миссиями в Великобритании и США. Осенью 1941 г. отозван и назначен командующим 10-й армией. В 1942 г. сменил множество должностей: командовал 4-й ударной армией, Брянским, Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией, снова отозван в Москву на должность начальника разведуправления Генштаба, затем снова назначен командующим Воронежским фронтом. В марте 1943 г. после очередного провала под Харьковом отозван в Москву и больше на фронт никогда не направлялся. Замнаркома обороны по кадрам, затем начальник Управления по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Фильтрационные лагеря, потоки переменного состава в штрафные роты и батальоны, а также в ГУЛАГ – это работа Управления, возглавляемого генералом Голиковым. После войны командовал армией, был начальником Военной академии бронетанковых войск, затем возглавил Главное политуправление Советской армии и Военно-морского флота, став второй фигурой в Минобороны СССР.

58

Большие Козлы – ныне деревня, административный центр сельского поселения Перемышльского района Калужской области. В 11 км от Калуги, слева от Тульского шоссе.

59

РаК-35/36. Основная противотанковая пушка вермахта к началу

60

Т-26 – легкий советский танк непосредственной поддержки пехоты на поле боя. Создан на базе английского танка «Виккерс» в 1930 г. Имел двухбашенную модификацию. А всего было более 10 модификаций. Боевая масса – 10 т. Броня – 15 мм, в том числе и лобовая. Вооружен был 45-мм пушкой длиной 46 калибров. 7,62-мм пулемет. Скорость – до 30 км/ч. Скорострельность пушки – до 12 выстрелов в минуту. Применялось четыре типа бронебойных снарядов, два – осколочных и картечь. Бензиновый двигатель. Экипаж, в зависимости от модификации машины, состоял из 3 или 5 человек. Основной тип линейного Т-26 состоял из 3 человек. Это о них песня: «Три танкиста, три веселых друга…» Отлично зарекомендовал себя в Испании, на оз. Хасан и во время советско-финляндской войны. Оказался слаб против танков вермахта, даже легкого типа, и немецкой артиллерии, включая и малый калибр. Однако применялся до самого конца войны. Последний бой Т-26 провел в 1945 г. на Дальнем Востоке против Квантунской армии. На базе шасси Т-26 во время войны

выпускались различные типы САУ. Самая известная – 76-мм самоходная артиллерийская установка.

61

«В а л е н т а й н» Mk-III – английский легкий пехотный танк. Производился в Великобритании и Канаде. По признанию военных специалистов и ветеранов, является самой удачной конструкцией боевых машин этого класса. Стоял на вооружении армий Британского Содружества. По ленд-лизу поставлялся в СССР. Всего за годы Второй мировой войны произведено 8275 единиц, из них 40 % были отправлены в СССР. Масса – около 18 т. Лобовая броня – до 60 мм. Бортовая – 40 мм. На вооружении стояли 40-мм и 57-мм пушки. Впоследствии – 75-мм. Пулеметом были оснащены не все модификации, что значительно снижало боевые качества танка. Дизельный двигатель. Поставлялся до 1945 г. Фронтовики называли его «Валя-Таня». Особенно эффективно применялся во время прорывов конно-механизированных групп на значительные расстояния, так как имел надежный двигатель и ходовую часть. Однако в условиях сурового климата технические его характеристики снижались. Имел ряд конструктивных элементов, которые выгодно выделяли его среди своих собратьев. К примеру, броневая перегородка между моторным и боевым отделениями значительно уменьшала потери во время попадания снаряда в танк и пожара. Танк в составе наших подразделений дошел до Берлина. В армии Новой Зеландии стоял на вооружении до середины 50-х годов. В 1941 г. 112-я танковая дивизия имела 6 единиц Mk-III. Судя по всему, по «Валентайнам» возле калужской переправы вели огонь не «хлопушки», а более серьезные орудия, так как 37-мм Рак-35/36 не пробивали броню этих танков.

62

Танк КВ-1 имел лобовую и бортовую броню толщиной 75 мм. Кроме того, на некоторых машинах устанавливалось дополнительное бронирование – стальные экраны толщиной 25 мм, которые прикрывали башню и бока корпуса. Таким образом, танк имел разнесенное, двойное бронирование с воздушной прослойкой. Для ПТО вермахта того периода танк был практически неуязвим. Его могли поражать только 88-мм зенитные орудия либо пехота в ближнем бою, применяя мины, связки гранат и зажигательные средства.

63

Из Детчина (районный центр Тульской области) немцев выбили подразделения 49-й армии генерала И.Г. Захаркина лишь 9 января 1942 г.

64

Т о м а Риттер Вильгельм фон (1891–1948) – генерал танковых войск Германии. Родился в г. Дахау. В 1912 г. поступил на военную службу фанен-юнкером. Отличился в годы Первой мировой войны, получив Баварский орден Макса-Иосифа с присвоением дворянского титула «риттер». Оставлен на службу в рейхсвере, командовал немецкими танковыми частями. Участвовал в гражданской войне в Испании (1936–1939). До 1940 г. командовал 3-м танковым полком. Генерал-майор (1940). Был генерал-инспектором подвижных войск при ОКХ и командовал 17-й танковой бригадой. На Восточном фронте командовал 17-й танковой дивизией после гибели в июле 1941 г. ее командира генерала Вебера. В октябре 1941 г. назначен командиром 20-й танковой дивизии. В мае 1942 г. отозван в ОКХ на должность генерал-инспектора подвижных войск. Генерал-лейтенант (1942). В сентябре 1942 г. принял командование Африканским корпусом и на завершающем этапе сражения под Эль-Аламейном попал в плен к британцам 4 ноября 1942 г.

Генерал танковых войск (1 ноября 1942 г.). За три года сражений получил около десяти ранений. После войны вернулся в родной город Дахау и умер там в 1948 г.

65

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 431.

66

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 127. Л. 192–194.

67

От ***нем.*** Der Schwer-Punkt – пункт, местность, позиция, удержание или захват которой имеет ключевое значение для всей операции в целом.

68

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 444.

69

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 647–648.

70

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 127. Л. 201.

71

По поводу участия подразделений СС в боях за Калугу до сих пор не прекращаются споры местных (г. Калуга) знатоков. См. подробнее на эту тему предыдущие книги серии, в частности: «Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре», где приводятся боевые донесения и другие документы военной поры, из которых становится очевидным участие отдельного полка СС «Остмарк» в районе Кремёнок, Кондрова и Юхнова. Судя по тому, что калужская группировка немцев вскоре соединилась с Кондровской, подразделения СС могли прибыть на

кондровский участок обороны именно из Калуги.

72

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 183. Л. 229–232.

73

Там же. Оп. 208. Д. 127. Л. 204.

74

Имеется в виду Мещовск (ныне районный центр Калужской области).

75

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 204. Л. 432–434.

76

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 204. Л. 439–442.

77

Там же.

78

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 130. Л. 1–2.

79

Шт у м м е Георг (1886–1942) – генерал танковых войск Третьего рейха. В 1906 г. – фанен-юнкер. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. – капитан. Затем служил в рейхсвере. В 1926 г. – майор. В 1931 г. – подполковник, командир кавалерийского полка. В 1933 г. – полковник. В 1936 г. – генерал-майор. В 1938 г. – генерал-лейтенант и командир 2-й легкой дивизии, с которой участвовал в Польской кампании. Вскоре дивизия переформирована в 7-ю танковую. В 1940 г. назначен командиром 40-го танкового корпуса. Участвовал во Французской кампании. Кавалер Рыцарского креста. В 1941 г. – бои на Балканах. В августе 1941 г. у Великих Лук, затем наступление на Москву. Летом 1942 г. отстранен от командования и отдан под суд. Зачислен в резерв. Затем направлен в Северную Африку, сменил заболевшего генерала Роммеля на посту командующего танковой армией «Африка». В октябре 1942 г. во время битвы за Эль-Аламейн умер от сердечного приступа. Имел прозвище Шаровая Молния за резкий и непредсказуемый характер.

80

Ц о р н Ганс (1891–1943) – генерал пехоты Третьего рейха. В 1911 г. поступил на военную службу фанен-юнкером (кандидатом в офицеры) в пехотный полк. В 1913 г. – лейтенант. В годы Первой мировой войны на штабных должностях. За время военных действий награжден Железным крестом обоих классов и Рыцарским крестом дома Гогенцоллернов. Был ранен. Служил в рейхсвере. К началу Второй мировой войны – начальник штаба 20-й мотодивизии. Участник Французской кампании. На Восточном фронте с 22 июня 1941 г. Командовал 40-м

моторизованным корпусом. В марте 1942 г. направлен в Демянский котел для организации прорыва. С успехом выполнил эту миссию. С июня 1942 г. командовал 46-м танковым корпусом в районе Ржева. Награжден Золотым немецким крестом. Убит в августе 1942 г. под Орлом при авианалете. Посмертно награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

81

MG-34 – разработан специально для вермахта и в 1934 г. принят на вооружение единый пулемет для пехоты и танковых войск. Первый в мире универсальный пулемет, применявшийся войсками в качестве ручного, станкового, танкового, зенитного, авиационного. Вес – 12,1 кг. Со станком – 19,2 кг. Длина – 1219 мм. Калибр – 7,92 («Маузер»). Скорострельность – 800–900 выстрелов в минуту. Лента на 50 или 250 патронов или двухдисковый магазин на 75 патронов. В 1941 г. была разработана, а в 1942 г. пошла в серию модернизированная под условия идущей войны новая модель – MG-42 – более скорострельная и дешевая в производстве, но менее надежная. До сих пор используется некоторыми армиями мира.

82

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 155–157.

83

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1035. Л. 104.

84

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 207а. Л. 632–634.

85

Тормоз – дверь ***(жаре.)***.

86

П о дмотать вату – собрать вещи ***(жаре.)***.

87

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 49. Л. 63.

88

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 4118. Д. 38. Л. 150.

89

9-я воздушно-десантная бригада в количестве 1350 человек высадилась западнее Юхнова в районе населенных пунктов Великополье и Луги с целью соединения с подразделениями 50-й армии и дальнейших совместных действий в районе Варшавского шоссе. После высадки успешно продвигалась в район Юхнова, уничтожая мелкие гарнизоны противника. 25–28 февраля вела бои в непосредственной близости от Варшавского шоссе, в 3–5 км от боевых порядков частей 50-й армии. Однако 50-я армия так и не смогла прорвать оборону немцев и соединиться с десантниками. После этого бригада вынуждена была повернуть

назад и до лета 1942 г. действовать по тылам противника, соединившись с кавалеристами генерала П.А. Белова. С ними выходила из окружения в район города Кирова (ныне Калужской области).

90

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 95. Л. 31–32.

91

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 581. Л. 187.

92

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) – Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза. Участник Первой мировой войны – унтер-офицер. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны – командир эскадрона, отдельного дивизиона и кавалерийского полка. Окончил Кавалерийские курсы, затем КУВНАС (1925). Во время Великой Отечественной войны командовал мехкорпусом, 16-й армией, Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м Белорусским и 2-м Белорусским фронтами. 24 июня 1945 г. командовал Парадом Победы. После войны командовал Северной группой войск. Министр национальной обороны и заместитель председателя Совета министров Польши. С 1956 г. – замминистра обороны СССР. Командовал войсками Закавказского военного округа.

93

Говоров Леонид Александрович (1897–1955) – Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Родился в Вятской губернии в крестьянской семье. Студент Петроградского политехнического института, юнкер Константиновского артиллерийского училища, офицер в армии адмирала Колчака. В 1919 г. добровольцем вступил в Красную армию, участвовал в боях на Восточном и Южном фронтах. Дважды ранен – под Каховкой и Перекопом. В 1933 г. окончил Академию им. М.В. Фрунзе, а затем (1948) Академию Генштаба. Участвовал в войне с Финляндией 1939–1940 гг. Во время Великой Отечественной войны командовал 5-й армией. Весной 1942 г. по заданию Сталина выехал в осажденный Ленинград и возглавил войска фронта. Один из организаторов прорыва блокады и сокрушения Северного вала немцев, а затем (1944) линии Маннергейма. Осенью 1944 г. войска фронта прорвали линию «Пантера» и освободили Эстонию. В мае 1945 г. его войска пленили группу армий «Курляндия». В послевоенные годы продолжал службу, первый командующий ПВО страны.

94

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 162–167.

95

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 208–212.

96

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Военное издательство, 1997. С. 374.

97

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 360–362.

98

По всей вероятности, речь идет о сдаче в плен, коллективном переходе бойцов на ту сторону.

99

Известия. 2005. 21 апреля.

100

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 183. Л. 43.

101

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 183. Л. 89.

102

Немецкая пропагандистская фальшивка. У В.М. Молотова не было сына, а потому и в плен он попасть не мог.

103

Советские рубли имели стабильное хождение на оккупированной территории и устойчивый курс. В 1941 г. не неоккупированной территории килограммовая буханка хлеба стоила 80 коп., 1 кг мяса – 10 руб.

104

Столовые в оккупированной Калуге, вопреки ожиданиям М.В. Устрялова, открылись довольно скоро. Новые калужские власти работали очень энергично.

105

Из этой записи видно, что доктор Устрялов наблюдал за происходящим словно бы со стороны: дерутся фашисты с большевиками, и неизвестно, кто из них одержит верх…

106

М.В. Устрялов был врачом-психиатром. Работал в психиатрической больнице на окраине Калуги в пос. Бушмановка.

107

Это место в дневнике весьма характерно: калужане очень скоро поверили в то, что немцы пришли надолго, если не навсегда, и принялись устраиваться в новой жизни при «новом порядке». Методы применяли те же, что и «при власти большевиков», – доносы.

108

В это время на севере в районе Калинина, Дмитрова и Яхромы уже началось наступление Красной армии. И служители

«нового порядка», почувствовав изменение обстановки на фронте, начали думать о своей судьбе. Городские дела отодвигались на второй план.

109

При недостатке информации калужане ловили каждое и малейшее колебание, происходившее в атмосфере, чтобы понять: где Красная армия, придет ли она назад, и если придет, то когда? Оценку «новому порядку» доктор Устрялов в своем дневнике не дает, но из описываемых

110

По всей вероятности, имеются в виду сочинения русского философа и публициста Василия Васильевича Розанова, автора знаменитых «Опавших листьев», «Уединенного», книги «Апокалипсис нашего времени» и др.

111

Имеется в виду роман Марка Александровича Алданова «Девятое термидора», который в начале 20-х гг. был опубликован в журнале «Современные Записки», а затем вышел отдельным изданием и пользовался большой популярностью. Примечательно, что журнал, в котором роман вышел в 1921–1922 гг., издавался в Париже русскими эмигрантами. В нем печатались такие писатели, как Иван Бунин, Марина Цветаева, Иван Шмелёв, Владимир Набоков, Тэффи. В 1940 г., когда немцы заняли Париж, издание «толстого» литературного журнала правоэсеровской ориентации прекратилось. Говорят, что в Кремль по дипломатической почте всегда доставлялся свежий номер этого журнала. Тираж его составлял около 2 тысяч экземпляров.

112

В ночь с 17 на 18 декабря 1941 г. подвижная группа генерала В.С. Попова начала свой марш на Калугу. В этот же день, 18 декабря, ударная группа соседней 49-й армии прорвала фронт в районе Тарусы и начала движение к Калуге, охватывая город с северо-востока. Одновременно от Алексина шли другие дивизии 50-й армии, наступая на Калугу с востока. Вот с чем связано передвижение немецких войск в самой Калуге 18 декабря 1941 г. Положение гарнизона становилось угрожающим.

113

Удивительно то, что калужские колокола зазвонили именно в тот день, когда начался марш ударной группировки 50-й армии с целью освобождения Калуги. Разумеется, это чистое совпадение.

114

Удивительно, насколько точными были слухи, ходившие в Калуге в те дни. Они гораздо правдивее даже нынешних калужских газет…

115

Имеется в виду Андрей Яковлевич Павлишак, отец Иосифа Андреевича Павлишака (1923–1995), известного художника, который в марте 1942 г. ушел на фронт, участвовал в Сталинградской битве. В 1944 г. был тяжело ранен и после госпиталя приехал назад в Калугу.

116

Имеются в виду улицы Свердлова и Салтыкова-Щедрина, где, форсировав Оку, закрепилась ударная группа пехотинцев полковника Краснопивцева, кавалеристов и мотострелков из танковой бригады. Характерно то, что доктор Устрялов все же называет улицы по-старому.

117

По всей вероятности, эти слухи были результатом других слухов всеми делами теперь руководят военные. Слухи эти разжигали и немцы. Но Сталин Москву, как известно, не покинул.

118

Там вцепилась зубами и штыками за небольшой плацдарм группа полковника Краснопивцева.

119

Передовые группы пехотинцев, кавалеристов и мотострелков из 112-й танковой бригады действительно оттеснили интенсивными контратаками при поддержке минометов, артиллерии и танков. Но они не ушли «на десяток километров», а отступили примерно на километр, кое-где на 300–500 м и закрепились в зданиях. Плацдарм не был оставлен. Войска группы генерала Попова не смогли сломить сопротивление противника и с ходу овладеть городком, как это планировалось. Командарм Болдин тоже замешкался и не смог подойти к Калуге основными силами к моменту овладения группой генерала Попова частью города и центром. Видимо, именно это раздражало командующего войсками фронта генерала Жукова, который был крайне недоволен действиями 50-й армии в Калужской наступательной операции. Тем не менее эта операция, можно сказать, вершина полководческого искусства генерала Болдина. Хотя и с этим можно спорить.

120

Район Гостиных Рядов, нынешняя пл. Старый Торг и ул. Марата.

121

Непосредственно от Москвы в ходе декабрьского наступления действовали Западный и Калининский фронты. Ими, соответственно, командовали генералы Г.К. Жуков и И.С. Конев.

122

Молва ошибалась: г. Орёл был освобожден только 5 августа 1943 г. в ходе наступательной операции «Кутузов».

123

Имеется в виду Бушмановская психиатрическая больница.

124

Реактивные установки М-13 – гвардейские минометы «катюша».

125

Из Калуги маршевые роты поступали именно в 50-ю армию. Скорее всего, бывший завхоз больницы попал в бои именно под Зайцеву Гору.

126

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. 2. Оп. 10. Д. 19. Л. 91.

127

Публикуется с сокращениями.

128

Архив УФСБ РФ по Калужской области. Д. 1. СДП.

129

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-7698. Оп. 1. Д. 81.

130

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 9617 сс. Д. 1. Л. 127–132.

131

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 6994сс. Д. 3 (10). Л. 54–57.

132

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 9617сс. Д. 4. Л. 45–46.